Витовт Чаропко

Великие князья Великого Княжества Литовского

Витовт Чаропко

Великие князья Великого Княжества Литовского

Минск
«Беларусь»
2012

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)
Ч-20

Чаропко, В.

Ч-20 Великие князья Великого Княжества Литовского / В. К. Чаропко. — Минск : Беларусь, 2012. — 264 с. : ил.

ISBN 978-985-01-0959-0.

Автор повествует о годах правления великих князей — Миндовга, Войшелка, Тройденя, Витеня, Гедимина, Ольгерда, Ягайлы, Кейстута, Витовта и других, чья жизнь неразрывно связана с историей Великого Княжества Литовского вплоть до заключения в 1569 году Люблинской унии.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-01-0959-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень мало сохранилось документов о ранней истории Великого Княжества Литовского и его первых правителях: Миндовге, Войшелке, Шварне, Тройдене, Витене, Гедимине. Историки по крупицам собирали сведения о них. Но красноречивым свидетельством их жизни стало созданное ими Великое Княжество Литовское, памятниками их деяний остались воздвигнутые ими замки и храмы.

Великий князь объединял земли-княжества и был сюзереном для удельных князей. От выступал гарантом законности, проводил советы вельмож, созывал сеймы. Правил великий князь, опираясь на центральную и местную администрацию. С XV века при великом князе формируется великокняжеская рада (паны рады), состоящая из приближенных к нему лиц, представителей центральной администрации, местных органов власти и удельных князей. Со временем институт панов рады становится общегосударственным политическим органом, руководящим Великим Княжеством Литовским во время отсутствия великого князя в державе.

После заключения в 1385 году Кревской унии — соглашения о династическом союзе между Великим Княжеством Литовским и Польским Королевством — великие князья Ягайло, Казимир Андрей, Александр, Сигизмунд и Сигизмунд Август были одновременно и польскими королями. Они должны были проводить польскую политику, зачастую в ущерб интересам Великого Княжества Литовского.

Кревская уния стала идеологической основой для «вteления» Великого Княжества Литовского в Польское Королевство. В конце концов в 1569 году была заключена Люблинская уния, по которой Великое Княжество Литовское и Польское Королевство объединились в федеративное государство — Речь Посполитую во главе с единым монархом. Титул великого князя литовского стал номинальным, что фактически означало ликвидацию великокняжеского института в Великом Княжестве Литовском. Хоть правители Речи Посполитой и именовались великим князьями литовскими, но они были прежде всего польскими королями. Так они и воспринимались за рубежом. Прерогатива великокняжеской власти в Великом Княжестве Литовском принадлежала панам рады, которые стремились со-

хранить остатки государственной самостоятельности Литвы. Поэтому в предлагаемом издании повествуется о жизни великих князей именно до Люблинской унии. Судьба каждого из них была связана с историей Литвы и литвинов, как в прошлом называли Беларусь и белорусов*. Слишком много неизвестного остается в их биографиях. А значит, будут новые поиски данных и фактов, появятся их новые трактовки. И читатель вновь прикоснется к страницам ожившей истории Великого Княжества Литовского.

Автор

---

* Русский историк Н.И. Костомаров (1817—1885) отмечал: «Литва — это название стало собственностью белорусского края и белорусского народа».

МИНДОВГ
(конец 1230—1262)*

Вокруг личности Миндовга ведутся горячие споры историков. Скупые сведения о его жизни породили множество версий и даже фальсификаций. Миндовга называют создателем Великого Княжества Литовского, завоевавшим западные земли Беларуси и таким образом установившим на них власть «литовских феодалов». Но ни один исторический документ не свидетельствует об этом.

У белорусов сохранились предания о Миндовге**, где он называется «новоградским князем». В Новогрудке есть курган Миндовга. Курган и улица Миндовга были в прошлом и в Пинске. Народная память сберегала его имя.

Видимо, родовым гнездом Миндовга был град Рута, который упоминается в Ипатьевской летописи. Несколько населенных пунктов с названием Рута есть вблизи Новогрудка, тут же протекает река с таким названием. Совпадение этих данных не может быть случайным. Возможно, это следы Неманской Литвы на правом берегу Немана, о которой писал в XVI веке польский хро-

А. Бозз. Миндовг.
Гравюра XIX в., с гравюры XVI в.

---

* Здесь и далее в заголовках указано время правления великих князей.

** Имя Миндовг, по мнению белорусского историка П. Урбана, вероятно, означало «сильный добротой» и соответствовало славянскому Добромиру (см.: Урбан П. Старажытныя ліцьвіны. Мінск, 2001. С. 173). Возможно, оно происходит от латинского слова *mendox* — лживый, обманщик. Такое прозвище дали ему крестоносцы из-за хитрого и коварного нрава. Разновидности этого имени встречаются в летописях — Мендог, Мендок. По мнению В. Юргевича, имя Миндовг происходит от имени Дементей, его уменьшительно-ласкательной формы Ментя. Оно бытовало среди белорусов в формах Мендик, Мендуй, Миндюк, Мендила, Минда.

нист Матей Стрыйковский. Он сообщал, что эта Литва «с древности прислуживала Новогородскому княжеству». Возможно, Миндовг и был князем в этой Литве и находился в вассальной зависимости от новогородского князя Изяслава, о чем свидетельствует запись в Ипатьевской летописи под 1237 годом. В это время князь Даниил Галицкий воевал с Кондратом Мазовецким и «возведе на Конрата Литву Миндовга Изяслава Новогородьского»*. По смыслу название «Литва» тут означает военную дружину язычников. Может быть, Миндовг был наемником и поступил на службу к новогородскому князю. Так называемые языческие боги, которым молился Миндовг — Нанадай, Телявель и Дивирикс — не что иное, как слова из молитвы на ятвяжском языке «Отче наш»: «нумандай тавевалле дейверикс» — «пусть будет воля Твоя, Господи Боже». Вероятно, галицкий летописец ошибочно принял эту фразу, услышанную или им самим из уст Миндовга, или переданную ему информаторами, за имена языческих богов. Как считают исследователи Алексей Дайлидов и Кирилл Костян, христианству Миндовга научили священники неканонической, вероятно, богомильской ориентации**. «Такое обучение скорее всего произошло в детские годы, ибо Миндовг остался верным прежним молитвам, даже приняв католичество», полагают Дайлидов и Костян. Об исповедании богомольства великими князьями и боярами литовскими с XIII столетия писал в 1418 году кардинал Петр д'Элли. «Отметим попутно, что родным языком Миндовга и его окружения (отмеченных в летописи литвинов) надо признать ятвяжско-прусский (западнобалтский), а не восточнобалтский (жемойтский), на котором указанное выражение звучит совершенно иначе», — пишут Дайлидов и Костян***. В свете этих данных становится понятным, почему для автора польской «Великой хроники», современника Миндовга, он прежде всего прусский (ятвяжский) король, т.е. ятвяг. Очевидно, Миндовг происходил из ятвягов, живших в Новогородской земле.

Первое упоминание о Миндовге мы находим в Ипатьевской летописи, в записи под 1219 годом, среди князей Литвы и Жемайтии, которые приехали к Даниилу Галицкому заключать мир с Галицко-волынским княжеством. Он назван среди старейших князей, а стало быть, уже тогда имел значительную власть в Литве. В ливонской «Рифмованной Хронике» можно прочитать, что его отец был «великим королем и в его время не имел себе равных в Литве», но его имя там не упоминается. В «Хронике Быховца» отцом Миндовга назван новогородский князь Рингольд, который якобы разбил на Немане возле деревни Могильно вой-

---

* Некоторые историки в этой цитате вставляют соединительный союз «и» между «Литву Миндовга (и) Изяслава Новгородського», тем самым искажают ее смысл.

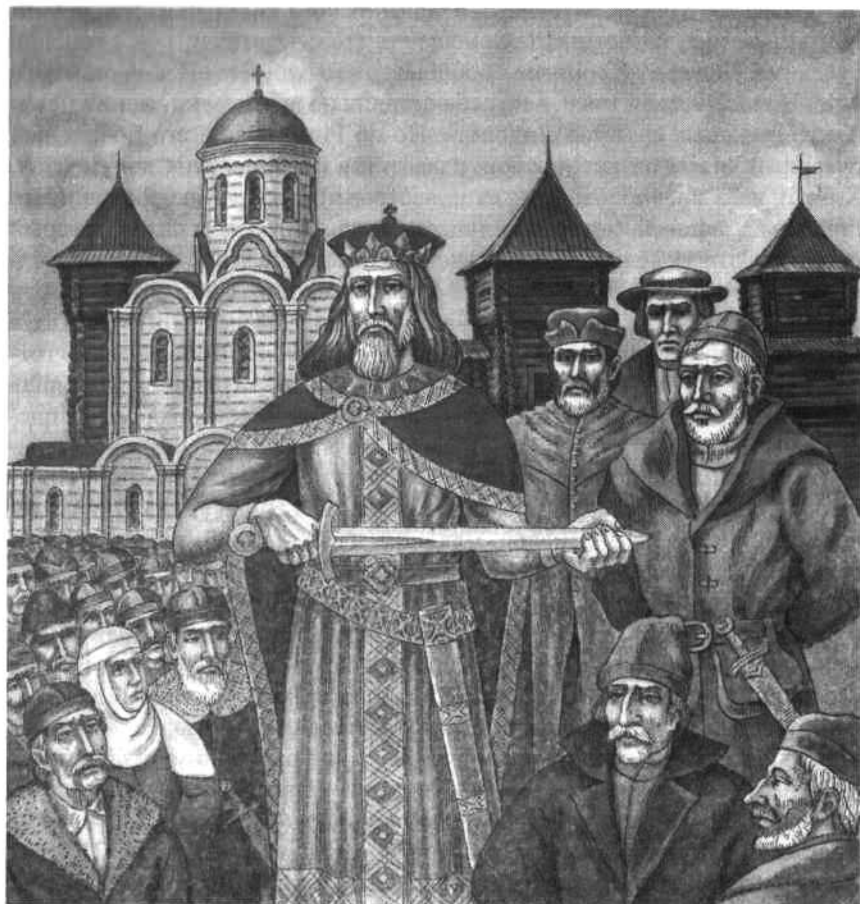
** Богомильство — общественно-религиозное движение в Болгарии, Сербии и соседних с ними странах в X—XIV веках. Богомилы отвергали почитание икон и креста, святых и мощей, официальную церковную иерархию и признавали лишь молитвы, Евангелие и некоторые книги Нового Завета.

*** См.: А. Дайлидов, К. Костян. Тайна Нанадая, Телявеля и Дивирикса // Деды. 2011. Вып. 6. С. 216.

ска киевского князя Святослава, владимирского князя Льва и друцкого князя Дмитрия, которые хотели «согнать его с их отчизны — с городов русских». Далее в «Хронике» сообщается следующее: «И жил он много лет в Новогородке и умер, а по себе оставил на великом княжении новогородском сына своего Миндовга». Но об Рингольде и его победе над русскими князьями нет никаких известий в исторических документах. Хотя можно предположить, что повествование «Хроники Быховца» о Рингольде зафиксировало местную легенду о литовском князе, который после смерти Изяслава Новогородского стал княжить в Новогородке и с оружием защищал свои права от посягательств русских князей. Если это так, то Миндовг как сын получил от отца наследственную власть в Новогородке. Обращает на себя имя мифического Рингольда — оно готского происхождения, а это значит, что названный «Хроникой Быховца» отец Миндовга мог происходить из династии прусского «короля» Видевута. Согласно прусским преданиям, Видевут и его брат Брутень во главе готского племени кимбров переселились с острова Готланд в Пруссию. Брутень был выбран верховным жрецом, а Видевут стал прусским королем. Он имел 12 сыновей, младший из которых Литфо правил ятвяжскими землями в Городно. От Литфо эти земли и получили название Литва. Значит, по прусским преданиям, правители Литвы происходили от Видевута. Прусы чтили память Видевута и Брутеня, возводя им каменные изваяния, что может свидетельствовать об их реальном существовании. Есть мнение, что отцом Миндовга был упомянутый в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, написанной в начале XIII века, князь Довгерд. По свидетельству хрониста, он был одним «из наиболее могущественных литвинов». Из «Хроники» известно, что Довгерд являлся тестем князя Герцике (полоцкой крепости на Двине) Всеволода и вместе с ним сражался против рыцарей Ордена меченосцев. В 1213 году Довгерд ездил в Новгород и заключил там союз, направленный против меченосцев. На обратном пути он попал к ним в плен. Гордый литвин покончил с собой. Видимо, поэтому так люто ненавидел Миндовг меченосцев, мстя им за смерть отца.

Ясно одно, что семья Миндовга занимала видное место в Литовской земле, имела сильную власть, если с ней породнился один из могущественных князей Руси галицко-волынский князь Даниил, взявший в жены дочь Миндовгова брата Довспрунга. Это все, что известно о раннем периоде жизни Миндовга.

Нет точных данных, как оказался Миндовг в Новогородке и стал там князем и был ли он вообще новогородским князем. Как считал белорусский историк Н. Ермолович, Миндовг после поражения в междоусобной борьбе с другими литовскими феодалами сбежал в Новогородок, принял там православие («прия веру Христову от Востока») и был выбран князем. На такой шаг Миндовга могло подтолкнуть сознание своего бессилия. В конце 1244 или начале 1245 года он потерпел сокрушительное поражение от крестоносцев под замком Амботен в Куро-

В. Стаценюк. Миндовг в Новогородке. 1990 г.

нии и потерял более полутора тысяч воинов. Спасаясь от крестоносцев, Миндовг спрятался в своем замке, не в силах защитить от нападения подвластную ему землю.

Этим поражением воспользовались недруги, начав против Миндовга борьбу. Поддержку Миндовг мог найти только в Новогородке, где его хорошо знали как союзника бывшего новогородского князя Изяслава. Возможно, после смерти Изяслава Новогородок выбрал своим князем Миндовга с условием присоединения к Новогородской земле своего владения. Но решающим доводом, на наш взгляд, было желание новогородцев избавиться от вассальной зависимости от Галицко-Волынского княжества и не платить обременительной дани Золотой Орде. Юридически князь-литвин был не подвластен Орде и на его владение не распространялась ордынская власть.

А может быть, первой женой Миндовга была дочь новогородского князя Изяслава и он унаследовал власть в Новогородке? Заслуживают внимания данные русской императрицы Екатерины II, которые она брала для своих исторических сочинений из не дошедших до нашего времени источников. По этим данным, Миндовг был родственником князя Ярослава Владимировича Новогоржского и женился на тверской княгине, от которой имел двух сыновей — Вышлега (Войшелка) и Доманта (Довмонта). Возможно, князь Новогоржский — это князь новогородский, ибо города Новогорожска не было и при переписке летописи или записок вкралась ошибка. Что касается второго сына Миндовга — Доманта, то его можно считать упомянутым в Лаврентьевской летописи великим князем Домантом, погибшим в 1285 году в Тверской волости Олешне. Великим князем он мог стать, если его отцом был Миндовг. Значит, данные императрицы Екатерины II заслуживают доверия. Не исключено, что Миндовг был в родственных связях с новгородским князем. В начале 50-х годов XIII века князь Миндовг «зане Литву». Убийства, хитрость, обман, измена — ни перед чем не останавливался Миндовг. Тот, кто вставал на его пути, был убит или вынужден разделить судьбу изгоев. Силу Миндовга чувствовали и его боялись. Мелкие князьки бегут в Ригу: «С тех пор, как Миндовг оказался против нас, нам не жить в этой стране», — горько признают они свое бессилие. Своих племянников Тевтивила, Едевида и их дядю по материнской линии Викента Миндовг отправил в поход на Смоленск, наказав им: «Што кто приемлеть, собе держить». И те, поверив ему, пошли в поход. Неизвестно, чем он закончился. Может, именно они в конце 1248 года около реки Протвы разбили войско московского князя Михаила Ярославича Храброго, который в этой битве и погиб. Никаких выгод от этой победы литвины не получили, более того, около Зубцова они были наголову разбиты суздальскими князьями. Если этим войском командовали племянники Миндовга, то становится понятно, как смог Миндовг избавиться от них, а после захватить их вотчины. Но, по Ипатьевской летописи, племянники не пошли в поход, а бежали во Владимир к князьям Даниилу и Васильку Романовичам. А Миндовг тем временем захватил всю землю Литовскую и взял богатство и владения своих сбежавших родственников. Но, как оказалось, настроил против себя соседних правителей. Даниил Галицкий не внял его просьбе расправиться с беглецами, («не чини има милости») и начал создавать коалицию. Он послал предложение польским князьям: «Яко время ест хрестьяном на поганее, яко сами имеють рать межи собою». Польские князья обещали участвовать в походе, но не пришли. Зато Викенту удалось уговорить выступить на его стороне ятвягов и жемайтов. К ним присоединился Ливонский орден меченосцев. Миндовг был окружен со всех сторон врагами. Сил противостоять всем сразу у него не было, оставалось прибегнуть к своему проверенному приему — коварству. Важно было найти слабое место в коалиции.

Между тем на Литву напали ливонские крестоносцы во главе с магистром Андреем Стирландом. Как отмечается в ливонской «Хрони-

ке Рюссова», магистр «пошел на встречу неприятелям, многих из них убил, пришел и выжег их земли, разорил и опустошил, и дошел до бугра, в котором жил король Миндовг, вокруг все земли ограбил и обошел, и всех, кого нашел, избил и полонил; затем отправился в Самайтию [Жемайтию. —*Авт.*] и там хозяйничал точно так же, как и в Литве. После такого покорения он возвратился в Ригу с большою радостью и триумфом и привез с собою богатую добычу, из которой магистр отдал большую часть на славу Божию и бедным, а остальное разделил между своими воинами». Это был первый грабительский поход крестоносцев на земли Литвы. И, как видно, они не распространяли христианскую веру, а убивали и грабили мирное население. Из этой постыдной войны не делали секрета. А князь Миндовг трусливо прятался за стенами своего замка.

Главный удар наносился силами галицко-волынских князей Даниилы и Васильки Романовичей по Волковыску, Слониму, а позже князья «поидоша к Новугородку», который взять так и не удалось. Силой победить врагов Миндовг не мог, тогда он вновь использует хитрость и коварство. Подкупил «дарми многими» магистра и встретился с ним. Стирланд поставил свои условия: «Не спасешься и не победишь врага, когда не пошлешь папе и не примешь христианство. А служить тебе рад, и хоть ослепил глаза свои золотом, полученным от тебя, все же я тебе помогу». Миндовг обещал принять христианство и просил у магистра выхлопотать у папы для него королевскую корону, а за это готов был передать Ордену меченосцев часть жемайтских и литовских земель. Магистр согласился. По существу крестоносцы использовали Миндовга в своей политике, нейтрализовали его и теперь могли спокойно покорять балтские земли. Как видим, Миндовг вовсе не руководствовался национальными интересами, главное для него было удержать власть. Поэтому и принял предложение магистра. В 1252 году Миндовг крестился по католическому обряду.

Крещению языческого правителя очень обрадовался папа римский Иннокентий IV. В булле от 17 июня 1251 года он написал «весьма дорогому в Христе сыну, сиятельному королю Лютовии» горячие слова благодарности и поддержки: «Сердце наше наполнилось великой радостью, ибо доброта Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа явила тебе свое обличье по милосердию своем вдохновила тебя, чтобы ты, некогда окутанный тьмою, с большим множеством поганцев дал возродить себя на славу Божиего имени через ласку крестильной купели и целиком отдал свою особу, королевство и все имущество под юрисдикцию и защиту апостольского престола. Но поскольку через официальных и полномочных послов ты покорно просил принять тебя как особенного сына святого католического костела и взять под отеческую опеку, мы, ласково склоняясь к твоим справедливым желаниям, достойных наибольшей благосклонности, принимаем королевство Лютовию и все земли, которые с Божией помощью ты уже вырвал из рук неверных или сможешь вырвать в будущем, под юрисдикцию и в собственность святого Петра и постановляем, что они, а также твоя жена, сыновья и семья остают-

ся под защитой и в подданстве апостольского престола. Сурово наказываем, чтобы никто легкомысленно не осмелился препятствовать или надоедать в отношении упомянутых королевства и земель тебе, ставшему под опекой и защитой апостольского престола». Интересно то, что королевство Миндовга названо Лютовией — белорусским (в частности слуцким) наименованием Литвы — Лютва, лютвины. Вероятно, это название папа услышал от послов Миндовга. Примечательно и упоминание о «вырванных» из рук неверных землях. Речь идет о завоеванных Миндовгом землях православных князей. Можно допустить, что Миндовг не только «зане Литву», но и Слонимско-Волковыскую и Городенскую земли.

Папа Иннокентий IV.
Гравюра XVII в.

Миндовгу нашлось место в создаваемой папой политической системе. Королевство Лютовия должно было сдерживать Тевтонский орден — военного союзника императора Священной Римской империи — противника папской курии — и одновременно быть буферной державой на границе католической Европы с владениями Золотой Орды. С этой целью папа предложил королевские короны галицко-волынскому князю Даниилу Романовичу и ростово-суздальскому князю Александру Невскому. И если Даниил Галицкий принял предложение и был коронован, то Александр Невский отказался от папской милости, поддерживая вассальные отношения с Золотой Ордой, давшей ему власть над Великим Княжеством Владимирским.

Папа Иннокентий IV поручил кульмскому епископу Генриху короновать Миндовга на «короля всей Литовии и всех земель, которые он с помощью силы Божьей уже вырвал или вырвет в будущем из рук неверных». Одновременно папа просил епископа позаботиться, чтобы «все присутствующие там безусловно подчинялись ему как католическому королю во всем, что касается королевского достоинства. Но так, чтобы он сам и его переемники признавали, что названное королевство и упомянутые земли, которые мы по их настойчивой просьбе взяли под юрисдикцию и во владения Святого Петра, они получили навечно от апостольского престола».

Миндовг не чувствовал себя сильным и нуждался в поддержке папы. В июле 1253 года Миндовг короновался. Летописи конца XVI века ме-

стом коронации называют Новогородок*. Так Миндовг стал «милостью Божьей» королем Литовии. История давала Литве шанс занять свое место среди европейских стран. Но на беду Миндовг оказался не тем человеком, которого должна была выбрать история. Не хватило ему ни сил, ни понимания своей исторической миссии, ни государственного мышления, чтобы быть королем. Он по-прежнему оставался князьком, думающим о личных выгодах, и методы его правления соответствовали его характеру — коварство, обман, хитрость. Королевская корона, само королевство были не целью, а средством удерживать власть, ради которой он мог и отречься от короны. Это была не вина Миндовга, а его беда, даже проклятье.

Как и обещал, Миндовг отписал Ордену то, что ему не принадлежало: Ятвязь, Жемайтию, Дайнову (земля между Неманом и Вилией), Нальшаны (земля в районе Гольшан, Ошмян, Крево). Это была плата за былую помощь и за будущую. В дарственной грамоте Миндовг писал: «...для того, чтобы этот свой священный долг в помощи нам они могли исполнять более деятельно, что очень нужно для нас в этих новых обстоятельствах, мы с согласия наших дедичей передали их дому на вечные времена вольное и безопасное владение ниже названные земли». Но передавал Миндовг земли при условии помощи рыцарей «нам и законным преемникам нашего королевства материальным мечом, поддержкой и советом против наших врагов и неприятелей веры». Со своей стороны Миндовг обещал поддерживать братьев-рыцарей. Таким образом, Орден стал союзником Миндовга. Но Миндовг не победил в войне. Тевтивил с русскими, жемайтскими и ятвяжскими отрядами осадил Миндовга в замке Ворута. И теперь Миндовг схоронился за крепостными стенами, не надеясь на свои силы. Только пришедший на помощь отряд крестоносцев прогнал Тевтивила. Но Миндовг так и не воспользовался этой временной победой. Его поход в Жемайтию на город Викента Твиремет был неудачным. В бою Миндовг чуть не погиб, когда ранили его коня. Когда в 1253 году князь Даниил Галицкий «плениша всю землю Новогородьскую», Миндовг запросил у него мира. Его сын Войшелк в 1254 году заключил мир, уступив Даниилу города Новогородок, Слоним и Волковыск. Неизвестно, в каком городе стал править Миндовг. Положение его было нелегким. Языческое население Литвы было недовольно своим правителем-христианином, поэтому он показывал, что его крещение «льстиво», и тайно поклонялся языческим богам.

Миндовг не проявлял рвения к распространению христианства. За это его по-отечески увещевал папа римский Александр IV в булле от 7 марта 1255 года: «Горячо просим и умоляем твою светлость, для от-

---

* Вьюк Коялович, автор латиноязычной «Истории Литвы» (1650 год), уточняет, что коронация происходила «на новогородских полях, ибо в Новогородке невозможно было найти такое большое строение». Значит, для коронации воздвигли просторный шатер, в котором находилась походная церковь, где и произошло помазание — возведение Миндовга на королевство.

пущения грехов твоих, чтобы от почтениях к Богу и к нам ты помогал в нуждах тому же епископу (литовскому епископу Христиану. — *Авт.*), непосредственно подданному апостольского престола, охранял и защищал его от поганых, которые со всех сторон нападают на его диацезию, и набегов иных врагов, а также от недоброжелателей, подчиненных твоей власти, чтобы он с Божией помощью имел плоды, исполняя пастырский долг соответственно со своим обетом, а тебе за это пусть будет наградой благословение Божие и должная благодарность от меня». Епископ плодов от своей пасторской деятельности не имел. И дело не в том, что Миндовг не поддерживал его и потворствовал язычникам и «неверным», но и в нападениях крестоносцев. В короле Литвы они видели соперника и претендента на языческие земли, которыми хотели завладеть. Как ни странно, но крестоносцы были заинтересованы в сохранении язычества в Литве, вот и разоряли грабительскими набегами Литовское епископство. Позже, в 1310 году, это поставят в вину рыцарям Ливонского ордена: «О позор, — писалось в грамоте-обвинении комиссии при папе Клименте V, — как разрушители той же веры постарались некоторых из этих епископов, презбитеров и братьев скрытыми, тайными способами оттуда изгнать, а некоторых даже убить». Это, по выводам следствия, стало причиной того, что костел в Литве «был жестоко разрушен», а язычники «даже приведенные к вере, откинув свет правды, о горе, вновь приняли давние заблуждения». Неудивительно, что Христиан вскоре покинул не гостеприимную для него Литву.

А между тем в Полоцке сел на престол главный враг Миндовга Тевтивил. И самому Миндовгу приходилось ходить в «сподручниках» у еще одного новоявленного короля — Даниила Галицкого, тратить свои силы на его авантюры. Так, в 1267 году Миндовг вынужден был выслать дружину для неудачного похода Даниила на Киев. Поход вызвал гнев в Золотой Орде. Там решили огнем и мечом проучить Миндовга. И вот в 1258 году татарская рать темника Бурундая «повоевала Литву и Нальшаны», что ослабило позиции Миндовга. Вновь начали поднимать голову мелкие князьки, мечтавшие избавиться от престарелого правителя. Поэтому, чувствуя опасность, Миндовг еще в 1255 году просил папу Александра IV подтвердить его права на королевство и позволить после своей смерти короновать одного из своих малолетних сыновей Руклю или Репекью*. Тем самым Миндовг хотел юридически оформить преемственность своей власти и создать наследственную династию, и хоть подтверждение он получил, но все равно чувствовал себя неуверенно, «чтобы сильной рукой мы могли удерживать бунтовщиков против веры и нарушителей нашего королевства», говорилось в его грамоте. Миндовг вынужден был признать, что без помощи Ордена его королевство погибло бы. «Но перед нашим крещением и после его мы и наше королевство Литовия были так возбуждены и расстроены врагами христианской веры и отступниками, что если б названные магистр

---

* Дети от второй жены Миндовга Марфы, вдовы князя Висимонта Булевича, погибшего в 1252 году.

и братья не поддержали нас своей великой помощью и советом, то все наше королевство было б опрокинуто в ничто и вера уничтожена». В конце концов, чувствуя, что власть уходит из его рук, Миндовг идет на последнюю жертву и в июне 1260 года выдает грамоту, которой дарит Ордену после своей смерти «все наше королевство Летовию»*. Правда, историки считают эту грамоту подделанной в Ордене фальшивкой.

В 1260 году Миндовг под давлением жемайтского князя Треняты отрекся от христианства. «Твой отец был великий король, и в его время не было ему равных в Литве. Неужели ты хочешь принять ярмо сам и своим детям, когда можешь быть вольным? Когда крестоносцы покорят жемайтов, то слава твоя погибнет, а с ней и все твое королевство, ибо ты должен будешь покориться им тогда со всеми детьми. Неужели ты такой слепой? Когда желаешь теперь же освободиться от католиков, на твоей стороне жемайты, которые любят тебя, ты должен согласиться отречься от христианства. Пожелай от всей души, что ты, всеми почитаемый, сильный и к тому же богатый король, оставил своих богов, которые так часто помогали твоим отцам. Хочешь остаться христианином, оставайся, но после пожалеешь, что остался. Это тебе посоветует всякий, кто желает тебе славы. Как только мы с тобой придем к латгалам** в Ливонию, то две эти земли сразу попадут в твои руки, ибо они очень хотят стать язычниками», — говорил убедительно Тренята. Миндовг не устоял, отрекся от христианства и тем самым утратил королевское достоинство. Литва вновь стала княжеством.

Тренята и подбил Миндовга на поход в Латгалию и Ливонию. В 1261 году князь Миндовг пришел с войском в Ливонию. Тренята изменил ему и увел жемайтов, а ливы не восстали. Наконец Миндовг понял, что Тренята использовал его в своих политических целях, чтоб ослабить его. Автор орденской «Рифмованной хроники» передает озлобление Миндовга на Треняту, которого называет злодеем и лжецом: «Из-за тебя стал магистру я недругом. Какой совет теперь мне дашь? Летты, ливы и эта страна, которую ты мне посулил, они не подчинились мне ничуть. Этот поход может мне трудности принести. Я сейчас же хочу прочь уйти, назад в мою землю вернуться и намерен поход прекратить». Но Миндовг должен был винить прежде всего сам себя, что послушался Треняту. Зачем же ему тогда голова? Миндовг выглядит жертвой своих амбиций и чувств, а вот понимания политической обстановки и перспективы ему не хватает. Сам себе создает проблемы, решить которые он не в силах. Он вынужден был признать правоту слов своей жены Марфы, что зря слушается такую обезьяну, как Тренята. Выхода из сложившегося положения Миндовг не видел — оставалось подчиниться обстоятельствам. С горечью бывший король говорил жене:

---

* В латиноязычных документах королевство Миндовга называли Лютовия, Литовия, Летовия.

** Латышское племя, жившее на территории современной Восточной Латвии, на правом берегу Даугавы (Западной Двины). В XIII веке латгалы были покорены крестоносцами.

«Нравится тебе или нет, но я бросил христианство, порвал с магистром и вновь пришел к язычеству. Возвращаться в католичество теперь поздно. Поэтому, жена, молчи теперь. Что будет, то будет, я придерживаюсь указаний Тренята и жемайтов. Знаю, что сделал глупо, но твоим наставлениям теперь конец».

Ослепленный обманчивым величием, Миндовг делает ошибку за ошибкой, теряет союзников, ссорится с соседями. «В этом же году [1262 г.] упомянутый Мендольф, собрав множество, до тридцати тысяч, сражающихся: своих пруссов, литовцев и других языческих народов, вторгся в Мазовецкую землю. Там прежде всего он разорил город Полоцк, а затем города и деревни всей Полоцкой земли, жестоко опустошил мечом и пожаром, разбоями и грабежом. Напав также на Пруссию, разрушил города, уничтожил почти всю землю Пруссии, и его окрещенные пруссы учинили жестокую резню христианского народа», — сообщает польская «Великая хроника о Польше, Руси и ее соседях». По другим источникам, войско возглавил Тренята. Если это так, то становится очевидным, что престарелый Миндовг терял свое влияние и уже оказался на вторых ролях. К власти рвался Тренята и тихо плел нити заговора. Нужен был удобный момент, чтобы устранить Миндовга, а поэтому Тренята выжидал.

Опасного врага Миндовг нажил, когда начал войну с владимиро-волынским князем Василькой Романовичем. Отряд Миндовга был разбит возле Ковеля. Еще более сложным положение Миндовга стало, когда Василько заключил договор с брянским князем Романом. Но князь Миндовг не чувствовал опасности. Уверенный в своей силе, он забыл об осторожности и действовал грубо и коварно. После смерти в 1262 году своей жены он силой взял ее сестру, жену нальшанского князя Довмонта. «Сестра твоя, умираючы, велела ми тя пояти тако рекла — ать иная детий не цвелить», — сказал он. Но это самоуправство стоило Миндовгу жизни.

Тренята втянул обиженного Довмонта в свой заговор. Обеспокоенный их сближением Миндовг в 1263 году отправил войско Довмонта на Брянск в надежде, что его разобьют. Но Довмонт вернулся из похода, напал ночью на дом Миндовга и убил его вместе с двумя сыновьями. Есть и другая версия смерти Миндовга, которую поведал в 1310 году прокуратор Тевтонского ордена: «Миндовг, бывший король Литовии, прибыл к Римской курии и в Римской курии был окрещен с некоторыми своими близкими». После возвращения в Литовию король был убит литвинами за то, что принял крещение. Эта версия выглядит привлекательно — возвращение в христианство сродни возвращению блудного сына. Миндовг вроде бы прозрел, понял свои ошибки и покаялся, и, теперь он предстает как трагическая личность — жертвой суровых событий. Но не верится в духовное просветление человека, считавшего силу и коварство единственными средствами правления власти.

«И так скончилось в той час королевство Литовское веспол с королем Мендовгом, который королем был лет одиннадцать», — пишет «Хроника Литовская и Жмойтская».

Первый великий князь Литовский и первый и последний король Литвы хитрый и коварный Миндовг запутался в своих интригах. Как оказалось, чтобы править государством, ему не хватило ни политической мудрости, ни государственного мышления. Он так и остался грубым воякой, не знавшим, как распорядиться завоеванной властью. И пал от того же оружия, каким завоевал власть, — от коварства. Государство его развалилось, и «добыток Миндовгов» захватили враги. Своей исторической миссии Миндовг не исполнил. То, что не смог сделать он, сделал его старший сын Войшелк.

ВОЙШЕЛК
(1263—1268)

А. Кривенко. Войшелк. XX в.

Войшелк*, в отличие от Миндовга, действовал не грубой силой, не коварством. Именно Войшелку выпала миссия стать основателем крупнейшей европейской средневековой державы — Великого Княжества Литовского.

Ипатьевская летопись называет Войшелка новогородским князем. «Воишелк же нача княжити в Новегородце, в поганьстве буда, и нача проливати крови много. Убивашеть бо на всяк день по три, по четыри. Которого же дни не убьяшеть кого, печаловашеть тогда. Коли же убьяшеть кого, тогда весел бяшеть. Посем же вниде страх Божий во сердце его, помыслив собе, хотя прияти святое крещение. И крестися ту в Новегородьце, и нача быти во крестьянстве».

Это летописное известие можно понимать буквально — Войшелк в начале своего княжения в Новогородке был язычником. Надо учесть специфику древней Новоградчины — смешенное славяно-балт-

* По мнению П. Урбана, имя Войшелк означало, вероятно, «самоотверженный воин» (см.: Урбан П. Старажытныя ліцьвіны. С. 140). В славянском именослове оно соответствовало имени Войслав — «славный воин», так Войшелк назван в одной из польских хроник.

ское население и слабые позиции христианства. Так что Войшелк, может и правда, в начале своего правления оставался язычником и преследовал своих недругов-христиан. Но с другой стороны, в летописном рассказе о Войшелке явно читается желание летописца-монаха показать на примере дикого и жестокого язычника благотворительное влияние христианской веры, которая чудесно делает из него боголюбивого монаха. К этому рассказу надо все же относиться критически и принимать его как религиозную легенду. Возможно, в городе победили язычники и они пригласили Войшелка на княжение. Произошло это событие где-то в 1253 году. Войшелк расправился со своими противниками: «нача проливати крови много». Видимо, из-за этого раскола и выступил в новый поход на Новогородок Даниил Галицкий, «пошедшу на войну на Литву, на Новъгородок, бывшю роскалью». Войшелк вынужден был просить мира. Но, чтобы заключить мир с Даниилом Галицким, он принял православие*.

Мир Войшелк заключил в 1254 году, причем вынужден был оставить княжение и передать Новогородок сыну Даниила Роману. Вот тут и возникает вопрос: «Кто же был князем в Новогородке — Миндовг или Войшелк?» Ипатьевская летопись не только не дает ясного ответа, но противоречит сама себе. Говоря о заключении мира, летописец указывает, что Новогородок Войшелк отдал «от Миндога и от себе и Вослоним и Волковысек», что означало принадлежность Новогородка именно Миндовгу. Но в другом сообщении летописец прямо говорит о княжении уже Войшелка в Новогородке: «Войшелк же нача княжити в Новегородце» и уже независимо от Миндовга заключает мир, уступает Новогородок и отдает за князя Шварна Романовича свою сестру. Как видим, в это время Миндовг не был новогородским князем, и если судить, что папы римские Иннокентий IV и Александр IV титуловали его только королем Литвы, то вряд ли его власть распространялась на русские княжества в Верхнем Понеманье, в том числе и на Новогородок. Возможно, приняв католичество, Миндовг покинул православный город и начал править только в Литве, а в Новогородке стал княжить его сын Войшелк, признавший себя вассалом отца. Тогда понятно уточнение летописца, что Новогородок Войшелк передал «от Миндога», т. е. с согласия своего сюзерена. Но в сообщении той же летописи под 1257 годом говорится, что «Войшелк отдал Новогородок князю Роману», т. е. распорядился городом сам. Войшелк должен был жить при галицком дворе как заложник. Чтобы избавиться от «почетного пленения», он уходит в монастырь. Три года провел Войшелк в Полонине в монастыре, а после решил посетить Святую гору (Афон. — *Авт.*). Но из-за войны на Балканах он вернулся из Болгарии в Новогородок. На Немане между Новогородком и Литвой Войшелк построил монастырь. Считается, что монастырь основан в деревне Лавришово (теперь Новогрудский р-н) около Новогородка. Между Войшелком и Миндовгом вспыхнула вражда. «Отець же его Миндовг укаривашеться ему по его житью. Он же на отца своего не любовашать

---

* По данным историка Теодора Нарбута, Войшелк получил крестное имя Давид.

В. Стащенюк. Новогородок в XIII в. Реконструкция. XX в.

велми». Скупое сообщение Ипатьевской летописи едва ли объяснит причину враждебности между отцом и сыном. Правдоподобно, что Войшелк «не любовашать велми» Миндовга за его решение сделать наследником кого-то из двух своих младших сыновей от второй жены — Руклю или Репекью. Он и сам претендовал на власть в Литве, но пока не показывал этого, пряча свои намерения за маской богобоязненного монаха. Из-за монастырских стен князь-монах внимательно наблюдал за политическими событиями в крае и готовил восстание против галицко-волынских завоевателей. Он нашел и союзника — Тевтивила, которого полочане выбрали своим князем.

В 1258 году Войшелк покидает монастырь. Из Полоцка приходит полоцкая дружина во главе с князем Тевтивилом. Войшелк с помощью полочан и своих людей в Новогородке овладел городом и вновь сел на княжеский посад, а Роман был пленен. В ярости Даниил Галицкий лично повел войско на Новогородское княжество. Но Войшелк и Тевтивил не вступили в бой, умело маневрировали и выиграли время, дождались прихода татаро-монгольской рати Бурундая. По приказу Бурундая Даниил воевал вместе с татарами против Миндовга в Литве и Нальшанах. Вот так Войшелк вернул себе власть в Новогородской земле. Ни у Даниила Галицкого, ни у Миндовга не хватало сил подчинить Войшелка.Он стал самостоятельным правителем Новогородского княжества.

После смерти Миндовга в 1263 году «во всей земле Литовской и в Жемойти» правил жемайтский князь Тренята. Новый правитель сразу заявил о своей силе и дал понять, что он продолжит дело Миндовга — войну с Орденом. Орденский хронист Петр Дусбург пишет о походе Треняты в Пруссию, хотя, казалось, тот должен был заботиться об укреплении своей власти: «Тринота, сын короля литовского, присоединив к себе многих других воинов-язычников, собрал для битвы почти 30 тысяч человек и, приблизившись к земле Прусской, разделил войско свое

на три отряда, один из которых он послал на Мазовию, другой — на Помезанию, и обе земли разорил огнем и мечом. Остальные вторглись в землю Кульмскую, и, помимо прочего зла, которые там содеяли, они взяли замок Биргелов, похитив скот и все имущество братьев и тех, кто бежал в упомянутый замок. Братья и прочие люди спаслись, укрывшись в одной башне». Хоть Треняту поддержали Литва и Жемайтия, но все же он не мог считать себя полновластным их правителем. На власть претендовали Тевтивил и Войшелк, и открыто воевать с ними он опасался. Как всегда, пригодилось коварство. Тренята решил расправиться по отдельности с Тевтивилом и Войшелком. Он пригласил Тевтивила к себе делить «добыток Миндовъгов». В Полоцке решили, что пришел час действовать — убить Треняту и присоединить Литву к Полоцкому княжеству. Возможно, на это решение повлияло и желание Войшелка передать Тевтивилу, христианину и брату, «все право свое натуральное в общей Русской вере, если бы он убил Треняту», как считал хронист Матей Стрыйковский. Но намерение Тевтивила выдал боярин Прокопий, и Тренята опередил своего соперника, убил его, а полоцких бояр пленил. Полочане, чтобы освободить своих бояр, вынуждены были принять ставленника Треняты, видимо, князя Герденя. Теперь, когда Полоцк прекратил борьбу, Тренята мог расправиться с Войшелком. Но Войшелк оказался хитрее. Он покинул Новогородок и отправился в Пинск собирать войско. И не без его участия возник заговор против Треняты. По рассказу Ипатьевской летописи, Треняту по дороге в баню убили четыре бывших конюха Миндовга. Но Матей Стрыйковский в исторической книге «О началах» рассказывает иначе: будто бы Войшелк помирился с Тренятой и жил у него при дворе. Сердечная рана мучила его, и Войшелк решил отомстить за смерть отца. Однажды, когда они отправились на охоту, Войшелк напал сзади на Треняту и так ударил мечом по голове, что «аж выбил мозг». После чего убежал в свой монастырь. И все же мы доверимся галицко-волынскому летописцу — современнику тех событий.

Войшелк был безоружен перед своими врагами, и если б не помощь Новогородка и Пинска, то неизвестно, чем бы все закончилось. Как только заговорщики убили Треняту, Войшелк с пинской дружиной пришел в Новогородок, где его ждала уже новогородская дружина. С пинчанами и новогородцами Войшелк пошел в Литву. Летопись представляет этот поход как поход на язычников: «Господи Боже, виждь неправду сию, а прослави имя твое, да не похваляются беззаконии в нечестии своем, и даждь мне помощь и силу изыти на них за имя твое святое, яко прославится имя твое святое».

Войшелка приняли в Литве как законного властителя: «Литва же вся прияша и с радостью, своего господичича», — отмечается в Ипатьевской летописи. Но с «радостью» к Войшелку относились не все. И бывший монах, забыв о христианском милосердии, «поча вороги свое избивати, изби их бесщисленное множество, а друзии разбегошеся, камо кто видя». Это было завоевание Войшелком Литвы и подчинение ее Новогородку, о чем говорит и Новгородская летопись: «Иядъ на поганую Литву и победи я, и стоя на земли ихъ все лето, тогда оканьным

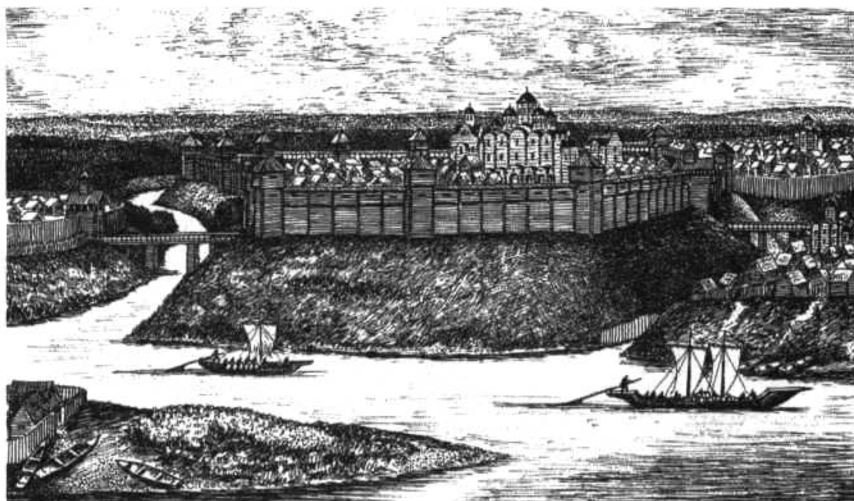
възда Господь под делом их; всю бо землю ихъ оружием поплени». Эта жестокость была вызвана не только политическими соображениями избавиться от противников, привести в послушание недовольных, но и желанием силой уничтожить язычество. Расправившись с внутренними врагами в Литве, Войшелк обеспечил мир с соседями. Он заключил союз с Ливонским орденом, уступил ему Жемайтию. «Всех христиан, которых он нашел пленными в своем государстве, он милостиво отправил назад в Ригу, к магистру. Но затем он дался в обман литовцам, составил с ними заговор и послал в том же году войско в Вик и Пернов и опустошил эти области в сретение Господне (2 февраля). А неделю спустя после этого праздника была дана литовцам битва при Дюнаминде», — сообщает «Хроника Вартберга». Неясно, что послужило причиной прекращения мира с Орденом, может быть, какие-то территориальные споры. Поход в Ливонию закончился поражением, и Войшелк вынужден был искать нового союзника.

Войшелк заключил мир с Галицко-Волынским княжеством, признав себя вассалом владимирского князя Васильки Романовича. С его помощью и дрогичинского и луцкого князя Шварна Данииловича Войшелк завоевал балтские земли — Деволтву и Нальшаны. Как в Литве, так и на новых завоеванных землях Войшелк жестоко расправился со своими неприятелями, «ворогы своя избив». Убийца Миндовга Довмонт с дружиной в 300 воинов, боярами, их семьями бежал в Псков, где был посажен на княжеский престол.

Против него Войшелк использовал полоцкого князя Герденя, передав ему Нальшаны. Чтобы выбить Герденя из своей земли, Довмонт-Тимофей (его крестное имя) со своей дружиной и псковичами дважды нападал на Нальшаны. В первом походе он захватил жену Герденя Епраскею с двумя его сыновьями. Летопись XVI века (Воскресенская) называет имена сыновей Герденя — Витень и Андрей. Как известно, Витень станет великим князем литовским, а Андрей — тверским епископом. Во время второго похода Довмонта в 1267 году Гердень погиб, но вернуть Нальшаны у Довмонта не хватило сил. А может, вновь дипломатическую войну выиграл расчетливый Войшелк. Ведь его союз с Орденом угрожал Пскову, и псковичи опасались воевать с Литвой.

На руку Войшелку была и смерть Герденя. Он избавился от сильного удельного князя, а полоцкий посад занял князь Изяслав, который признал его волю. Таким образом, Войшелк объединил под своей властью Новогородскую землю, Литву, Деволтву, Нальшаны и Полоцко-Витебскую землю, чего не смог сделать Миндовг. Союз с Пинским княжеством и покровительство сильного Владимирского княжества гарантировали созданной им федерации стабильность и устойчивость. Так было образовано Великое Княжество Литовское. Его основателем по праву надо считать Войшелка. Первой столицей этого государства был Новогородок.

Немного успел сделать Войшелк на великокняжеском посаде. В 1266 году он вместе с князем Шварном участвовал в походе на Польшу.

В. Стащенюк. Полоцк в XIII в. Реконструкция. XX в.

Объединенное войско опустошило Мазовию и Сандомирское воеводство.

Возможно, инициатором этого похода выступил Войшелк, ибо Шварн оправдался перед польским князем Болеславом: «Не я, но Литва воевала». Целью похода была борьба за ятвяжские земли между Литвой и Мазовией. Видимо, при Войшелке и была присоединена Восточная Судовия, где стал княжить Тройдень, который, вероятно, приходился ему родственником.

Свою державу Войшелк строил по образцу русских княжеств, взяв оттуда не только веру, но и политические, административные и военные структуры власти и методы правления. Войшелк стал для Литвы и «апостолом», и просветителем, и реформатором.

Войшелк крестил Литву в православие. Никоновская летопись сообщает, что он «многих крести, и церкви и монастыри воздвиже». Это же отмечает в «Началах» и Матей Стрыйковский: «Много Литвы язычников к христианству привел... церковь христианскую умножил в Литве».

С целью крестить Литву Войшелк в 1265 году обратился с просьбой в Псков прислать ему священников, но он так и не дождался их и отправился в Полонинский монастырь, чтобы набрать там монахов.

На великокняжеском посаде Войшелк покинул Шварна. Он отговаривал Войшелка от возвращения в монастырь, но тот ответил: «Согрешил есмь много перед Богом и человекы. Ты княжи, а земля ти опасена». Не исключено, что Войшелк, исполнив свой княжеский долг, устроил государство и обезопасил его от врагов, возвратился в монастырь по велению души, ибо решил посвятить себя служению Богу. Случай в истории уникальный — правитель державы добровольно уходит в монастырь, передав власть другому человеку.

Князь Лев Даниилович узнал о приезде Войшелка в Галицию и сообщил об этом дяде Васильке: «Хотел бых снятися с тобою, абы туто и Вошелк был». Василько уговорил Войшелка встретиться с Львом Даниловичем: «Прислал ко мне Лев, а быхом ся сняли. А не бойся ничего же». Войшелку ничего не оставалось, как ехать на встречу с Львом во Владимир. Как рассказывает Ипатьевская летопись, Войшелк, Василько и Лев встретились в доме немца Марколта и «начаша обедати и питии и веселитися». Пьяный Василько отправился спать в монастырь, где остановился Войшелк. Следом сюда приехал Лев Даниилович и предложил Войшелку: «Куме! Напьемся». За хмельной чашей и пробудилась у Льва давняя обида на Войшелка из-за того, что он «дал землю Литовьскую брату его Шварнови». Галицкий князь, возможно, угрозами требовал передачи ему Новогородка. Войшелк не согласился, чем и вызвал гнев у Льва, и тот в пьяном припадке выхватил саблю и зарубил Войшелка.

Так трагично и неожиданно оборвалась жизнь Войшелка. Произошло это 12 января 1267 года.

Иную версию убийства Войшелка приводит «Хроника Литовская и Жмойтская». По хронике, после смерти Даниила Галицкого его сыновья огнем и мечом начали делить отцовское наследство. Князь Лев Даниилович захватил Шварнов удел — Дорогичинскую землю. Шварн обратился за помощью к Войшелку. Новогородский князь во главе войска занял Дорогичинскую и Берестскую земли и двинулся на столицу Волыни Владимир. Тогда Лев Даниилович пригласил Войшелка на переговоры. Шварн и Василько «верою своею» обещали Войшелку «безпеченство». Войшелк поверил их клятве, остановил войско и приехал во Владимир. В монастырь, где остановился Войшелк, заявился Лев и, напившись, рассек ему саблей голову. В ту же ночь «гостиные» хозяева посекли всех Войшелковых послов. Эта версия кажется более правдоподобной, и, видимо, галицко-волынский летописец умолчал об истинных причинах убийства Войшелка.

Смерть Войшелка уже ничего не решала. Заложенное им основание было прочным. На нем построили последователи Войшелка крупнейшее в Европе государство, которое стало на многие века общим домом для белорусов, литовцев и украинцев.

ТРОЙДЕНЬ (1270—1282)

Папская курия не забыла о Литве. Папа Климент IV в 1268 году разрешил королю Чехии Отакару (Пржемыслу II), если он «вырвет из рук врагов землю Летовию, то волен установить в ней королевский престол, как было раньше, и поставить там на королевское достоинство особу верную и преданную Римскому костелу». Отакар в том же году прибыл с войском в Пруссию, желая завоевать Литву и возвести в короли как своего вассала одного из польских князей, но, узнав о нападении на свое королевство баварцев, вынужден был вернуться в Чехию. Можно

гадать, как развивались бы события, если бы Отакар все же восстановил в Литве королевство, но история выбрала для литвинов иной путь. На него и вступил Тройдень*.

А. Кривенко. Тройдень. XX в.

Очень мало сохранилось известий о Тройдене — князе, который после Войшелка и Шварна правил Великим Княжеством Литовским. Можно обратиться к белорусским летописям XVI века, но там перепутаны события времен Миндовга Тройденя, и правды не найдешь. Белорусские летописи называют Тройденя братом мифического великого князя Наримонта, который якобы основал город Кернов и «знесеть столец свой з Новагородка до Кернова», ему же приписывают захват жены Довмонта. Отзвуки давних преданий о Миндовге нашли воплощение в образе мифического Наримонта. Надо думать, что и о Тройдене летописец писал по преданиям. Вот что пишет о Тройдене «Летописец великых князей литовскых»: «А пятый брат Троиидень мешкал пры брате своем великом князе Нарымонъте. И доведался князь великий Нарымонт, што ж князи Ятвезъские померли, а люди их мешкают без господара. И князь Нарымонт поидеть на них. И они не противечыся поддалися и поклонилися ему. А так он, оставшы им господарем и вземшы их, дал брату своему Троииденю за вдел. И князь великий Троиидень наидеть гору красную над рекою Бебрею. И сподобалося ему там вельми и зарубил город и назоветь его Раигород, и прозоветься князем Ятвезским и Доиновъским**. И будучы ему там на кнежени великие валъки чынил з Ляхи, и з Русью и з Мазовшаны, и завжды зыскивал и над землями их сильные окрутенства чынил». Что так, то так — Тройдень немало повоевал с врагами своего

---

* По мнению П. Урбана, имя Тройдень означало «славный властитель» (см.: Урбан П. Старажытныя ліцьвіны. С. 203).

** Вероятно, этот летописный рассказ имел реальную основу, ибо в Воскресенской летописи XVI в. говорится, что Тройдень «прибавил ятвяг». Дайнова — земля ятвяжского племени дайновы, дайновцев между Неманом (правые притоки Дитва, Гавья с р. Жижма) и Вилией, граничила с Городенским княжеством по р. Котра.

государства. Приступы ненависти вызывало его имя у ливонских крестоносцев. «Тройдень Лихой» — назван он в орденской «Рифмованной хронике». А сколько желчи и злобы вылил из своей души галицко-волынский летописец! «Нача княжити в Литве оканьный, и безаконьный, проклятый, немилостивый Тройден, его же безаконья не могохом псати срама ради. Так бо бяшеть безаконьник, яко и Антиох Сурьскый, Ирод Ерусалимъскый и Нерон Римъскый, и ина многа злейша того безаконья чиняше». Эти слова летописца наводят на мысль, что новогородский князь был человеком властным, решительным и хитрым, не выбирал средства для достижения своих целей и руку имел тяжелую, крепко держал в ней власть.

Войны были для него обычным делом, «...весь живот свой до войны и крови розляне простовал», — повествует о Тройдене «Хроника Литовская и Жмойтская». В то военное время и нужен был такой правитель: крестоносцы, галицко-волынские дружины, татаро-монголы угрожали Великому Княжеству Литовскому. Только твердый характером, смелый в ратном бою, «окрутный и валечный» правитель мог отбить вражескую угрозу.

По нашему мнению, Тройдень был сыном Едивида, брата Тевтивила, и имел законное право на великокняжескую власть как ближайший родственник (двоюродный племянник) Войшелка. Поэтому ни одна из летописей не сообщает о захвате им власти. Вместе с Тевтивилом он находился в Полоцке, на что может указывать село Тройдевичи возле Полоцка. Суффикс «вич» показывает, что этот топоним образован от имени Тройда. Такая короткая форма имени Тройдень встречается в письменных источниках, посвященных мазовецкому князю Тройденю, сыну Тройденевой дочери и мазовецкого князя Болеслава. Может, и Тройденя в детстве звали Тройда, а поселение, где он жил, стало называться Тройдевичи.

Еще один факт свидетельствует о связи Тройденя с Полоцком: имя его дочери — Предслава* — родовое имя полоцких княгинь.

Возможно, при Войшелке и Шварне Тройдень правил в Ятвяжской земле над рекою Боброю и Дайновской земле.

В годы правления Тройденя Великому Княжеству Литовскому выпали тяжелые испытания. Покорив пруссов и земигалов, вышли к границам Великого Княжества Литовского рыцари Тевтонского ордена, которые в мечтах уже делили его земли. В предсмертной агонии дважды пробовало Галицко-Волынское княжество покорить Великое Княжество Литовское. Согласно «Хронике Литовской и Жмойтской», Тройдень, «который панство порадне постановивши и граници от наездов княжат руских и крижацких отвсюль опатривши, з великим страхом неприятелем посторонным пановал».

С самого начала правления Тройденю довелось брать меч для обороны своего государства. Упорная борьба разгорелись между Тройде-

* В некоторых источниках она названа Гаудай, или Гаудемундой. Не исключено, что она имела два имени — славянское Предслава по материнской линии и Гаудемунда по отцовской.

нем и волынским князем Владимиром Васильковичем. И хоть воевали они «не великими ратями», но крови пролилось немало. Погибли Тройденевы братья Лесий и Свелкений. Из малых искр мог вспыхнуть пожар великой войны. И он вспыхнул. Совсем неожиданно в 1274 году князь Тройдень посылает городенскую дружину на Дорогичин, который принадлежал галицкому князю Льву Даниловичу. А с ним же Тройдень «живаше во величе любови, шлюбче многа дары межи собою». Чем же объяснить действия великого князя? Тем, что забыл «любви Львови»? Возможно, сам Лев начал войну с Тройденем, и тот вынужден был послать войско на Дорогичин. Городненская дружина на Пасху захватила город, «збиша вся и мала и до велика». Не надо буквально воспринимать летописное известие. Летописец, верный традиции показывать врагов, его земли жестокими и немилостивыми, вероятно, и на этот раз сгустил краски. Но очевидно, что Тройдень хотел уничтожить центр, откуда Лев угрожал его домену — Дойновской земле.

Лев Даниилович попросил помощи у татарского властителя Меньгу Тимера. Хан прислал войска во главе с предводителем Ягурчином и заставил идти в поход князей, которые находились в «воли татарской»: Романа Брянского, Глеба Смоленского. К ним присоединились «иные князья заднепровские», пинские и туровские. С такой силой Лев Даниилович надеялся завоевать Великое Княжество Литовское.

Не все сбылось, как желал Лев Даниилович. Роман Брянский и Глеб Смоленский отстали от его войска. А туровские и пинские князья вообще уклонились от похода. Удар, который по замыслу Льва Данииловича должен был быть смертельным для Великого Княжества, мог еще получиться сильным, но таким не получился. Союзники подошли к Новогородку, окружили его и стали ждать подхода смоленской и брянской

И. Белов. Князья перед осажденным городом. 2003 г.

дружин. И тут Лев Даниилович не выдержал. Вот как рассказывает об этом «ратном подвиге» галицкого князя Ипатьевская летопись: «Лев же лесть учини межи братью своею, оутаивше Мстислава и Володимера взя окольный град». И ни слова поддержки: ненависть и гнев летели из уст князей и татарских полководцев. Союзники так переругались между собой, что уже не смогли договориться о дальнейших совместных действиях и с «гневом про Льва» вернулись назад. Вроде бы посчастливилось Тройденю: без боя добыл победу. Только разве не он день за днем укреплял свое государство?

Тройдень начинает воздвигать замки. Первая каменная башня была построена в Новогородке, «столп бо без камен» возведен в Городно. Убежавших от крестоносцев пруссов Тройдень расселяет возле важных переправ через Неман и назначает им повинность — возводить мосты. Создается хорошо вооруженное и обученное ратному делу войско, которое совершает походы на Волынь, Подляшье, Мазовию, Пруссию, Ливонию. Укреплял Тройдень и внутреннее положение страны. После упорной борьбы власть великого князя окончательно утвердилась в Нальшанах. Нальшанский князь Суксе сбежал в Ригу, но вернуть свои владения уже не смог.

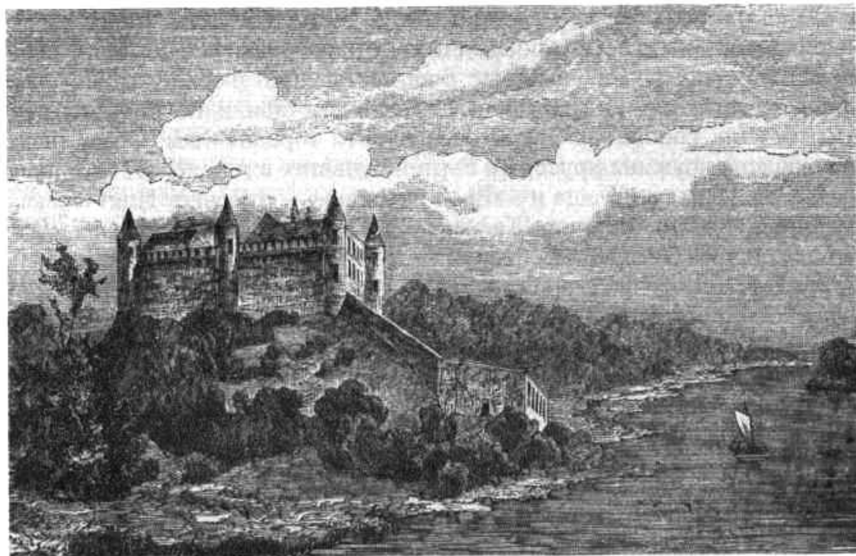
Лев Даниилович еще надеялся покорить Великое Княжество Литовское. Он вновь взялся за оружие и вместе с Владимиром Васильковичем напал на Турийск и Слоним. В ответ Тройдень послал брата Сирпутия «воевать около Камене». На большую войну у галицко-волынских князей не хватало сил. Но надолго ли был заключен между ними и Тройденем мир? Понимают, что ненадолго, и каждый стремится использовать передышку. Лев Даниилович шлет послов в Золотую Орду просить помощи против Литвы, а Владимир Василькович укрепил на границе Каменец. «Градоруб» Олекса возвел там башню-донжон, известную теперь как Белая Вежа.

Тем временем Тройдень выступил в поход под Динабург. В 1275 году магистр Ливонского ордена Эрнест фон Ратцебург основал на Двине крепость Динабург*. Автор «Рифмованной хроники» писал, что магистр хвалился: «Усмирим неверных много, даже Тройденя Лихого». Но Тройденя крестоносцы не усмирили. Он сам в 1277 году пришел под стены Динабурга «усмирять» крестоносцев. Четыре недели по всем правилам военного искусства длилась осада орденской крепости. Были построены четыре высокие подвижные башни для штурма. Баллисты обстреливали крепость каменными ядрами. Меткой стрельбой отличились «русские» лучники. Ими могли быть союзники Тройденя — полочане. Еще Генрих Латвийский в своей «Хронике Ливонии» писал о полоцких воинах как об «опытных в стрельбе с лука».

Осада не привела к успеху. Великий князь вынужден был отступить. На южных границах Великого Княжества раздавалось бряцание оружия. Галицко-волынские князья готовились в поход, и надо было достойно встретить их.

---

* Современный город Даугавпилс в Латвии.

Динабургский замок. Реконструкция А. Плятера. 1893 г.

Зимой 1278 года галицко-волынские дружины и татарские тумены двинулись на Великое Княжество Литовское. И вновь история повторилась, вновь это упорное желание, «оутаивошеся» друг от друга, грабить села и города, будто и не верили союзники в победу, понимая обреченность своих стараний покорить Литву, будто единственное, о чем мечтали, — богатая добыча. Татарская рать во главе с Мамшином направилась к Новогородку. А галицко-волынские дружины собрались в Берестье. Тут князья узнали, что татары уже возле столицы Великого Княжества Литовского. «Поедем к Новоугродкоу, а тамо оуже татарове извоевали все», а поэтому решили идти к Городно.

Каменецкий замок. Реконструкция О. Иова и А. Башкова. 2008 г.

Уже за Волковыском луцкий князь Мстислав и галицкий князь Юрий, «оутаивошеся» от Владимира Васильковича, послали свои дружины грабить городненские предместья. Опьяневшие от богатой добычи, дружинники-грабители даже не выставили на ночь стражу. Перебежчик сообщил о такой беспечности городненцам. Сразу была отправлена дружина пруссов и бортей, живших в городе. «И избиша я все, и дроугим изоимаша и в город ведоша», — отмечает Ипатьевская летопись. Раненый воевода Таюма попал в плен. Сын Мстислава, «наг и бос», спасся бегством. Взбешенные князья на следующий день окружили Городно. Только горожане, «аки мертва стояша на забролях города», и отбили штурм. Такого отпора князья не ожидали. Единственное, что им оставалось: просить мира да убраться прочь. И, получив пленных, «городу не вспеша ничего же тако возратиша во своясы». Так бесславно закончился этот поход. Галицко-волынским князьям пришлось окончательно отказаться от намерений завоевать Великое Княжество Литовское.

Одновременно с севера Великому Княжеству угрожали крестоносцы. Большое войско — ливонские крестоносцы, отряды ливов, леттов, земигалов, куршей, датских и немецких рыцарей — отправилось в конце 1278 года в крестовый поход на Великое Княжество. Всю зиму крестоносцы опустошали литовские земли. Но кары они не избежали. Тройдень с дружиной нагнал крестоносцев, когда они возвращались в Ригу. 5 марта 1279 года возле Ашерадена в жестокой битве Тройдень разбил крестоносцев. Сам магистр Эрнест фон Ратцебург и 71 рыцарь погибли. Отряды ливов, леттов и земигалов разбежались. Только датские рыцари, попавшие в окружение и потерявшие своего предводителя Эйларта, смогли пробиться из окружения. Ливонским рыцарям был нанесен еще один сокрушительный удар, от которого они долго не могли оправиться.

Победа дала возможность Тройденю поддержать восстания пруссов, ятвягов и земигалов против крестоносцев. Земгальский князь Наймес признает власть Тройденя. Он шлет на помощь восставшим свои дружины. И, чтобы как-то укротить воинственный нрав Тройденя, рижский архиепископ предложил ему принять католичество — веру, с которой у литвинов отождествлялись преступления крестоносцев. Тройдень ответил: «По примеру событий минувших лет, не находим никакой охоты к принятию христианства. Народ Литвы сильно настроен против Римской веры из-за случаев, произошедших у его побратимов земигалов, которые добровольно приняли новую веру в надежде на лучшее, а нашли тяжелую неволю, это было б добровольной подготовкой к принятию кандалов Ордена крестоносцев». А значит, война с Орденом не утихла.

Все активнее выступает великий князь Тройдень на международной арене. Он в 1279 году заключает мир с Мазовией, скрепив его браком своей дочери Предславы-Гаудемунды с мазовецким князем Болеславом. Примечательно, что их сын был назван в честь деда Тройденем.

Тайной покрыта смерть великого князя Тройденя. По версии белорусских летописей, он погиб от рук убийц, подосланных псковским

князем Довмонтом. И когда Тройдень «шол безпечне собе з лазни в Новгородку», подосланные убийцы «его зрадне забили». А сам Довмонт пошел с псковской и полоцкой дружинами на Литву, «хотечы были князем литовским и жомоитским», — сообщает «Летописец Великих князей литовских».

Факт насильственной смерти Тройденя не подтверждается другими источниками, но все же нельзя отрицать его. По нашему мнению, летописец перепутал псковского князя Довмонта-Тимофея, убийцу Миндовга, с великим князем Довмонтом, погибшим в 1285 году под Тверью. Именно он стал в 1283 году правителем Великого Княжества Литовского. Не исключено, что власть он захватил в результате заговора и убийства Тройденя. О жизни этого Довмонта нам ничего неизвестно, кроме краткого упоминания в Лаврентьевской летописи под 1285 годом: «Того же лета воевали Литва Тферьского владыки волость Олешню; и совкупившиеся Тферичи, Москвичи, Волочане, Новоторжьсци, Зубчане, Ржевичи, и шедше биша Литву на лесъ, в канун Спасову дни (1 августа. — *Авт.*), и поможе Богъ хрестьяном, великого князя ихъ Домонта убиша, а иных изъимаша, а овых избиша, полон весь отъяша, а инии разбежася». Из приведенного факта ясно одно, что великий князь Довмонт имел значительную дружину-литву, против которой вынуждены были выступить шесть дружин. Очевиден и факт преемственности власти великих князей, что свидетельствует о прочности института великокняжеской власти.

Не был ли Довмонт тем самым Домонтом, сыном Миндовга, о котором упоминала в своих исторических записках императрица Екатерина II? Ясно одно, что этот загадочный Довмонт (Домонт) имел право на великокняжеский престол, а значит, был кровно связан с Миндовгом или его родственниками.

Смерть Тройденя не привела к падению Великого Княжества Литовского. Оно было достаточно сильным, чтобы сохранить свою независимость и выстоять перед новыми грозными испытаниями. И в этом была заслуга Тройденя.

ВИТЕНЬ
(1296—1315)

Великий князь Витень* — личность для нас загадочная. Не знаем, где и когда он родился, и о смерти его ничего определенного нам не известно. А о жизни? О тех годах, когда он правил Великим Княжеством?

«Летописец великих князей литовских» сообщает, что Витень жил в Жемайтии и там в имении Аирагола увидел его, «дитя обличем велми хорошо и възросту цудного», Тройдень. Витень был у великого князя ка-

* По мнению П. Урбана, имя Витень означает «витязь» (см.: Урбан П. Старажытныя ліцьвіны. С. 138). Подобное имя носил в VIII веке западнославянский князь ободритов Витцан.

Витень. Гравюра из книги А. Гвагниньи «Хроника Европейской Сарматии». 1578 г.

морником, «и будучы в него в каморе, кождую реч цудне а радне панскую ховал и справовал. А так он, бачечы цноту его и доброе захование, вчынил его в себе маршалъком. И был в него, милосником и всяким справцою. А за тым, по смерти его, взяли его на великое князство Литовъское».

Но этот рассказ похож на легенду, которой оправдывалась законность вокняжения Витеня. В реальности, вероятно, было иначе. Орденский хронист Петр из Дусбурга называет Витеня сыном правителя Литвы Пукувера (Путувера). А Воскресенская летопись утверждает, что Витень был сыном полоцкого и нальшанского князя Герденя. В Москве, при царском дворе, правителей Великого Княжества Литовского считали потомками полоцкого князя Ростислава Рогволодовича, о чем московские бояре официально заявляли панам Великого Княжества: «Только вспомните старину, каким образом гетманы литовские Рогволодовичей Давила и Мовколда на Литовское Княжество взяли...»

Еще по одной московской версии, Витень из «рода Полотских князей», спасаясь от татар, переселился в Жемайтию, где женился на дочери «некоего бортника». Он прожил с ней бездетно тридцать лет и погиб от удара молнии. Вдову Витеня взял в жены его слуга Гедимин. Но эта версия — политический памфлет XVI века, в котором указывалось, что Гедиминовичи — «не коренные государи». Наиболее правдоподобным является родовод в «Задонщине», где Гедиминовичи называются правнуками князя Сколоменда. Польский историк Ежи Охманьский считал Сколоменда отцом Пукувера. В исторической литературе Пукувера отождествляют с князем Будивидом, который вместе с братом Будикидом в 1289 году передал волынскому князю Мстиславу Волковыск.

Вероятно, Витень происходил из рода, который по женской линии был связан с Миндовгом. Известно, что у Миндовга была сестра, ее сын Тренята стал даже великим князем. Возможно, она была женой судавоятвяжского князя Сколоменда. Князь с похожим именем (Скомонд, Скуманд) был у ятвягов в середине XIII века. Кроме Треняты, Сколоменд, видимо, имел сыновей Будикида и Будивида.

Возможно, Будивид-Пукувер стал великим князем после смерти Будикида, где-то в 1290 году, и правил до 1294—1296 годов, ибо именно в

1296 году Петр из Дусбурга в своей «Хронике земли Прусской» называет Витеня королем Литвы.

Княжение Витеня прошло в войнах с польскими и жемайтскими феодалами, с прусскими и ливонскими крестоносцами. О спокойной жизни приходилось только мечтать.

Уже в 1291 году, по сообщению Петра из Дусбурга, «Пукувер, король Литвы, также сына своего Витеня с большим войском послал на Польшу в землю Брестскую*, и он нанес там большой ущерб убийством и пленением людей, огнем и мечом». Куявский князь Казимир и польский король Владислав Локеток просили помощи у магистра Тевтонского ордена Мейнике фон Кверфурта. Совместное выступление поляков и крестоносцев против Витеня закончилось для них позором. Казимир и Локеток со своими войсками трусливо бежали с поля боя, а за ними отступили и крестоносцы, напуганные нехваткой сил для сражения. Дусбург не хотел запечатлеть для истории поражение орденского войска. Поэтому позорное бегство названо им «отступлением». Но все же он вынужден был признать, что отступили братья-рыцари «не без великого урона для своих людей». Известие Дусбурга об этом походе — первое упоминание о Витене. И свое появление на арене истории отметил он славной победой. Были у него победы, были и поражения. За скупостью сведений трудно не только представить образ Витеня, но и узнать, как правил он, что сделал достойного для памяти потомков. Но даже эти скупые известия дают нам представление о Витене как о великом деятеле истории Великого Княжества Литовского.

В 1294 году Витень разорил Ленчицкую землю. По «Хронике Литовской и Жмойтской», Витень, имея с собой 1800 воинов, «тихо през лесы, в землю Ленчискую выедишь, кляшторы, костелы побурили, людей духовного и свецкаго стану, преложных и посполитых в неволю забрали, потым села и местечки огнем и мечем сплюндровали». Возле Сохачева Витень дал бой войску князя Казимира. Как всегда, великий князь был впереди своей дружины, «мужне чинячи з неприятелями». Витень победил и сам сразил Казимира.

Несколько иначе рассказывает об этом походе Дусбург. Витень во главе 800 воинов 6 июня напал на Ленчицу и захватил город. Хронист описывает жестокость воинов Витеня, убивших 400 человек и еще больше взявших в плен. На каждого воина досталось по 20 пленных. А Витень — это воплощение сатаны. Он в знак «презрения» Бога творил святотатства и жег костелы. Иначе орденский хронист не мог описывать короля «язычников». Когда за Витенем погнался куявский князь Казимир с 1800 воинами, он заключил перемирие с мазовецким князем Болеславом. А после они вместе напали на Казимира, разбили его войско, убили и его самого. Мазовия не отреклась от союза с Орденом, но и не могла вести активную борьбу против Великого Княжества. А это была победа Витеня.

---

* Имеется в виду Брест-Куявская земля в Польше.

Неожиданно у Ордена появился новый союзник — Жемайтия. Жемайтские старейшины в 1294 году подняли восстание против власти правителя Литвы. Витень мечом утихомиривал жемайтов, но так и не добился их согласия помогать ему в войне с Орденом. Происходили кровавые битвы, в которых гибло множество людей с каждой стороны. «И никогда во время правления своего король Литвы не мог договориться с жемайтами, чтобы вместе выступить на войну против братьев», — пишет Петр Дусбург. А их помощь нужна была для борьбы с крестоносцами. Очевидно, что Жемайтия противилась новой династии. Трудно объяснить почему. Видимо, Витень в глазах жемайтов был этнически чужим. Возможно, новый великий князь был и христианином, ибо полоцкий епископ Яков назвал его «сыном моим» — традиционным для христианского владыки обозначением своих духовных чад.

Прусские крестоносцы, укрепившись на левом берегу Немана, настойчиво стремились овладеть Городно. В 1284 году тевтонские рыцари впервые напали на город. Как пишет Петр Дусбург, произошла «великая битва, что робкие не осмелились бы смотреть на такое». Осажденные «оказывали мощное сопротивление», но крестоносцы ворвались в замок и перебили или взяли в плен защитников. «После этого 1800 человек вошли в волость упомянутого замка, опустошая все вокруг огнем и мечом, и, взяв в плен и убив многих людей, они ушли с огромной добычей».

Город и замок были восстановлены. Но в 1296 году зимой крестоносцы вновь разорили «огнем и мечом» предместья Городно. А весной бывший командор* Балги Генрих Цукшверт, воспользовавшись походом Витеня в Ливонию, напал с большим войском на Городно, но «встретил такой отпор со стороны жителей замка, осыпавших его дождем стрел, что, поскольку многие христиане были тяжело ранены, он вернулся ни с чем», — пишет Петр Дусбург. Не оставался в долгу и Витень. В том же году его войско разорило предместье замка Голуб в Кульмской земле.

Зато благоприятное положение сложилось для Великого Княжества Литовского в Ливонии. В Риге в 1298 году против власти Ордена восстали горожане. Витень внимательно следил за событиями в Ливонии. Чтобы склонить Ригу к союзу с Великим Княжеством, он обещает рижскому архиепископу Фридриху крестить Литву. Об этом сообщалось в грамоте Рижского магистрата и капитула от 30 апреля 1298 года. «А теперь, презрев изменчивую судьбу света, они желают по совету святой матери костела отказаться от суеверных обрядов, вступить в суженый брак с верными и, согласно с обязательствами, соединиться с ними неразрывной связью договора, исповедуя настоящую веру и сохраняя условия мира, как некогда король тех же язычников именем Миндов, который был коронован и помазан костелом и принял духовных особ и монахов. Эти же язычники подтвердили ранее сказанное очевидными доказательствами и сокраментами, которые по их обычаю и ради неру-

---

* Так назывались коменданты орденских замков, по-белорусски и по-польски их называли комтурами.

М.Э. Андриолли. Бой литвинов с крестоносцами. 1883 г.

шимого сохранения договоров они сотворили перед всеми нами... и другими особами из разных стран, собравшимися на необычное зрелище. С радостью исполнив это, те же послы говорили: «О, как сильно тешилась б душа короля нашего, если б он это видел!». Насколько было серьезным намерение Витеня? Вероятно, он рассматривал возможность крещения язычников в католичество. Свое обещание Витень подтверждает строительством костела в Новогородке. Как только рижане обратились к Витеню за помощью, великий князь подошел к Риге, где объединился с городским ополчением. Союзники овладели рыцарским городским замком и крепостью Каркус. 1 июня 1298 года войска Витеня и рижан встретились на реке Трейдере с войском Ливонского ордена. В начале битвы крестоносцы имели успех. От их мечей погибло 800 воинов Витеня, но все же он сумел перестроить ряды своего войска и повел его в атаку. Удар был сокрушительным. Погибли магистр Бруно, 22 орденских рыцаря и 1500 кнехтов (по хронике Вартберга — 66 рыцарей и 3000 кнехтов). Такого поражения Ливонский орден не знал со дня своего основания. На помощь ливонцам пришли прусские рыцари. 29 июня они напали на войско Витеня и рижан, которое осаждало замок Нейермюллен, и разбили его. От выгодного союза с Ригой пришлось отказаться. Но мир, заключенный с Великим Княжеством Литовским, связал Ливонскому ордену руки.

Теперь великий князь Витень переносит удар на Пруссию. В 1298 году 29 сентября литвины захватили город Штрайсберг, а в 1299 году разорили прусскую волость Наттангию. В 1300 году шеститысячное войско Витеня опустошило Добжиньское княжество. На время крестоносцы прекратили войну против Великого Княжества Литовского.

Короткое мирное время великий князь Витень стремился использовать для блага Великого Княжества. В начале XIV века произошло сближение Великого Княжества и Полоцка. Временем объединения двух княжеств историки называют 1307 год. Считается, что полоцкий князь завещал Полоцк рижскому епископу. Епископские люди, прибыв в город, начали насаждать католичество. Полочане восстали и попросили помощи у Витеня, и тот выгнал ливонцев из города. Полоцким князем стал его брат Воин. Может, так и происходило. Точных данных об этих событиях нет. Но приблизительно в это время договор с рижским магистратом заключает полоцкий епископ Яков значит, он и правил Полоцком и был в союзе с Витенем. Примечательно, что епископ называет Витеня «сыном моим»: так он мог назвать только свое духовное чадо, а не язычника. На христианство Витеня указывала в своих исторических сочинениях императрица Екатерина II, которая писала, что в святом крещении он носил имя Лаврентий. Деятельность Витеня свидетельствует если не о его христианстве, то о приязни к нему. Витень желает основать в своем государстве православную митрополию, строит в Новогородке костел и приглашает в город монахов — миноритов. Князь-язычник не стал бы заботиться об утверждении христианства в своем государстве и не был бы духовным сыном полоцкого епископа.

Примечательно и другое, что в орденских документах Полоцкая земля названа королевством, т. е. Орден признавал его государством, равным по политическому статусу европейским странам. И как видим, Полоцкое княжество в это время не входило в состав Великого Княжества Литовского, но находилось с ним в союзных отношениях. Епископ Яков, возглавлявший власть в Полоцке, координировал полоцкую политику с Витенем.

От этого союза выиграли и Литва, и Полоцк. В войске Витеня появились дружины «русинов», которые участвовали в походах на Орден и Польшу в 1293, 1298, 1306, 1308, 1311, 1315 годах. Витень мог опираться на материальные и людские силы Полоцкой земли. А Полоцк приобрел сильного союзника в лице Витеня. Не случайно, что ливонские рыцари до 1330-х годов не нападали на Полоцк.

Начало XIV столетия Великое Княжество встречало, выдержав уже не одно испытание, и смогло не только защитить свои земли, но и присоединить новые*. Государство чувствовало свою силу и готовилось к новой войне с крестоносцами.

В 1304 году прусские рыцари напали на Городенскую землю и сожгли замок, а также разорили огнем и мечом Жемайтию. Следующий

* Об этом упоминается в разделе Воскресенской летописи «Начало государей Литовскыхъ». Там сообщается, что Витень «прибавил земли Литовские много и до Бугу».

поход в августе 1305 года окончился для крестоносцев неудачей. Витень в то время проводил совет «лучших людей своего королевства». Когда он узнал о вражеском нашествии, то во главе 1500 воинов пошел на врага. Крестоносцы после неудачного для них боя поспешно отступили. В 1306 году они дважды нападали на Городно. После первого нападения, когда было сожжено предместье, Витень, как сообщает Дусбург, «послал лучших мужей и многих, испытанных в сражениях, для обороны». Вероятно, в это время Витень и назначил старостой городенским сына бывшего нальшанского и псковского князя Довмонта — Давида, который прославится победами над крестоносцами. «Вот почему случилось, что, когда братья напали на замок, жители замка, со своей стороны мужественно сопротивляясь, вышли на битву, которая долго велась между ними. Наконец братья обратили их в бегство. Тогда, вернувшись в замок, через некоторое время, собравшись с силами и духом, они снова вышли на битву, и так совершалось много раз от восхода солнца до полудня. И порой эти теснили тех, порой — наоборот. В этом сражении многие из язычников были смертельно ранены и многие пали», — пишет о штурме Городно Петр Дусбург. Крестоносцы понесли потери и целых пять лет не нападали на Литву, перенеся удар на Жемайтию.

В 1311 году новая беда: в Литве, Польше, Пруссии начался страшный голод. Витень в конце февраля напал на прусские земли Самбию и Наттангию и разорил их, взяв не только пленных и богатую добычу, но и запасы хлеба. В ответ крестоносцы из Прусской земли Наттангии совершили поход в Городенскую землю, «убивая и забирая в плен многих людей». Витень отомстил Ордену походом на Пруссию и разорением Вармийского епископства. 7 апреля в Бартенской земле на поле, названном Войплок, произошла битва между войском Витеня и орденским войском во главе с великим командором Генрихом фон Плоцке. Первую атаку литвины отбили, но, когда в битву вступили главные силы крестоносцев, они не выдержали и бежали с поля боя.

Это поражение Витеня хронист Дусбург подает как Божию кару князю-язычнику, который издевательски говорил пленным христианам: «Где Бог ваш? Почему он не помогает вам, как наши боги помогли нам ныне и в другой раз?». Дусбург отмечает, что Витень «в этой и предыдущей войне нанес великий ущерб церквам, церковному облачению и сосудам, служителям и святыням церковным, и помимо прочей добычи, которая была весьма велика, он увел с собой более 1200 пленных христиан». Не в силах взять орденские замки, Витень подрывал влияние католической церкви в Пруссии, а значит, и позиции самого Ордена.

Два поражения подряд ослабили Великое Княжество Литовское. Крестоносцы в том же 1311 году в начале июля пошли в Городенскую землю. Но узнав о том, что Витень с войском ждет их в засаде за Неманом, предводитель крестоносцев Генрих фон Плоцке увел свое пятитысячное войско назад. Желая реабилитироваться, Генрих фон Плоцке в начале июля с двухтысячным отрядом крестоносцев, пройдя через Городенскую землю, напал на волость Сальсеники (совр. Шальчининкай в

В. Стащенюк. Крестоносцы осаждают Новогородский замок. 1990 г.

юго-восточной Литве), «где никогда не видано было христианского войска». Вот и увидели крестоносцев, как они несли христовую веру, разоряя все вокруг огнем и мечом. Захватив в плен 700 человек, крестоносцы с большой добычей вернулись домой. И это «не говоря об убитых, количество которых ведомо одному лишь Богу», как замечает Петр Дусбург. Ничего удивительного, что после такого знакомства с христианами язычники видели в них разбойников и врагов и не желали оставлять свою веру. Походы крестоносцев на Великое Княжество Литовское возобновились в 1314 году. Неугомонный Генрих фон Плоцке, ставший великим маршалом, «со всей силой войска своего пришел в Кривичскую землю» и разрушил Новогородок, а землю вокруг города «изрядно попортил огнем и мечом». Но штурм замка был безуспешным, и крестоносцы отступили. Городенский староста Давид захватил орденские склады. Когда крестоносцы пришли на первый , то увидели убитую стражу и пропажу 1500 коней, хлеба и провианта. Крестоносцы забыли о Новогородке и устремились к следующему складу. «Итак, когда разгневанные братья пришли ко второй стоянке и там тоже не нашли ни хлеба, ни прочего, что было оставлено, они выступили в путь и многие дни были без хлеба; одних голод вынудил есть своих коней, других — травы и их корни, третьи умерли от голода, многие, ослабев от голода, умерли по возвращении, остальные к концу шестой недели со дня выступления вернулись», — пишет об этом бесславном походе Дусбург.

Великий князь Витень хотел воспользоваться этой победой и в 1315 году, «собрав всех людей королевства своего, способных сражаться», осадил орденский замок Христмемель на левом берегу Немана. 17 дней длилась осада замка. Литвины обстреливали Христмемель из двух камнеметов и луков и штурмовали его «сильнейшими ударами». Но, узнав, что на помощь замку идет с войском великий магистр, Витень снял осаду. По дороге назад великий князь Витень был убит ударом молнии.

Вот и все, что удалось узнать о человеке, имя которого донесли нам летописи. Неизвестна судьба его сына Свелегота, упоминаемого в орденских документах в 1309 году. Возможно, он погиб или умер, ибо не он стал великим князем, а брат Витеня — Гедимин. Ему и предстояло продолжить дело Витеня.

ГЕДИМИН
(1316—1341)

Жизнь и правление Гедимина* из-за отсутствия достаточного количества исторических источников также окутаны тайной. Те немногие сведения, что дошли до нас, не дают полного представления о Гедимине. Может быть, ярче всех характеристик о Гедимине говорят его дела? Если их проанализировать, то перед нами предстает незаурядная личность правителя Великого Княжества Литовского — мужественного борца с врагом, талантливого полководца, рассудительного политика. С Гедимином историки связывают начало возвышения Великого Княжества Литовского.

Ю. Оземболовский. Гедимин. 1841 г.

В белорусских летописях Гедимин назван сыном Витеня. Долгое время так и считалось. В XIX веке, когда были опубликованы «Ливонские акты», выяснилось, что в письме рижского магистрата к Гедимину в 1323 году он назван братом Витеня. Так вот документ исправил ошибки летописей и хроник.

Почти ничего не известно о деятельности Гедимина до его великокняжеского периода. Где был, чем занимался? Только можно предположить, что он был наместником Витеня в Аукштайтии, ибо в орденских документах он назван королем этой земли.

С самого начала своего правления Гедимину пришлось вести войну с крестоносцами. Орден по-прежнему с огнем и мечом наступал на Великое Княжество Литовское. Зимой 1316 года маршал Генрих фон Плоцке совершил поход в пограничную волость Пастовия, убил и взял в неволю 500 человек. Поход повторился — теперь на Жемайтскую волость Меденике, куда маршал привел множество прибывших из Германии пилигримов. Еще один отряд разорил предместье замка Бисена, а весной крестоносцы захватили и сам замок. Летом они вновь напали на Меденике. И это только за один год. Орден настойчиво стремился завоевать Жемайтию, чтобы объединить свои прусские и ливонские земли.

---

* По мнению П. Урбана, имя Гедимин, вероятно, означало «добрый властитель». Подобное имя было у британских кельтов.

Тактика была простой, но эффективной — превращение Жемайтии в пустыню.

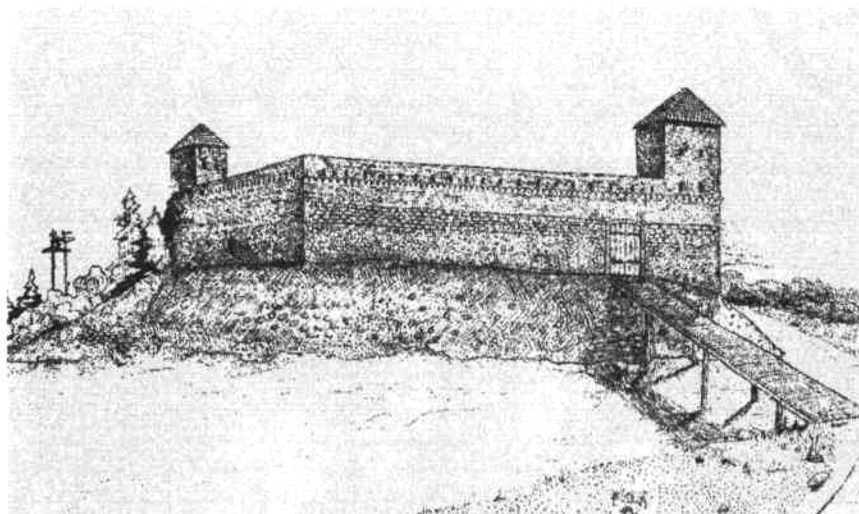
Крестовые походы на Жемайтию происходили в 1317—1319 годах. В 1320 году орденское войско во главе с воинственным Генрихом фон Плоцке вновь выступило на Жемайтию. По словам «Хроники Литовской и Жмойтской», крестоносцы разделили «войска свои натрое, всю землю Жмойтскую огнем и мечем сплюндровали и завоевали без отпору и Юрборку замку добыли». После крестоносцы взяли штурмом Ковно и сожгли его.

Гедимин вместе с войском стоял между Юрборгом и Ковно и ждал подхода дружин из Полоцка и Новогородка. И только когда подоспела помощь, великий князь выступил против крестоносцев. Возле местечка Жеймы 27 июля вражеские войска встретились. Первыми битву начали крестоносцы. Вооруженные ручницами, они открыли огонь. Им градом стрел ответили татары, которые стояли впереди войска Гедимина. Но, не выдержав натиска закованных в броню рыцарей, они отступили. Поверив в легкую победу, крестоносцы погнались за татарской конницей и попали в засаду, где с главными силами был Гедимин. Завязалась кровавая сеча... «А так немцы зброею, а литва хибкостью перемагала, копиями, мечами, потисками срогую битву з обу сторон ведучи, крик людей, громот збройных, рзане коней, звук труб и бубнов», — рассказывает «Хроника Литовская и Жмойтская». В самый разгар битвы в тылу у рыцарей восстали жемайты, находившиеся в орденском войске. «Замешалися немцы зараз, обачивши несподеванную здраду», а этого хватило, чтобы отряды Гедимина перешли в наступление. Новогородский и полоцкий полки ударили по флангам. Но и трусливое бегство не спасло рыцарей. Литвины гнали врага, «биючи, стинаючи, колючи, стреляючи, топячи и имаючи так, иж на килканадцеть миль по дорогах и полях трупу немецкого полно было». Погибло 29 рыцарей и 220 воинов. В битве пал и Генрих фон Плоцке. О больших потерях крестоносцев пишет и Петр Дусбург: «Прочие, блуждая в пуще много дней и ночей, вернулись, ослабев от голода». Два года после этого поражения Орден не нападал на Литву, и только в 1322 году, когда на помощь пришли рыцари из Силезии и Богемии, крестоносцы опустошили волости Вайкен, Руссигену* и Ариогалу в Жемайтии, «разрушая огнем и мечом как замки, так прочие строения, они устроили такое побоище людей тех, что даже мочащийся к стене там не уцелел». Но и литвины действовали «огнем и мечом». Давид Городенский разорил в Ливонии Дерпское епископство. Погибло и было уведено «в вечный плен» пять тысяч христиан.

Так началось правление Гедимина. Одной из главных задач для него было создание мощной оборонительной линии, опираясь на которую можно было отбивать нападения крестоносцев. Очевидно, что у государства хватало материальных и людских ресурсов для реализации этой нелегкой задачи. Гедимин понимал, что положение требует напряжения всех сил. Он начинает строительство каменных замков по линии Тро-

---

* Современные Вяйкай и Расяйнай в Литве.

Лидский замок. Рисунок М. Бектенеева. Реконструкция М. Ткачева. XX в.

ки, Вильно, Медники, Городно, Новогородок, Лида, Крево, Мядель. Со всех концов государства собирали строителей, княжеские тивуны сгоняли простой люд насыпать валы, копать рвы, тягать камни. Через столетия народ помнил об этих грандиозных стройках, и с тех пор еще живут выражения: «Каб цябе закаталі ў Вільню горы капаць!» или «Каб ты на Крэўскі замак каменне цягаў!».

Где-то в это время Гедимин переносит столицу Великого Княжества из Новогородка в Вильно и строит там, на Кривой горе, замок. Уже в 1323 году Вильно в Гедиминовых грамотах называется королевским городом. Считается, что именно Гедимин основал этот город. «Хроника Литовская и Жмойтская» повествует: «И в малых часех поехал после того князь великий Кгидимин в ловы от Трок за чотыри мили, и найдеть гору красную над рекою Вильнею, на которой знайдеть звера великого тура, и вбъеть его на той горе, где тепер зовуть Туря гора. И вельми было позно до Троков ехати, и станеть на луцэ на Швинторозе, где першых великих князей жыгали, и обночовал тут. И спечи ему там, сон видел, што ж на горе, которую зывали Крывая, а тепер Лысая, стоить волк железный великий, а в нем ревуть, як бы сто вильков. И очутился от сна своего и мовить ворожбиту своему именем Лиздейку, который был найден ув орлове гнезде, и был тот Лиздейко у князя Кгидимина ворожбитом найвышшым, а потом попом поганским: «Видел, дей, есми сон дивный». И споведал ему все, што ся ему у-во сне видело. И тот Лиздейко мовить господару: «Княже, волк великий жэлезный знаменуеть — город столечный тут будеть, а што в нем внутри ревуть, то слава его будеть слынути на весь свет». И князь великий Кгидымин назавтрее ж, не отеждчаючи, и послал по люди и заложыл город, один на Швинто-

М.Э. Андриолли. Жрец Лиздейко объясняет
Гедимину его сон. 1882 г.

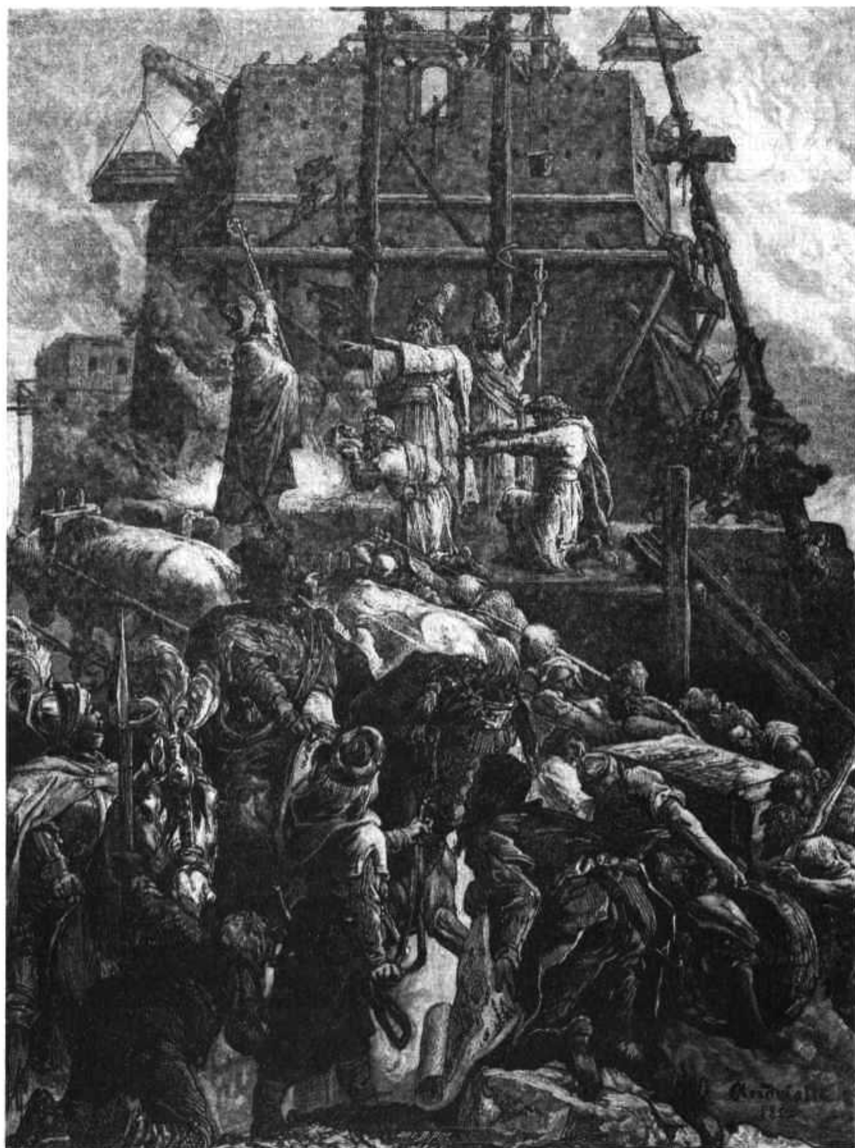
розе Нижний, а другий на Крывой горе, которую тепер зовуть Лысою, и нарячеть имя тым городом Вильня».

Красочное предание. Но орденский посол Кондрад Кибург, побывавший в 1397 году в Вильно, писал в своем дневнике, что сон про волка увидел Лиздейко, который рассказал о нем великому князю. Верховный жрец был заинтересован в том, чтобы его резиденция Кривич-город стала столицей.

Историки В. Голубович и Е. Голубович на основе археологических раскопок установили, что Кривич-город находился на горе Кривой. По мнению историков, стародавнее городище Вильно под названием «Кривич-город» существовало уже в XI—XII веках, когда Полоцкому княжеству принадлежала часть литовских земель. Но, по данным археологии, поселение кривичей располагалось и на левом, восточном берегу реки Вилии. Возведенный Гедимином на Кривой горе замок защищал это поселение с запада. Поэтому орденский хронист Виганд Марбурский и назвал Вильно славянским городом. На перенос столицы повлияло и военное положение Вильно. Кибург писал: «В военном отношении положение города превосходно, в нем можно защищаться при незначительных укреплениях: многочисленные возвышения, ущелья и глубокие овраги доставляют весьма удобные случаи для нападения на осаждающих. При таком положении можно осаждающего впустить в город и, окружив, вырезать до последнего человека; был бы только гарнизон мужествен и верен и при том хорошо предводим — Вильне невозможно нанести особенного вреда. Из этого следует, что не сон о железном волке и не предсказание чернокнижника дали Гедимину мысль основать здесь столицу государства, но знание военного дела, причем не могли укрыться выгоды местоположения. Гедимин был великим полководцем своего времени и достоин нашего подражания, хотя он и язычник». Из всех этих фактов следует, что и до Гедимина в этой местности существовало городище, а он всего лишь построил там замок.

Гедимину еще приписывают завоевание в 1320 году Галицко-Волынского и Киевского княжеств. Об этом сообщается в белорусских летописях XVI века. Русский историк Н. Карамзин считал, что рассказ о походе в 1320 году Гедимина на Волынь и Киев — вымысел летописцев. Современные Гедимину исторические документы не упоминают об этом походе, и все же отрицать возможность похода Гедимина на Волынь и Киев нельзя. Вероятно, татарский набег в 1324 году на Литву был вызван этим походом. Но ни Киев, ни Волынь не были завоеваны Гедимином.

Победить Орден только оружием было невозможно, и Гедимин это хорошо понимал. В Ливонии тем временем происходили благоприятные для Гедимина события. Вновь рижане и рижский архиепископ начали борьбу с ливонскими рыцарями за свободу Риги от орденской власти. Тут и возникла у рижан мысль обратиться к Гедимину с просьбой о помощи. В 1322 году рижское посольство прибыло в Вильно. Гедимин охотно принял предложение рижан заключить с ними союз. Послам

М.Э. Андриолли. Строительство замка Гедимина в Вильно. 1882 г.

удалось уговорить великого князя обратиться к папе Иоанну XXII с посланием, в котором он бы показал кровавый характер Ордена и пообещал крестить Литву. Гедимин отправил папе послание, в котором писалось: «Найвысшему отцу, папе Иоанну, первосвященнику римского стола, Гедимин, король литвинов и многих русинов.

Мы уже давно слышали, что все последователи христианской веры должны подчиняться вашей воле и отцовской власти и что сама католическая вера направляется заботой римской церкви, поэтому этим посланием мы сообщаем вашей милости, что наш предшественник король Миндовг со всем королевством принял христианскую веру, но из-за возмутительных несправедливостей и многочисленных измен братьев Тевтонского ордена все отступились от веры, так и мы из-за обид, что нам делают, до сегодняшнего дня находимся в ошибках наших предков. Наши предшественники неоднажды присылали для заключения мира к господам рижским архиепископам своих послов, которых они (тевтоны) немилосердно убивали, как это свидетельствуют случаи во времена господина Исарка, что от особы папы Бонифация содействовал установлению мира между нами и братьями Тевтонского ордена и отправил нам свое послание; но когда послы от господина Исарка возвращались, то по дороге одних убили, других повесили или заставили утопиться.

Папа Иоанн XXII. Гравюра XVII в.

Также предшественник наш, король Витень, направил послание господину легату Франциску, архиепископу Фредерику с просьбой прислать ему двух братьев Ордена миноритов, давая им место и построенную церковь. Узнав об этом, братья прусские Тевтонского ордена послали окружными путями отряд и сожгли эту церковь*.

Также они захватывают господ архиепископов, и епископов, и клериков, как свидетельствует случай с господином Иоанном, которого убили в курии во времена папы Бонифация, и с господином архиепископом Фредериком, которого они обманом изгнали из церкви: и со случая с одним клериком господином Бертольдом, которого они в городе Риге немилосердно убили в его доме.

Также они опустошают земли, как свидетельствует пример Земгалии и многих иных. Но говорят они, что делают для того, чтобы защитить христиан.

Святой и уважаемый отец, мы с христианами вели борьбу не для того, чтобы погубить католическую веру, но чтобы противостоять несправедливости, как делают короли и князья христианские; это ясно,

* Гедимин говорит о постройке Витенем францисканского костела в Новогородке и походе в 1314 году крестоносцев на этот город. Дусбург в своем рассказе об этом походе умалчивает о сожжении «братьями-рыцарями» католического храма.

2а*

потому что у нас живут братья Ордена миноритов и Ордена праведников, которым мы дали полную свободу крещения иных обрядов.

Мы, уважаемый отец, написали вам это потому, чтобы вы знали, почему наши предки впали в грех неверности и неверия. Но теперь, святой и уважаемый отец, мы старательно молимся, чтобы вы обратили внимание на наше бедственное положение, поскольку мы готовы, как и другие христианские короли, за вами во всем идти и принять католическую веру, только б нас ни в чем не притесняли названые палачи, а именно магистры и братья». Вот он голос оправдания «язычества» литвинов, история их драматического противостояния грабительскому Тевтонскому ордену, который своими разбойничьими нападениями на Литву отвращал их от христианства, как от веры своих врагов. Гедимин хотел, чтобы Европа узнала правду о тевтонских рыцарях.

Прошел год, а папа Иоанн XXII не ответил на грамоту Гедимина.

Тем временем в Европе появились новые грамоты Гедимина. В послании горожанам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кельна от 25 января 1323 года Гедимин приглашал их в Великое Княжество, обещал наделить землей, дать магдебургское право, освободить купцов от пошлин, а священникам — строить костелы и свободно проповедовать Божие слово. «Ибо наше желание теперь — никому не делать вреда, но всем помогать и укрепить союзом мир, братство и настоящей любовью со всеми верующими Христовыми», — писал Гедимин. Во второй грамоте от 26 мая 1323 года он уверял: «Клятвою обещаем вам всем, что установим такой мир, которого христиане никогда не знали». В этих словах — мечта Гедимина, политика и человека, к которой он искренне всем сердцем стремился, мечта о мире.

Наконец 6 августа 1323 года в Вильно прибыло совместное посольство от рижского архиепископа и магистрата, датского правителя Ревельской земли и представителей Ливонского ордена. Послы интересовались у Гедимина, исполнит ли он обещание. Великий князь уклонился от прямого ответа. «Как скоро приедут ко мне послы от папы, которых я жду каждый день, тогда все будет известно. Что я имею теперь на своем сердце, то знает Бог и я сам. От моих отцов я слышал, что папа есть наш общий отец, ближние за ним — архиепископы, затем иные епископы. Каждому человеку я позволяю жить в моей земле по его обычаю и по его вере». Такое впечатление, что Гедимин или передумал принимать католическую веру, или сомневался в правильности своего решения, и для этого возникли серьезные причины. Как только стало известно о желании Гедимина крестить Литву, против него выступили жемайтские феодалы. Они угрожали великому князю захватить его вместе с семьей и с помощью крестоносцев прогнать из государства или убить. Крестоносцы умело использовали недовольство жемайтов и подбивали их против Гедимина. Одновременно Орден предлагал Гедимину взятку в 1000 марок, лишь бы он крестился от орденских священников: тем самым епископство Литвы оказалось бы в юрисдикции орденской митрополии. Гедимин отклонил это предложение, хорошо понимая, куда клонят крестоносцы: подчинить Литву Ордену через костел.

Нужный мир с Ливонией Гедимин заключил. Причем, по «Хронике» Вартберга, Гедимин силой заставил ливонских послов подписать мир, «в противном случае они увидят, удастся ли им выбраться из его земли». Этот аргумент доходчиво подействовал на послов, и 2 октября они заключили мир, который признал и Ливонский орден. А папа Иоанн XXII 31 августа 1324 года утвердил его.

Но Орден не соблюдал мирного договора. В 1323 году ливонские рыцари ходили к Мяделю, где опустошили его околицы. «Также они разорили Полоцкую землю и через 40 дней вновь разорили ту же землю, жестоко убили восемьдесят человек, а некоторых повели с собой», — сообщал рижскому магистрату Гедимин.

И вот, наконец, приехали папские легаты. 3 июля 1324 года Гедимин принял их в своем Виленском замке.

Гедимин, поняв, что крещение Литвы не принесет желанного мира с Орденом, а только приведет к разладу с Жемайтией и православным населением государства, отказался от своих намерений. «Я ничего подобного писать не приказывал. Если же брат Бертольд так написал, то пусть ответственность за эту ложь падет на его голову. Если бы я когда-либо имел намерение креститься, то обратился бы за этим к дьяволу, а не к вам. Я действительно говорил, как написано в грамоте, что буду почитать папу, ибо он старше меня, и господина архиепископа я также уважаю, как отца, ибо он старше меня, а моих сверстников я буду уважать, как братьев, а тех, кто моложе меня, как сыновей. Я не запрещаю христианам служить Богу по их обычаям. Русинам — по своему, а мы служим Богу по нашим обычаям, и у всех один Бог. Что вы мне говорите о христианах? Где больше несправедливости, насилия, жестокости и излишества, чем у христиан, особенно у тех, которые кажутся благочестивыми, как, например, крестоносцы, которые совершают всякое зло... С тех времен, как появились тут эти христиане, они никогда не исполняли то, что обещали в своих клятвах. В прошлом году были тут послы вашей земли; с общего согласия, без всякого принуждения они заключили мир с нами и от имени всего христианства подтвердили договор клятвой, целовали крест и не выполнили того, что было скреплено клятвой. Они убили моих послов, которых я послал для утверждения мира, и не только их одних, но и многих других, и много раз они убивали, брали в плен, держали в тяжелой неволе — я не верю более их клятвам», — ответил Гедимин.

Заслуживает уважения редкая по тем временам веротерпимость Гедимина, особенно человечная в сравнении с воинственностью к другим конфессиям и религиям папской курии и крестоносцев. Следует согласиться с историком В. Васильевским, который писал: «Чтобы прийти к сознанию о единстве Верховного существа, которому одинаково служат и поклоняются каждый по-своему — и польский католик, и православный русский, и литовский язычник, для этого Гедимин должен был стать выше своего язычества и даже выше своего времени».

Гедимин болезненно переживал крах своих надежд. Вероятно, был он человеком эмоциональным и не мог сдержать чувства разочарования и обиды. Послы свидетельствуют: «После мы услышали от какого-то

брата Ордена миноритов, будто бы одна женщина из приближенных к королеве сообщила ему, что, когда мы там были и после того, как ушли с приема, король на всю ночь удалился в свою опочивальню, взяв с собой свояка Ерудоне, и горько плакал, и, перестав, начинал вновь, и вроде бы каждую ночь он делал так трижды и, как эта женщина предположила, он делал это потому, что он должен отказаться от своего первоначального решения».

По-прежнему Орден не собирался соблюдать мир с Великим Княжеством Литовским и планировал поднять против него Европу. Активизировал политику и Гедимин. Князем в Пскове был избран городенский староста Давид, который в 1322 и 1323 годах отбил от города ливонских рыцарей и разорил Дерптскую и Ревельскую земли. Гедимин в 1325 году заключил мир с польским королем Владиславом Локеткой, скрепив его браком своей дочери Альдоны с сыном Локетки Казимиром. Был заключен мир с Новгородом. Гедимин еще раз подтвердил свое желание сохранить мир. Посол Лесий заявил в Риге магистру и рижским властям, что «король наш желает строго почитать мир, если только не будет вынужден необходимостью отказаться от этого, защищаясь от своих врагов, вражеским нападениям которых мы, как известно, все время подвергаемся». Видимо, именно Лесий («один знатный литвин, будто бы второй после короля», по Дусбургу) официально передал от имени Гедимина прелатам и легатам, что они никогда не дождутся никакой грамоты о согласии короля на крещение свое или своих людей, и добавил, что этот король силой богов своих поклялся, что никогда не примет иного вероисповедания, чем то, которому следовали его предки.

Великий князь Гедимин в глазах Европы оставался князем язычников, что и оправдывало войну Ордена против Великого Княжества Литовского. Но Гедимин создал против Ордена коалицию, в которую вошли Польша, Рига, Новгород, Псков. Теперь уже он переходил в наступление на Орден.

В 1326 году начались совместные действия Великого Княжества Литовского и Польши. Польское войско и дружина в 1200 всадников Давида Городенского дошли до Франкфурта-на-Одере. Маркграф Людовик Бранденбургский вынужден был надолго отказаться от своих планов завоевания Западного Поморья и поддержки Ордена. В ответ прусские рыцари в 1328 году разорили Городенскую землю, сожгли предместья двух замков в Жемайтии, а в 1330 году напали там на предместье замка Гедимина и сожгли его. Война принимала затяжной характер и требовала от Гедимина поиска путей сдерживания орденского наступления.

Гедимин вновь воспользовался враждой рижан с ливонскими рыцарями. Рижане обещали Гедимину передать епископские замки. Но когда Гедимин в апреле 1329 года пришел в Ливонию, то узнал, что замки захватили крестоносцы. Взбешенный Гедимин накинулся на послов с угрозами. Но те пообещали ему в утешение, что поведут его туда, где он может нанести большой вред Ордену. В самом деле, проводники показали Гедимину богатые ливонские владения, которые литвины разорили и нанесли Ордену убытки более чем на 6000 марок серебра.

В. Ляхор. Бой дружины Давида Городенского с крестоносцами. 2010 г.

В описании Вартберга Гедимин выглядит свирепым язычником. Так, в приходе Пейстеле «король со своими братьями в течение двух ночей пользовались церковью как конюшнею для своих лошадей и совершали бесчисленные постыдные дела». Для нас ценным является упоминание Вартбергом о братьях Гедимина, вероятно, Воине Полоцком и Федоре Киевском, что может свидетельствовать об участии в походе полоцких и киевских дружин.

Все же ливонские рыцари подчинили Ригу и теперь не нуждались в мире с Великим Княжеством Литовским. Дважды — в 1330 и 1332 годах — они ходили на Жемайтию. А в 1333 году магистр Эбергард Мангеймский с многочисленным войском на ладьях по Двине приплыл к Полоцку. Полочане прогнали крестоносцев. В следующем году ливонские рыцари разорили Аукштайтию, убив 1200 человек. После они направились к Полоцку, откуда их вновь прогнали полочане.

Одновременно великий князь Гедимин проводил политику объединения белорусских земель. После его смерти в 1341 году в состав Великого Княжества Литовского входили Полоцкая, Витебская, Менская, Пинская, Берестейская земли и Подляшье, а также Галицко-Волынская земля. Поэтому в грамотах Гедимин титулуется как «король Литвы и многих русинов», хоть по статусу он был великим князем, как именуется он в летописях. В исторических документах ничего не сообщается, как происходило объединение белорусских земель под властью Гедимина. А поэтому можно считать, что этот процесс носил мирный характер. Уже в 1326 году Менское княжество было в составе Великого Княжества Литовского. Менский князь Василий ездил послом Гедимина в Новгород. Посольство представлял и князь Дорогобужа и Вязьмы Федор Святославич. Это дает возможность думать, что власть Гедимина распространялась и на Смоленское княжество. Не случайно смолен-

ский князь называл себя «молодшим братом» Гедимина, подчеркивая свою вассальную зависимость от него. Позже в 1338 году смоленский князь Иван Александрович в договоре с Ригой указывал, что заключает его «по тому докончанью, како то брат мой старейший Кетдимин и его дети Глеб и Алкерд»*. Таким образом смоленский князь координировал свою политику с Вильно, Полоцком и Витебском.

Мирным путем было присоединено Витебское княжество. Гедиминов сын Ольгерд в 1318 году женился на дочери витебского князя Ярослава Васильевича Марии и после его смерти в 1320 году стал владеть Витебском. Берестейская земля и Подляшье были присоединены, вероятно, в 1323 году, когда умер последний галицко-волынский князь Андрей Юрьевич, на дочери которого был женат сын Гедимина Любарт. Но на галицко-волынское княжение претендовали сын добжиньской княгини Анастасии и Болеслав Тройденевич Мазовецкий (правнук Тройденя), племянник по материнской линии Андрея и Льва Юрьевичей, которого поддерживали его отец — черский князь Тройдень и дядя — плоцкий князь Вацлав. Вероятно, они заключили договор с Гедимином и поделили галицко-волынское наследство: Болеславу доставалась Галиция и Волынь, а Гедимину — Подляшье, Берестейская и Пинско-Туровская земли. Выполняя этот договор, Гедимин послал осенью 1323 года на Добжинь дружину Давида Городенского. Добжинь был захвачен, многие деревни княжества сожжены, убито и взято в плен 20 тысяч человек. Сокрушительный удар, как отмечал Дусбург, от которого Добжиньская земля «едва ли когда-либо смогла отправиться». Этот разгром позволил Болеславу Тройденовичу стать галицко-волынским князем, а Гедимину занять Подляшье, Берестейскую и Пинско-Туровскую земли. Но, видимо, из-за этих земель между Гедимином и Вацлавом Плоцким возник конфликт. И на этот раз Гедимин решил вопрос оружием. Посланное им войско во главе с Давидом Городенским захватило Плоцк и разорило Мазовию. Вероятно, Подляшье Гедимин передал как раз Давиду Городенскому, своему зятю. А чтобы упрочить новое земельное приобретение, Гедимин скрепил союз с Болеславом Тройденовичем, выдав за него в 1331 году свою дочь Ефимию (Офку). После смерти Болеслава в 1340 году Польша захватила Галицию, а Любарт стал княжить на Волыни. Так произошел раздел Галицко-Волынского княжества, но не окончилась борьба за его наследство между ВКЛ и Польским Королевством.

Гедимин, выгодно используя политическое положение и брачные союзы, мирно расширил границы своего государства. Политическая мудрость Гедимина проявилась в том, что при включении в свое государство новых земель он гарантировал им «старины не рушить, а новины не вводить», сохранял местные законы, права феодалов, мещан и духовенства, подсудность их местным судам, самостоятельность при заключении торговых соглашений. Это подтверждает и мирная грамота 1338 года с Орденом. Гедимин указывал в ней, что он заключает мир с согласия епископа, короля (Глеба-Наримонта) и города Полоцка и коро-

* Глеб-Наримонт, князь полоцкий, и Ольгерд, князь витебский, вместе с Гедимином в 1338 году заключили мир с Ливонским орденом.

ля (Ольгерда) и города Витебска. Примечательно, что в договоре указаны и городские общины Полоцка и Витебска, значит, в этих городах сохранилось вече — орган самоуправления, контролирующий власть. Решения принимались по воле городской общины. Вече контролировало также земскую «скрыню», подати, таможенные пошлины, торговлю, издавало земские уставы. Сам выбор в правители литовских князей избавлял белорусские города от дани Золотой Орде, ибо они теперь не были под властью Рюриковичей и не входили в «Русский улус».

В собирании земель восточных славян Гедимин столкнулся с московским князем Иваном Калитой. Политические враги Калиты искали поддержки у Гедимина. Так поступали тверские и смоленские князья, Псков и даже «великий господин Новгород». Особенно поддерживал Гедимин союзные связи с Тверью: вначале с князем Дмитрием Михайловичем, за которого в 1320 году выдал свою дочь Марию, а после его смерти в 1325 году — и с его братом Александром. Когда Калита в 1327 году захватил Тверь, Александр бежал в Псков и при поддержке Гедимина стал псковским князем. Влияние Гедимина распространилось и на Новгород, который боялся как шведской экспансии, так и жадных слуг Калиты, выгребавших из карманов новгородцев серебро для уплаты «ордынщины». В 1333 году Новгород пригласил к себе служивым князем Глеба-Наримонта и дал ему пригороды Ладогу, Ореховый, Копорье и Карельскую землю. С этим вынужден был считаться Иван Калита, поэтому заключил с Гедимином союз и в 1333 году женил своего сына Симеона на его дочери Августе. Но дружественных отношений между двумя правителями не сложилось. Каждый проводил свою политику, хоть у обоих были общие враги — Орден и Орда, заинтересованные в разжигании вражды между ними. По просьбе Калиты хан Узбек вызвал в Орду Александра Михайловича с сыном, и там их убили.

Потерял великий князь Гедимин и свое влияние в Новгороде. Глеба-Наримонта, видимо, больше волновали дела в Полоцком княжестве, где он был князем. Он не откликался на просьбы новгородцев приехать в Новгород и правил ими через своего сына Александра. В конце концов Иван Калита в 1339 году с помощью Орды восстановил свою власть в Новгороде. Зато оставался в орбите политики Великого Княжества Литовского Смоленск, которому в 1333 и в 1339 годах Гедимин помог прогнать татарское войско, направленное Калитой.

Последние годы своей жизни Гедимин провел в борьбе с прусскими рыцарями. Как писал Дусбург, «идя по стопам своих предшественников, все свои усилия обратил на погибель веры и христиан». Германский император Людовик Баварский в 1338 году «пожаловал» Ордену Жемайтию, Куронию, Русь и Литву и тем самым подтолкнул «божьих» рыцарей к новым завоеваниям. В 1341 году крестоносцы взяли в осаду жемайтский замок Велону. Гедимин с войском поспешил на помощь. По дороге он решил овладеть орденским замком Байербургом. Во время штурма великий князь находился в рядах своих воинов. Каменное ядро из бомбарды попало в Гедимина и убило его.

По другим известиям, Гедимина отравили. В 1341 году великий князь, чтобы заручиться союзом с чешским королем Яном Люксембург-

ским, хотел с его помощью крестить Литву. Вот что пишет придворный хронист чешского короля Бенеш Вейтмилийский: «В тот самый год литовский князь, желая принять христианскую веру, пригласил к себе 10 священников и много христиан. Свои же, посоветовавшись, князя отравили». Вероятно, так оно и было. Как мудрый политик, Гедимин понимал пагубность бесконечной и кровавой войны с Орденом, поводом для которой было язычество части его подданных. Первая попытка крещения не удалась из-за сопротивления их самих и крестоносцев. Теперь же, когда чешский король искал союзников против императора Людовика Баварского, который поддерживал Орден, Гедимин решил воспользоваться выгодным моментом. Но, как видим, «свои же» и отравили его.

После себя Гедимин оставил сильную державу. Почти все белорусские земли вошли в состав Великого Княжества Литовского, и теперь с ним считались на международной арене, в частности Королевство Польское, Ливонский орден, Псковская и Новгородская республики, Великое Княжество Владимирское, ибо они почувствовали возросшую силу Великого Княжества Литовского.

ОЛЬГЕРД
(1345—1377)

А. Бозз. Ольгерд. Гравюра XIX в. с гравюры XVI в.

Летописцы пишут о нем как о выдающемся политическом деятеле, талантливом полководце, который был «разумен и любомудр, и крепок, мужествен бяше смысл мног стяжа ... тем и умножися княжениа его, якоже ни един от братии его створа, ни отец его Гедимин, ни дед его».

Кревский князь Ольгерд* Гедиминович в 1318 году женился на дочери витебского князя Ярослава Владимировича Марии, а после смерти тестя стал в 1320 году княжить в Витебске. До этого молодые жили в Можайске. Город, вероятно, достался Ольгерду по наследству от матери, смоленской княгини Ольги, сестры полоцкого князя Ивана Всеволодовича. Ольга была второй женой Гедимина и ро-

---

* По мнению П. Урбана, имя Ольгерд означало «великий славой». Оно встречалось у германцев и скандинавов в формах Olgard, Algardus, Allegard.

дила ему в 1296 году Ольгерда, а позже Кейстута. «Ольгерд и Кейстутей были в великой любви, и милости, и ласке», — говорится в Супральской летописи. «Братья Ольгерд и Кейстут превосходили других воспитанием, нравом, статностью, прирожденным рыцарским мужеством и многими другими знатными качествами, и потому они, более других братьев, любили друг друга», — пишет о братьях Матей Стрыйковский. Именно Ольгерд и Кейстут будут определять политику Великого Княжества Литовского, возглавят оборону своей державы и присоединят к ней новые земли.

Был Ольгерд рассудительным и прозорливым, сдержанным в чувствах. Когда положение складывалось против него, то действовал осторожно и хитро. Мог долго ждать своего часа, а дождавшись, не сомневался, не медлил, действовал решительно и стремительно. В глубокой тайне прятал свои мысли и намерения. Не радовал себя утехами и вином, думал о своем княжестве и народе, служил им. Современник Ольгерда так описывает его: «...князь имеет величественный вид; лицо его румяное, продолговатое, нос выдающийся, глаза голубые, очень выразительные, брови густые, светлые, волосы и борода светло-русые с проседью, лоб высокий, чело лысое, он росту выше среднего, ни толст, ни худощав, говорит голосом громким, внятным и приятным; он ездит прекрасно верхом, но ходит, прихрамывая на правую ногу, поэтому обыкновенно опирается на трость или на отрока; по-немецки понимает отлично и может свободно объясняться, однако же всегда говорит с нами через переводчиков».

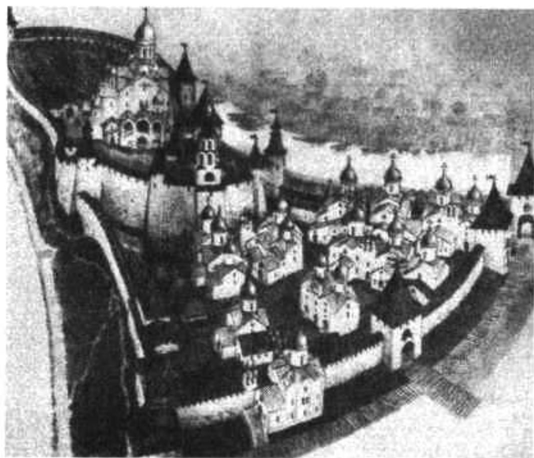
Но пока Ольгерд находился в тени своего отца Гедимина, выполнял его повеления. Весной 1327 года Ольгерд привел войско на помощь

Н. Чернышев. Древний Изборск. Реконструкция. 1954 г.

польскому королю Локетке и дошел до Франкфурта-на-Одере. Участвовал он и в сражениях с крестоносцами. И только в 1342 году Ольгерд выступает как самостоятельный правитель. В это время к нему обратились псковичи с просьбой о помощи против ливонских рыцарей, которые вторглись в Псковскую землю и осадили Изборск. «Братья наши, новгородцы, нас покинули, не помогают нам; помоги нам ты, господи!» — просили витебского князя псковские послы. Ольгерд, Кейстут и сын полоцкого князя Воина Любко со своими дружинами пришли в Псков. Ольгерд не вступил в бой с крестоносцами, хоть изборцы и молили его о помощи. Недовольны были Ольгердом и псковичи. Но Ольгерд успокоил их: «Сидите в городе, не сдавайтесь, бейтесь с немцами, и если только не будет у вас крамолы, то ничего вам не сделают. А если мне пойти со своею силою на великую их силу, то сколько там падет мертвых и кто знает, чей будет верх? Если, Бог даст, и мы возьмем верх, то сколько будет побито народу, а какая будет из этого польза?» Действовал он рассудительно: выжидал, если не имел перевеса в силах над неприятелем, не лез напролом. А значит, что-то задумал. .Он как бы насмехался над псковичами, когда говорил, что крестоносцы сами уйдут с Псковщины. И правда, после десяти дней осады ливонцы отступили от Изборска. Монах-летописец посчитал это за чудо и защиту Святого Николая Чудотворца. А разгадка была простая: князь послал в Ливонию три отряда, которые начали разорять орденские земли. Крестоносцам уже было не до Изборска, и они поспешили спасать Ливонию. Так без особых потерь Ольгерд прогнал завоевателей с Псковской земли. «Не только силою, сколько мудростию воевал», — повествует о князе Никоновская летопись.

Псковичи хотели крестить Ольгерда и посадить его на княжение в Пскове. Витебский князь ответил: «Я уже крещен, я уже христианин, а второй раз креститься не хочу и садиться у вас на княжение не хочу». О том, что Ольгерд «охристился в русскую веру», пишет и «Хроника Быховца». Будучи христианином, он все же не решился на крещение Литвы: «панове литовские вси были в своих верах поганских. И князь велики Ольгерд не чынил силы и в веру свою не вернул, и римское веры в Литве паки не было, толко руская змешалися», — говорится в «Хронике Быховца». В православии Ольгерд носил имя Александр, по другим

Г. Мокеев. Древний Псков. Реконструкция. XX в.

известиям — Андрей. Но в помяннике Слуцкого монастыря записано: «Князя великого Олгирдово с крещении наречь Димитрия». Такие разные данные о христианстве Ольгерда объясняются тем, что князь не придавал официального характера своему вероисповеданию, чтобы не показывать превосходство одной веры над другой. Тем не менее, он возвел в Витебске церкви Благовещения и Святого Духа и крестил своих детей. Воспитывались они, по словам Яна Длугоша, «по греческому обычаю и на основах греческой веры», т. е. в православии. Но в орденских, русских и польских хрониках Ольгерд представлялся язычником, «врагом креста», и это мнение перешло в историческую литературу. Сработало стереотипное представление о Литве как о языческой стране, а значит, и правитель ее был язычник. И позже в 1411 году, когда была уже крещена Литва, великий князь Витовт укорял новгородцев за то, что они называли его «поганым», т. е. язычником. Как видим, сложившееся представление нелегко сломить, а тем более навязать новое.

Вместо себя Ольгерд предложил псковичам сына Андрея. Молодой княжич был возведен на псковский посад.

Но не Ольгерду достался великокняжеский посад, а Евнуту — сыну Гедимина от третьей жены, полоцкой княжны Евны. Остальные братья не признали власти великого князя и правили самостоятельно в своих уделах: Монивид — в Кернове и Слониме, Глеб-Наримонт — в Полоцке, Любарт — в Луцке, Кейстут — в Троках, Городно и Берестье, Ольгерд — в Витебске и Креве. Каждый правил по своему усмотрению. Только раз собрались они вместе для решения общегосударственных задач. В 1341 году Гедиминовичи участвовали в походе на Пруссию, который возглавил Монивид. Он, вероятно, претендовал на верховную власть в государстве и в обход Евнута подписал перемирную грамоту с Орденом. Хотя, как старший из Гедиминовичей, он считал себя достойным великокняжения, но вот так и не стал великим князем, ибо вскоре после похода умер. В разделе Воскресенской летописи «Начало государей Литовскых» отмечается, что великим князем стал второй сын Гедимина — Наримонт. В одной из битв с татарами он попал в плен, откуда его выкупил московский князь Иван Данилович. Наримонт крестился в православие, «и того для братия его и вся земля Литовъская не даша ему великого княжения, а посадиша на великое княжение Олгерда, а Наримонта взяли въ Великий Новгородъ на пригороды». Эти факты не подтверждаются другими источниками. Известно, что Глеб-Наримонт с 1338 года был полоцким князем, а новгородские пригороды получил еще в 1333 году.

Правдоподобно, что после смерти Монивида Глеб-Наримонт, как старший брат, пользовался большим влиянием в государстве, мог даже выполнять функции великого князя. Правление Наримонта не подкреплено никакими документальными и письменными свидетельствами. Но остались предания о великом князе Наримонте, прототипом которого и был Глеб-Наримонт. Летописный Наримонт «вделал герб человека на кони з мечом», но первая известная печать с гербом «Погоня» принадлежала именно Глебу-Наримонту, которой он в 1338 году как полоцкий князь скрепил договор с Ливонским орденом.

Даже если Великим Княжеством и правили Глеб-Наримонт и Евнут, то Ольгерд и Кейстут брали на себя политическую инициативу. Они организовали в 1342 году поход в Пруссию. Именно к ним как к самым сильным князьям Великого Княжества Литовского и обратились за помощью псковичи. Так что закономерно, что Ольгерд и Кейстут считали себя некоронованными властителями Великого Княжества и мечтали взять верховную власть в державе.

Четыре года после смерти Гедимина в Великом Княжестве было спокойно, не тревожили и внешние враги. Да покой этот был обманчивый. В Ордене решили, что наступил удобный момент нанести Великому Княжеству сокрушительный удар: оно распалось на уделы, великий князь не обладает сильной властью и некому дать отпор врагам. В Пруссии собрались европейские властители, среди них были чешский король Ян, венгерский король Людовик, граф Гюнтер Шварцбуг (ставший позже императором), маркграф моравский Карл, граф голландский Вильгельм IV, граф голштанский Генрих и другие знатные особы. Намечался грандиозный поход на Литву.

Вот тогда Ольгерд и Кейстут решили свергнуть с великого посада Евнута: «Евнутий не бяшеть храбръ, а держит стольный градъ Вильно». В 1345 году Ольгерд и Кейстут выступили на Вильно. Кейстут 22 ноября захватил город. Евнут убежал из замка в одном кожушке, но был пойман и «хован в тюрьме». Кейстут передал власть приехавшему из Крева Ольгерду: «Тобе подобаеть княземь великим быти во Вильни, ты стареши брат, а я с тобою за одно живу». Сам Кейстут стал княжить «волею своею на княстве Троцком», в состав которого входили Аукштайтия, Подляшье, Городенская и Берестейская земли. А Ольгерд «...в Вильне на Великом князстве Литовском и Русском пановал». Из этого сообщения видно, что Великое Княжество Литовское и Русское в то время состояли из Виленской, Новогродской, Менской, Полоцко-Витебской земель, а Трокское княжество, хоть и было вассальным, но не входило в Великое Княжество.

А. Кривенко. Евнут. XX в.

Не все Гедиминовичи приняли власть Ольгерда. Евнута сбежал в Москву. Но московский князь Симеон Гордый не

захотел ссориться с новым великим князем литовским и не помог Евнуту вернуть великий посад. Сбежал в Орду и полоцкий князь Глеб-Наримонт. Он также не получил поддержки и лишился Полоцка, который Ольгерд передал своему сыну Андрею.

Вскоре беглецы вернулись назад. Глеб получил Пинский удел, а Евнут — Заславль. Мир в Великом Княжестве Литовском был сохранен.

Орден встретил достойный отпор. Пока крестоносцы безуспешно осаждали один из замков в Аукштайтии, Ольгерд ворвался в Пруссию. Крестоносцы сняли осаду и поспешили защищать свои владения. Ольгерд неожиданно поменял направление похода. Морским берегом привел свое войско в Куронию и напал на владения ливонских рыцарей, захватил и разрушил замок Тервете, разорил предместья Митавы и Зегевольда, волости Торейде и Кремун. «Он произвел большое кровопролитие, убив около 2000 человек, и многих увел в плен», — писал Вартберг. Во время похода к Ольгерду в лагерь прибыл один ливский старейшина и сказал, что ливы избрали его королем. «Литовский же король спросил его, что нужно сделать с ливонским магистром. Тогда лив ответил, что они прогонят его вместе со всеми немцами. Но король сказал: «Мужик! Ты не будешь тут королем!» и велел ему отрубить голову на поле перед замком Зегевольда», — сообщает Вартберг. Но он не объясняет поступка Ольгерда. Что толкнуло его на жестокость? Вероятно, Ольгерд считал, что Ливония должна принадлежать ему как наследственное владение полоцких князей, чью власть он унаследовал. А поэтому терпеть какого-то «мужика», покусившегося на его власть в Ливонии, не стал. Решение было опрометчивым, ибо Ольгерд выступил против воли ливов и лишился их поддержки. Но разве мог он подчиниться чужой воле?

Итоги этого стремительного и разрушительного похода Ольгерда принесли Ордену не только материальные и физические потери, но и моральные. Титулованные гости разочаровались в мощи Ордена, и симпатии к крестоносцам значительно остыли. Многие из них уже более не откликались на призыв Ордена помочь распространять христианство в Литве. Магистр Людольф Кениг был объявлен сумасшедшим, и его заменили на деятельного Генриха Дусмера.

В начале своего правления Ольгерду нужно было не только укрепить власть в Литве, но и показать свою силу соседям. Когда он узнал, что московский ставленник в Новгороде назвал его псом, то в 1346 году выступил в поход на Новгородскую землю. «Хочу с вами видеться, бранил меня посадник ваш Ефстафий Дворянинец, называл псом», — передал Ольгерд через послов новгородцам. Личное оскорбление было только поводом для похода на Новгород, не месть вела Ольгерда, а политическая необходимость убрать ставленника московского князя Симеона в Новгороде.

Действия Ольгерда оказались эффективными для него и плачевными для новгородцев. Он разорил земли по рекам Шелони и Луге и возвратился домой. А Новгород понял, что «покоя» от Ольгерда теперь не

ждать, и откупился большой контрибуцией. На вече новгородцы убили Дворянинца: «Из-за тебя разорили нашу волоть». С Великим Княжеством Литовским Новгород заключил мир.

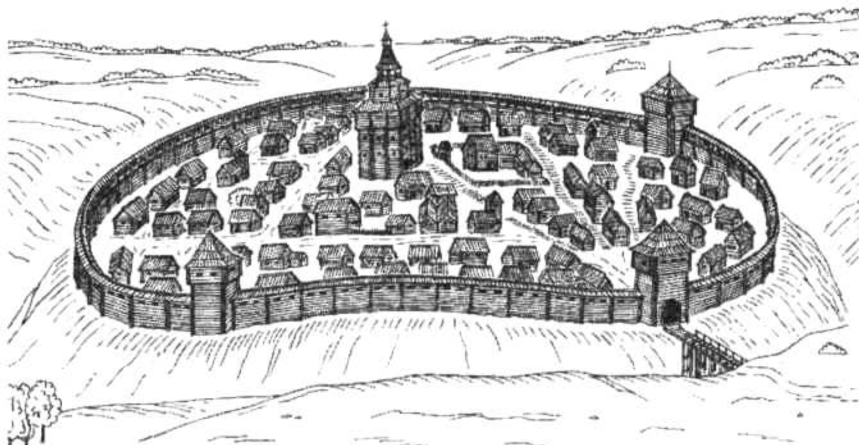
Стало ясно, что на великокняжеский посад в Вильно сел хитрый и рассудительный, смелый и осторожный, решительный и терпеливый правитель. Впечатляет его редкая активность. Ольгерд с войском появляется то в Пруссии, то в Ливонии, то под Псковом, то под Москвой, то в Крыму, то на Подолии, то на Волыни. Своей деятельностью он охватывает почти всю Восточную Европу.

В начале 1348 года возобновилась война с Орденом. Сорокатысячное войско крестоносцев, в котором были рыцари из Германии, Франции, Англии, напало на Литву. 2 февраля на реке Страве возле замка Жижморы произошла битва между крестоносцами и войском Ольгерда, основу которого составляли полки из Пинска, Полоцка, Витебска, Берестья, Смоленска и Владимира Волынского. Главный удар Ольгерд нанес по центру крестоносцев. Увидев, что правое крыло литвинского войска ослаблено (увязло в болоте), великий магистр Генрих Дусмер двинул левое крыло своей рати в обход и одновременно ударил по центру. Литвины начали отступать через Страву, но проломился лед, и утонуло много людей. Погиб и Ольгердов брат, пинский князь Глеб-Наримонт. По орденским известиям, Ольгерд потерял 10 000 воинов, что явно завышено. Но и крестоносцы понесли значительные потери и не двинулись на завоевание Литвы, а отступили в Пруссию. Какая же это победа? Пиррова победа, пафосно воспетая орденскими хронистами.

После битвы на Страве Орден отказывается от крупных походов и переходит к тактике мелких набегов-рейзов. Кейстуту хватало сил отбиваться, а Ольгерд мог заняться политикой на Востоке. Цель ее Ольгерд высказал открыто: «Вся Русь должна принадлежать Литве». Об этом в 1358 году в Нюренберге заявили его послы императору Карлу IV. От императора Ольгерд и Кейстут требовали возвратить Великому Княжеству завоеванные Орденом прусские и ливонские земли, переселить крестоносцев на границу с татарами, а взамен они крестят Литву. Император отправил к Ольгерду посольство. Послы передали отрицательный ответ императору и потребовали земельных уступок Ордену, которые еще сделал Миндовг. «Теперь ясно вижу, что у вас дело не о моей вере, как говорите, а о день-

М. Э. Андриолли. Бой литвинов с крестоносцами. 1883 г.

Мстиславль. Рисунок А. Велько. Реконструкция М. Ткачева. XX в.

гах», — сказал Ольгерд императорским послам. «Литовские князья еще раз обманули императора и Орден для того, чтобы выиграть время, необходимое им для отдыха», — считает Вартберг. Так-то оно так, передышка нужна была Кейстуту и Ольгерду, но перевести дыхание не давали события. Времени на отдых не было.

Ольгерд добивался успехов в своей восточной политике. В 1356 году он присоединил к Великому Княжеству Брянск, а в 1358 году — Мстиславль. Смоленский князь Святослав Иванович признал власть Ольгерда.

Наибольшего успеха Ольгерд достиг в 1362 году (по другим известиям — в 1363 г.) после похода в «поле Дикое». Войско Ольгерда разбило объединенное войско Крымской, Перекопской, Ямболукской орд. По мнению историков В. Тимошенко и Н. Линника, битва произошла 15 сентября 1362 года на реке Синяя Вода — левом притоке Южного Буга, возле современного Уланова.

«Хроника Литовская и Жмойтская» так описывает битву: «А гды пришли до Синей Воды, минувши Киев и Черкасы, указалася им в полю великая орда з трома цариками на три обозы разделенныи, то есть Котлубая (крымского хана), Китабея, Бекера (хана Перекопской орды) и Дмитрасолтана. То обачивши, Ольгерд, же до войны готовы татаре, розшиковал войско свое на шесть гуфов закривленных з боков и на чоло розсадивши, абы их татаре танцами звыклыми огорнути и стрелами шкодити не могли. А потом з великою запальчивостю татаре град железный з луков на литву густо пустили, але им стрелбою не зашкодили, для порядного ушикованя и прудкого розступеня. Литва зас з русю скочила зараз з копиями и шаблями, потыкаючися, чоло им перервали и танцы помешали, другие зас з куш белтами, а в звалаща новогорожане з Кориятовичами валили их з коней (Кориятовичи — сыновья новогородского князя Михаила — Кориата, Юрий, Александр, Константин,

Федор, — *Авт.*), натираючи на них з боков, летали не иначей як снопы от гвалтовного ветру татаре розбурены, а не могучи больш литве на чоле вытрвати, почали мешатися и утекати по широких полях... Трупов тежь татарских полны поля и реки были». В битве погибли и татарские предводители Котлубуг, Хаджибег и Дмитрий.

Ольгерд сполна использовал победу. Он освободил от власти татар города Белую Церковь, Звенигород, Путивль, захватил татарские крепости Торгавицу и Очаков, «и от Путивля аж до вустя Дону от татаров волно учинили и остранили аж до Волги». Земли от устья реки Серет до Черного моря, бассейны рек Днепра, Южного Буга, Южное Поднепровье были освобождены от татар, «аж ледве часть их праз Днестр утекла на Черное море и до Перекопу». Киевская, Черниговская, Новгород-Северская земли, Подолие вошли в состав Великого Княжества Литовского.

Присоединение огромных территорий бывшей Руси повлияло и на название государства. Теперь оно называлось Великим Княжеством Литовским и Русским. Литвой считали балтские земли государства, западные и центральные земли Беларуси до Днепровской Березины. Польский хронист Ян Длугош писал: «Литву от русских земель отделяла река Березина». Но в широком смысле под Литвой понимали почти всю Беларусь. Например, в «Списке русских городов дальних и ближних» (конец XIV и начало XV столетий) к «литовьскым» городам отнесены: «Случеск. Городец на Немне. Мереч. Клеческ. Кернов. Ковно. Велкомирье. Моишогола. Вильно. Трокы. Медники камен. Крев. Лошеск. Голшаны. Березуеск. Дрютеск. Немиза. Рша камен. Горволь. Свислочь. Лукомль. Логоско. Полтеск. Видбеск. Новыи городок Литовьскыи. Оболчи... . Лебедев. Борисов. Лида. Пуня. Любутеск. Перелаи. Родно. Менеск. Мченеск. Ижеславль».

Ольгерд принимает титул «великий князь Литовский, Русский, дедич Кревский, Витебский, Полоцкий и иных», как он подписался в одной из грамот. Со временем он укрепил свою власть. В первые годы правления доводилось Ольгерду лавировать между разными группами бояр, между язычниками и христианами, между интересами братьев. И если вначале под давлением языческих жрецов Ольгерд якобы покарал троих своих вельмож — Кумца, Нежилу и Круглеца, принявших христианство, то, укрепившись на великокняжеском посаде, он проводит христианизацию Вильно. По его приказу разрушили языческое капище и построили церковь Святого Михаила. Вторая Ольгердова жена Ульяна Тверская приказала высечь священную дубраву. На месте, где казнили троих христиан, Ольгерд возвел Троицкую церковь. В 1365 году он расправился с восстанием язычников «с тем, чтобы, имея такой пример, никто христианам никакого вреда не делал», как свидетельствовал орденский сановник Конрад Кибург. Эти факты противоречат сочиненному в Константинополе «Житию трех виленских мучеников». Не мог князь-христианин расправиться с теми, кто принял его веру, если, конечно, они не провинились перед ним в чем-нибудь преступном. Но, кажется,

что «Житие» было политическим заказом московской митрополии с целью очернить Ольгерда в глазах его православных подданных. К этому вопросу мы еще вернемся.

Позже, в 1368 году, Ольгерд провел важную реформу, направленную на ограничение власти жрецов-кревов. Наместники Ольгерда теперь «то само яко кревовие* с тоюж моцою судили и суды свои в дело вводили». Ольгерд решительно менял старый уклад жизни своих подданных. Сила жреческой касты была сломлена. Эти случаи и показывают рост Ольгердовой власти. Вначале он зависит от разных политических групп, но потом «держал свою державу в великом порядку».

В борьбе за бывшие земли Древней Руси Ольгерд, как Гедимин, столкнулся с Великим Княжеством Владимирским. Ольгерд поддерживает своих союзников, тверских князей, даже после смерти жены Марии Витебской женится в 1350 году на княгине Ульяне Тверской. В 1368 году московский князь Дмитрий Иванович выгнал из Твери князя Михаила Александровича. Князь прибежал в Литву к Ольгерду и просил его пойти ратью к Москве, при этом молился и бил челом со слезами. Михаил Александрович просил у дочери великой княгини Ульяны содействия, и она начала понуждать Ольгерда заступиться за своего отца. Как оказалось, Ольгерд был под ее сильным влиянием, поэтому, «жены своеа молениа слушаа», пошел на Москву. Но не только это вынудило Ольгерда начать войну с Дмитрием Ивановичем. Московский удельный князь Владимир Серпуховский захватил Ржев, и Ольгерд желал возвратить этот город. Поход готовился тайно. Несколько тысяч человек мостили по лесам дороги, наводили мосты через реки, гати на болотах. В поход выступили Кейстут и его сын Витовт, который «тогда бо еще младъ и неславенъ», смоленская рать. Поход был стремительным и неожиданным для Дмитрия Ивановича; он даже не успел подготовиться к его отражению. Русский летописец подробно описывает тактику Ольгерда: «Бе же обычай Олгерда Гедименовича таковъ; никто же не ведаше его, куды мысляше ратью ити, или на что събираеть воинства много, понеже и сами так воинствении чинове и рать вся не ведяше, куды идяше, ни свои, ни чюжии, ни гости свои, ни гости пришельци; въ таинстве все творяше любомудро, да не изыдеть весть въ землю, на неяже хощеть ити ратью, и таковою хитростию изкрадываше, многи земли поималъ и многи грады и страны попленилъ; не толико силою, елико мудростию воеваше, и бысть отъ него страхъ на всехъ, и превзыде княжением и богатьством паче многихъ».

Но и сила нужна была. Благодаря перевесу своего войска 21 ноября на реке Тростне Ольгерд разбил московский, коломенский и дмитриевский сторожевые полки и подошел к Москве. Напуганный князь Дмитрий Иванович спрятался за мощные каменные стены кремля, построенного за год до этого. Три дня простоял Ольгерд с войском около Московского кремля, пока Дмитрий Иванович не запросил мира. По договору Тверь вновь переходила к законному владельцу князю Ми-

* Языческие жрецы.

С. Харламов. Дмитрий Донской перед Куликовской битвой. 1976 г.

хаилу Александровичу. Дмитрий Иванович отказывался вмешиваться в дела Тверского княжества. Ржев возвращался Великому Княжеству Литовскому. Граница Великого Княжества Литовского с Великим Княжеством Владимирским пролегла «по Можайск а по Коломну». Добив-

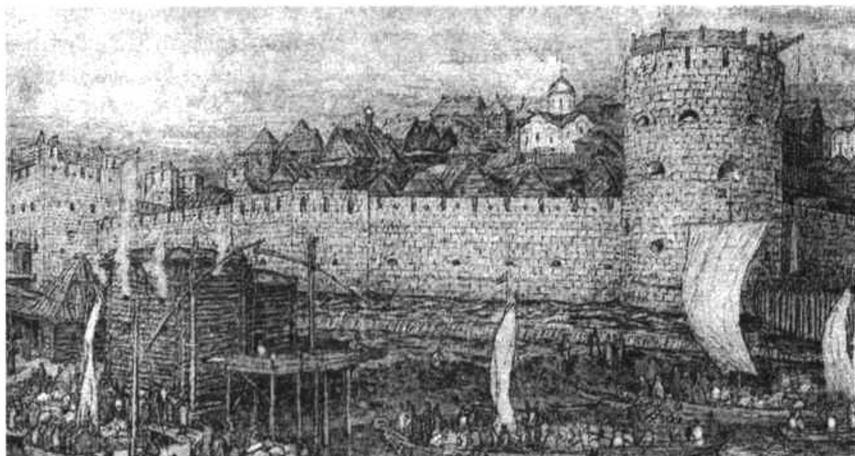
шись своего, Ольгерд 27 ноября отошел от Москвы, предавая огню и опустошению все на своем пути. Красочно рассказывает об этом походе «Хроника Быховца»: «И в тыи часы князь велики Олгерд Гидыминович литовский и руский, справуючы радне господарство свое, и не малы час пановал у Великом княстве Литовском, и был в докончании* и в доброй прыязни з великим князем Дмитрием Ивановичом московским. Которы же князь велики без кождое прычыны, опустившы докончания и прыязнь, и прыслал до великого князя Олгерда посла своего со одповедию, а прыслал к нему огонь и саблю, и даючы ему видати, што «буду в земли твоей по красной весне, по тихому лету». И князь велики Олгерд вынял с огнива губку а кремень, и, запаливши губку, дал послу, а рек так: «Дай то господару и поведай ему, што у нас в Литве огонь есть, же бо он одказывает до мене, хотячы в моей земли быти по красное весне и по тихому лету. А я дасть Бог в него буду на Велик день, а поцалую его красным яйцом — через шчыт с улицою, а з Божыю помочыю к городу его Москве копие свое прыслоню; бо не той валечник**, што часу подобного вальчыт, але той валечник, коли непогода вальки, тогды над непрыятелем своим непрыязни доводит». И одпустившы посла и собравшы войска свои вси литовские и руские, и пошел з Витебска просто ку Москве. И на самы Велики день рано князь велики со бояры и со князи от завутрыни идет з церкви, а князь велики Олгирд со всими силами своими, роспустившы хоругви свои, вказался на Поклонной горе.

И видячы то князь велики московски и впаде в страх велик и ужасеся, видячы великого князя Олгерда з великою силою его, иж прышол на него так моцне а сильне подлуг слова своего. И не могучы ему жадного одпору вчынити, и послал до него, просячы его и великия дары ему обицаючы, абы его з ойчызны его Москвы не выгнал, а гнев бы свой одпустил, и взял бы в него, што хотел.

И князь велики Олгерд сожалился, и ласку свою вчынил, и з Москвы его не добывал, и мир с ним взял. А затым, змову вчынившы, и сам князь велики московски к нему выехал и с ним виделся, и дары многими безчысленне, золота, серебра и дорогим жемчугом, и собольми и инным дорогим а дивным зверем мохнатым князя великого Ольгерда даровал, и шкоду, которую он прынял в земли его идучы, ему заступил***. И затым князь велики Олгерд рек князю великому московскому: «Ачкольвек есми з тобою перемирылся, але ми ся иначей вчинить не годит, только мушу под городом твоим Москвою копие свое прыслонити, а тую славу вчынити, што велики князь литовски и руски, и жомойтски Олгерд копие свое под Москвою прыслонил». И вшедшы сам на конь, и копие вземшы в руку, и прыехавшы ко городу и копие свое к стени прыслонил, и едучы назад рекл так великим голосом: «Княже велики московски! Паметай то, што копие литовское стояло под Москвою».

---

* Мирный договор.
** Воин.
*** Возместил.

А. Васнецов. Московский кремль времен Дмитрия Донского. 1922 г.

Очевидно, что рассказ из «Хроники Быховца» — красочный вымысел летописца, который гордился правителем Великого Княжества Литовского, его находчивостью и решимостью. Но в памяти русских летописцев этот поход остался как «первое зло от Литвы». «Остаток посада пожже, и монастыри, и церкви, и волости, и села попали, а христианы изсече, а ины в полон поведе, иже не успели разбежатися, первое зло от Литвы створися окаянно и всегубительно», — написано про это «зло» в Никоновской летописи. Зато тверской летописец оправдывал Ольгерда, заметив, что он учинил «лихо за лихо». Во время этого похода Ольгерд расправился с князем Семеном Дмитриевичем Стародубским, желавшим вернуть Стародубское княжество, а в Оболенске убил князя Константина Юрьевича.

Конфликт с Москвой со временем перерос в многолетние войны, которые шли с переменным успехом.

Дмитрий Иванович не держал мира. Зимой 1369 года московская и волоколамская рати захватили Ржевскую волость. Потерпели и союзники Ольгерда. Дмитрий Иванович пленил нижегородского князя Бориса, зятя Ольгерда, а его княжество стало добычей московского князя. Досталось и новосильскому князю Ивану, чье княжество захватили московские полки: его мать и жена, дочь Ольгерда, взяты в плен. Летом 1370 года московские полки напали на Брянск, а зимой воевали с Тверским княжеством. Надо было наносить ответный удар, чтобы утихомирить агрессию Дмитрия Ивановича. Убежавший в Литву князь Михаил Александрович опять просил заступиться за него.

Ольгерд вновь пошел на Москву. В ноябре 1371 года Ольгерд и Кейстут, а также их союзники Михаил Тверской и Святослав Смоленский с дружинами подошли 25 ноября 1371 года к Волоку Ламскому, где дорогу им перегородили московские полки, но они были разбиты.

Брать город Ольгерд не стал. Дав войску отдохнуть три дня, Ольгерд пошел прямо на Москву и 6 декабря осадил ее. Дмитрий Иванович вновь просил мира. Ольгерд ответил московскому послу: «Не желаю разлития крови людской, не за тем пришел, чтобы уничтожение расширить, ибо хочу справедливости и оставаться приятелем князя Дмитрия». Так, Ольгерд не жаждал пролития людской крови, но вынужден был с оружием защищать свое государство. С Дмитрием Ивановичем было заключено краткое перемирие. Ольгерд повел войско назад. Поход можно было считать удачным, если учесть, что Михаила Тверского в Орде утвердили великим князем владимирским, а из плена были освобождены родственники Ольгерда.

Не имея сил справиться с Ольгердом, Дмитрий вместе с митрополитом Алексием пожаловались на него константинопольскому патриарху Филофею. И патриарх откликнулся, прислал на Русь две грамоты. Русские князья призывались объединиться вокруг Дмитрия Ивановича для общей войны против «врагов креста, которые безбожно поклоняются огню». Война с Ольгердом означала «воевать за Бога и бить врагов его». Православные князья («позорные нарушители заветов божьих и своих клятв и обещания»), помогавшие Ольгерду в борьбе с Дмитрием, были отлучены от церкви. Патриарх требовал отречься от Ольгерда и тем самым заслужить прощение. Сам Ольгерд признавался «врагом креста»*. Нечего говорить, что подобные грамоты служили врагам Ольгерда. Забыли о клятвах козельский и вяземский князья и перешли на службу к Дмитрию.

Ольгерд был возмущен коварством Дмитрия и нарушением перемирия, скрепленного браком Ольгердовой дочери Елены с двоюродным братом Дмитрия Владимиром Андреевичем Серпуховским. Но больше всего Ольгерд возмущался поступком митрополита: «Не было такого митрополита, как этот митрополит: благословляет московитов на пролитие крови, а к нам в Киев не отправляется. А кто целовал мне крест и убежал в Москву, с того митрополит снимает целование креста. Было ли такое на свете, чтоб целование креста снимать? Нужно митрополиту благословить московитов, чтобы нам помогали, поскольку мы воюем за них с немцами». Кстати, эти слова еще раз подтверждают, что Ольгерд

---

* Услужливость константинопольского патриарха понятна, ибо московские князья щедро слали им огромные пожертвования. Например, Симеон Гордый жертвовал константинопольскому патриархату сумму, равную татарской дани. Отметим, что Москва взимала с русских княжеств две дани — Золотой Орде и константинопольскому патриархату. И как видим, они старательно оберегали своих верных служек в Москве: Орда заступалась за своих ставленников оружием, а константинопольский патриархат — религиозным словом. Тогда же в патриаршей канцелярии и было сочинено житие о трех новоявленных мучениках — Антонии, Иоанне, Ефетовии, якобы замученных князем литовским, под которым подразумевался Ольгерд. Некоторые историки считают, что эта история произошла при Миндовге. Но, как бы там ни было, очевидно стремление константинопольского патриархата очернить Ольгерда в глазах православных верующих как в его державе, так и в русских землях.

был христианином, ибо ему как христианскому государю клялись на кресте.

Выход из ситуации Ольгерд видел в назначении отдельного от Москвы митрополита. Поэтому он просил у патриарха митрополита для Литвы, Киева, Смоленска, Твери, Малой Руси, Новосила и Нижнего Новгорода. Но патриарх был заинтересован в религиозном единстве Руси. К Ольгерду был послан иеромонах Киприан Цамблак с целью уговорить его подчинить духовной власти Алексия, митрополита «всея Руси», свои владения. Ольгерд не принял предложения патриарха.

Но по-прежнему главным врагом Великого Княжества Литовского был Орден. Почти каждый год крестоносцы совершали грабительские походы на Литву. В 1362 году крестоносцы захватили и разрушили Ковно — центр оборонительной системы на среднем Немане. Кейстут восстановил крепость, но крестоносцы вновь разрушили ее. Натиск Ордена не ослабевал. Орденские хроники пишут не о славных подвигах рыцарей, не об их миссионерской жертвенности, а о разбоях: «разоряли, жгли, уводили многих в плен, убивали много людей». Мелкими нападениями в ответ нельзя было остановить разбойничью агрессию Ордена. Кейстут и Ольгерд задумали большой поход в Пруссию.

Вот что об этом походе пишет орденский хронист Вартберг: «Когда в ту же зиму (1370 г.) распространился слух о союзе литвинов и русинов с другими союзными народами, великий магистр послал главного маршала на разведку. Последний застал их в Сретение (2 февраля) врасплох и разбил их наголову, причем в плен было взято 220 человек. Но пленные сообщили ему верное известие о сборе большого литовского войска. Только одну ночь оставался он там и возвратился тотчас же к великому магистру, который вследствие этого собрал тотчас же в Кенигсберге земское ополчение из братьев и туземцев тех земель, однако не все, так как ему было неизвестно, когда и где литвины вторгнутся в страну. Они же пришли со всей силой со многими тысячами в воскресенье Exurge domine, которое пришлось на 17 февраля, ранним утром в землю самаитов (жемайтов) к замку Рудову (теперь село Мельниково в Калининградской области).

В полдень против них вышли великий магистр и главный маршал, и произошла битва, в которой пало около 5500 храбрых мужей; большею частью русинов, не считая тех, кои, рассеявшись по пустыне, погибли от холода».

Вартберг приписал победу Ордену, но признал, что погибли великий маршал Геннинг фон Шинденкопф, великий командор, 4 командора, 26 орденских рыцарей, граф Арнольд Лореттский и около 300 воинов, хотя потери крестоносцев доходили до 5000 человек. Но орденские хронисты не фиксировали потери в вспомогательных отрядах ополченцев и прибывших из Европы гостей. Поэтому получалось, что Орден в боях с литвинами нес минимальные потери. Даже такая простоватая ложь годилась для войны с литвинами, которых Орден всегда в хрониках побеждал, но никак не мог победить и завоевать. Поэтому крестоносцы методично продолжали набеги на Литву и Жемайтию. А Оль-

герд пошел на помощь Любарту, они отвоевали Волынь у Польского Королевства. Кейстут вынужден был обходиться своими силами. Но их, видимо, не хватало. Попытка Ольгерда и Кейстута на переговорах 1 ноября 1372 года с великим магистром Винрихом Книпроде заключить мир сорвалась. Обе стороны договорились лишь об обмене пленными. Орден не собирался мириться. В феврале 1373 года ливонский магистр Вильгельм Вримерсгеймский разорил земли между верхним течением рек Свенты и Вилии. Неожиданно в роли примирителя выступил папа Григорий XI. Папа обещал прислать миссионеров и посредников для заключения мира Литвы с Орденом и другими христианскими странами. Предложение осталось без ответа. Вероятно, Ольгерд не верил в прочный мир с исконными врагами и не тратил зря время на пустые разговоры, он был занят другими делами.

В 1372 году Ольгерд вновь ходил на Москву на помощь тверскому князю Михаилу Александровичу. В первом же бою около Любутска московское войско разбило передовой Ольгердов полк, что и определило ход действий. Ольгерд проявил осторожность. Несколько дней разделенные глубоким оврагом войска простояли в бездействии. Наконец 31 июля было заключено перемирие до 26 октября. Ольгерд обещал Дмитрию Ивановичу, что Михаил Тверской вернет Москве все захваченные им города, и отказывался помогать ему дальше, чем выдал его на расправу. В 1375 году Тверь пала, взятая московскими полками. Надо думать, если б не угроза тевтонского вторжения, Ольгерд более решительно вел бы себя с Москвой. Но теперь он решил не рисковать, а сосредоточить силы для отпора Ордену. Тверь была принесена в жертву Москве.

В старости Ольгерд отходит от активной деятельности. Крестоносцы по-прежнему грабительскими походами разоряли Литву и Жемайтию, желая превратить их в пустыню. За годы правления Ольгерда прусские рыцари совершили 70 походов на Литву, а ливонские — 30. Доведенные до крайности жители Аукштайтии, Упиты, Стрипейка, Мезевильта в 1351 году хотели даже переселиться в Ливонию: хоть под немецким ярмом, но уцелеть. Магистр отказал им. Ордену нужны были язычники для захвата их земель и вывода самих в неволю, а не свободные христиане. И жемайты тоже хотели переселиться куда-нибудь подальше от Ордена. Тем не менее, Орден не мог покорить Великое Княжество Литовское, которое находило новые силы в белорусских и украинских землях. А это давало возможность наносить ответные удары по Ордену. Тревожил набегами на Динабург полоцкий князь Андрей. Кейстут походами разорял прусские земли. Орден мстил новыми нападениями и разорениями Жемайтии и Литвы и выводил оттуда в неволю жителей. И Ольгерд вновь взял оружие в руки. В 1376 году он вместе с Кейстутом возглавил поход на Пруссию. Давно Орденская страна не знала такого нашествия. Были захвачены и разрушены четыре замка.

Ольгерд хотел оставить Великое Княжество в порядке, сильным и защищенным от воинственных соседей. С Москвой он сохранял мир. Был решен вопрос о Галиции и Волыни. Воспользовавшись смертью

польского короля Казимира, Ольгерд послал в 1376 году в Польшу Кейстута, Любарта, Витовта Кейстутовича и своего сына Ягайлу. Литвины опустошили Люблинскую и Сандомирскую земли так, что, как утверждает Вартберг, о таком разорении «никогда не было слыхано в прежние времена». Новый польский король Людовик Венгерский в Сандомире заключил с послом Ольгерда Кейстутом мир. Галиция переходила к Венгрии, а Волынь — к Великому Княжеству Литовскому.

Стремился Ольгерд помириться и с Орденом. Когда в феврале 1377 года 12-тысячная рать крестоносцев подошла к Вильно, Ольгерд пригласил великого маршала Готфрида Линдена на мирные переговоры. Но желаемого мира Ольгерд не заключил, только договорился, чтобы маршал вывел войско из Литвы без грабежа и убийств: маршал и знатные европейские гости получили дорогие подарки. Но все же приходилось и воевать. «В том же году, накануне вербницы (21 марта), король Кейстут со своими сыновьями и Ольгердовыми сыновьями, своими двоюродными братьями с великим войском, которое также состояло из русинов, враждебно напал на Курляндию», — пишет Вартберг в своей «Хронике». Это сообщение показывает, что «русинов» привели Ольгердовые сыновья от Марии Витебской, владевшие Полоцким, Киевским, Брянским, Черниговским княжествами. В ответ крестоносцы предприняли поход на Упиту, который состоялся 24 мая 1377 года. Говоря о нем, хронист Вартберг сообщает и о смерти великого князя: «В том же году, в то же время умер Ольгерд». Из других источников известно, что Ольгерд перед смертью по просьбе жены Ульяны и ее духовника печерского архимандрита Давида принял монашество.

Теодор Нарбут привел запись в Виленском евангелии, которое находилось в Пречистенской церкви: «Великий литовский князь Андрей Гедиминовичь, въ святой схиме Алексий, усопши на память Плтона и Романа». А этот день — 18 ноября. Согласно орденским данным, тело Ольгерда якобы сожгли на костре, и его прах закопали. Но это вызывает сомнение. В Никоновской летописи говорится, что его тело погребено в построенной Ольгердом церкви Пресвятой Богородицы (впоследствии Пречистенский собор) в Вильно. В XIX веке в соборе нашли надгробие с могилы Ольгерда и Марии Витебской. Большую серебряную плиту ректор Виленского университета переплавил в столовое серебро. Да, что не сумели уничтожить захватчики и время, уничтожили просвещенные варвары, а в память об Ольгерде звучат летописные слова. Русский летописец Патриаршей, или Николаевской, летописи с почтением написал об Ольгерде: «Во всей же братьи своей Олгердъ превзыде властию и саном, понеже пьянства не любяше, никогда же пиан бываше, вина не пиаше, и играниа и всякого непоспешного ему къ държаве и къ строению власти не любляше; но всегда въ великоумьствии и въ воздержании бываше, и отъ сего разуменъ, и любомудръ, и крепок, и мужественъ бяше, и смысл многъ стяжа, и таковым коварством многи страны и земли повоева, и многи грады и княженния поималъ за себя, и удръжа себе власть велию; темъ и умножися княжение его, якоже ни единъ от братии его сътвори, ни отец его Гедимин, ни дед его».

ЯГАЙЛО
(1377—1381, 1382—1392)

Ягайло. 1910 г.

Он был любимцем судьбы. Судьба дала ему власть, победы, семейное счастье. Ягайло* не был невольником обстоятельств и событий, а сам создавал обстоятельства и влиял на события. Хорошо знал свои цели и пути для достижения их. Когда нужно было, осторожничал и хитрил. А когда нет — действовал решительно и проявлял мужество. Двойственность Ягайлы способствовала самым разным оценкам его жизни — от резко негативных до возвышенных панегириков.

Посад властителя Великого Княжества Литовского и Русского Ольгерд в 1377 году передал своему любимчику Ягайле, потому что он «превосходил своих братьев в отношении к жизни и привычках», как отмечал польский хронист Ян Длугош. Этот выбор поддержали бояре и паны. Только старшие сыновья от первой жены Ольгерда Марии Витебской посчитали себя обделенными. Полоцкий князь Андрей Ольгердович не признал власти Ягайлы и уехал в Москву. По его просьбе московский князь Дмитрий Иванович в 1378 году совершил поход на Стародуб и Трубчевск, которые сдал ему — еще один сын Ольгерда от Марии — князь Дмитрий Ольгердович.

Ягайле нужно было укреплять свою власть. Для этого он был готов на любые жертвы, на хитрость и коварство. Самым опасным для себя противником Ягайло считал дядю — трокского князя Кейстута. По словам его сына Витовта, Кейстут был опекуном Ягайлы, пока тот «не вырос и люди не привыкли к нему». А это свидетельствует о том, что Ягайло в юном возрасте стал великим князем (польский историк Т. Василевский считал, что он родился в 1362—1363 годах).

---

* По мнению П. Урбана, имя Ягайло означало «великий славой» и соответствовало славянским именам Всеслав и Вышеслав. Но, видимо, это имя происходило из кельтского языка и обозначало «благородный наследник», что соответствовало Ягайле и роли, отведенной ему Ольгердом, — унаследовать великокняжескую власть.

Может быть, Ягайло опасался большого авторитета Кейстута и подозревал его в намерении стать великим князем. Крестоносцы умело использовали опасения Ягайлы. Слали письма его матери Ульяне, в которых писали, что «...это бешеная собака Кейстут не только против всего христианства, но и против Литвы вынашивает коварные замыслы. Особенно же (как уже и раньше мы доносили вашей милости) этот подлый человек мечтает овладеть всей литовской страной, думая каждый день, каким образом погубить вашего очень славного сына Ягайлу, оторвать от него всех подданных, забрать все земли и подчинить себе все княжества». Хитрая и властолюбивая Ульяна убедила сына в правдивости орденских наговоров, что и заставило его первым нанести удар. Действовал он через боярина Войдилу, которому отдал Лиду и которого женил на своей сестре Марии, чем оскорбил родовое достоинство Гедиминовичей, в особенности Кейстута. «И быль тоть Войдило у великой моци у великого князя Ягайла. Почаль со немьци собе соймы чинити и записыватися грамотами противу великого князя Кестутия», — рассказывает «Летописец великих князей литовских». Войдило от имени Ягайлы обещал в Риге ливонскому магистру Вильгельму Вримерсгеймскому нейтралитет в завоевании Трокского княжества. Побывал он и в Мальбурге, где договорился с великим магистром Винрихом фон Книппроде о встрече с Ягайлой.

Встреча состоялась в Давидишках, возле Городно. Вместо магистра приехал великий командор Элнер. А чтобы не вызвать подозрения у Кейстута, Ягайло устроил охоту и пригласил на нее Витовта. Пока они с Элнером охотились, Войдило и поверенный Ордена 1 июня 1380 года заключили тайный договор. «Великий князь обещает Тевтонскому ордену в Пруссии и Ливонии полное спокойствие и безопасность как землям, так и людям; если Орден пойдет войною на Кейстута либо его детей, а великий князь двинет в поле свои войска, то мир через это никак не нарушается, так как великий князь не будет допускать никакого военного столкновения с Орденом и никакой обиды орденским войскам причинять не будет. Пленные из орденского войска должны быть освобождены немедленно и без всякого выкупа. Если орденские ратники, по незнанию, нападут на владения великого князя и тем причинят ущерб и полон захватят, то через это мир не нарушается: таковые пленные отпускаются без всякого выкупа. Но дабы такое соглашение не обнаруживалось, надобно поступать так, чтобы со стороны думали, что за пленных выкуп уплачен». Это было предательство ради личных целей. Ягайло подло намеревался нанести Кейстуту удар в спину, да и Орден не лучше поступал. Хотя можно предположить, что ценой сепаратного договора с Орденом Ягайло хотел обезопасить свои земли от нападения крестоносцев и сосредоточить войска на востоке для похода на Москву.

В это же время Ягайло вступил в тайный союз с правителем Золотой Орды Мамаем. В 1380 году, когда Мамай пошел на Русь, Ягайло повел войско на объединение с ним. Но по непонятным причинам не дошел до Куликова поля, где 8 сентября произошла битва между русским и татарским войсками. Или проявил нерешительность, или руководствовался

политическими соображениями — не давать возвыситься ни Москве, ни Орде? Но цели своей он достиг, вернул Трубчевск и Стародуб, не потеряв своих воинов. Этот поход Ягайлы описывается Никоновской летописью как его неудача. Рязанский князь Олег якобы прислал ему письмо с предложением выступить вместе с Мамаем против Дмитрия Ивановича. Ягайло послал Мамаю письмо, в котором просил покарать московского князя за «неправды», и договорился с Олегом Рязанским: «Княжение Московское разделим себе царевым велением надвое, это к Вилне, это к Рязани, и даст нам царь ярлыки и родом нашим по нас». В ответ Мамай якобы прислал Ягайле и Олегу грамоты: «Если хочете улуса моего, земли Русской, тем всем жалую вас, моих присяжников и улусников; но присягу имейте ко мне нелестную и встретите меня с своими силами, где успеете, чести ради величества моего». В августе 1380 года Ягайло выступил в поход на Русь. Он с войском остановился в Одоеве и ждал вестей от Олега Рязанского, а узнав, что тот «устрашился» Дмитрия, начал тужить: «Прелстился от друга своего Олега Рязанского! Почто вверился ему? Никогда раньше была Литва от Рязани учима; ныне почто я в безумие впал?» Но когда пришло известие о поражении Мамая, Ягайло спешно увел войско в Литву. Нет, в безумие он не впал, а действовал расчетливо с личной выгодой.

Ягайло не любил войн и, в отличие от своего отца, был невоинственным. «Никогда не предпочитал войну миру... и вообще неохотно начинал войны», — писал о нем хронист Длугош. Но положение великого князя вынуждало его браться за оружие. Мягкий и простоватый по характеру, Ягайло легко поддавался чужому влиянию. Эту его слабость позже заметят поляки, которые умело используют ее в своих целях. «Король, благодаря слабости своего ума и недостатка собственного духа во всех внешних и домашних делах, руководствовался не личной, а чужой волей», — отмечал Длугош.

В описываемое время Ягайло был еще неопытным юношей, с несложившимся характером, и его более увлекала охота, чем заботы о государстве. Он находился под влиянием своей матери, великой княгини Ульяны, которая преследовала свои родовые интересы. Вероятно, именно под давлением своей второй жены Ольгерд передал великокняжескую власть не старшему сыну от первой жены Марии Андрею Полоцкому, а именно Ягайле. Поэтому, кроме Кейстута, Ягайло опасался и своих сводных братьев — Андрея Полоцкого, Дмитрия Брянского, Константина Черниговского, Владимира Киевского, Федора Ратненского, под властью которых было более половины Великого Княжества Литовского — вся его русская сторона. А Ягайло мог реально опираться только на свои наследственные Кревский и Витебский уделы да искать союзников за границей. Против Кейстута он сговорился с Орденом, а вот против сводных братьев — с Золотой Ордой, которая считала украинские земли своим улусом, а ими как раз и владели Ольгердовичи от Марии Витебской.

Вероятно, Мамай обещал признать за Ягайлой украинские земли. Но решающее слово принадлежало Ульяне. Она была дочерью твер-

ского князя Михаила Александровича, заклятого врага Москвы. Когда Ольгерд вынужден был отказаться поддержать Михаила, то он вошел в контакт с Мамаем. Это послужило предлогом для Дмитрия Ивановича поднять против Михаила русских князей. «Сколько раз он, — говорили они, — приводил ратью зятя своего великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича, сколько зла учинил христианам! А ныне вошел в согласие с Мамаем и со всей Мамаевой Ордой, а Мамай яростью дышит на всех нас». Михаил в 1375 году признал московского князя «своим братом старейшим», но ждал удобного момента избавиться от «братской» опеки. А дочь Ульяна, мать молодого великого князя литовского, уговорила сына поддержать Мамая и тем самым помочь своему отцу, а его деду восстановить самостоятельность Тверского княжества. Надо было, естественно, вернуть и отошедшие к Москве Трубчевск и Стародуб. Вот причины, заставившие Ягайлу заключить союз с Мамаем, а не желание «овладеть Москвой» — владением татарских ханов. Но, как видим, на помощь ему не пришел, выждал, кто победит, чтобы не упустить своей выгоды.

Вот в умении использовать благоприятные для себя обстоятельства, оставаясь в тени, и проявился политический талант Ягайлы. Где можно было достигнуть своих целей хитростью, интригами, он так и делал — хитрил, интриговал... и достигал своего.

Кейстут заподозрил племянника в предательстве. Орденские войска нападали на земли Трокского княжества и не трогали великокняжеские, что и вызывало подозрение. Когда об измене Ягайлы Кейстута предупредил его кум остеродский командор Куно Либштейн, он решил удостовериться в этом. По просьбе Кейстута Ягайло должен был помочь ему в овладении замка Байербург. Но Ягайло не привел войско, а прислал небольшой отряд. А предупрежденные им крестоносцы пришли на выручку Байербургу.

Следующий поступок племянника окончательно рассеял у Кейстута сомнения в его сговоре с Орденом. Ягайло задумал овладеть Полоцком. Полочане не хотели принимать на княжение брата Ягайлы Скиргайлу*. Посадили на лошадь задом наперед и выпроводили под смех и свист из города. Ягайло дал брату войско, и тот вместе с ливонскими рыцарями осадил Полоцк. Кейстут, убедившись в сговоре племянника с крестоносцами, в 1381 году захватил Вильно. В канцелярии найдены были грамоты — договоры Ягайлы с Орденом. Тайное стало явным — Ягайло готовил гибель Кейстуту и его семье. Новый правитель не покарал племянника. Ягайло поклялся Кейстуту, «што николи противу его не стояти, а вьсе у воли его быти во всемь». Благородный Кейстут поверил в клятву племянника, оставил ему его наследственные владения — Крево и Витебск и отпустил вместе с матерью и братьями в Крево. Но Ягайло не собирался хранить клятву. Вновь тайно обратился к Ордену. В Ригу из Крево от Ягайлы поехал самый младший Ольгер-

* Имя, как считает П. Урбан, означало «славный силой».

дович — Свидригайло*, что не вызвало подозрений у Кейстута. Как видно, для достижения своей цели Ягайло использовал даже своего малолетнего брата, подвергая его смертельной опасности. Видимо, он не задумывался над этим и позже отплатил брату черной неблагодарностью, сломал ему жизнь.

Скиргайло. Гравюра из книги А. Гвагниньи «Хроника Европейской Сарматии». 1578 г.

Свидригайло выполнил наказ брата, передал ливонскому магистру чистую грамоту с подвешенной печатью Ягайлы. Орден мог вписать в грамоту свои условия. Дальше за дело взялся Скиргайло, который приехал в Ригу от Полоцка. Скиргайло привез Ягайлову грамоту в Мальборг** к великому магистру. Орден за помощь требовал от Ягайлы крестить в течение четырех лет Литву и уступить Жемайтию. Скиргайло от имени Ягайлы согласился на орденские условия и подписал договор. Осталось ждать удобного случая для переворота. И он вскоре представился.

Не все братья Ягайлы склонились перед Кейстутом. Новгород-Северский князь Дмитрий-Корибут отказался признать Кейстута великим князем. Кейстут приказал Ягайле выступить в поход на Новгород-Северский. А это было только ему на руку. Он начал открыто собирать войско в Витебске, вроде бы для похода на Корибута, а в самом деле для переворота. Старый князь ничего не заподозрил. Кейстута уважали и любили в Литве, и он не мог представить, что кто-то может посягать на его власть. Хитрого Войдилу, помощника Ягайлы в его коварных делах, Кейстут повесил. Казалось, что без него Ягайло ничего не предпримет, но у опального князя хватило коварства, чтобы усыпить бдительность Кейстута.

В мае 1382 года Кейстут отправился в поход на Северскую землю. Но Ягайло повел свое войско к Вильно, где заранее подготовил заговор среди виленских мещан и немецких переселенцев. Заговорщики захватили Вильно и ждали появления Ягайлы. А он тайно лесными дорогами привел 12 июня войско в столицу. Витовт, находившийся в Троках, не смог помешать ему.

Ягайло действовал быстро и решительно, дал знак крестоносцам выступать в поход, а сам 20 июля взял Троки, которые сдал ему гарнизон.

---

* Имя, по мнению П. Урбана, означало «достойный славы удалой воин».
** Белорусское и польское название Мариенбурга.

Под Троки вскоре пришли прусские и ливонские рыцари. Теперь перевес был на стороне Ягайлы, но он хотел избежать кровопролития: или боялся своего поражения, или хотел уберечь своих и Кейстутовых воинов от ненужной гибели. И, как обычно, использовал свое коварство. Когда Кейстут и Витовт 3 августа с пятитысячным войском подошли к Трокам и стали готовиться к битве, Ягайло послал князей и бояр к Витовту уговаривать его: «Князь великый Ягайло посламь нас к тобе, штобы еси уедьнал нас с отцемь своим, што быхомь держали свое, а вы бы свое, а бою бы межи нас не было, а крови пролития не вчинилося. Ты бы приехал ко брату своему князю великому Ягаилу, а мы правду даемь, штобы тобе чисто отъехати в рать свою, ачей бы межи вас был добрый конець», — рассказывает «Летописец великих князей литовскых». Поручился за брата и Скиргайло. Тогда Витовт поверил и приехал в лагерь к Ягайле. Видно, был Ягайло хорошим лицедеем, если сумел сыграть чувство раскаяния и убедить Витовта в искреннем желании помириться с Кейстутом. При этом он и поклялся не моргнув глазом. Как тут не поверить ему? Витовт и Скиргайло приехали к Кейстуту и уговорили его встретиться с Ягайлой. Скиргайло поклялся за брата и за себя.

Обманными обещаниями решить конфликт мирно Ягайло заманил Кейстута и Витовта в Вильно, а потом бросил их в подземелье Кревского замка. Кейстут был задушен. Сам Ягайло отказывался от своей причастности к смерти Кейстута и говорил, что тот покончил жизнь самоубийством. Вероятно, на убийство Кейстута его подтолкнули мать и Скиргайло, претендовавший на Троки. Вслед за этим Ягайло расправился с женой Кейстута Бирутой, которую утопили в реке, и двумя ее родственниками. Очередь была за Витовтом. Но Ягайло не решался. Он даже посетил двоюродного брата и позволил приходить в камеру его жене Анне. Именно с ее помощью Витовт, переодевшись в женскую одежду, убежал из неволи в Пруссию к крестоносцам. Когда великий магистр Конрад Цолльнер попросил Ягайлу простить Витовта, тот пренебрежительно ответил: «Это значило б согревать змею на своей груди».

Ягайло был зол на Орден и не преминул упрекнуть магистра за поддержку Витовта и мазовецкого князя Януша: «...но кажется удивительным и недостойным, что вы помогаете нашим врагам и неприятелям, в то время как мы обещали не только не мешать ни в чем один одному, но один одному помогать против всякого врага. Также просим вас, чтобы вы не старались перетянуть к себе жемайтов, ибо они поддались нам и любезному нашему брату Скиргайло; и без этого уже имеем мы много неприятностей от наших людей и от литвинов».

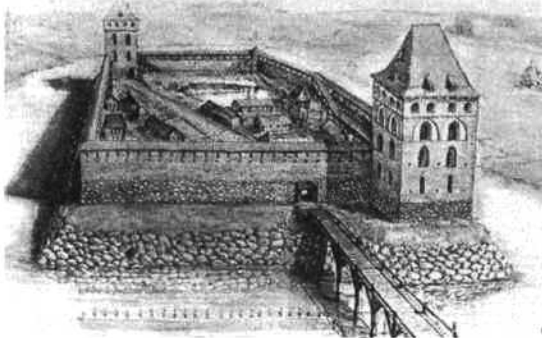
Ягайле было в чем упрекать Орден. Он не только принял его врага Витовта, но и дал деньги мазовецкому князю Янушу, который захватил Дрогичин, Сурож, Мельник. Хоть Ягайло в начале 1383 года совершил поход в Подляшье и вернул захваченные города (горожане сами их сдали ему), но он не чувствовал себя спокойно. Сторонники Витовта в самой Литве и Жемайтии беспокоили его. Коварство и обман по отношению к дяде и двоюродному брату принесли ему дурную славу вероломного правителя. Даже крестоносцы отвернулись от него. Ягайло

не приехал на встречу с великим магистром Конрадом Цолльнером и не подтвердил свои обязательства перед Орденом, считая их необязательными для себя. Поэтому Орден 30 июня 1383 года объявил Ягайле войну. «Такая твоя дружба, которую ты предлагал нам взамен за наши услуги, но мы не можем уже дальше терпеть твое высокомерие и твою несправедливость. Знай же, Ягайло, ты и твои братья, что, не находя в тебе ни веры, ни верности, мы отказываем тебе в нашей дружбе и с тех времен, как убедились в твоем криводушии, никогда уже не будем с тобой в мире», — написал великий магистр.

Ягайло мог с сожалением понять, что сам стал инструментом в руках крестоносцев, устранил их злейшего врага Кейстута, предоставил им грабить Трокское княжество, выдал на расправу Жемайтию, а сейчас Орден разожжет огонь междоусобной войны между ним и Витовтом и вновь будет требовать от него уступок за мир. Вместо укрепления своей власти он добился ненадежного положения в стране, что даже в Вильно чувствовал себя в опасности. Пугала его и будущая война с Орденом. Поэтому Ягайло переехал с матерью в Витебск, подальше от опасного врага — крестоносцев, а оборону Литвы поручил Скиргайле.

Орден поддержал Витовта. Осенью 1383 года началась война. Крестоносцы совершили поход на Вильно, но не захватили столицу. Только теперь Ягайло понял, насколько опасен для него Витовт, ибо свои завоевательские планы крестоносцы выдавали за помощь законному наследнику Трокского княжества, желавшему вернуть отцовское наследство. Политическая мудрость подсказывала Ягайле забыть бывшую вражду и помириться с братом. Через тайных послов в 1384 году он предложил Витовту мир и обещал вернуть Трокское княжество. Витовт принял предложение. Ягайло вернул ему Трокское княжество, но сами Троки оставил Скиргайле, зато в придачу отдал Луцкое княжество. Вместе с Витовтом Ягайло взял и разрушил сильнейшую орденскую крепость Мариенвердер, построенную возле Ковно.

С этого времени судьба поведет Ягайлу от победы до победы к величию. В 1384 году к Ягайле в Крево приехали из Кракова польские паны. Поляки предложили ему посвататься к польской королеве Ядвиге и стать польским королем. В это время Польша переживала нелегкие времена. Последний польский король из династии Пястров Казимир, прозванный Великим, умер в 1370 году, не оставив сыновей. Польский трон занял его преемник венгерский король Людо-

Кревский замок. Реконструкция. XX в.

вик. Наследницей Людовика была его старшая дочь Мария, жена чешского короля и бранденбургского маркграфа Сигизмунда. Поляки боялись утверждения на их троне германской династии, поэтому просили жену покойного Людовика, королеву Елизавету, отпустить в Польшу свою младшую дочь Ядвигу. Ее провозгласили королевой. Но так как Ядвига была обручена с австрийским герцогом Вильгельмом, то Польша в случае ее замужества с ним получила бы короля-немца и в конце концов была б «втелена» в Священную Римскую империю, а это означало политическую смерть страны.

Поляки забеспокоились, начали искать двенадцатилетней королеве выгодного для себя жениха. Выбор был невелик: Вильгельм, или слабоумный чешский король, или князь Земовит Мазовецкий из Пястов. Ни одна кандидатура не устраивала. Вилгельм — немец, поддерживает крестоносцев, Сигизмунд присоединит Польшу к Чешскому Королевству, нищий Земовит принесет только долги. Тогда среди некоторых польских панов и появилась мысль о кандидатуре великого князя литовского Ягайлы. Да, он пользовался дурной славой, его представляли диким и вероломным варваром, лентяем и чревоугодником, неспособным к правлению, но у него были обширные земли, вот на них и польстились поляки. Завладеть через Ягайлу Литвой стало мечтой польских политиков. Можно было избавиться от страшных литвинских походов, а оружие Литвы направить против Ордена, отвоевать Поморье и Силезию. Простоватый Ягайло виделся идеальным правителем, которым можно было вертеть как угодно.

Ягайло до этого делал попытку жениться на дочери московского князя Дмитрия Ивановича — Софии. Тем самым в Восточной Европе мог сложиться мощный литовско-московский союз, направленный как против Ордена, так и против Орды. Но Дмитрий Иванович находился в «воле татарской», и в Орде этот союз не приветствовался. Поэтому Дмитрий Иванович потребовал от Ягайлы признать себя его «младшим братом» — подчиниться ему. На это, конечно, Ягайло не пошел. И вот Ягайле предлагали в жены польскую королеву, а в придачу и королевскую корону.

Сама королева противилась этому браку, хотела даже убежать из Краковского замка, но крепкие двери и стража надежно держали ее взаперти. Она любила Вильгельма и вот должна была пожертвовать своими чувствами ради желания панов. Убеждая, что это важно «для расширения и укрепления христианской веры», они склоняли королеву к браку с правителем Литвы.

Ягайло включился в борьбу за польскую корону. Он во главе войска опустошил земли своего конкурента Владислава Опатовского и сжег города Залихвост, Опатов и только чуть-чуть не дошел до Кракова.

Стало ясно, какого врага может обрести Польша в лице Ягайлы, не выбери его королем. А Ягайловы послы в Кракове обещали, что великий князь литовский «своими средствами и личными усилиями все потери и разорения, понесенные польской короной, что кем-то было оторвано или захвачено, вернет, освободит пленных поляков, заплатит 200

тысяч австрийскому герцогу и свои литовские и русские земли на вечные времена присоединит к короне польской державы». Никто из других кандидатов на трон ничего большего не смог бы пообещать. И на Краковском сейме в июне 1385 года Ягайлу выбрали королем. Правда, без единодушия. Нашлись те, кто хотел видеть королем деятельного и решительного Витовта. «Известно, что Ягайло — человек малого ума, простоватый, не подобен на короля. Куда более достоин короны Витовт, сын мужественного Кейстута. Лучше ему отдать Ядвигу и скипетр», — предложили его приверженцы. В ответ они услышали убедительный довод: «Что касается малого ума Ягайлы, то всем, конечно, об этом известно. Но именно благодаря его недалекому уму он будет более пригодным королем, чем Витовт, легко согласится на расширение льгот и прав шляхты». Этот довод и большие дары подкупили рьяных противников Ягайлы, и его выбрали королем.

Но крестоносцев нельзя было подкупить. Они в отчаянии пытались сорвать унию Польши и Литвы. Именно в это время в Ордене сочинили байку о том, что род Ягайлы происходит от слуги Гедимина, который, убив своего господина Витеня, женился на его жене и стал великим князем. Это черная сплетня поползла по свету. В ответ родилась легенда о римском происхождении литовской и жемайтской

Я. Матейко. Ягайло. 1891 г.

Я. Матейко. Витовт. 1891 г.

шляхты и самого Ягайлы из «поколеня з роду с Колюмнов», патрициев римских, прадед которого Витень был выбран после смерти Тройденя великим князем литовским. Так возникла самая загадочная легенда в истории Литвы о происхождении династии Гедиминовичей.

Трудно объяснить причины согласия Ягайлы стать польским королем. Одни историки видели в этом проявление властолюбия Ягайлы, другие — его политическую мудрость. Но, вероятно, все же политические причины были определяющими. Ягайло не мог отдать польскую корону своим противникам — австрийскому герцогу Вильгельму или мазовецкому князю Земовиту, поддерживающим Орден. Зато объединенными силами Польского Королевства и Великого Княжества Литовского и Русского можно было противостоять и Ордену, и другим внешним врагам.

14 августа 1385 года в Крево Ягайло и польская делегация подписали так называемую Кревскую унию. Этот документ — соглашение между Ягайлой и частью польских сановников, желавших видеть его польским королем и которых никто не уполномочил выступать от имени всего королевства. Языком современной юриспруденции этот договор можно назвать актом о намерениях. Грамота договора сохранилась без печатей, поэтому есть повод считать его поздним фальсификатом, а условия унии — сфабрикованными поляками с целью включить Великое Княжество в состав Польского Королевства. Ягайло обещал принять католичество, крестить Литву, присоединить* ее к Польше, вернуть польских пленников, отвоевать у Ордена польские земли, заплатить матери Ядвиги, венгерской королеве Елизавете, 200 тысяч флоринов. Такое впечатление, что за корону Ягайло продал все, что мог продать, — свое государство, душу, честь... Или, может, он рассчитывал такими щедрыми обещаниями подкупить поляков? Обещания он давал именно такие, которые хотели от него услышать, но не исполнял их. Подобная хитрая политика не раз приносила ему плоды.

18 февраля 1386 года в Кракове Ягайло и Ядвига обвенчались, а 4 марта он короновался и стал польским королем под именем Владислав II, которое дали ему при крещении в католичество.

Впечатление от нового короля у поляков было двоякое: одни хвалили его, а другие ругали. Противоречиво описывает Ягайлу и Ян Длугош. «Роста он был среднего, лицо имел вытянутое, худое, к подбородку чуть суженное. Голова была маленькая, продолговатая, почти вся лысая...;

---

*Идут споры о значении латинского термина *applicare,* приведенного в грамоте Кревской унии. Обозначает он «что-то присоединить» или «с чем-то объединиться». Отсюда и разное толкование заключенной унии. Поляки объясняли понятие *applicare* как присоединение ВКЛ к Польскому Королевству. Хотя не исключено, что Ягайло соглашался на объединение (союз) двух государств под своей властью. Тогда незнакомый с юридическими тонкостями и латинской правовой терминологией Ягайло стал жертвой хитрой интриги польских магнатов. Это понял еще в XVI веке польский историк Матей Стрыйковский, говоря об унии ВКЛ с Польским Королевством: «В то время бедная Литва не имела энергичных и мудрых сенаторов и была вписана в неволю права».

глаза черные и маленькие, неспокойного взгляда, всегда бегающие; уши большие, голос грубый, речь быстрая, фигура стройная, но щуплая, шея долгая. Испытания, холод, бури и метели очень терпеливо переносил. Спать и нежиться в постели любил до самого полудня, поэтому редко когда в обычное время слушал святую мессу. В военных делах был нестарательный и медлительный и все военные заботы возлагал на предводителей и наместников. В баню обычно ходил каждый третий день, а временами и чаще.

Х. Пиллати. Ядвига. 1888 г.

К пролитию человеческой крови относился с такой неохотой, что часто наибольшим преступникам прощал наказание. К подданным и побежденным был очень ласков и щедр. Только тех, кто провинился перед ним на охоте или других забавах, не мог никогда простить. В людях умел ценить достоинства, не завистью, а доброжелательством мерил поступки людей, а заслуги своего рыцарства, каждое похвальное дело — будь то война или в мирное время сделанное — богато и щедро награждал. За небольшие поступки делал людей храбрыми, а храбрых — богатырями, готовыми к наибольшим свершениям и самопожертвованию. Необдуманной щедростью и расточительством приносил больше ущерба краю, чем иные жадностью и хищениями. Охоту так сильно любил, что оставлял в запустении государственные дела, чем вызывал справедливые нарекания. Любил наблюдать, как дети качались на качелях.

Х. Пиллати. Ягайло. 1888 г.

Каждую неделю, в пятницу, с большой сдержанностью постился, оставаясь на одном хлебе и воде. Всегда был трезвым, ни вина, ни пива не пил. Яблок и их запаха не терпел, зато крадком ел

Я. Матейко. Ян Длугош. 1863 г.

сочные и сладкие груши. Для выполнения христианских обрядов и обязанностей понуждался частыми предостережениями королевы Ядвиги, а на Пасху, Троицу, Вознесение Божьей Матери и Крещение причащался, но после смерти королевы ограничил этот обычай одним Крещением и Пасхой. Каждый год, в Великую пятницу, обмывал ноги двенадцати убогим в своем покое в присутствии только нескольких секретарей, а потом каждому убогому давал по 12 грошей, а также сукно и полотно на одежду... Посты, вигилии и другие службы с такой старательностью исполнял, что больше побед молитвами своими у Бога выпросил, чем добыл их вооруженной силой.., искренний и простодушный, он не имел в себе никакого обмана... Придворных знаков и дорогих уборов не любил; обычно ходил в бараньем тулупе, покрытом сукном; редко одевался в лучшую одежду, например в плащ из черного бархата без украшений и парчи, и то только на большие торжества. В другие дни носил простую одежду желтоватого цвета; соболей, куниц и лис или иных мягких и дорогих мехов не любил.

Имел некоторые суеверные обычаи: вырывал из бороды волосы и, вплетя их между пальцами, мыл водою руки; всегда, перед тем как выйти из дома, трижды крутился кругом, ломал на три части соломинку и бросал на землю. Делать это его научила мать, греческой веры, но зачем и ради чего, это он никому в жизни не говорил, и нелегко это отгадать. Говорят, что часто повторял, как пословицу, такую фразу: «Слово вылетает из уст птицею, но когда скажешь его некстати и захочешь забрать назад, то вернется оно волом». Также имел обычай напоминать смехом рыцарям, чтобы на войне никогда не становились впереди или в последнем ряду, но чтобы и не прятались в середине».

Ничего удивительного в характере Ягайлы хронист Ян Длугош не видел — простоватый, бесхитростный, простодушный и мягкотелый человек, подверженный своим слабостям и суевериям. Конечно, милосердие к людям и щедрость — не грех. Но, как считал Длугош, эти черты характера были пагубными для государства. «Из-за излишней щедрости раздавал больше, чем позволяла королевская казна, не обращал внима-

ния на возможности и только угождал личным симпатиям». И ради чего? «А ради того, чтобы избежать упреков». Но в чем? В жадности, черствости к людям. На то он и правитель, чтобы прежде всего думать о вверенных его попечению людях. Так, когда в 1431 году крестоносцы разорили Куявскую и Добжинскую земли, Ягайло передал доведенным до нищеты людям свои королевские земли, поддержал деньгами. Если он не гнался за излишеством, роскошью и украшениями, то зачем было набивать золотом сундуки, когда за них можно было купить сердца людей?

Несправедлив Длугош к Ягайле, когда пишет, что тот любил спать до полудня. А вот Григорий из Санока утверждает, что король вставал очень рано. Не похож на лежебоку. И в походах, как воин, мог спать на устланной ветвями земле.

Изображение Ягайлы, Казимира Великого и Людовика Венгерского на иконе «Поклонение трех королей». 1475 г. Гравюра XIX в.

Очерняет Длугош Ягайлу, когда утверждает, что в военных делах он «нестарательный и медлительный». Но сам же признает, что Ягайло «почти во всех войнах имел счастье и удачу». В Грюнвальдской битве Ягайло показан как сторонний наблюдатель, который возлагал больше надежды на Бога, чем на оружие. И только тогда, когда победа стала клониться на сторону его войска, он захотел участвовать в битве.

«Король Владислав стремился в бой с большим пылом и давал коню шпоры, порываясь ринуться в самую гущу врагов, так что его с трудом удерживали обступившие телохранители. Из-за этого чеха Золаву, одного из телохранителей, слишком грубо схватившего королевского коня за узду, чтобы он не мог ехать дальше, король ударил концом своего копья, но не сильно; король требовал пустить его в бой, пока его не отговорили и не удержали просьбами и решительным сопротивлением все телохранители, заверявшие его, что они пойдут на любую крайность, прежде чем это произойдет». Можно заподозрить Ягайлу в лицедействе. Но даже, если бы он горел искренним желанием лично участвовать в битве, ему это сделать не дали бы. Слишком дорогая была цена победы в этой битве, чтобы подвергать опасности Ягайлу, «потому что короля одного оценивали в десять тысяч рыцарей».

Х. Пиллати. Ягайло. 1888 г.
Внизу показана сцена защиты Ягайлы Збигневом Олесницким во время Грюнвальдской битвы

Как видим, король не оставался безучастным, он руководил битвой и сорвал голос, призывая и вдохновляя воинов на победу. Ягайло был не воинственным, но не был и трусливым. Видимо, Длугош не знал о письме Ягайлы познаньскому епископу Альберту, ибо изменил бы свое описание поведения Ягайлы во время битвы. Ягайло писал: «Наконец сами с твердостью и без промедления войска наши приготовили и, построив, направили против врага, идущего в битву». Его слова подтверждает свидетельство автора «Хроники конфликта» — наиболее точной реляции о битве. «Но, закончив молитву, в тот же миг приказал всем повязать какие-нибудь повязки из соломы для взаимного распознавания и установил для рыцарей слова боевых кличей — «Краков!» и «Вильно!»; сам же, сев на коня, лично поспешил взглянуть на врага и в то же время начал построение боевых порядков на одном поле между двумя рощами; потом собственными руками опоясал тысячу или больше рыцарей так, что утомился этим опоясыванием». Как видим, Ягайло лично руководил построением войска, а Длугош приписывает это краковскому мечнику Зиндраму из Машковиц, который якобы командовал польским войском в то время, как король молился. Хоть вот таким способом, но украсть у Ягайлы славу полководца и победителя.

В рассказе Длугоша о присылке крестоносцами двух мечей — вызова Ягайлы и Витовта на бой польский король показан как нерешительный, уклоняющийся от битвы полководец, молящийся Богу о даровании ему победы. Не за молитвой застали его орденские герольды, а за посвящением в рыцари воинов. И не испугался он врага, и передал через герольдов магистру: «Мечи нам вами посланные принимаем и принять желаем: с вами, взывая к имени Христа, в битве хотим сойтись».

Своей пламенной речью король побуждает воинов к мужеству и героизму. «О, рыцари мои, друзья славные! Известно вам, на какие беды и беззакония обрекли нас и наших предков эти гордецы, на которых

смотрят ваши глаза, сколько и как много зла причинили они нашим землям, как презрели божьи святыни и бесчестили людей, служащих Богу. Помните о грабежах святынь, насилиях, злодеяниях и темных делах, какие творились еще недавно! Приняв в качестве поддержки ту справедливость, которую каждый заметить сможет, потому что она сама за нас сражаться будет, вооружитесь для защиты этой справедливости и не бойтесь: сейчас лучше погибнуть за нее вместе со мною, чем жить без нее. Уже поэтому я и рыцари мои готовы пойти с вами на жизнь или на смерть против тех, кто желает нашей погибели». Эти слова Длугош не приводит в своей «Хронике», ибо ясно, что они противоречат нарисованному хронистом характеру Ягайлы. Король не уклоняется от битвы, не боится врага, а готов идти вместе со своими воинами «на жизнь или на смерть против тех, кто желает нашей погибели». Зато в ответ Ягайлы орденским герольдам Длугош вкладывает свои цветастые слова, целую религиозную проповедь о том, что «высшие силы будут стоять за правое дело; за которое сражаются поляки». Виден идеологический смысл так называемого «ответа» Ягайлы. И это не единичный пример, когда Длугош вопреки исторической правде занимался измышлениями и религиозно-идеологическими изысками. Вот и в описании Грюнвальдской битвы он, забыв, что держит перо историка, отходит от первоисточника, из которого брал данные о битве, — «Хроники конфликта» и создает не исторический рассказ, а красочный памфлет о неотвратимом наказании Ордена за его агрессию против Польши, нравоучительное повествование «о дерзости и поражении одной стороны и о смирении и торжестве другой». Поэтому и Ягайло «лишается» черт реального предводителя польского войска и предстает смиренным христианином, он даже не может отразить нападение на себя рыцаря Диппольда Кикерау фон Дибера, и короля защищает королевский секретарь Збигнев Олесницкий, опекун Длугоша, хоть в «Хронике конфликта» указывается, что король лично сразился с рыцарем и ранил его лицо копьем. Но зачем было Длугошу показывать воинственность «смиренного» Ягайлы? Вот его подвиг и совершил Олесницкий. И этот «смиренный» король «собственной персоной» возглавил преследование крестоносцев, как сам он признался в письме к познаньскому епископу и своей жене, королеве Анне. Хорошо, когда есть возможность проверить сообщение летописей и хроник по другим источникам, что избавляет нас от предвзятости их авторов.

Совсем иным предстает Ягайло в описании других авторов, не таивших на него злобы и не сводивших с ним свои счеты на бумаге, которая, как известно, все стерпит. Он был простоватым, но не простаком. Его считали диким и необразованным, а он вел теологические диспуты, любил искусство (в особенности живопись в византийском стиле) и музыку. Может быть, не просто похвала, а справедливое признание королевских достоинств заключено в словах магистра вольных искусств Яна из Ключборга: «Ягайло выделялся необыкновенной добротой, ученостью, мудростью и трезвостью, справедливостью и энергичностью. Этими качествами, а также постом, трогательными речами, милостью и опекун-

ством король может быть примером для других правителей мира. Любил справедливость, творил согласие и справедливый суд вершил, вдов и угнетенных, бедняков и сирот освобождал из неволи крестоносцев. Чаще выбирал мир, чем войну с неприятелем... Матери своей — римской церкви покорно подчинялся, был удивительно щедрым, ибо почти все свое королевство раздал и очень мало, почти ничего, не оставил для себя, свое наследство и родную землю отдал другим. Был это правитель, который руководствовался не тщеславием, не вероломством, но набожностью и справедливостью, своими подданными правил мудро». Идеальный образ христианского короля, который хотели видеть в Ягайле. И Ягайло хотел ему соответствовать.

Высокий авторитет Ягайлы признавали не только отдельные люди, но и целые народы. В 1402 году венгры, недовольные правлением своего короля Сигизмунда I, отстранили его от власти и предложили венгерскую корону Ягайле. Он повел себя очень благородно, не воспользовался «несчастьем» венценосного коллеги. «Не вам отдавать, не мне ваш скипетр брать не следует, пока законный владетель Венгерской земли, муж старшей дочери Людовика (бывший венгерский король. —*Авт.*), который вами взят в неволю, живой. Вы должны освободить его. Никто больше, глядя на ваш поступок с предшественником, не захочет такой судьбы», — ответил Ягайло венгерским послам. Тут он проявил и благородство, и политическую осторожность, которую можно принять за мудрость. Как «справедливого правителя», доброжелательного к чешскому народу, в 1420 году чехи просили Ягайлу стать их королем. Он и на этот раз отказался от короны, проявив предосторожность. «Судьба ваша смутная, и несчастье чешского края сам переживаю; в таком важном деле без согласования с Витовтом не могу ответить». От короны Ягайло отказался, но сам факт, что восставшие против немецкого засилья чехи видели в нем достойного кандидата на чешский престол, говорит о многом, и в частности об его авторитете за рубежом. Добрая слава далеко разносится.

Польша была для Ягайлы чужой, и он для поляков чужим. Своим укладом жизни, обычаями Ягайло отличался от поляков и не был похож на короля. Говорил по-белорусски, ни писать, ни читать по-польски не умел. Был немногословен, суеверен, прост в быту и в обхождении с людьми.

По-прежнему Ягайло горячо любил свою Родину, за что его не раз упрекали поляки. Ян Длугош писал: «Свою Отчизну, Литву, семью, братьев так сильно любил, что все богатства и прибыли королевские отдавал на защиту и обогащение Литвы, в то время как Польское Королевство, никогда не задумываясь, втягивал в разные войны и обрекал на поражение». Но и литвины обвиняли Ягайлу в измене Литве. А он объяснял в акте Городельского сейма от 2 октября 1413 года, что желал: «...земли Литовские, из-за враждебных нападений и козней крестоносцев и к ним примыкающих всяких других врагов, которые стремятся разорить названные земли Литовские и Королевство Польское и разрушение их замышляют, в уверенности, безопасности и лучшем попе-

чении сохранить и о постоянной для них пользе позаботиться». Ягайло искренне воспринял свою миссию объединителя двух народов, их спасителя от агрессии Ордена. «Знаем хорошо, что крестоносцы не только моей или великого князя (Витовта. — *Авт.*) ждут смерти, чтобы напасть на Польшу, разорвать и уничтожить единство между обоими народами. Но я этого не допущу. Посвящу всего себя ради целостности моих народов, поэтому соберу большое войско и Орден так сокрушу в Пруссии, что после моей смерти не сможет вредить моим державам», — заявлял в 1422 году Ягайло. И надо признать: во многом стараниями Ягайлы была сокрушена сила Тевтонского ордена.

Считали его дикарем и грубым. А он преобразовал Краковский коллегиум в университет и взял его под свою опеку. До Ягайлы коллегиум едва существовал, даже не имел в городе своего здания, а занятия велись в пригородной деревне. Ягайло попросил папу Бонифация XI выдать буллу на основание университета и открытие в нем теологического факультета. Для университета Ягайло купил два здания в Кракове и 22 июля 1400 года торжественно открыл его. Он утвердил доходы, назначенные коллегиуму еще королем Казимиром Великим, и приумножил их дарением земель и привилеев. В привилее этот «неуч» говорил:

Основание Ягеллонского университета. Гравюра XIX в. По картине XVII в. Внизу слева изображена сцена крещения Литвы. Рядом с Ягайлой Св. Станислав. Справа — королева Ядвига и основатель Краковского коллегиума Казимир Великий.

«Желаем иметь студию во всех науках: в теологии, юриспруденции, физике, праве и других науках свободных, для этого великий коллегиум ставим на вечные времена. И пусть уже там будут, как диаменты, все науки, чтобы выпускал людей умных и в разных профессиях наученных». Этот «неуч» оказался куда более сведущим в просвещении, чем те, кто порочил его за невежество и дикость. И справедливо, что университет назвали Ягеллонским.

Любил он искусство. Приглашенные Ягайлой белорусские и украинские художники расписывали фресками костелы и часовни в византийском стиле.

Этот «грубый» литвин отличался скромностью и вежливостью. Этот «жестокий» деспот проявлял милосердие к убогим и несчастным. Этот «кровавый» воитель проливал слезы в молитвах о мире. Этот «язычник» впечатлял своей набожностью. Этот «человек поверхностного ума и невеликих способностей» (как отозвался о нем Ян Длугош) правил, побеждал в войнах, последовательно проводил свою политику, проявлял государственную мудрость, данную ему высокую власть использовал на благо страны.

Ягайло сохранил за собой титул великого князя литовского (он титуловал себя и наследником Руси), а своим наместником назначил с титулом князя Литвы брата Скиргайлу. В грамоте от 28 апреля 1387 года Ягайло обещал: «...держати ми его выше оусее иншее братье и слушати ми его боле усехъ своих приятелии и братьи, а всякому ми делу и справа ему чинити и его людямъ, а в обиду ми брата своего князя Скирикгайла не выдати». Видимо, Ягайло не очень доверял брату, поэтому лишил его верховной власти. Но надо было задобрить Скиргайлу и укрепить его силу в противовес мятежному Витовту, поэтому Ягайло отдал брату «на руской стороне» Менск, Пропойск, Игумен, Логойск, Свислочь, Бобруйск, Речицу, а также Полоцк, «што еще отець ему оуделилъ». Таким образом, Ягайло только усложнил положение: Великое Княжество было разделено на владения Витовта, Скиргайлы, Владимира Киевского, Корибута Новгородского, Коригайлы Мстиславского, что вскоре привело к конфликтам между ними. Ягайло вынужден был выступить третейским судьей. Но важнейшие дела Ягайло решил сам. В том же 1387 году он обратил Литву в католичество. Приехав в Вильно, он постановил: «Всех природных литвинов, обоих полов и всякого звания, к вере католической и до служения святой римской церкви присоединить и даже заставить, к какой бы вере они раньше ни принадлежали». Ягайло, как выяснилось, совсем не стремился исполнять свое обещание. Видимо, он боялся недовольства православного населения Великого Княжества Литовского, поэтому не принуждал его к принятию католичества язычников. Для поощрения крещения в католичество Ягайло 20 февраля выдал грамоту, в которой декларировал сословные права и вольности католикам. Феодал-католик получал право распоряжаться своими вотчинами, а также «свободно выдавать замуж своих дочерей, внучек и женщин», ему вменялось не привлекать рыцарей к «каким-либо нашим работам», за

исключением строительства или ремонта замков. Немного привилегий, но и они воспринимались как щедрый дар и делали католиков привилегированным сословием перед православными. Этот конфессиональный раздел не послужил консолидации аристократии Великого Княжества Литовского. Но в защите Отечества для Ягайлы не было различия между католиками и православными. Он писал в той же грамоте: «Согласно древнему обычаю, военный поход остается обязанностью, которая осуществляется собственными затратами и расходами. В том же случае, если придется преследовать врагов, неприятелей наших, которые бы убегали с нашей Литовской земли, то для этого рода преследования, которое по-народному называется погоней (сам термин указывает, что это традиция была белорусской. *—Авт.*), обязуются отправляться не только рыцари, но и каждый мужчина, какого бы он ни был происхождения или состояния, только он был способен носить оружие». Так началось крещение Литвы.

В Вильно было основано епископство с семью приходами — в Медниках, Мейшеголе, Вилькомире, Немечине, Крево, Гайне и Обольцех.

Несколько месяцев Ягайло строил костелы, «больше похожие на сараи, чем на святыни», по словам крестоносцев, ездил по Литве и объяснял язычникам основы христианской веры, учил их молитвам. Он приказывал сечь священные леса, уничтожать идолов и тушить вечные огни. На места крещения одних язычников сгоняли тиуны, других привлекали суконными рубахами в награду за принятие новой веры. Язычников делили на мужчин и женщин и каждую группу окропляли святой водой и давали одно для всех имя. Теперь они становились вроде бы христианами, но в душе оставались идолопоклонниками, по словам тех же крестоносцев. Так Ягайло окрестил около 30 тысяч человек — только часть язычников. Язычество оставалось еще сильным, но все равно Литва в глазах папской курии стала христианской страной. Буллой от 17 августа 1388 года папа римский Урбан VI признал акт крещения Литвы. Позже папа Климент VII восхвалял Ягайлу

В. Радзиковский.
Крещение Литвы. 1898 г.

как «апостола» Литвы: «Среди всех королей земли тебе принадлежит первое место в чувстве благодарности святой Римской церкви, матери нашей! Утешай себя в глубине твоей души, что такая великая слава ходит по свете о деяниях твоих и что ты, такой ласковый и милый, находишься в сиянии славы в лоне матери-церкви».

Зато Орден усомнился в искреннем крещении Ягайлы и жаловался на него императору Руперту: «Славится, как новый христианин, но от своих безумств ни в чем не отступил. Как стал королем, то сделался жестоким неприятелем правоверного рыцарства. Посылает к неверным ремесленников, раздает им шлемы, панцири и стрелы, шлет им воинов. Литвинов и Русь учит военному делу, так что, усовершенствовавшись после его смерти, даже могут быть опасными. Хвалится, что где-то принес веру, а на деле подстрекает сечь или вешать иконы, жестоко убивать христиан, срывать мир, хватать орденских братьев, давать опеку изменникам и отступникам — вот христианские поступки Ягайлы. Так он поступает с нами в союзе с Витовтом, который не помнит той помощи против татар, когда наши кровь пролили».

Ничего удивительного в орденских обвинениях нет. Ягайло, как и надлежит правителю, заботился об укреплении боеготовности подданных, расправлялся с врагами, а вот насчет святотатства над иконами можно поверить крестоносцам, а можно посчитать это выдумкой. Все же христианство Ягайло воспринимал как неофит, не избавившийся от языческих суеверий и привычек. Удивлялись ему, когда в костеле ставил свечки и огарки. А когда его спросили, почему он так делает, объяснил, приведя народную мудрость: «Богу молись, а черта не дразни».

Ягайло среди ученых. Гравюра XIX в. с иконы «Юный Христос в храме». 1418 г.

Но католик Ягайло попрежнему в душе оставался православным. Его сердцу было ближе православная культура, чем католическая. Длугош пишет, что Ягайло украсил гнезненский, сандомирский и вислицкий костелы произведениями «греческого» искусства, «ибо оно

ему более нравилось, чем латинское». Защищал православие. В грамоте 1387 года Ягайло предупреждал тех, кто нанесет урон монастырю и церкви Св. Иоанна в Логойской земле: «...а хто приобидить или отиметь от стого Ивана црькви, тот будет проклять оусии веки и оу будщии». Даже его наместник в Великом Княжестве Литовском Скиргайло был православным и носил крещеное имя Иван.

Когда Витовт в 1390 году поднял восстание против, Ягайло лично возглавил борьбу с ним. Городенский князь вновь заручился поддержкой крестоносцев, а это означало войну с Орденом. Польское войско во главе с Ягайлой захватило Берестье, Каменец и Городно, принадлежавшие Витовту. Своим наместником и старостой виленским Ягайло назначил польского подканцлера Николая из Мошкожова. Изгнанный из своих владений, Витовт при поддержке крестоносцев продолжил войну. В августе 1390 года орденское войско подошло к Вильно. Был взят главный замок Вильно — Кривы город, но два других замка мужественно защищались. Через пять недель крестоносцы сняли осаду замков и отступили.

Выступление Витовта напугало виленского старосту Николая Мошкожовского, и он отказался от управления столицей. На его место Ягайло назначил Яна Олесницкого, но, для того чтобы он «мог распоряжаться более свободно и дельно», князя Скиргайлу переводит на управление Киевской областью. Этот шаг Длугош объясняет страхом «могущества и свирепости врагов, предательства и вероломства своих и, кроме того, самовластия князя Скиргайлы». Если с двумя первыми причинами можно согласиться, то «самовластие» Скиргайлы — только предлог. Видимо, Ягайло загодя готовил условия для перемирия с Витовтом и передачи ему власти в Литве. Естественно, Скиргайло противился бы этому, и Ягайло убрал его подальше от столицы на окраину государства, где он лишался влияния на политическую ситуацию в Великом Княжестве.

Витовт не отступался от своих претензий. Получив во владение замок Риттерсвердер на Немане возле границы, он совершал набеги на Литву, рассчитывая грабежами и поджогами заставить Ягайлу вернуть ему отцовское наследство, а может, и получить великокняжеский венец.

Второй поход на Вильно летом 1391 года орденского войска также закончился бесславным отступлением крестоносцев. Ягайло наконец понял пагубность борьбы с Витовтом и передал ему через послов: «Больше, брате, не теряй земли Литовское, отчины нашее и свое, пойди к нам у мир и в великую любов братскую, возьми собе княженье великое у Вильни, стол дяди своего, великого князя Олкгирда, и отца своего, великого князя Кестута». Витовт и на этот раз поверил Ягайле и тайно покинул Орден.

Встреча между ними произошла 4 августа 1392 года в деревне Островский Двор. На следующий день была составлена грамота. Ягайло признавал Витовта великим князем литовским и русским, но тот дал клятву: «Оставаться навсегда в союзе с Польским Королевством и польской короной». В грамоте не говорилось о присоединении Великого

Княжества к Польскому Королевству — тем самым Ягайло признавал Витовта самостоятельным правителем. Хоть он и титуловал Витовта великим князем литовским, но себе взял титул «верховный князь Литвы», чем подтвердил свою власть над Великим Княжеством.

Но мира и благодати в Литве не наступило. Обделенными себя считали братья Ягайлы — Свидригайло, Скиргайло и Корибут. Они выбрали разные способы борьбы с Витовтом. Свидригайло прибегнул к помощи крестоносцев и начал нападать на Литву. Корибут отказался подчиняться Витовту, и пришлось оружием подчинить его. Самым опасным был Скиргайло, «тем более опасным, что отличался умом, храбростью и красноречием», — как характеризует его Длугош. Обиженный и самолюбивый Скиргайло подстрекал против Витовта своих приверженцев. Ягайло, видимо, вопреки своему желанию, «чтобы вполне смягчить великий гнев и обиду князя Скиргайлы», добавил брату в держание Кременец, Стародуб и Старые Троки и удовлетворил его тщеславие звучным, но в самом деле номинальным титулом «великого князя русского».

Как ни странно, Ягайло и сам опасался «самовластия» князя Скиргайлы, который «был по натуре своей смел и свиреп, скор во всем — на язык, на руку и на дело, и всем внушал бы страх, если бы постоянное пьянство не низводило его до ничтожества и не вызывало презрения к нему, ибо в пьяном виде он бросался с оружием на многих людей, и преимущественно на тех, кто являлся его друзьями и близкими», — таким был этот князь, по утверждению Длугоша. Тем не менее, несмотря на буйный характер Скиргайлы, его поддерживали православные за верность православию, для них он был «чюдный князь... добрый». Видимо, Ягайло как раз и опасался утверждения деятельного брата на великом княжении с помощью «русских», которые смотрели на «верховного князя Литвы» как на изменника родины и их веры. В таком случае Скиргайло становился законным великим князем, а сам Ягайло терял наследственные права на Литву и в случае лишения польского трона оставался ни с чем. А на Витовта Ягайло смотрел как на своего наместника, хоть и с титулом «великий князь литовский».

Н. Самокиш. Ягайло, поражающий зубра. 1903 г.

Витовт не имел наследников, а вот Ягайло еще надеялся стать отцом сыновей, которые унаследуют власть на «дедичную» Литву. И никто лучше Витовта не смог бы защитить его наследство от посягательств внешних и внутренних врагов, сохранить его и приумножить. Витовт был просто посланцем судьбы для Ягайлы. Поэтому понятно, что Ягайло не только ради «возвышения и славы своего отечества Литвы» поддерживал Витовта, а имел свой личный интерес, как родово-династический, так и политический. Ягайло мечтал передать Великое Княжество своему наследнику сильным, свободным и процветающим государством. А это не нравилось полякам, они упрекали короля, что он больше содействует Литве, чем Короне, посылает каждый год Витовту войска, раздает и продает немало королевского добра, награждая рыцарей, защищавших Литву.

В. Навозов. После охоты
в Беловежской пуще в 1409 г. 1903 г.

Но вот беда, Ягайло долгое время не имел наследников. От первой жены Ядвиги у него родилась в 1399 году дочь Альжбета-Бонифация, которая умерла младенцем. После смерти самой Ядвиги, 17 июля 1399 года, Ягайло только новой унией с Великим Княжеством сохранил за собой королевскую корону. Теперь женитьба короля стала заботой его рады. И выбрали ему дочь графа Тилии Вильгельма Анну, с которой он обвенчался 29 января 1402 года. Она родила 8 апреля 1408 года дочь Ядвигу, а сына так и не было. В 1416 году Анна умерла, вновь оставив Ягайлу вдовцом. Желание иметь сыновей вынуждало Ягайлу искать новую жену. Его выбор — Альжбета, дочь сандомирского воеводы Оттона из Пильцы — не понравился ни панам, ни шляхте. Она была трижды замужем и имела пятерых детей, в том числе двух сыновей. Ягайлу не волновало, что по королевским меркам Альжбета ему не ровня, главное — она была матерью и могла родить ему долгожданного наследника. Поэтому он так упрямо и отстаивал свой брак с Альжбетой, несмотря на сопротивление королевских сановников. Ягайло даже припугнул их, заявив, что готов отказаться от короны. И когда в 1418 году на Краковском сейме паны и шляхта не желали дать согласие на коронацию Альжбеты, он решительно заявил: «Отпустите меня с женой в мое наследственное княжество, а мою дочь посадите на престол и выдайте ее замуж за кого хотите, чтобы имели короля». Такое впечатление, что король устал править в стране, где он был всего лишь атрибутом власти,

от имени которого правили паны. Не зря однажды вырвалось у него: «Я вас уже просил, чтобы вы забрали свою корону и позволили мне вернуться в мою родную Литву». Конечно, этого ему не дали сделать.

Брак с Альжбетой был несчастливым. Наследника Ягайло не дождался. Так что ее смерть в 1420 году была как освобождение. Но Ягайлу вновь пытались связать «узами Гименея». Император Священной Римской империи Сигизмунд Люксембургский хотел выдать за Ягайлу свою дочь Елизавету или вдову чешского короля Вацлава Софию, за которую давал в приданое Шленск. Брак для Польского Королевства выгодный, а вот для Витовта он представлял угрозу, ибо он поддерживал восставших против империи чехов. Тогда он и решил повенчать одну из сестер своей жены княгинь Василису или Софию Гольшанских и Ягайлу. Видимо, именно он привез Ягайлу в Друцк, где они жили у своего дяди князя Семена Друцкого.

Вот что пишет «Хроника Быховца» об этом странном сватовстве Витовта и знаменательной для истории встрече короля и его будущей жены, которая положила начало династии Ягеллонов: «И едучы назад князь велики Витольт и король Ягойло прыехали ко Друцку, и были на обеде у князя Семена Дмитреевича Друцкого. А королю Ягойлу вжо третяя жона была умерла без плоду, и он видел у князя Семена две сестрычне его красных, именем старшая Василиса, прозвишчом Белуха, а другая Зофия. И просил Ягойло Витольта, мовячы тым обычаем: «Мел есьми за собою тры жоны, две ляховицы, а третюю немкиню, а плоду есьми с ними не мел; а тепер прошу тебе, зьеднай ми у князя Семена сестрычну* меншую Софию, иж бы ее за себя понял, а з поколеня руского, ачей бы ми Бог плод дал». И коли князь Витольт почал о том говорыти князю Семену, и князь Семен рекл: «Господару велики княже Витольте. Король Ягойло — брат твой корунованы а господар велики. Не могло ся бы стати лепей сестрычне моей, иж бы за его милостию была, нижли ми ся не годит ганьбу чинить и соромоты старшой сестре ее, иж бы она наперед старшое пошла замуж, а так бы нехай его милость старшую понял». И коли то князь велики Витольт королу Ягойлу поведал, и он ему одказал: «Сам то я знаю, иж сестра старшая есть цуднейшая, нижли мает ус, а то знаменует, иж девка есть моцная, а я человек стары, не смею оное покуситися». А затым князь велики Витовт, помысливши з князем Семеном, и возвали до себе князя Ивана Володимеровича Бельского, братанича своего, и змовили за него тую старшую сестру Василису Белуху, а Зофию заручыли за короля Ягойла. А тые сестрычны князя Семеновы были дочки князя Андреевы Олгимонтовича Гольшанского. И потом король Ягойло прыслал панов знаменитых з Ляхов, и вземшы княжну Зофею отнесли до него до Кракова; он же, знаменитое веселие учынившы, понял ее за себя, и коруновали ее, и мел с нею два сына, Владислава, которы потом был королем угорским и польским; а другого сына мел Казимира,

---

* Племянницу.

** Племянника.

которы же потом был королем польским и великим князем литовским».

София была дочерью князя Андрея Гольшанского и княгини Александры Друцкой, сестры Семена Друцкого, и родилась она около 1405 года. Вместе с сестрой Василисой София воспитывалась в Друцке у князя Семена, давнего сподвижника Витовта. Может, он подсказал Витовту мысль женить Ягайлу на своей племяннице. Кто бы ни был инициатором женитьбы короля, но своего достигнул. Ягайло 7 февраля 1422 года обвенчался в Новогородке с Софией Гольшанской, вновь наперекор панам и шляхте. Но ничего не поделаешь, и Софию признали женой Ягайлы. Свадьбу пышно отпраздновали в Новогородке. На ней присутствовали папский нунций Антоний Зенка, послы чешского короля, знатные вельможи и магнаты Литвы и Польши. А 5 марта 1424 года Софию короновали в Кракове на польскую королеву в присутствии императора Римской Священной империи Сигизмунда, датского короля Эрика и многочисленных знатных особ.

И вот то, чего так долго ждал король, чего просил у Бога, свершилось: 31 октября 1424 года у него родился сын, названный Владиславом. Среди 25 крестных отцов королевича был и папа римский Мартин V, который поздравил Ягайлу с рождением сына: «Прошу Бога, — писал он в булле, — давшего его нам, чтобы его как можно дольше хранили года для исполнения будущего его призвания и чтобы еще при жизни твоей учился королевскому благородству, взяв в молодости с тебя пример». А 16 мая 1426 года родился второй сын Казимир, но он прожил недолго и 2 марта 1427 года умер. Третий сын Казимир Андрей родился 30 декабря 1427 года. Как считают некоторые историки, его вначале крестили в православие и дали имя Андрей в честь деда, князя Андрея Гольшанского, и только потом перекрестили в католичество. Тем самым

В. Герсон. Ягайло,
София Гольшанская, Витовт.
1895 г.

В. Стащенюк. Древний Новогородок. На заднем плане, справа, изображен костел, где венчались Ягайло и София Гольшанская. 1990 г.

прагматичная королева, надеясь на великокняжеский венец для своего сына, заигрывала с православными феодалами Великого Княжества.

Такая плодовитость престарелого Ягайлы вызвала подозрение в неверности его жены. Поползли слухи, которые распускала группировка краковского епископа Збигнева Олесницкого, желавшего ослабления роли королевы. Если вспомнить, что Ягайло подозревал в неверности и прежних своих жен — Ядвигу и Анну, то нет ничего удивительного в том, что он поверил наветам. Под пытками две прислужницы королевы признались в ее измене мужу и назвали семь молодых придворных, среди них и красавчика Гиньчу из Рогова, сына польского подскарбия (казначея). Трое подозреваемых успели убежать, а остальных вместе с Гиньчей арестовали. Саму Софию взяли под домашний арест, «чтобы при обычных недостатках своей плоти не попала в худшую беду» (по словам Длугоша). На суде под председательством Витовта королева дала очистительную присягу в своей невиновности. Скандал замяли, но Ягайло после этого охладел к жене. А эхо скандала еще звучало долго, ибо Ягеллонов считали незаконнорожденными. А Гиньча после смерти Ягайлы пользовался особой лаской королевы Софии и получил от нее немало имений. Вот и догадывайся, за что такая милость королевы к нему.

Забота о детях, об их правах на польскую корону и великокняжеский престол определяла политику Ягайлы в последние годы его жизни. Но, чтобы эти права передать своим детям, Ягайло все больше должен был идти на уступки панам и шляхте. 30 апреля 1425 года на съезде в Брест-Куявском они заявили, что признают королевича Владислава наследником престола после подтверждения своих былых прав и воль-

ностей и получения новых, а самое главное, если Ягайло согласится не на наследственное право сына на королевский трон, а на избрание его, и исполнит свое обещание присоединить Литву к Польше. Ягайло не мог этого сделать, ибо терял наследственное право не только на Польшу, где короля начнут избирать, но и на Литву и Русь, присоединенных к Польше. Он на это не согласился и не подтвердил права и привилеи шляхте и церкви, что ограничивало королевскую власть. Владислава объявили всего лишь избираемым королем, т. е. кандидатом на королевский трон. Но за это Ягайло пообещал исполнить требования сейма, но не исполнил. Вместе с женой он начал сбор подписей городов, земель и отдельных вельмож о признании Владислава наследственным королем. Поэтому на очередном сейме в 1426 году в Ленчицах краковский епископ Збигнев Олесницкий настроил шляхту против Ягайлы. «Вот грамота, в которой обещание поднести на трон королевича. Отец его не выполнил перед нами своих обещаний. Возвращаю вам этот странный диплом», — гневно выпалил епископ и бросил грамоту сейма под ноги. Разгоряченная шляхта порубила ее саблями. Со шляхтой было не сговориться, надо было уступать. Действовал Ягайло по принципу: «Богу молись, а черта не дразни».

Я. Матейко. Ягеллоны. 1880 г. В центре изображен юный король Владислав III, слева — краковский епископ Збигнев Олесницкий, справа — королевич Казимир Андрей и королева София Гольшанская

На сейме в Едельне в марте 1430 года он выдал шляхте привилей о праве на неприкосновенность, подтвердил их права, данные при коронации, принял избрание короля, согласился с условием, что коронация произойдет только после подтверждения привилеев. Пришлось Ягайле отказаться и от возможного регентства королевы Софии и Витовта, в случае его преждевременной смерти.

Ягайло еще больше ослаблял королевскую власть и умножал метастазы болезни шляхетской «золотой вольности», приведшей государство через три столетия к параличу и политической смерти. Тогда Ягайло не думал о последствиях своих решений, да и не мог их предвидеть. Его заботило, как передать власть своим сыновьям. Выдал он и грамоту, в которой декларировал, что после смерти Витовта Литва и Русь переходят к «нему и к панам нашим и к короне» как его отцовское наследство.

И получил желаемое — избрание сына на королевство. Поэтому Ягайло выступил против намерения Витовта короноваться и превратить Великое Княжество в королевство. Если бы это случилось, сам Ягайло и его дети навсегда потеряли бы наследственные права на Литву. Неслучайно он жаловался, что Витовт отбирает у него и его детей Литву, и делал все возможное, чтобы сорвать коронацию двоюродного брата. Даже готов был уступить свою корону, чтобы после смерти Витовта польским королем стал Владислав. Витовт отказался от этого предложения. Дело могло закончиться войной, ибо оба правителя готовили войска. Смерть Витовта в 1430 году разрешила конфликт, но не решила вопрос о власти в Литве. Ягайло согласился с избранием великим князем бездетного Свидригайлы, чтобы великокняжеский венец не достался Сигизмунду Кейстутовичу, у которого был сын Михаил. Но, когда Свидригайло начал вести самостоятельную политику, польский двор совершил переворот и возвел на Великое Княжество Сигизмунда. Ягайло вынужден был признать свершившееся (хоть и не одобрял переворот) и отдать Сигизмунду в пожизненное владение Великое Княжество. Но при этом рассматривал его как своего наместника, а себя по-прежнему титуловал «верховным князем Литвы».

Ягайлу как доброго и мудрого правителя прославляли современники. Писали о его справедливости, милосердии, мудрости, набожности, скромности, щедрости, уважении к науке и просвещению. Читаем у того же Длугоша, что Ягайло «после своего крещения и коронации был человеком большой набожности и милосердия для своих подданых, для убогих, вдов и сирот».

«Король превосходил всех мудростью в судебных решениях, в советах, которые давал, в новых способах, которыми пользовался, чтобы противостоять хитростям противников. Когда по личному желанию творил какой-нибудь суд — никаких подозрений не могло быть, когда из сердца его исходил какой-нибудь совет — никакого сомнения; когда в сложной ситуации высказывал свое мнение — все, впечатленные, удивлялись: «откуда все это», ибо образования не имел. Правил как мудрый король и справедливость творил в земле своей», — говорил в 1433 году на Базельском соборе краковский каноник Николай Козловский. Ему вторил профессор медицины Ян Людиска: «...Наилучший борец, а также непорочный и наимудрейший человек, за что снискал себе людскую симпатию и уважение как у своих, так и чужих, и не было у него никаких изъянов». Нарисованный образ Ягайлы никак не соотносится с тем, что писал о нем Длугош. И это «простак», «неумелый правитель», «человек недалекого ума», «небольших способностей»?

«Король, благодаря слабости своего ума и недостатку собственного духа во всех военных и домашних делах, руководствовался не собственной, а чужой волей», «не заботился об возвращении земель своего королевства», «к лени и роскоши, к охоте и пирам склонный был от рождения», «не смотрел на возможности, а только угождал своим симпатиям», «большими дарами слишком щедро раскидывался не для того, что те, кто получал, заслужили их, а для того, чтобы избегнуть

упреков», а поэтому шляхта «только при Владиславе Литвине познала вкус зависти; и начала с тех времен непомерными вымогательствами разрывать Польское Королевство», — так отзывался о Ягайле Длугош, не ведая, какой еще грех ему приписать. Но, кажется, Длугош писал со слов своего учителя — краковского епископа Збигнева Олесницкого. Святоша с амбициями политика и хитростью интригана, он ненавидел Ягайлу, который мешал ему по своему желанию управлять Польшей. Олесницкий и передал свою ненависть ученику Яну Длугошу, которого обидел Казимир Ягайлович. Вот и сводил он счеты с Ягеллонами, выливая на них грязь на страницах своей хроники.

Длугош документально передал речь Олесницкого, обращенную к Ягайле, перед выездом того на Базельский сейм. Сколько тут правды, а сколько лжи, трудно понять, но желчи и ненависти пролилось через край. Не речь, а обвинительный акт королю, можно считать, приговор для истории. «Знаю, правда, что ты спокойный, набожный, чудесный, терпеливый, покорный и милосердный, — говорил Олесницкий, — но все эти добрые качества и заслонены в тебе одинаковою мерой недостатков и похотью. Целые ночи пьешь и, разморенный пьянством, отсыпаешься и празднуешь, а святую мессу обычно слушаешь только вечером. Костелы и монастыри, которые только из милосердия привыкли королям давать пристанище, твоих приездов не могут вынести и настолько бывают ими замученные, что почти половина монахов ушла с них по причине опустошенных деревень и фольварков, ибо когда не привезут вещей, нужных двору, забирают их по твоему указанию с деревень, как будто они уже слишком провинились. А кто может вытерпеть поборы и насилие твоих придворных? Целый край на них жалуется, ибо нет в их поступках ни порядка, ни права, забирают с полей урожай и овощи и съедают безнаказанно. Негодные гроши с нечистой руды бить позволяешь против законов, тобой и другими королями установленных и несмотря на перечения твоих прелатов и панов. Вдовам, сиротам, обиженным, которые к тебе обращаются с жалобами, доступа не даешь или, когда выслушаешь их, то по справедливости не сделаешь. Тянешься жадною рукой к чужому богатству... наказанных не по закону лишаешь их наследства. Во взятии подвод зашли так далеко, что твое королевство, некогда такое славное и такое управляемое, переменилось в почти варварское и зависимое.

Когда же с упрямостью и окостенелостью сердца захочешь остаться при своих ошибках, знай, что я готов и имею достаточно отваги проклясть тебя духовной клятвой, а чего не сделаю отцовским напоминанием, добьюсь обвинительной розгой». Неужели епископ сбросил с Ягайлы маску благочестивого, христианского, милостивого и доброго правителя? Обвинения в пьянках, жадности, несправедливости, алчности отвергают другие авторы, писавшие о Ягайле. А вот об обременительных постоях в монастырях подтверждают. Не таким Ягайло был святошей, каким его представляют апологеты и пииты. Ожиревшим монахам король говорил: «Когда мне не дадите того, что пожелаю иметь, заберу все добро вашего монастыря... Мое все монастырское и костельное добро в

моем государстве, а не ваше». Он поступал, буквально придерживаясь Библейского завета: кесарю — кесарево, а Богу — Богово, т. е. мне — добро, а Богу — молитвы. Да и то брал сполна с монастырей не для себя, а чтобы накормить свой многочисленный двор во время частых поездок по обширному государству. Обычно короля сопровождало около двух тысяч человек, а то и более. Можно представить, какой обузой было тянуть за собой обоз, вот и кормились придворные по монастырям. А сам король щедро делился монастырским добром с обездоленными. Например, в 1431 году «запустил руку в костельное имущество», чтобы в опустошенных крестоносцами Куявской и Добжинской землях разоренные люди «могли поднять из руин свои деревни и дома». Свою веру он показывал не во внешних проявлениях благочестия, а в благодеянии. А в святости он мог быть примером даже для монахов. Перед Великой войной в 1410 году он посетил монастырь на Лысой горе и промолился там целый день, прося у Бога победу, и нельзя заподозрить его в неискренности. Да и во время битвы молился, что заставило горячего Витовта отрывать его от молитвы, «чтобы тот спешил без всякого промедления в бой... своим присутствием придать сражающимся больше одушевления и отваги». А победу, считал Ягайло, «больше своими молитвами выпросил у Бога, чем орудием отвоевал».

И вот Збигнев Олесницкий, который во время Грюнвальдской битвы защитил его от немецкого рыцаря, обвинял Ягайлу почти во всех грехах и погрешениях, открывал о нем «полную правду». На глазах короля выступили слезы, он сидел молча, словно пораженный громом, потом с горечью проговорил: «Не тебе стоило отягощать меня столькими упреками. Тут присутствует гнезненский архиепископ Войтех, которому и в самом деле было б к лицу делать мне напоминания, если бы их заслужил. Молчит архиепископ, молчат все прелаты и паны, один только ты, движимый личной неприязнью, присвоил себе право напоминать мне без совета и разрешения других». Но Ягайло ошибался: прелаты и паны, поднявшись, единогласно согласились с Олесницким. Значит, епископ был прав? А может, Ягайло был уже не нужен им? Состарившийся, немощный, даже беззащитный перед неприятельскими выпадами, он свое уже сделал и теперь был не нужен.

Вероятно, Ягайло считал, что великие дела — уния Литвы и Польши, крещение Литвы, победы над Орденом, создание университета, основание новой королевской династии оправдают его перед историей, а все плохое забудется и простится. Ведь и раньше, в 1417 году, на Констанстском соборе по рукам святейшеств ходил пасквиль о нем тевтонского монаха Иоанна Фалькнберга, но правда тогда восторжествовала. Флорентийский кардинал Франциск возмущался перед собором, что «мужа наиблагороднейшего, короля таких славных достоинств, осмелился писаниной унижать. Плохое ищем у короля и человека, который всех скромностью, спокойствием, человечностью и добротой превосходит... и каждый его славы столько стоит, сколько стоит собственного достоинства. Ибо достоинства этого короля далеко известны во всем свете христианском». И что там упреки Олесницкого, когда сам папа

Мартин V называл его королем «великого достоинства и уважения... знаменитых качеств, истинно королевских, высокой чести величества». И даже Длугош считал Ягайлу ласковым и справедливым монархом, умевшим увидеть в человеке достоинства, и не завистью, а приязнью отмечал дела и заслуги своего рыцарства.

Я. Рущиц. Ягайло. 1930 г.

Неизвестно, что думал Ягайло об убийстве своего дяди, об унии с Польшей и сорванной коронации Витовта. Большинство (и сам Витовт) считали его убийцей Кейстута. А в Литве называли изменником, продавшим родную землю за польскую корону. Но разве душевной добротой не доказал он, что не способен был на вероломное убийство? Если он и нарушил свою клятву, то к этому вынуждала его политическая и жизненная необходимость. Он защищал свою жизнь, свою власть, наконец, свое государство. Хотел укрепить Литву, устроить ее и спасти от орденской неволи, что и делал. А разве он не заботился о Литве, когда посылал польское войско защищать ее от крестоносцев, помогал деньгами, хлебом, всем, чем мог. Давал литвинам привилеи и вольности. И веру предков уничтожил, ибо это была не вера, а идолопоклонение, суеверие и тьма. Строил костелы и утверждал веру Христову. «Потому что не только о земных, но и о небесных благах для наших подданых нам нужно печься. Сильно стараемся одарить их духовными милостями, чтобы в садах веры лучше расцветали и каждый раз более врастали в добродетель, снимая с хребтов ярмо неволи», — писал он в акте Городельской унии. Разве неискренним было его желание? Разве он не любил свою Родину? За эту любовь и упрекали его поляки, за то, что «не жалел королевского скарба для процветания Литвы и взамен обносок он давал ей своей щедрой рукой новый наряд».

И он, жалея Свидригайлу за принесенные ему страдания, признал его великим князем литовским, нарушая свои привилеи и постановления, не посоветовавшись с панами Королевства и Княжества. И даже, когда его вынудили в 1431 году начать войну с Великим Княжеством,

она, по словам Длугоша, была для него «хуже чем смерть». При подходе польского войска к городу или замку король тайно посылал вестников туда с предупреждением, за что и заслужил вновь горькие укоры поляков.

«Нерешительность и бездействие» Ягайлы сорвали штурм Луцка. А когда появилась возможность заключить перемирие с Свидригайлой, охотно сделал это, чем и сорвал захват Польшей Волыни. Как бы ни укоряли Ягайлу, как бы ни принижали его достоинства, ни очерняли его образ, он все нападки переносил спокойно. «А тех, кто делал ему вред, старался победить великодушием вместо кары. А также был убежден, что в королевстве не было такой заслуги и деятельности, которые не отметил бы из своей казны и подарками», — писал магистр Краковского университета Бартоломей из Ясла.

Если не брать во внимание политические успехи Ягайлы, которые часто были достигнуты им благодаря стечению обстоятельств, он отнюдь не походил на великого монарха своего времени, каким хотели видеть в своих панегириках его апологеты. Видимо, нужно согласиться с Длугошем, что был «это не король, а обыкновенный человек, который равному себе не жалеет никакой помощи и услуги». И объяснил свое мнение красивой метафорой: «Имел простое, но золотое сердце».

И все же Ягайло оказался не на высоте требований истории. Объединив силы Польши и Великого Княжества Литовского и Русского для уничтожения орденско-немецкой агрессии, он между тем из-за своих личных интересов помешал государству своего народа стать равноправным субъектом европейской политики и осудил его на потерю независимости. И на Люблинском сейме в 1569 году литвины будут упрекать Ягайлу за то, что тот в Креве отдал Польше за королевскую корону их родину. Первый магнат и сановник того времени князь Николай Радзивилл отвергал юридическую законность Кревского акта для Великого Княжества. Мол, Ягайло к Короне «свое дедичное панство присоединил, но наших не мог, ибо мы имеем свои права и ни один князь литовский не может нас и владения наши без нас никому отдать».

Не принесло положительного результата и крещение в католичество Литвы. Великое Княжество было расколото на католиков и православных. Единство «литвинской нации» было подорвано. Православные феодалы были оттеснены от государственной власти, а это привело к политической борьбе за первенство в государстве. Вместо мира Ягайло посеял в Литве вражду. С ослаблением православной церкви утрачивали свои позиции белорусская и украинская культуры. Многие православные белорусские, украинские, литовские роды (князья Слуцкие, Заславские, Збаражские, Соломерецкие, Головинские, Масальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыни, паны Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Дорогостайские, Войны, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Холецкие, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностайские, Бокии, Мышки, Гойские, Семашки, Гулевичи, Ермалинские, Челгинские, Калиновские, Кирдяи, Загорские, Мелешки, Боговитины, Павло-

вичи, Сосновские, Скумины, Поцеи и др.) перешли в католичество и со временем ополячились. Белорусская культура, литература, язык оказались в своем доме чужими, в роли изгнанников. Не сохранила своей национальной культуры и самобытности литовская шляхта. И не стало сил защищаться от польских домогательств.

Ничего удивительного, что в 1569 году значительно ополяченная литвинская шляхта продала свое государство за «золотые вольности» Польше. Слишком поздно поняли литвины цену «братской любви» с поляками. «Не дай Бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову!», — говорили патриоты. Один из них оршанский староста Филон Кмита-Чернобылский в письме к трокскому каштеляну Астафию Воловичу писал: «Давно резать почали литвина». Такие печальные итоги Кревского акта для Литвы. Нужно признать его актом национальной измены, своеобразным сыром в мышеловке для доверчивых литвинов. И с этих позиций, видимо, и следует рассматривать деятельность Ягайлы как великого князя Литовского. И пускай Григорий из Санока восхвалял Ягайлу и писал, что литвины никогда не имели «более достойного и более славного правителя», но сами литвины похвал Ягайлу не расточали.

Доживал Ягайло свой век на вершине славы, заслуженной и незаслуженной. Смерть его была романтичной и спокойной, словно он уже давно ждал ее. Когда в конце 1433 года на небе появилась яркая комета, Ягайло сказал, что это предзнаменование его последних дней. И он поверил в близкую смерть. Даже приняв христианство, он по-прежнему оставался суеверным, а всякие небесные явления воспринимал с богобоязненным страхом. Например, в 1419 году, после того как в него ударила молния, от чего Ягайло немного оглох, а одежда пропахла серой, напуганный король посчитал это божьей карой за свои грехи. (Может быть, после этого случая он убедился в неотвратимости наказания за грехи и стал их усердно замаливать.) А в 1415 году его привело в ужас солнечное затмение, которое он наблюдал возле Кобрина. И вот, увидев комету, которую воспринимали как предзнаменование бед, Ягайло понял, что смерть уже идет к нему.

В мае 1434 года Ягайло выехал в Галицию принять клятву от валашского господаря Стефана. По дороге он захотел послушать пение соловьев. И так увлекся птичьими трелями, что просидел до ночи на берегу реки и простудился. С этого дня король начал терять силы и так и не одолел болезни. В ночь с 31 мая на 1 июня Ягайло умер в местечке Гродек.

Можно говорить о положительном и отрицательном, что сделал Ягайло, но обойти эту личность в белорусской истории нельзя. Судьба выпала ему такая — быть правителем. Как-то он с горечью признался: «Так много меня обременяет это земное королевство, которое я имею, как пыль под моими ногами». Вот и нес бремя властителя до самой смерти. «...Слава его не может сгинуть и очень широко уже разошлась по широкому свету, ибо под его властью королевство наше было счастливым», — так написано в эпитафии Ягайле.

4*

КЕЙСТУТ
(1381—1382)

А. Пеньковский. Кейстут. 1838 г.

Кейстут вошел в историю белорусского и литовского народов как герой войны с крестоносцами, защитник их земель от орденских нападений. Жизнь его прошла в войнах и закончилась трагически. Трагедия героя — так можно назвать рассказ о Кейстуте*.

Кейстут «волею своею» правил в Трокском княжестве, а это Городенская, Берестейская земли, половина Новогородской земли, Подляшье, его власть признавала и Жемайтия.

Когда 22 ноября 1345 года Кейстут захватил Вильно и низложил с великокняжеского посада Евнута, то признал верховенство брата Ольгерда, но заключил с ним договор, «што братии всей послушну быти князя великого Олгирда, или которыи волости то собе розьделили, а том собе доканчають, что придобудуть град ли или волости, да то делити на полы. А быти имь до живота в любъви, во великой милости. А правду межи себе на томь дали: не мыслити лихомь никому же на никого ж».

Если Ольгерд первенство отдавал политике собирания восточнославянских земель, то Кейстуту выпала нелегкая миссия сдерживать наступление крестоносцев на земли Великого Княжества Литовского. Но и Кейстут неоднократно нападал на Пруссию и Ливонию. Сам лично или вместе с Ольгердом осуществил около 30 походов на орденские владения.

Орденские хроники много рассказывают о героизме и мужестве Кейстута. Даже враги признавали его рыцарское благородство. «Кейстут был муж воинственный и правдивый. Когда он задумывал набег на Пруссию, то всегда извещал об этом предварительно маршала Ордена и обязательно потом являлся. Если он заключал мир с магистром, то соблюдал его крепко. Если он считал кого-либо из братии нашей человеком храбрым и мужественным, то оказывал ему много любви и чести», — писал орденский хронист.

Уважали Кейстута и поляки. Ян Длугош отмечает: «Кейстут, хотя язычник, был муж доблестный: среди всех сыновей Гедимина он отли-

---

* Как считает П. Урбан, имя, вероятно, означало «сын народа».

чался благоразумием и находчивостью, и, что более всего делает ему чести, он был образован, человеколюбив и правдив в словах». В те жестокие времена Кейстут показывал примеры благородства и гуманности. Он спасает от смерти приговоренных к казни рыцарей, после битв велит хоронить павших крестоносцев. Когда можно было избежать кровопролития, старался избежать его. И сами крестоносцы, если выпадала возможность проявить благородство в отношении Кейстута, использовали ее. Так, в 1352 году после неудачного штурма замка Лабиа смоленский князь при переправе через реку начал тонуть, командор Геннинг фон Шиндекопф спас его. Командор хотел сделать Кейстуту любезность, потому что смоленский князь был его племянником. В 1362 году во время осады крестоносцами Ковно великий магистр Винрих фон Книппроде готов был пропустить Кейстута в замок, если он пожелает руководить защитой.

Кейстута можно назвать князем-воином, не правителем, а предводителем военной дружины, в которой ценились сила, отвага, мужество, героизм, самопожертвование, презрение к смерти и находчивость. Читаешь в хрониках о действиях Кейстута, как о подвигах героя рыцарского романа. Даже женился он необычно. Встретил в Паланге красавицу-жрицу Бируту и от ее красоты потерял голову. Уже не думал, а действовал — выкрал девушку из языческого святилища и силой женился на ней. Совершил святотатство по меркам языческой морали. Но князя это мало волновало, он был счастлив. Таким был этот смелый и героический человек.

Случалось, что только личное мужество Кейстута спасало его владения от вражеских нашествий. Так, летом 1351 года сорокатысячное польско-венгерское войско, захватив Волынь, двинулось на Берестейскую землю. Остановить вражескую рать у Кейстута не хватало сил. И тогда он решился, казалось бы, на безумный поступок. Кейстут переправился через Буг и заявился в венгерский лагерь, который находился возле города Мельника. Венгерскому королю Людовику Кейстут предложил мир и обещал принять крещение. На такой шаг мог решиться только Кейстут. Где тут авантюризм, а где продуманная дипломатическая тактика — не понять. Людовик даже не поверил. Кейстут дал

А. Пеньковский. Бирута. 1838 г.

клятву: по языческому обычаю отсек мечом голову волу и обмыл его кровью руки и лицо. Теперь король не сомневался в искренности Кейстута. Был заключен мир. Кейстут вместе с королем отправился в Венгрию креститься. Невероятно, но факт — вот такой хитростью Кейстут спас свое княжество от вражеского вторжения. По дороге Кейстут сбежал и забыл о своей клятве.

Примечательно, что Людовик брался выхлопотать у папы Климента VI для Кейстута королевскую корону. Другой бы поддался на эту уловку и стал пресмыкаться перед щедрым благодетелем, но только не Кейстут. Он хорошо понял истинное намерение Людовика — разрушить его союз с Ольгердом. Кроме вражды с братом, корона ничего хорошего не принесла бы. Хотя будь Кейстут более мудрым, то мог с большей выгодой использовать ситуацию с расчетом на ее стратегическое развитие, а не на тактический, проходящий со временем успех. Очень часто Кейстут действовал спонтанно, повинуясь своим чувствам. Правда, природные интуиция и смекалка не раз спасали Кейстута от опасности и беды. Дважды попадал он в плен к крестоносцам и убегал из него.

Первый раз в 1360 году, когда Кейстут и Ольгерд охотились в лесах около Бельска и попали в засаду. В бою Кейстута выбили из седла. Трокского князя с почетом привезли в Мариенбург к великому магистру Винриху фон Книппроде. Кейстута упрятали в тюрьму. Но и там он проявил завидную находчивость: подружился со своим надзирателем Альфом, которого в детстве крестоносцы вывезли в неволю из Литвы. Кейстут рассказывал земляку об их Родине и склонил его к помощи. Альф принес пленнику кирку, и Кейстут по ночам пробивал в стене дыру. Утром, когда рыцари молились в костеле, Альф выносил мусор, а князь завешивал дыру ковром. Когда пролом был сделан, Кейстут ночью по веревке спустился в ров, где его ждал Альф. Они накинули на себя орденские плащи и на конях выехали из Мариенбурга. Стража приняла их за своих и открыла ворота. Посланная погоня не догнала князя.

Добравшись до Трок, Кейстут прислал магистру письмо и поблагодарил его за хороший прием и уютную комнату. Пообещал, что он не останется в долгу и предоставит магистру более надежный покой. В том же 1360 году Кейстут ходил в поход на Пруссию. Но Книппроде нигде не нашел, а сам вновь попал в плен. В бою возле замка Экерсбург на Кейстута напал рыцарь Вернер Винденгейм и сильным ударом копья выбил его из седла. Князь не растерялся, вскочил на ноги и, ухватив щит и копье, ранил коня врага. В тот же момент на Кейстута напал рыцарь Добейн. Кейстут готов был примириться. «Опусти копье», — предложил он рыцарю. «Почему же мне не отомстить язычнику!» — ответил тот. «Остановись! Я — Кейстут. Иди ко мне на службу, я сделаю тебя богатым». Но рыцарь продолжал сражаться. «Мои властители в один час дадут мне больше, чем ты за всю жизнь», — ответил он. Кейстута пленили, но в ходе боя он сбежал и на этот раз.

Да, в отваге и героизме Кейстуту не откажешь. Но дать достойный отпор Ордену он так и не мог при всех его усилиях. Каждый год горели деревни, сотни людей гибли от вражеских мечей, детей и женщин гнали

в неволю. Полынь росла на местах мирных поселений, край превращался в пустыню. Жемайтия и Аукштайтия истекали кровью. Такая судьба ждала Городенскую землю и Подляшье.

Особенно чувствительной была потеря в 1362 году Ковно. На выручку осажденному крестоносцами городу подошли с войском Ольгерд и Кейстут. Но силы были неравные. Тогда Кейстут заявился в орденский стан и встретился с великим магистром Винрихом фон Книппроде. Кейстут сказал: «Хочешь взять город без вождя? Если я был бы в Ковно, ты никогда не овладел бы им!» — «Так зачем ты покинул город, когда увидел, что мы приближаемся?» — спросил магистр. «Потому что тогда мой край остался бы без головы», — ответил Кейстут. «Если хочешь, то возьми с собою столько людей, сколько тебе нужно, и войди в город. Мы надеемся на Бога и думаем, что ты не сможешь защитить Ковно», — похвалился магистр. «Как же я введу туда свое войско, когда все поле вокруг перекопано рвами и покрыто засеками?» — недоумевал Кейстут. Магистр, желавший показать свое благородство, великодушно предложил: «Обещай мне, что пойдешь защищать город, и я прикажу засыпать рвы и разобрать засеки». Но воины, приехавшие из Ковно на переговоры, уверили Кейстута, что гарнизон выдержит осаду. Кейстут вернулся в свой лагерь.

25 дней длилась осада Ковно. 16 апреля крестоносцы штурмом взяли город. Уцелело только 36 защитников, их взяли в плен вместе с сыном Кейстута, новогородским князем Войдатом (Константином в православии). Крестоносцы сравняли город с землей. Теперь они могли совершать походы в глубь Литвы. В 1363 году крестоносцы вновь напали на отстроенный Кейстутом Ковно, сожгли его и сровняли с землей. В ответ Ольгерд и Кейстут совершили поход на Пруссию, захватили и сожгли три замка. На обратном пути были разорены предместья Рагниты и Тильзита.

Мстя Кейстуту, крестоносцы во главе с великим маршалом Геннингом Шиндекопфом в 1364 году вместе с европейскими рыцарями ходили на Городно. Городенский князь Патрикий Кейстутович поступил подобно своему отцу — необычно и неожиданно. Он вышел вместе с семьей из города, а следом с иконами и хоругвиями отправилось православное духовенство. «По обычаю русинов» (как отметил хронист Виганд из Марбурга) Патрикий встретил маршала чарой с медом и первый отпил из нее. Крестоносцы опешили, а рыцари были удивлены. Шли воевать против язычников, а тут христианский город, жители которого доброжелательно встречают их. Крестоносцы не осмелились на глазах европейских паломников нападать на христиан. Важно было сохранить легенду, что они воюют с язычниками, распространяя христианскую веру. Поэтому они со своими гостями вернулись в Пруссию.

Война с Орденом не утихала. Мелкими набегами крестоносцы разоряли владения Кейстута, ходили они в 1365 году и под Вильно. Кейстут пережил моральные муки, ибо вместе с крестоносцами шел его сын Бутовт, который был у них проводником. Почему он убежал к крестоносцам, и сам Кейстут не понимал. Сказалось ли воспитание пленного

Ю. Коссак. Нападение крестоносцев. 1880 г.

рыцаря Гано фон Винденгейма? Прельстился ли рассказами рыцаря об Ордене или проснулась в его душе тяга к христианству? Бутовт бежал в Орден, где крестился под именем Иоанн и вступил в ряды орденской братии. И теперь вместе с крестоносцами «воевал родную землю». А может, захотелось ему высокой власти великого князя и готов был проливать братскую кровь? Но за предателем никто не пошел. И крестоносцы не стали поддерживать его. Он нашел себе приют при дворе чешского короля и в 1380 году умер с клеймом изменника. Печальная для Кейстута история.

Все же в 1366 году Кейстут договорился с великим маршалом о встрече в городе Инстербурге и отправился в Пруссию. Маршал устроил засаду. Когда Кейстут остановился на отдых, в его лагерь вбежал раненный стрелой зубр. Князь почувствовал неладное: «В той стороне, откуда прибежал зубр, есть, вероятно, вооруженные люди». Он поднял своих воинов и неожиданно напал на засаду крестоносцев. Победители захватили коней и на них приехали в Инстербург. Один из командоров увидел, что князь и его свита сидят на конях его отряда, и удивленно воскликнул: «Этого я никак не ждал!». Кейстут нашел ответ: «Что делать, такие теперь стали времена и нравы».

На два года было заключено перемирие. Но это не значило, что Кейстут вложил свой меч в ножны. Когда позволяло время и была возможность, он помогал Ольгерду в решении общегосударственных задач. В 1368 и 1370 годах участвовал в походах Ольгерда на Москву в поддержку Твери. А в 1372 году сам возглавил войско Ольгерда, своего сына, городенского князя Витовта, Андрея Полоцкого и Дмитрия Друцкого. К ним присоединился тверской князь Михаил. Союзники взяли Кашин, Малогу, Углич, Бежецкий Верх, Дмитровск, Кистму и Торжок.

Помощь Кейстута дала возможность Любарту вернуть в 1352 году захваченную поляками Волынь. Кейстут и Любарт заключили с польским королем «мир от Покрова бце до Ивана дня до Купал». Характерно, что грамота написана на старобелорусском языке, которым владели Гедиминовичи. В грамоте названы как православный, так и языческий

В. Герсон. Пленение Кейстута и Витовта. 1874 г.

праздники. И что примечательно, князь-литвин праздник Св. Иоанна Крестителя называет по-славянски — «Купала». Все это свидетельствует о том, что Кейстут был двоеверцем, придерживался язычества, но не преследовал православия, распространенного в его владениях — Городенской, Берестейской и Подляшской землях. Любили своего князя-защитника и язычники, и православные христиане. Так, когда в 1381 году в Полоцк пришла весть, что великим князем стал Кейстут, то «полочане возрадовалися».

В 1368 году Кейстут помогал своим племянникам — белзскому князю Юрию Наримутовичу и владимирскому князю Александру Кориятовичу — освободиться от вассальной зависимости Польши. Именно поход Кейстута в Мазовию, где он разрушил четыре замка (что значительно подорвало силы Польши), позволил Юрию Белзскому и Александру Владимирскому освободиться от вассальной зависимости.

Выступил Кейстут инициатором крупного похода в Пруссию в 1370 году. Поход был ответом на взятие крестоносцами замка Байербург. Кейстут подошел с войском к замку, когда крестоносцы уже начали штурм. На предложение Кейстута позволить гарнизону сдаться в плен, а после выкупить его, магистр не ответил. Он приказал убивать каждого, кто вырвется из замка. В пламени и от оружия крестоносцев погибли все защитники замка — 900 человек. Разгневанный Кейстут на встрече с маршалом Геннингом фон Шиндекопфом предупредил: «На будущую

4а Зак. 526

М. Э. Андриолли. Смерть Кейстута. 1882 г.

зиму я думаю посетить гросмайстера и просить у него хорошего приема». Маршал самоуверенно ответил: «Будешь нам милым гостем, мы примем вас с достойным уважением». А чтобы наказать Кейстута за дерзость, взял замок Пастовия в Жемайтии и всех защитников, которые сдались на его милость, перебил.

Ответ должен быть один — месть. И Кейстут с Ольгердом двинулись на Пруссию. 2 февраля 1370 года произошла битва возле Рудавы. Воины Кейстута сдержали натиск крестоносцев и не дали им разгромить войско Ольгерда. К маршалу Шиндекопфу, который верхом на лошади стоял на пригорке, пробился литвин Вишвил, и пущенная им из арбалета стрела убила предводителя орденского войска. Его смерть поразила крестоносцев, и они прекратили битву. Кейстут и Ольгерд без помех отвели свое войско и вернулись домой.

После Рудавской битвы крестоносцы долгое время не могли совершить крупного похода на Трокское княжество, хоть и не отказались от мелких набегов. Но в 1375 году Кейстут вместе с сыновьями Ольгерда — вероятно, Ягайлой Витебским, Андреем Полоцким — воевали в Ливонии, защищая Полоцкую землю. В 1376 году он повторил поход в Ливонию и разорил земли возле Елгавы, а после ходил вместе с Ольгердом на прусские области Скаловию и Надровию.

После смерти Ольгерда в 1377 году Кейстут признал его сына Ягайлу великим князем литовским и русским. Мудрым словом и советом Кейстут помогал ему править государством. Только Ягайло задумал уничтожить Трокское княжество. С этой целью он в Давидишках возле Городно 1 июня 1380 года заключил тайный союз с Орденом. Теперь Ягайло поддерживал крестоносцев, выдавал им замыслы Кейстута, уклонялся от оказания ему помощи. Трокское княжество с трудом сдерживало орденский натиск. Крестоносцы безжалостно опустошали многострадальную Жемайтию.

Остеродский командор Куно (Августин) Либштейн, крестивший дочь Кейстута Дануту, предупредил его: «И ты того не ведаешь, как князь великий Ягайло посылаеть к нам часто Войдила, и уже записался с нами, какь тебе изьбавити своих месть, а ему бы ся достало и со сестрою великого князя Ягайла твои места». Кейстут поделился своими опасениями с сыном Витовтом: «Ты с ним гораздо живешь, а он вже записался на нас с немцами». Витовт, друживший с Ягайлой, не поверил отцу. «Не веруй тому, занеже со мною гораздо живеть, ачей бы мне явил». Но опасения Кейстута подтвердились, когда Ягайло в 1381 году передал Полоцк Скиргайле. Полочане не приняли князя, и тот привел к городу ливонских рыцарей. Кейстут вновь пожаловался Витовту, что Ягайло и Скиргайло с немцами «Полоцка добываюtrь». Хоть Витовт и на этот раз не поверил, но Кейстут уже не сомневался в измене Ягайлы. Поэтому Кейстут в ноябре 1381 года неожиданно напал на Вильно и захватил столицу. В великокняжеской канцелярии он нашел тайные договорные грамоты Ягайлы с Орденом. Ягайло был отстранен от власти. Благородный Кейстут помиловал племянника. Витовту он сказал: «Ты мне не верил, а се тые грамоты. Што записалися были на нас, но Бог нас

остерег. Но я князю великому Ягайлу ничего не вчинил: не рушив есми ни скарбов его, ни стад, а сами мене не нятстве* ходять, толко за малою сторожею. А отчину его, Витебск и Крево и вся места, што отець его держал, а то все ему даю, ни во што их не вступаюся. А то вчинил есми, стерега головы своей, почюв, што на мене лихо мыслить». Ягайло дал клятву Кейстуту, «николи противу его не стояти». Кейстут отпустил Ягайлу и его братьев на волю.

Став великим князем, Кейстут перешел в наступление на Орден. Он предусмотрительно договорился с московским князем Дмитрием Ивановичем о мире, отказавшись от претензий на Смоленск и верховские княжества на Оке, чем обеспечил себе тыл. Теперь в руках Кейстута были все военные силы государства. И это почувствовал Орден. Пал замок Остерод, была разорена прусская земля Вармия. Осенью Кейстут лично возглавил осаду замка Юрбург, но не взял его. Занятый войной, Кейстут просмотрел заговор против себя.

Тем временем Ягайло из Крево через своего брата Свидригайлу вел тайные переговоры с Орденом. За помощь в борьбе против Кейстута он обещал уступить Ордену Жемайтию и крестить Литву по католическому обряду. Крестоносцы согласились помочь и стали собирать войско. А Кейстуту было уже не до войны с Орденом. Новгород-Северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович не признал власти великого князя. Кейстут пошел с войском на Новгород-Северский. Этим и воспользовался Ягайло. Вместо того, чтобы идти в поход, он из Витебска тайно по ночам вел свое войско к Вильно. Начальник виленского гарнизона немец Гануль 12 июня сдал Ягайле столицу. 20 июля капитулировал гарнизон Трок. Узнав о случившемся, Кейстут повернул назад и поспешил к Витовту в Городно.

Положение было опасным. Вместо помощи зять Кейстута, мазовецкий князь Януш, захватил Подляшье под предлогом защиты от Ягайлы подляшских городов. Выступили прусские и ливонские рыцари. Кейстут оказался окруженным со всех сторон. Не поддержали его и некогда верные жемайты. Они считали самого Кейстута виноватым в войне с Ягайлой: мол, первым захватил Вильно, а им надо расплачиваться за их вражду.

Все же Кейстут и Витовт собрали пятитысячное войско. К ним присоединился Любарт. Вместе они отправились освобождать Троки. Сюда подошли и крестоносцы. Ягайло не решился на битву с Кейстутом. 5 августа он пригласил Кейстута и Витовта на переговоры в Вильно и пленил их. Войску Кейстута было сообщено, что заключен мир, и оно разошлось. Пленного Кейстута Скиргайло увез в Кревский замок и заточил в башне. Ночью на пятые сутки плена Ягайловы служки и некий крестоносец «удавили» Кейстута. А народу Ягайло сообщил, что Кейстут повесился. Пышные похороны Кейстута по языческому ритуалу, сожжение его тела на костре как бы показывали, что Ягайло отдает дяде торжественные почести и он не виноват в его смерти. Но этим он не

* Неволе.

обманул историю. Смерть Кейстута лежит на совести Ягайлы. Витовт позже признавался крестоносцам, что тот погубил его отца и мать. (Бирута, которая укрывалась в Берестье, была поймана и утоплена в реке. Расправились и с ее родственниками.) Кто знает, как бы развивались события в Великом Княжестве Литовском, будь Кейстут по-прежнему великим князем. Вероятно, многих бед и трагедий удалось бы избежать.

ВИТОВТ
(1392—1430)

«И был князь великий Витовт* сильный господар, и славен по всим землям, и много царей и князей служили у двору его», — так сказано о нем в летописной «Похвале Витовту». Великое Княжество Литовское и Русское в правление Витовта достигло своего могущества и раскинулось от Балтийского до Черного моря, от рек Буга до Угры — настоящая империя. Это итог жизни и политической деятельности Витовта. Казалось, он не знал покоя и всего себя посвятил заботам о государстве, его процветанию и укреплению.

Витовт. 1910 г.

Правление Витовта вспоминали и в следующие века как золотые времена Великого Княжества Литовского. Поэт XVI столетия Николай Гусовский вдохновенно прославлял Витовта:

«Факельщик войн с слабым, а с сильным
Ангел-миротворец
Ставил обнаженный меч свой, как столб пограничный,
Перед нашествием врагов с юга и востока».

Родился Витовт около 1350 года в Троках в семье трокского князя Кейстута и бывшей языческой жрицы Бируты.

С детства он воспитывался воином. Уже в 13 лет участвовал в боевом походе против крестоносцев. А в 1368 году его имя впервые попадает в анналы истории. В Никоновской летописи среди участников похода Ольгерда на Москву упоминается и Витовт, который тогда был

* Имя Витовт, по мнению П. Урбана, означало «сила народа» или «жизнь народа». В форме *Bituitos* оно встречалось у кельтов; сравните литвинское имя Битовт.

Княжеский двор в Городно. Реконструкция. XXI в.

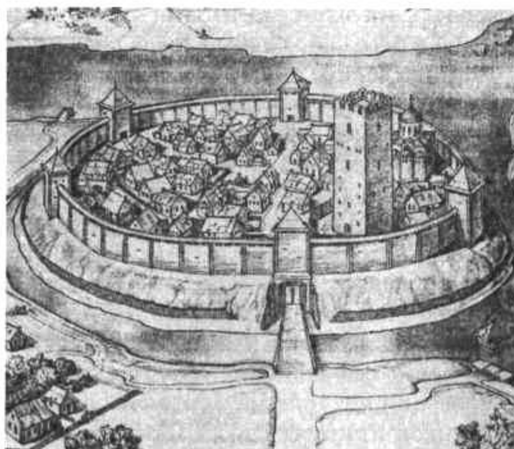
еще «младъ и неславенъ». В 1370 году он сражается с крестоносцами в Рудавской битве, в 1372 году отправляется вместе с отцом и дядей Ольгердом вновь на Москву. В 1376 году Кейстут, Ягайло, Юрий Белзский и Витовт напали на Польшу и, по свидетельству «Хроники Вартберга», «произвели такое поражение между польскими рыцарями, дворянами, девушками и почтенными женщинами, о каких никогда не было слыхано в прежня времена». В этих походах закалился характер Витовта, проявилось его военное дарование. Теперь Кейстут доверяет ему действовать самостоятельно.

Вот как пишет о первом самостоятельном походе Витовта «Хроника Литовская и Жмойтская»: «Витовт сын Кестутов млодзенец удатный, сердца смелого, до войны охочого, выправою першою своею на войну сам през себя тягнул до Прус. Евстерборг замок и волости его порубил, а загоны роспустивши аж до Тарнова велми спустошил огнем и мечом, а с користю великою, без утраты войска своего з звитязством* до отца своего вернулся». Хроника ошибочно относит этот поход к 1388 году. По-видимому, речь идет о выступлении Витовта против крестоносцев в 1377 году, когда он с дружиной в 500 всадников уничтожил и разграбил склады продовольствия и фуража, устроенные крестоносцами, вынудив их отступить от Вильно.

Нелегким был путь Витовта к великокняжеской короне. В 1376 году Кейстут передал ему Городенское княжество с городами Берестье, Каменец, Дрогичин на Буге. Несколько раз Витовт во главе городенской дружины отбивал орденские нападения. Так, в 1377 году он прогнал врага из-под Трок, а в 1380 году защищал Дрогичин на Буге. Именно Витовту Кейстут хотел передать в правление все Трокское княжество.

* Победой.

Но великий князь Ягайло вынашивал иные планы — захватить Трокское княжество и посадить там своего брата Скиргайлу. Пригласив в 1382 году Кейстута и Витовта в Вильно на мирные переговоры, он заточил их в темное подземелье Кревского замка. На пятые сутки князя Кейстута задушили Ягайловы слуги золотым шнурком от его одежды. Ягайло заявил, что трокский князь покончил с собой. Но позже Витовт в одном из писем к магистру Ордена писал, что «двоюродный его брат погубил его отца и мать». Такая судьба ждала и Витовта, которого Ягайло бросил в то же подземелье Кревского замка, где погиб его отец. Спасли Витовта его жена, дочь смоленского князя Анна, и ее служанка Алена, навестившие его. В подземелье служанка Алена обратилась к Витовту: «Князь, ты должен как можно быстрей убегать. Ягайло погубит тебя, как погубил Кейстута. Одень мою одежду и иди с княгиней, а я останусь тут. Уже темно, и никто не узнает». Витовт запротестовал: «Что ты говоришь? Ты знаешь, что тогда ждет тебя?» — «Знаю, что меня ждет, но моей смерти никто не почувствует, а твоя смерть была б несчастьем для Литвы. Убегай, князь!». Витовт отказывался, и тогда мужественная девушка ответила: «Я желаю послужить Родине — мне приятно будет умереть за Литву. Ты, освободившись, сделаешь для нее столько хорошего! Позволь и мне участвовать в этом. Когда любишь Литву, то послушай меня». Витовт принял жертву мужественной девушки и надел ее одежду. Переодетый, он вместе с княгиней вышел из подземелья. Стража приняла Витовта за служанку. Князь по веревке спустился с замковой стены и убежал из неволи. Он отправился в Мазовию к князю Янушу, женатому на его сестре Дануте. Позже в Черск, где был Витовт, приехала княгиня Анна. Не найдя помощи у родственников, Витовт обратился за помощью к Ордену и получил ее за уступку ему на ленных правах Трокского княжества.

Древнее Берестье.
Реконструкция Ю. Иванова. XX в.

Поход крестоносцев осенью 1383 года на Вильно не принес желаемого результата. Столицу они не взяли и в конце сентября вернулись назад в Пруссию. Следующий поход зимой 1384 года закончился строительством возле разрушенного Ковно мощного замка Мариенвердер. «С помощью таких крепостей уничтожим Литву без всягого труда!» — довольно воскликнул магистр. Наконец Ягайло и Скиргайло поняли всю

опасность, идущую от Витовта: «Невозможно им стати противу ему, занеже бо в него собралася великая сила».

Ягайло вернул ему Трокское княжество, однако вскоре отобрал Троки и передал их Скиргайле. Витовт остался только городенским князем. Правда, Ягайло, чтобы успокоить недовольство Витовта, передал ему Луцкую землю. Но за это надо было платить преданностью и послушанием. В 1387 году Витовт участвует в войне со смоленским князем Святославом Ивановичем, осаждавшим Мстиславль, и командует полком в битве с ним 29 апреля на реке Верхе. После Витовт вместе со Скиргайлой подавлял восстание Андрея Полоцкого и штурмовал Лукомль, где спрятался мятежный князь. В этот период Витовт — послушный исполнитель воли Ягайлы и, надо признать, хороший исполнитель, за что и ценил его великий князь. Так, в грамоте от 20 февраля 1387 года о даровании привилегий феодалам за переход в католическую веру имя Витовта стоит вторым после Скиргайлы, которого Ягайло назначил своим наместником в Великом Княжестве. И сам Витовт надеялся получить этот пост. Но Ягайло боялся Витовта и старался лишить его свободы действия и внимательно следил за ним.

Вот как писал Витовт о своем положении: «Даже дитя мое, мою дочку, не позволено мне было отдать замуж, за кого я желал, боялись, чтобы я таким образом не нашел друзей и единомышленников. Хотя многие соседние князья просили ее руки. Одним словом, я был как невольник во власти Ягайло, а брат его Скиргайло, правитель моих родных Трок, совершал покушение на мою жизнь». О вражде Витовта и Скиргайлы хронист Ян Длугош писал следующее: «Незаметно проникая в их сердца, это соперничество настолько усилилось, что они начали преследовать друг друга с глубочайшей ненавистью, как непримиримые и смертельные враги. ...Витовт же, князь городенский, муж более умеренного и более сильного и всегда трезвого ума, опасался Скиргайлы, подозревая по многим признакам, что тот сильно жаждет погубить его и его родных и приверженцев оружием, ядом и любым способом, поддерживаемый в этом русинами, которые очень любили Скиргайлу, как принадлежавшего к тому же греческому обряду и ввиду его родства с королем польским Владиславом». Витовту ничего не оставалось как бороться. Он начал искать союзников. Многие князья и бояре поддержали Витовта, среди них Юрий Новогородский, Лев Друцкий, Юрий Белзский, Иван Гольшанский. Нашел он еще одного союзника — сына московского князя Дмитрия Донского, Василия, который сбежал из ордынского плена. По дороге в Москву Василий заехал к Витовту в Луцк. Причиной, по которой он посетил Витовта, было сватовство к его дочери Софии (от первой жены Марии Лукомской). Витовт согласился на этот брак. Хотя Никоновская летопись утверждает, что Витовт заставил Василия жениться на своей дочери: «Отпущу тебя к отцу твоему в землю твою, если возмешь дочь мою за себе, единое чадо мое». Так или иначе, но при содействии митрополита Киприяна состоялась помолвка.

Эти события в Луцке насторожили Ягайлу. Он решил ослабить Витовта и отобрал у него Луцк и Владимир, у его брата Юрия Тевтивила —

Новогородок, а у Ивана Гольшанского — Гольшаны. Ждать больше не было времени, ибо Ягайло мог расправиться со всеми сподвижниками Витовта поодиночке.

Где-то в середине 1389 года Витовт собрал в Городно в своем замке недовольных Ягайлой князей и бояр и заявил, что чужаки овладели Литвой, а в Вильно правит польский староста. Князья и бояре предложили захватить Вильно и возвести на великокняжеский посад Витовта. И на этот раз Витовт решил воспользоваться хитростью и ситуацией. Когда в конце 1389 года Скиргайло выехал из Вильно в Полоцк утихомирить недовольных им полочан, Витовт снарядил в Вильно обоз с дровами, под которыми спрятались его воины. Планировалось ввести обоз в Вильно и захватить столицу, после чего объявить Витовта великим князем. Кто знает, как бы развивалась история, если бы этот план удался, ведь за Витовтом стояли православные князья и такие крупные города, как Полоцк и Витебск. Но, как это часто бывает, случайность вносит в ход истории свои не предусмотренные людьми значительные коррективы. Князь Корибут, оставшийся вместо Скиргайлы в столице, узнал о заговоре и успел принять меры. Как только обоз подошел к Вильно, его окружило войско. Заговорщики вынуждены были сдаться. А Витовт, покинув в Городно и Берестье сильные гарнизоны, вместе с семьей и близкими бежал в Пруссию под защиту Ордена. Искушение вновь использовать Витовта в борьбе с Ягайлой было большим, поэтому великий магистр Конрад Цолльнер простил ему прежнее предательство. Между Витовтом и Ягайлой началась новая война.

София Витовтовна. 1900 г.

Многие феодалы Великого Княжества видели в Витовте борца за независимость их государства против Польши и поддержали его. Полоцк признал Витовта своим князем. Поддержали его и жемайты. Теперь Витовт был куда сильнее, чем прежде, а значит, и более опасен для Ягайлы.

При поддержке Ордена Витовт осенью 1390 года и летом 1391 года ходил на Вильно. Эти походы закончились неудачей, но Витовт продолжал борьбу. Хронист Ян Длугош писал, что, опираясь на помощь крестоносцев, «князь Витовт производил частые набеги на литовские и жемайтские земли, забирая в плен и убивая жителей обоего пола, сжигая селения и совершая много грабежей». Позиции Витовта укре-

Я. Монюшко. Отравление детей Витовта. 1878 г.

пились, когда в 1392 году его дочь София вышла замуж за московского князя Василия Дмитриевича. Вот тогда Ягайло задумался. Удары Витовта становились все более опасными. На границе с Великим Княжеством крестоносцы возвели для него замок Риттерсвердер, откуда он совершал набеги на Литву. Керновский князь Вигунд Александр попробовал штурмом взять замок, но был отбит. А вскоре Вигунд умер при загадочных обстоятельствах. Подозревали, что его отравили Витовтовы сообщники. Ягайло лишился человека, на которого возлагал большие надежды и которого назначил своим наместником в Великом Княжестве вместо бездумного и горячего Скиргайлы. Вслед за этим Витовт завладел Городно и укрепился там. И не такой уже несбыточной представлялась победа Витовта. Положение Ягайлы было непрочным. В Литве его не любили, поляки использовали в своих интересах. Витовтов зять, московский князь Василий, получил от хана Золотой Орды ярлык на Великое Княжество Владимирское. Выход из создавшегося положения был одним — помириться с Витовтом. Через своего посла — мазовецкого князя Генриха, который приехал в Пруссию якобы сообщить крестоносцам о желании поляков заключить мир, встретился с Витовтом. Ягайло передал Витовту свою просьбу не опустошать больше литовские земли, пойти на мир с ним и взять себе великое княжение. Решение

Ягайлы помириться с Витовтом Длугош объясняет так: «Владислав, король польский, заботясь прежде всего о благосостоянии и спокойствии родной Литовской земли, с которой его связывала великая любовь, а затем и о безопасности остальных своих братьев, ...задумал примириться с князем Витовтом; ...ибо Владислав, король польский, по прежнему и давнему товариществу с князем Витовтом в юности знал, что князь Витовт был мужем большого и гибкого ума и что не найти иного, более способного править Литвой и восстановить ее разрушения и опустошения, причиненные прошлыми войнами; вследствие этого он и поставил Витовта правителем Литовской земли, минуя четырех оставшихся еще у него братьев, а именно: Скиргайлу, Корибута, Любарта (Любарт был дядькой Ягайлы. —*Авт.*) и Свидригайлу.

И король Владислав не обманулся в своих надеждах. Ибо в скором времени заботой и стараниями князя Витовта наступило приметное восстановление Литвы»...

5 августа 1392 года в деревне Островский Двор около Лиды между Витовтом и Ягайлой был заключен договор, по которому великим князем литовским стал Витовт. Под его власть переходило и Трокское княжество. Но Витовт дал клятву «никогда не покидать королей и Королевство Польское ни в счастливых, ни в несчастных обстоятельствах», признав Ягайлу «братом и паном нашим».

«И рада ему вся земля Литовская и Русская», — пишет о вокняжении Витовта летописец. Дорого заплатил Витовт за корону великого князя. Погиб в боях за Вильно его брат Тевтивил, второй брат Сигизмунд находился у крестоносцев заложником, был закован в кандалы и брошен в подземелье. Сыновей Витовта отравил его друг рыцарь Андрей Саненберг. Он приехал в Кенисберг, чтобы выкрасть сыновей Витовта Ивана и Юрия, но был разоблачен. Саненберг, якобы желая спасти души мальчиков и боясь перехода их в язычество, дал им выпить яда. Крестоносцы, отрекаясь от этого позорного преступления, оправдывались, что сыновей Витовта погубила его измена. Нелегко было пережить убитому горем отцу утрату своих сыновей. Судьба брала с Ви-

Ю. Озембловский. Витовт.
Гравюра 1841 г. с портрета XVII в.

товта дорогую плату, но не могла сломить его. Потеряв сыновей, Витовт стал отцом своему государству.

Витовт быстро и решительно сломал сопротивление удельных князей, «чинячи собе панование самовладное». Были ликвидированы Полоцкое, Киевское и Новгород-Северское княжества. Тут начали управлять великокняжеские наместники. Это был прогрессивный шаг, ибо Витовт укреплял великокняжескую власть и содействовал централизации государства. Подольская земля вновь вошла в состав Великого Княжества Литовского после похода Витовта в 1393 году на Подолье и победы над князем Федором Кориятовичем. Восточное Подолье вошло в состав ВКЛ, а Западное было передано в лен польскому магнату Спытку из Мельштына. Этот необдуманный раздел Подолья в будущем приведет к войне с Польшей. Самый опасный враг Витовта — князь Скиргайло умер в Киеве, отравленный каким-то монахом. Так творил свое «панование самовладное» князь Витовт, и с 1395 года он в актах по праву начал титуловать себя великим князем литовским.

Поход крестоносцев в поддержку князя Свидригайлы в 1394 году принес им значительные потери. Вильно они не взяли и после четырехнедельной осады 22 августа повернули в Пруссию. Витовт защитил Вильно. А когда крестоносцы возвращались в Пруссию, он пустился за ними в погоню. «На обратном пути магистр от частых нападений князя Витовта и его людей потерял большое число рыцарей в болотистых и неудобных местах, ибо литвины нападали на врага и ночью и многих убивали», — писал Длугош. Поэтому Ордену «довелось прекратить на долгое время походы на Литву как пагубные для себя и своих», — отметил Длугош. Но в 1395 году крестоносцы дошли до Новогородка и Лиды и взяли множество народа в плен. Брат магистра, самбийский Ульрик фон Юнгинген, «ища славы и добычи в разорении Литвы», опустошил пограничные земли возле Росситен. Разгневанный Витовт ворвался в Пруссию и разорил огнем и мечом окрестности Инстербурга. Нападение так напугало крестоносцев, что Ульрик фон Юнгинген опасался попасть в плен и прятался от литвинов в замках. Орден вынужден был пойти на перемирие, что давало возможность Витовту заняться иными делами.

В 1395 году Витовт присоединил к Великому Княжеству Смоленское княжество. Причем действовал Витовт не оружием, не силой, а хитростью. Он собрал войско и распустил слухи, что идет войной на Золотую Орду. В то время смоленские князья враждовали между собой за уделы Смоленского княжества, этой враждой и воспользовался Витовт. Осенью 1395 года он с войском подошел к Смоленску и вызвал из города брата своей жены — князя Глеба. Когда-то Глеб был вместо Витовта заложником у крестоносцев. Витовт с почетом встретил шурина, одарил богатыми подарками, а на прощание вроде бы искренне предложил смоленским князьям приехать к нему, «а что будетъ промежи васъ слово, или какова пря, и вы на меня съшлитеся, аки на третей*, и

* Третейский судья.

язь васъ право разсужу». Князь Глеб поверил и уговорил князей приехать в лагерь к Витовту, где они и были взяты в неволю. 28 сентября Витовт вошел в город, сжег посад, захватил «люди многи» и «богатство безчислено» и посадил в городе своих наместников. Вот таким «лукавствомъ» Витовт взял город и все Смоленское княжество. Как видим, Витовт действовал всеми доступными ему способами и средствами, в том числе обманом, коварством и жестокостью. В войнах он «кровь проливавъ, аки воду». А во время борьбы за великокняжеский посад Витовт «много зла сотвори земли Литовской», как отмечается в летописях. Может, летописцы, неприязненные к Витовту, и сгущали краски, что и понятно. Если и к своим подданным Витовт относился сурово, держал их в страхе жестокого наказания (преступников мог лично расстрелять из лука, поэтому они, не ожидая его гнева, сами вешались), то и к врагам не проявлял милосердия. Но, как справедливо заметил орденский сановник Конрад Кибург, «грозен он (Витовт) только в военное время, но вообще полон доброты и справедливости, умеет карать и миловать».

Смоленский замок в XIV в.
Реконструкция. XX в.

Силу Витовта признали и на Руси. Зять Витовта — московский князь Василий — «держал с ним мир». В 1396 году они встречались в Смоленске и Коломне и Василий вынужден был признать присоединение Смоленского княжества к ВКЛ. Тверской князь Борис Александрович «взял есьми любовь такову съ своим Господином с Дедом великим князем Витовтом Литовским и многих Рускихъ земель госпадаремъ».

Был заключен союз Золотой Орды с Польшей и Великим Княжеством Литовским. Хан Тохтамыш обещал Ягайле и Витовту «помочь всею моею силою».

Победы и политические успехи Витовта прославили его. Так, на пиру в честь венгерского короля Сигизмунда польский шляхтич Крапидло сказал: «Ни ты (Сигизмунд. — *Авт.*), ни король Ягайло не получите славы с вашего правления. Только великий князь Витольд заслуживает быть королем! Ягайло и ты — вы не заслужили носить скипетр! Тот с головой отдался своей охоте, а вы готовы лишиться чести ради женской юбки... Поэтому не хвались королевскими достоинствами! Если б дано было сеять королей, я б никогда не сеял Сигизмундов, никогда Ягайлов, но всегда одних только Витольдов»! С этими словами солидарен Длугош, который жалеет, что поляки не выбрали королем

Витовта — «мужа совершенного ума и величия подвигов, подобного Александру Македонскому». Но вот ирония судьбы: Сигизмунд станет императором Священной Римской империи, Ягайло был уже королем, а вот Витовт не поднимется выше своего великокняжеского престола. Но его назовут великим.

Витовт не признавал себя вассалом Ягайлы. На требование королевы Ядвиги платить дань за русские и литовские земли, которые Ягайло отдал ей в качестве вено*, приближенные Витовта отвечали: «Мы не подданные Польши ни под каким видом; мы всегда были вольными...». А 12 октября 1398 года князья Юрий Пинский, Михаил Заславский, Иван Гольшанский, Иван Друцкий, Владимир Слуцкий, Александр Лукомский, Ямонт Клецкий, Мингайло Ошмянский и другие на переговорах с крестоносцами на озере Салин во время пира провозгласили Витовта «королем Литвы и Руси». Этот титул не был утвержден папой римским и императором Священной Римской империи. Но идея была публично озвучена, и она завладела умами и сердцами сподвижников Витовта. И в договоре с Орденом он титуловал себя уже не великим, а верховным князем Литвы и Руси, как именовался Ягайло.

Понятно, что своего величия Витовт достиг не только благодаря государственному и военному таланту, но и благодаря напряженной работе и всему укладу жизни, подчиненному реализации поставленных задач. Орденский посол Конрад Кибург, который приезжал в Вильно в 1398 году, писал о Витовте: «Лицо великого князя моложаво, весело и спокойно, он почти не изменился с тех пор, как я видел его в Инстербурге, только тогда он не был таким подвижным. При всей своей полноте, он кажется больным. Он имеет что-то пленительное во взгляде, что привлекает к нему сердце каждого; говорят, что он наследовал эту черту от матери; любит обязывать более благосклонностью и предупредительностью, нежели дарами, относительно последних, иногда бывает очень скуп, иногда же чересчур расточителен... В обращении с людьми он строго соблюдает приличия, придворные его отличаются скрытностью и учтивостью. Никогда через меру не пьет крепких напитков, даже в пище соблюдает умеренность. Великий князь много работает, сам занимается управлением края и желает знать обо всем; бывая на частых аудиенциях, мы сами видели его удивительную деятельность: разговаривая с нами о делах, требовавших полного внимания, он в то же время слушал чтение разных докладов и давал решения. Народ имеет свободный к нему доступ, но всякий, желающий к нему приблизиться, допрашивается предварительно особо для того назначенным дворянином, и после того просьба, имеющая быть поданною к монарху или кратко излагается на бумаге или проситель сам идет с помянутым дворянином и устно передает ее великому князю. Каждый день мы видели очень

---

* Ядвига хотела выплатить Вильгельму Австрийскому неустойку в 200 000 флоринов, которые в свое время обещал выплатить Ягайло, но не сделал этого.

много людей, приходящих с просьбами или приезжающих из отдаленных местностей с какими-то поручениями. Трудно понять, как достает ему времени на столько занятий; каждый день великий князь слушает литургию, после которой до обеда работает в своем кабинете, обедает скоро и после того некоторое время, тоже недолго остается в своем семействе или забавляется выходками своих придворных шутов, потом верхом на лошади он едет осматривать постройку дома или корабля или что-нибудь, привлекающее его внимание. Грозен он только в военное время, но вообще полон доброты и справедливости, умеет карать и миловать. Мало спит, мало смеется, более холоден и рассудителен, нежели пылок; когда хорошее или дурное известие получает он, лицо его остается бесстрастным в этом отношении, он очень мало изменился с того времени, как был в Пруссии».

Может, Витовт и достиг бы заветной мечты — превратить государство в королевство, если бы не трагическое поражение на реке Ворскле. Бывший хан Золотой Орды Тохтамыш, изгнанный своим врагом, среднеазиатским правителем Тимуром, заключил союз с Витовтом. Тохтамыш отказывался от претензий на украинские и русские земли, входящие в ВКЛ, но хотел вернуть с помощью Витовта ханский престол Золотой Орды. Витовт согласился помочь. «Я обеспечил навсегда мир и независимость Литвы от меченосцев, теперь я должен освободить и остальных христиан от гнета иных угнетателей», — объяснял Витовт цель своего союза с ханом Тохтамышем.

В 1397 году Витовт с войском ходил «аж за реку Дон». Он не встретил никакого отпора со стороны золотоордынского войска. Витовт взял в плен много татар, часть которых отослал Ягайле, а часть поселил в Литве. В «Хронике Литовской и Жмойтской» говорится, что Витовт пришел «до замку Озова», где разбил «наголову» татарское войско. Этот поход был разведкой сил Золотой Орды, и, видимо, Витовт убедился в ее слабости, что привело к переоценке своих сил. Татары его не пугали. Взяв на себя роль христианского борца с неверными (своего рода крестоносца), он мог надеяться на благосклонность папы римского в возведении себя на королевский престол созданного им королевства Литвы и Руси. Совсем не случайно, что в это время Витовт принимает попытки организовать церковную унию. По его желанию митрополит Киприан два раза посылал из Киева посольства к константинопольскому патриарху с предложением заключить с папой церковную унию. Хоть патриарх ответил отрицательно, но сам факт предложения унии знаменательный. Витовт хорошо понимал пагубность раздела его подданных на две конфессии, а поэтому желал иметь в своем государстве униатскую церковь, одновременно желал склонить сердце папы римского к себе, как к христианскому сподвижнику.

Важным были для ВКЛ выход к Черному морю и контроль над оживленными торговыми путями, связывающими Северную и Южную Европы. Если б планы Витовта реализовались, то Великое Княжество, став королевством, было бы мощным государством в Центральной, Се-

верной и Восточной Европе, и, может, совсем иначе сложилась бы история народов, населявших его.

Осенью 1398 года Витовт ходил с войском в Крым и 8 сентября взял Кафу (современную Феодосию), где посадил править хана Тохтамыша. Недолго правил в Крыму Тохтамыш. Новый хан Золотой Орды Темир-Кутлуй при поддержке Тамерлана (как звали Тимура в Европе) прогнал его оттуда. Тохтамыш вновь убежал к Витовту, и вновь он просил помощи, пугая его Тамерланом. Мол, оружие дикого завоевателя и жестокого тирана народов и правителей достигло границ Руси и вскоре будет угрожать русским землям, если его своевременно не остановить. О грандиозных планах Витовта рассказывает летописный «Хронограф»: «Витовт рече: Я тебя (Тохтамыша. — *Авт.*) посажю на Орде и на Сараи, и на Болгарех, и на Азтархан, и на Озове, и на Заятцькой Орде, а ты мене посади на Московском великом княжении... и на Новгороде Великом, и на Пскове, а Тферь и Рязань моа и есть, а Немцы и сам возму». Как видим, Витовт за помощь уже требовал от Тохтамыша ярлык на русские земли.

Встревоженный приготовлениями Витовта, хан Золотой Орды Темир-Кутлуй просил у него через своих послов: «Выдай ми беглаго Тохтамыша, врагъ бо ми есть и не могу трьпети, слышовъ его жива суща и у тебе живуща; пременяетъ бо ся житие сие: днесь царь, а утре беглець; днесь богатъ, а утре нищь; днесь имеять други, а утре враги; азъ же боюся и своихъ, не токмо чюжих; царь же Тохтамыш чюжи ми есть и врагъ зол, темже выдай ми его, а что около его ни есть, то тебе». Витовт, видимо, забыл о превратностях судьбы. Ведь еще недавно был он изгоем, а теперь вознесся властью над многими землями над народами и потерял чувство реальности. Темир-Кутлуй уступал Витовту права на русские земли, но этого ему казалось мало. «Язъ царя Тохтамыша не выдамъ, а со царем Темиръ-Кутлуем хошу ся видети самъ», — ответил Витовт послам. Как союзник Витовт поступал благородно, но как политик — опрометчиво. Переценил свои силы и возможности.

Для войны с татарами Витовт собрал практически все военные силы своего государства — «Собра воя много без числено». Историки называют цифру в 70 тысяч человек против двухсоттысячного войска Золотой Орды. Хотя и понятно, что эти цифры явно завышены, но все равно битва на реке Ворскле была крупнейшей в ту эпоху.

4 мая 1399 года папа римский Бонифаций XI издал буллу, которой предписывал костелу в Польше и Литве поддержать крестовый поход против татар. Но польский король Ягайло выступил против намерения Витовта. Королева Ядвига вообще заявила, что во время молитвы перед распятием Христа ей привиделось поражение Витовта. Этого хватило, чтобы польские рыцари остались дома. К Витовту пришел лишь небольшой отряд поляков в 400 человек. Отряд в 100 рыцарей прислал Орден, пришла дружина из Москвы во главе с героем Куликовской битвы князем Дмитрием Боброком.

В поход в Дикое поле Витовт выступил из Киева 18 мая 1399 года. Войско шло по левому берегу Днепра. 5 августа оно достигло реки Вор-

склы и возле впадения ее в Днепр и остановилось. Лагерь окружили коваными возами, соединенными между собой цепями, расставили орудия. Если бы Витовт не был так самоуверен в своем преимуществе, то выбрал бы оборонительный вариант боя и, укрывшись в лагере, мог в оборонительных боях обескровить татарское войско, а после нанести решающий удар. Но ему не хватило здравого ума.

Хан Темир-Кутлуй, который с войском стоял на противоположном берегу Ворсклы, ждал подхода войска крымского эмира Едигея, тянул время. Он через послов спросил, зачем Витовт пошел на него, он же не трогал ни его земли, ни его городов и сел. Самоуверенный Витовт категорически потребовал подчинения себе: «Богъ покорилъ мне все земли, покорися и ты мне и буди мне сынъ; а язъ тебе отець, и давай ми на всяко лет дани и оброки, аще ли не хощеши тако, да будеши мне рабъ язъ Орду твою всю мечу предам». Хан попросил три дня на размышления и прислал в лагерь Витовта много скота, чтобы из-за нехватки провианта его воины не начали требовать нападения на татар. Едигей подоспел вовремя и, когда узнал о требовании Витовта, отверг их. «О царю, лутче нам смерть приати, неже сему быти». Он решил выманить Витовта из лагеря в открытое поле, где маневренная татарская конница имела преимущество. Пригласив Витовта на переговоры, которые велись через реку, Едигей хитро спровоцировал его. «Вправду, — говорил эмир, — еси взялъ волнаго нашего царя Болшиа Орды въ сыны себе, понеже ты еси стар, а волный наш царь Великиа Орды Темирь-Кутлуй млад есть; но подобаетъ тебе разумети и се: понеже зело еси премудр и удал, разумей убо, яко аз есмь стар пред тобою, а ты млад предо мною*, и подобаеть мне над тобою отцем быти, а тебе у меня сыном быти, и дань и оброки на всяко лето мне имати со всего твоего княжениа, и во всем твоем княжении на твоих денгах Литовских моему Ординьскому знамени быти». Разгневанный Витовт прекратил переговоры.

Когда на военном совете Витовт изложил условия Едигея, то все присутствующие возмущенно потребовали начать битву. За горячими криками не услышали трезвых голосов. Особенно разгорячились молодые «панята русские», ругавшие старых воинов за осторожность и нерешительность. «Мы хочем битися, а не мирити; битися, битися пришлимо». Обрадованный Витовт поддержал их: «Поневаж вижу вашего рицерства цноту, и тую до бою смелость и мужное серце, тылко сполне мужество свое окажете, а я вас не выдам».

На требование Витовта отступить за Дон Едигей тоже потребовал подчинения Польши и Литвы своему сюзерену Тамерлану, который хотел присоединить к своим владениям Европу. Послы Витовта ответили, что полякам и литвинам дороже жизни свобода. Стало ясно, что битвы не избежать. Вместо помощи Тохтамышу воины Витовта теперь должны были биться за свободу родной страны.

---

* На самом деле Едигей был моложе Витовта.

М. Горелик. Битва на Ворскле

Битва произошла во вторник, 12 августа, за два часа до заката солнца. Хитрым маневром Едигей выманил Витовта из лагеря. Витовт повел войско вдоль реки параллельно движущемуся по другому берегу татарскому войску. Уловку Едигея он не разгадал, забыл, что покидает без прикрытия свой лагерь и оставляет у себя в тылу войско Темир-Кутлуя. Первым атаковал Едигей. Татарская конница, переправившись через брод, начала битву. Вражескую атаку не сдержали даже пушки, на которые надеялся Витовт: «...убо въ поле чисте пушки и пищали недейственни бываху», — отмечается в Никоновской летописи. Волна татарской конницы столкнулась с закованной в броню тяжелой кавалерией Витовта. В той же Никоновской летописи читаем: «...но убо Литва крепко боряхуся, и идяху стрелы, аки дождь силенъ, и тако начяша перемогати Литва князя Едигея Ординского». В этот момент с тыла ударил Темир-Кутлуй. Он переправился через Ворсклу возле Витовтова стана и захватил его. Тохтамыш, который охранял его, разграбил лагерь и трусливо бежал. А войско Темир-Кутлуя беспрепятственно зашло в тыл литвинского войска. Положение усугубилось и тем, что поднялась буря и ветер дул в сторону литвинов. Они оказались окруженными. «И обыдоша ихъ кругом, — сообщает Никоновская летопись, — и подстреляша под ними кони и надолзе зело биющимся имъ крепко велми обоимъ, и бысть брань люта и сеча зла зело, и паки начяша премогати Татарове. И одоле царь Темир-Кутлуй и победи Витофта и всю силу Литовскую, а Тохтамыш царь, егда видевъ сиа, и преже всехъ на бегъ устремился и многъ народъ возтръгаше, бегучи, акы на жатве класы, и много Литовскиа земли пограбилъ». Яркое художественное описание этой битвы дает «Хроника Литовская и Жмойтская»: «...а затым огромне скочили до себе з великим криком, труб слыхати храпливых голосы, бубны выдают голосы, кони ржуть, «ала, ала» татары кричать, а наши христиане и литва, шаблями и стрелбою ручничною биючи их, волают: «Господи помогай». Татаре з луков безпрестанку также стреляють. Димитр Корибут впосред татар з своими вскочил, и там селкся долго, з коней татар валяючи, аж его великий гмин конми оскочил. Крик, гук отвсюль валяючихся як волнам морским для ветров бурачихся, кули, стрелы, як дождь, свищучи, летят з обу сторон в полях, як рой пчолный; кричат, шабли, мечи гримят, зброи от копий трещат. А в том наших огорнули татаре и почали слабети наши от их великости

войска. Видячи Витолт, же зле, утекл з Швидригайлом в малой дружине фортелем промыслным, а татаре биют, секуть, любо то и самых колкодесять тисячей татар згинуло. И так татаре збили все наше войско и распорошили, мало где кто сховался або ушол, и то пехотою, снадней в траве (нижли конем) сховавшися».

Сам Витовт едва спасся и несколько дней блуждал по степи. Татары гнали литвинов 500 верст, «пролиша кровъ, аки воду». Погибло более 50 князей (Никоновская летопись называет цифру 74 «всех князей именитых славных»), среди них — Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский, Глеб Смоленский, Михаил Заславский, Андрей Друцкий, Дмитрий Боброк, Глеб Кориятович, Михаил Подберезкий, Дмитрий и Федор Патрикевичи, Иван Бельский и др.

Витовт не терял присутствие духа, успел подготовить к защите Киев, а сам с запасными хоругвами поспешил к острову Тавань на Днепре, чтобы не дать переправиться тут Едигею. Воины рвались в бой, желая смыть кровью позор поражения. Когда Ягайло прислал письмо с обещанием помощи, то он ответил: «Этого не нужно. Если не только Едигей, но и сам Тамерлан со всеми войсками отважится на переправу через Днепр, я смогу задержать его». Едигей повернул в Крым. А войско Темир-Кутлуя дошло до Киева, но штурмовать его не отважилось. Взяв откуп в 3 тысячи рублей с города и 50 рублей с Печерского монастыря, татары вернулись в степь.

Благодаря мужеству воинов Витовта Золотая Орда, понеся существенные потери, не смогла совершить нашествие на Европу, что хотели сделать золотоордынский хан Темир-Кутлуй и его покровитель Тамерлан. Золотая Орда даже не смогла вернуть под свою власть украинские земли, Причерноморье и Нижнее Поднепровье. Вскоре умер Темир-Кутлуй, смертельно раненный в битве на Ворскле Свидригайлой. И в Орде вновь начались междоусобицы, что не позволило ей использовать победу на Ворскле. «Важность битвы при Ворксле для судеб Восточной Европы не подлежит сомнению», — отмечал русский историк Сергей Соловьев. Могущество Золотой Орды уже не пугало. Наступало время упадка некогда непобедимого исполина.

Поражение в битве на Ворскле ослабило Литву. Победителей боятся, а на побежденных нападают сильнейшие, стремясь воспользоваться их ослаблением. Теперь и грозный для соседей Витовт был им не страшен. Отпал от Великого Княжества Смоленск, рязанский князь Олег повоевал полоцкие земли. Вновь возобновились нападения Ордена. Витовт вынужден был согласиться с Ягайлой возобновить акт унии, что и было сделано 18 января 1401 года в Вильно и подтверждено 11 марта в Радоме. Польское Королевство и Великое Княжество обязались действовать совместно против общих врагов, польские феодалы должны были выбирать короля с согласия феодалов ВКЛ и то же самое при выборе великого князя. Витовт признавался самостоятельным правителем при условии вассалитета Польской Короны. Впрочем, Витовт и не считал себя вассалом Ягайлы и заявлял, что он никем не назначен, а выбран на великокняжеский посад.

Уния была заключена вовремя, ибо возобновил нападения Орден. В 1401 году ливонские рыцари вторглись в земли Литвы. Князь Витовт вел себя осторожно, если не трусливо. «Великий князь литовский Александр-Витовт не решался оказать сопротивления, зная, что его силы слабее, а его подданные неустойчивы и ненадежны». Как объяснить эту фразу Длугоша о ненадежности подданных Витовта? Видимо, они были недовольны новой унией с Польшей. Но Витовт не был бы самим собой, если б смирился с поражением или признал свою слабость. Вот и сейчас он нашел выход. Дав рыцарям пограбить вволю, он дождался помощи от Ягайлы и пустился за ними в погоню. «При этом князь так умело скрывался, что, обманывая всех их дозорных, шел прямо по следам врага и занимал на следующий день их вечерние стоянки, где находил еще горящие очаги и остатки сена и овса», — писал Длугош. А когда рыцари разошлись по замкам, Витовт ворвался в Ливонию и «грабежами, пожарами» начал опустошать ее, захватил и сжег Динабургский замок.

Орден нашел себе помощника в войне с Великим Княжеством Литовским и Русским — князя Свидригайлу, «человека шаткого и весьма переменчивого нрава, склонного к мятежам», по словам Длугоша. Свидригайло, как в свое время Витовт, щедро отписывал крестоносцам земли, даже то, что ему и не принадлежало — Полоцкую землю. Подобная измена и торг Родиной в те времена не считались чем-то постыдным. Сам Витовт показал пример неразборчивости в средствах в борьбе за власть. Свидригайло теперь воевал с Витовтом его же оружием. Но он не имел той поддержки в Великом Княжестве, которой пользовался когда-то Витовт. На Витовта смотрели как на борца за независимость Литвы от Польшы, а Свидригайло откровенно воевал за власть. Во время похода на Вильно летом 1402 года горожане не поддержали Свидригайлу, а его немногочисленных сподвижников Витовт казнил. Не принес Свидригайле победы и поход орденского войска на Литву в январе 1403 года.

И на этот раз Витовт проявил осторожность. «Уступая врагам по силе и неуверенный в преданности своих людей, князь Витовт больше наблюдал из Виленского замка и терпел вторжение, чем противодействовал ему», — пишет хронист Ян Длугош. Витовт отомстил Ордену, напал на Ливонию и вновь сжег Динабургский замок. Но в конце концов стороны пошли на мирные переговоры. 23 мая 1404 года в Раценже Витовт и Ягайло заключили с великим магистром Конрадом фон Юнгингеном мирный договор. Витовт уступил Ордену Восточную Жемайтию. Оставшись без поддержки, Свидригайло вернулся в Литву и внешне смирился с Витовтом. А тот, обезопасив себя от внешних и внутренних врагов, направил свои силы на возвращение Смоленского княжества, ибо его предыдущие попытки в 1401 и 1404 годах закончились неудачей: после осады Смоленска он отступал ни с чем. И вот теперь, не боясь нападений Ордена, который обязывался помочь ему в овладении Смоленском, Псковом и Новгородом, Витовт мог исполнить свой замысел. Он двинулся с большим войском на Смоленск, и смоляне испугались его. Князь Юрий Святославич покинул город.

И 26 июня Витовт овладел Смоленском. Смоленские бояре сдали ему город. «Потому что желаем и любим тебя», как они заявили ему. Витовт милостиво отнесся к смолянам и дал им «лготу много». Порядки Витовта пришлись по душе смолянам, и когда в 1514 году Смоленск сдался московскому князю Василию III, то он обещал им «держати о всем по тому, как их держал князь великий Витофт».

Окрыленный успехом, Витовт вновь вернулся к своим завоевательным планам. В 1405 году он послал разметную грамоту (что значило объявление войны) Новгороду. Не забыл, как новгородцы в 1399 году не приняли его власти. «Вы меня обесчестили: что было вам мне поддаться, а мне было вашим князем великим быть и вас оборонять: но вы мне не поддались». Тогда накануне войны с Золотой Ордой Витовт стерпел, а вот теперь, чувствуя свою силу, вспомнил давнюю обиду и решил наказать новгородцев. Тем более они выбрали своим князем его врага князя Юрия Святославича. Витовт захватил город Коложу на Псковщине и увел в плен 11 тысяч человек, которых поселил в пригороде Городно.

Наступление Витовта на Псковскую и Новгородскую земли вызвало недовольство московского князя Василия Дмитриевича. Интересы тестя и зятя столкнулись. Этим умело пользовался крымский эмир Едигей. Он слал Василию помощь, а тем временем заверял Витовта в дружбе. И эмир добился своего — поссорил тестя с зятем. Московский князь подступал к Вязьме, Серпейску и Козельску, но не взял их, а под Полоцк ходили псковские дружины. В свою очередь Витовт в сентябре 1406 года выступил в поход на Москву. Но тут выяснилось, что не всем нравится его политика. Князь Александр Лукомский, отец его первой жены, был против этого похода. Еще раньше отъехал в Москву сын ближайшего сподвижника Ивана Гольшанского Андрей Нелюб. В самом Вильно было много «ненадежных». Власть Витовта ослабевала. Мог ли Витовт при таких обстоятельствах рисковать и ввязываться в открытую войну с Москвой? Витовт осторожничал и ограничился военной демонстрацией. Когда оба войска встретились на реке Плаве возле Тулы, то до битвы дело не дошло. Витовт и Василий заключили перемирие с 8 сентября 1406 года до 28 июня

Н. Купава. Замок Витовта в Городне. 2006 г.

1408 года. Но Витовт, недовольный этим перемирием, 1 февраля 1407 года захватил Одоев. В ответ Василий сжег на литовской стороне Дмитровец. Новое перемирие принесло Витовту желаемый итог. За ним остался Одоев, московский ставленник в Новгороде, бывший смоленский князь Юрий Святославич, лишился новогородского наместничества. Новогород принял Витовтова наместника — мстиславского князя Семена Лугвения.

Витовт мог считать себя удовлетворенным, если б вновь его планы не нарушил мятежный Свидригайло. Тот и теперь был не доволен, хотя получил от Витовта Западное Подолье, а от Ягайлы доходы с королевских соляных копей. Но Свидригайле этого казалось мало, он считал себя достойным великого княжения. В 1408 году Свидригайло с целой свитой православных князей отъехал в Москву и получил от Василия в удел Владимир на Клязьме, Переславль, Юрьев-Польский, Волок Ламский и Ржев, половину Костромского княжества. Такое богатое подаяние должно было укрепить Свидригайлу в борьбе с Витовтом.

Витовт не стал ждать, когда Василий начнет против него войну в поддержку Свидригайлы, и сам первый пошел на своих врагов. Поводом для похода стали набег московских дружин на Путивль и разграбление местного населения — севруков. Возле Оки дорогу Витовту преградил во главе русских и татарских полков Свидригайло. Он отбил атаки литвинского войска. Тогда Витовт повел войско в обход московской заставы прямо на Москву. Встревоженный Василий прислал Витовту слезную просьбу. «Господин великий князь Витовт! Ты мне как отец и не гневайся на меня, я невиноватый, что лихия люди без моего ведома сделали, и когда я тех людей нашел бы, что твоим севрукам причинили вред, и я их выдал бы с головой. А когда не смогу найти, то прикажу оплатить убытки, и ты из-за этого на меня не гневайся и земли мои не разоряй, и не разрывай, твоя милость, со мной мир». Витовт внял просьбам зятя и не стал воевать против него. Итогом этого похода стало новое перемирие с Василием, заключенное 1 сентября на реке Угре. Граница с Московским княжеством пролегла по Угре*, но выдать Свидригайлу великий князь Василий отказался. Тогда Витовт применил иной способ воздействия на Василия. Он, вероятно, инициировал нападение крымского эмира Едигея на Москву в 1409 году, ибо хан предлагал Витовту: «Ты мне буди другъ, язъ тебе буду другъ». Едигей разорил именно владения Свидригайлы.

Князь Свидригайло вынужден был вернуться с повинной в Великое Княжество Литовское. Но Витовт не стал прощать его, а заключил в неволю. Накануне войны с Орденом ему нужна была спокойная обстановка в стране.

---

* Историки отметили примечательный факт: восточная граница ВКЛ с Московским княжеством совпадала с этнической границей расселения белорусов, что может указывать на целенаправленную политику Витовта — включение в состав ВКЛ всех белорусских земель, в прошлом заселенных балтами.

До поры до времени Витовт терпел Орден, чтобы сохранить с ним мир. В 1405 году Витовт по требованию Ордена подавил восстание жемайтов. Довольный его действиями, великий магистр Конрад фон Юнгинген писал императору Руперту: «С Божией помощью 12 дней опустошали и жгли край неверных: взято много заложников и многое к вере принудили. Витовт вместе с командором Рагниты, с другой стороны искренне трудился, разносил пожар, помогая нам всей силой своих людей, выдал нам беглецов, так что теперь можем верить в искреннюю дружбу между ним и Орденом». Дорогую цену приходилось платить ему за мир с крестоносцами, но все равно избежать войны было невозможно. Орден, надеясь на свою мощь, хотел подчинить всю Жемайтию и ослабить Великое Княжество Литовское и Польшу. Витовт уже не желал дальше терпеть агрессию крестоносцев.

Когда в 1409 году в Жемайтии вспыхнуло восстание против Ордена, Витовт поддержал восставших и отправил к ним своих воинов. Стремление Витовта вернуть Жемайтию в состав Великого Княжества и привело к войне с Орденом в 1409—1411 годах. Как сообщал великому магистру орденский шпион, инициатором войны был Витовт, который склонял к ней польского короля Ягайлу. Тот тоже был зол на Орден. На встрече в 1408 году с великим магистром Ульриком фон Юнгингеном в Ковно Ягайло и Витовт не пошли ни на какие уступки крестоносцам. Король гневно заявил, что «от диких немцев ничего определенного ждать нельзя». Одновременно обострились отношения Ордена с Польшей из-за споров за город Дрезденок, который Витовт, как третейский судья, присудил Пруссии в надежде подтолкнуть Ягайлу к войне. И своего добился. На угрозы Юнгингена Ягайло ответил: «Ты ко мне шлешь грамоты, а я тебе — саблю». А Витовт заявил Ордену: «Когда поспеет рожь, он выступит с жемайтами на Пруссию и огнем и мечом погонит немцев к морю, чтобы там потопить их».

Ульрик фон Юнгинген.
Гравюра из книги
«Хроника Пруссии». 1648 г.

6 августа 1409 года Орден объявил войну Польше. Кресто-

носцы захватили Добжиньскую землю. В войну вступило и Великое Княжество Литовское. Витовт с войском занял Жемайтию. Великий магистр Ульрик фон Юнгинген не отважился воевать сразу и с Польшей, и с Литвой и через посредничество чешского короля Венцеслава заключил перемирие с 8 сентября 1409 года до 12 июня 1410 года. Венцеслав, как третейский судья, обещал рассудить споры между сторонами.

Перемирие обе стороны использовали для подготовки к войне. 30 декабря 1409 года Ягайло и Витовт в Берестье составили план совместных действий против Ордена. Причем Витовт потребовал от Ягайлы признания за Великим Княжеством Подолья. На совете присутствовал сын Тохтамыша — Джель-аль-Дин, который в свою очередь за помощь просил у Витовта содействия в овладении ханским престолом Золотой Орды и получил его согласие.

Орден всячески хотел разорвать союз Польши и Литвы. Крестоносцы, как могли, ублажали Витовта. «После господа Бога Орден имеет только одного благодетеля и отца — Витольда». Но он не верил их словам. Тогда они решили уничтожить Витовта, перехватив его по дороге в Берестье. Крестоносцы скрытно пробрались к Волковыску и напали на город, считая, что князь празднует там Вербное воскресенье. Волковыск был разграблен и предан огню, а жители угнаны в плен. Витовт в это время находился в семи милях от Волковыска. Узнав о нападении на Волковыск, он вместе с женой укрылся в густых лесах около Здитова и там переждал опасность. Второй раз Витовт чуть не погиб при пожаре в Кежмарке, куда он приехал на переговоры с венгерским королем Сигизмундом. Дом, где остановился Витовт со своей свитой, охватил огонь, «от которого, — как отмечал Длугош, — вельможи и рыцари понесли значительные потери лошадьми, вещами и имуществом».

Тогда король Сигизмунд «задумал, подобный яду, коварный план, посредством которого он мог бы отторгнуть Витовта, великого князя ВКЛ, от верности и подчинения Владиславу польскому королю», — писал Длугош. Сигизмунд наедине с Витовтом начал усиленно «хитрыми и ловкими уговорами» просить его отказаться от Ягайлы и заключить союз с Венгрией. Когда Витовт отказался, Сигизмунд предложил помочь ему стать королем Литвы и освободиться от подчинения, верности и присяги Ягайле. В другой ситуации Витовт непременно использовал бы этот шанс, но теперь он стоял выше своих амбиций, понимая, к чему клонит Сигизмунд. Но все же он согласился подумать над королевским предложением, тем самым усыпил бдительность Сигизмунда. Вернувшись к себе, Витовт поспешно поднял свою свиту и, не простившись с Сигизмундом, выехал из Кежмарка. Сигизмунд догнал Витовта возле города, простился с ним, но «не снизошел до каких-либо переговоров, понимая, что его убеждения будут отвергнуты». Тем не менее, в душу Витовта было заронено семя сомнения, которое по прошествии времени прорастет в непоколебимое желание стать королем.

Как и ожидалось, подкупленный крестоносцами чешский король Венцеслав отдал свой голос в пользу Ордена, и с этим не согласились ни Ягайло, ни Витовт. Войны было не избежать. Обе враждующие сто-

роны собрали большие войска. Историки спорят об их количестве, называют разные цифры. Польский историк М. Бискуп считает, что Польское Королевство выставило до 18 000 шляхетской конницы и 12 000 обозной прислуги, ремесленников и пехотинцев, а Великое Княжество Литовское — до 11 000 кавалерии, в том числе одну тысячу татарских всадников. Всего союзное войско насчитывало 41 000 человек, а орденское войско — 16 000 конницы и 5000 пехоты. Иные историки приводят меньшие цифры: А. Надольский польское войско определяет в 20 000, а великокняжеское — около 10 000 человек; С. Кучинский называет цифры 27 500 в орденском войске и 31 500 человек в союзном войске. Более реальными кажутся подсчеты белорусского историка Руслана Гагуа — 12 тысяч человек в войске ВКЛ. Он исходил из указа Витовта Жемайтии выставить из каждой волости отряд в 300 воинов (надо отметить, что это число у литвинов имело сакральный характер: например, князь Довмонт пришел в Псков с дружиной «300 литвы», великий князь Гедимин посылал в 1351 году дружину в 300 воинов для перехвата новгородского епископа Василия, князь Александр Чарторыйский имел «кованой рати боевых людей 300 человек), поэтому простым арифметическим умножением численности хоругвей 40 на 300 получаем цифру 12 тысяч. Насколько она соответствует действительной численности войска ВКЛ, сейчас уже не установить, но все же она более реальная, чем приведенные цифры других историков. Войско Польского Королевства Гагуа определяет также в 12 000 человек и в 300 человек татарских воинов, а войско Ордена — в 18 тысяч. Надо заметить, что часть войска Витовт оставил для охраны границ с Ливонским орденом (видимо, жемайтские хоругви) и Золотой Орды (видимо, хоругви Чернигово-Северской земли, не указанные в перечне Длугоша).

Войско Великого Княжества Литовского Витовт поделил на 40 хоругвей: трокскую, виленскую, городенскую, ковенскую, лидскую, медницкую, смоленскую, полоцкую, киевскую, пинскую, новогородскую, берестейскую, дорогичинскую, мельницкую, кременецкую, стародубскую, 10 хоругвей под родовым гербом «Колюмны» выставил лично Витовт, были также частные хоругви князей Семена Лугвения Мстиславского, Юрия (возможно, пинского князя Юрия Носа или Юрия Заславского), Сигизмунда Корибутовича и других. Польское войско состояло из 51 хоругви, из них 7 хоругвей выставили украинские земли. К войску ВКЛ присоединились хоругви Великого Новгорода, Молдавии (сестра Витовта Рингола была замужем за молдавским господарем), татарского хана Джель-ал-Дина. Была в союзном войске и хоругвь чешских наемных воинов, которых нанял Ягайло на выделенные для этого Витовтом 20 тысяч грошей.

15 июля 1410 года на поле возле деревень Грюнвальд и Танненберг в Пруссии объединенное войско Великого Княжества Литовского и Королевства Польского встретилось с войском Тевтонского ордена.

Первым битву начал Витовт. Хронист Ян Длугош отмечает: «Войско же литовское по приказу Александра, не терпевшего никакого промедления, еще ранее начало сражение». Легкая конница стремительно

5 Зак. 526

Х. Пиллати. Витовт и Ягайло накануне Грюнвальдской битвы. 1883 г.

атаковала левый фланг орденского войска. Крестоносцы успели дать по атакующим два залпа из орудий, но их стрельба не остановила литвинов. Вот как описывает битву Ян Длугош: «Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди даже на расстоянии нескольких миль. Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как и те и другие сгрудились в какой-то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного. Наконец, когда копья были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями; и тогда среди сражающихся самый отважный Марс мог быть замечен только по руке и мечу». Эти строки настолько реально передают накал сражения, что, читая их, будто бы сам становишься свидетелем битвы.

Основные силы магистр направил на правый фланг союзного войска, где против крестоносцев сражались литвины, русины и татары.

Грюнвальдская битва. Гравюра из книги М. Бельского «Хроника всего мира». 1564 г.

Под натиском превосходящих сил Витовт вынужден был отступить. Длугош считал это отступление бегством и красочно описал его. Но анализ источников и самого хода битвы показывает, что это «бегство» было продуманным маневром с целью расстроить орденские ряды. В отчете о битве — «Хронике конфликта» говорится об этом ясно и понятно. «Крестоносцы сражались с людьми Витольда около часа, и очень много с обеих сторон пало, что люди князя Витольда вынуждены были отступить. Враги, думая, что они уже одержали победу, рассеялись от своих знамен, нарушив порядок и перед теми, кого вынудили бежать, начали отступать. После, когда они захотели вернуться к своим людям и полкам, окруженные королевскими людьми, они были взяты в плен или погибли, убитые мечом». Подтверждает сообщение «Хроники конфликта» и реляция орденского хрониста: «Вступили язычники с ними в битву, и его милостью господином (магистром) были разбиты, когда бежали прочь. И поляки пришли им на помощь, и была великая битва, и магистр вместе со своими людьми трижды пробивался сквозь них, и король так отступил, что они уже начали петь «Христос воскрес». Но

пришли его гости и наемники, когда они не были построены, и напали с одной стороны, а язычники — с другой, и окружили их, и люди магистра, и великие сановники, и очень много братьев Ордена — все погибли». Значит, «язычники», как называет литвинов хронист, сумели перестроиться и ударили во фланг орденскому войску. О том, что Витовт заманил крестоносцев в ловушку, говорит и позднейший автор «Хроники Литовской и Жмойтской»: «навели немцов на свои гарматы, навевши роскочилися а тут зараз з гармат дано агню, где зараз немцов килка тисячий полегло». Таким образом, Витовт обманным «бегством» вывел из боя значительную часть орденского войска, заманив его в засаду. О пагубности подобного увлечения погоней за неприятелем писал после Грюнвальдской битвы один из орденских советников. Он предупреждал великого магистра, что в новой битве враги могут нарочно имитировать бегство нескольких отрядов, чтобы «расстроить ваши ряды...», как это произошло в Великой битве. Только печальный опыт преследования конницы Витовта во время Грюнвальдской битвы мог родить совет удерживать в боевом порядке отряды, «пока не будет видно, что вражеский отряд обращен в бегство окончательно», ибо это расстроит ряды и «битва закончится большим поражением».

В центре крестоносцев сдерживали три полка Смоленской земли (считается, что это были воины из Смоленска, Орши и Мстиславля). Один полк был полностью уничтожен, и его стяг враг втоптал в окровавленную землю. Но два оставшихся сражались с удивительной храбростью и мужеством. «И только они одни в войске Александра-Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении», — отметил Ян Длугош. Выдержав натиск, союзное войско перешло в наступление, которым руководил Витовт, и опрокинуло крестоносцев. «Но Витовт обратился с призывом продолжать битву, и продолжили поляки с торжествующими возгласами, и мужественно наступали так, чтобы обратить в бегство пруссов и, одержав победу, победителями были», — пишет Энеа Сильвио Пикколомини (папа римский Пий II).

Исторические источники указывают на значительную заслугу Витовта в победе и его личное мужество. Ян Длугош писал: «Во все время битвы князь действовал среди польских отрядов и клиньев, посылая взамен усталых и измученных воинов новых и свежих и тщательно следя за успехами той и другой стороны». Другой польский хронист Бернард Воповский отмечал: «Витольд, везде поспевая, сердце своим придавал, разорванные ряды свежими отрядами заменял». В сущности он руководил союзным войском.

В отличие от польских хронистов, приписавших главную заслугу в победе полякам, белорусские летописи утверждают обратное. Вот что сообщает «Хроника Быховца»: «А затым тые гетманове, войско зшыховавшы*, потягнули ку битве, а немцы также, видячы то, почали ся с ними потыкати, и почалася битва з пораня межы немцы и войски литовскими, и многое множество з обу сторон войска литовского и немец-

---

* Построив.

кого пало. Потом, видячи, князь велики Витольт, што войска его сильно много побито, а ляхове им жадное помочы вчынити не хотят, и князь велики Витольт прыбег до брата своего, короля Ягойла, а он мшы слухает. А он рек так: «Ты мшы слухаеш, а князи и панове, братя мои, мало не вси побиты лежат, а твои люди жадное помочы им вчинити не хотят». И он ему поведил: «Милы брате, жадным обычаем иначей вчынити не могу, только мушу дослухати мшу», и казал гуфу своему коморному* на ратунок потягнути, которы же гуф войску литовскому помоч прытягнувшы, и пошол з войски литовскими, и немец наголову поразил, и самого магистра** (Ульрика фон Юнгингена. — *Авт.*), и всих кунторов его до смерти побили, и безчысленное множество немцов поймали и побили, а иные войска ляцкие ничого им не помогали, только на то смотрели». Как видим, главную заслугу в победе над Орденом «Хроника» приписывает войску Великого Княжества Литовского и его предводителю Витовту.

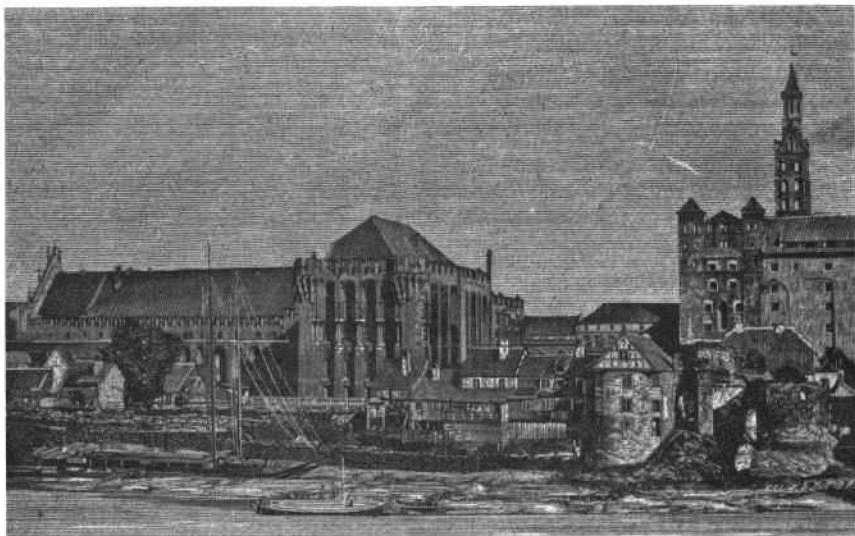
Ягайло. 1846 г.

В битве погибло 18 тысяч крестоносцев (как сообщает булла папы Иоанна XXIII), в том числе 203 рыцаря Ордена, среди которых великий магистр Ульрик фон Юнгинген, великий маршал Фридрих фон Валенрод, великий комтур Конрад фон Лихтенштейн, великий казначей Томас фон Мергейм, 14 командоров замков, в том числе Мева, Старграда, Нешавы, Бродницы, 15 фохтов и другие начальники Ордена. В плен было взято 5 тысяч крестоносцев, среди которых щецинский князь Казимир и мазовский князь Конрад. Большие потери понесло и войско Витовта. О множестве погибших «княжат, панов, рыцарей и воинов» говорил виленский наместник Альберт Монивид, почти половина

---

* Резервные хоругви королевского войска.

** По одним источникам, магистра убил воин Юрий, по другим — татарин Богардин. Во время битвы Юнгинген отъехал в сторону, поднял забрало на шлеме, чтобы вдохнуть свежего воздуха. В это время подбежал Богардин и поразил копьем магистра в лицо. Он обрил у магистра бороду, которую потом вывесили в Краковском замке.

Мариенбургский замок. XIX в.

войска Витовта погибла, по сообщениям Ордена. Польское войско отделалось незначительными потерями. Ягайло признавался, что «наших очень мало погибло, а из знатных никто». Так что победа над крестоносцами была достигнута во многом ценою крови воинов Великого Княжества Литовского и Русского, а также смелыми и умелыми действиями Витовта. Особенно заслужили славу героев смоляне. Историк Дмитрий Довгялло отмечал: «...немцы были разбиты общим усилием славянских племен и литовцев, но геройством и доблестью всех превзошли белорусские — смоленские поляки князя Мстиславского»*.

Но победой Ягайло и Витовт не смогли воспользоваться сполна. Союзники двинулись к столице Ордена Мариенбургу. Города и замки сдавались победителям. Оставался Мариенбург, и с падением его пал бы окончательно и Тевтонский орден. Крестоносцы и новый магистр Генрих фон Плауен успели подготовиться к обороне столицы. Мощные оборонительные укрепления орденской столицы были не по силам даже каменным ядрам бомбард, из которых вели обстрел Мариенбургского замка.

Витовт не был заинтересован в разгроме Ордена, так как не желал возвышения Польши. Он вступил в сепаратные переговоры с ливонским магистром Гевельманом. Видимо, тот пообещал уступить Витовту

---

* Есть мнение, что роль «смоленских полков» преувеличена Я. Длугошем, который в переписке хоругвей ВКЛ называет одну смоленскую хоругвь. О «геройстве» смолян молчат другие источники (см.: Гагуа Р. Грюнвальд в источниках: Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410. Пинск, 2009. С. 120—127).

Жемайтию. Витовт стал требовать от Ягайлы снять осаду Мариенбурга, но услышал отказ. Тогда Витовт, несмотря на мольбы короля, в начале августа увел свое войско в Литву. Ягайло, простояв возле Мариенбурга еще полтора месяца, вынужден был снять осаду. Орден избежал полного разгрома.

Мир от себя и от имени Польского Королевства 1 февраля 1411 года в Торуне заключил Витовт, и понятно, что он прежде всего думал о выгоде своего государства: не дать Польше воспользоваться плодами победы и не допустить окончательного ослабления Ордена как вероятного союзника. Поэтому Витовт особенно не отстаивал польские интересы, согласился на возвращение Ордену занятых поляками городов и возвращение в состав ВКЛ Жемайтии. Он одержал блестящую дипломатическую победу, заключив договор, выгодный для Литвы, но постыдный для Польши. Поэтому Длугош прискорбно отметил, что «Грюнвальдская победа сошла на нет и обратилась почти что в насмешку; ведь она не принесла никакой выгоды Королевству Польскому, но больше пользы Великому Княжеству Литовскому».

После победы над Орденом Витовт стремится избавиться от позорной Кревской унии. И Ягайло вынужден новым договором, заключенным 2 октября 1413 года в местечке Городле над Бугом, не только подтвердить союз Польского Королевства и Великого Княжества Литовского, но и вновь признать великим князем Витовта. В договоре не говорилось, что после смерти Витовта Великое Княжество Литовское и Русское переходит под власть Ягайлы и его преемников. Но литов-

М. Ярошинский. Торуньский мир. 1873 г.

ские бояре и шляхта должны были брать себе великого князя с согласия Ягайлы и его преемников.

Тем самым Великое Княжество Литовское и Русское оставалось отдельным от Польши государством.

Позаботились поляки о расширении своего влияния в Литве, поэтому они приняли в гербовое братство 47 магнатских феодалов католического вероисповедания. С этой поры от власти были оттеснены княжеские роды, а на первые роли выдвинулись магнатские роды Радзивиллов, Гаштольдов, Остиков, Монивидов, Ямонтов и другие. Они были верными сподвижниками Витовта еще во времена его войн с Ягайлой, и многие происходили из Жемайтии и Аукштайтии. В результате этой хитрой интриги произошел не только боярский переворот, но в некоторой степени этнический: литвины-балты оттеснили от власти литвинов-славян, исповедующих православие. Так была брошена искра взаимной вражды, которая очень скоро разгорится огнем междоусобной войны.

Все же акты Городельской унии несли угрозу для независимости Великого Княжества Литовского. Не зря их составлял ярый противник Литвы, хитрый интриган, секретарь Ягайлы Збигнев Олесницкий. Он станет позже для Витовта роковым посланником судьбы. По воле составителя и его помощников в актах было записано, что Ягайло и Витовт как законные государи литовских земель «вновь инкорпорируют и втеляют в Королевство Польское: присваивают их ему, объединяют с ним, связывают союз и навсегда скрепляют, — по воле, одобрению и согласию прелатов, панов и шляхты Великого Княжества Литовского». Понимали ли эти прелаты, паны и шляхта, что они делают? Видимо, да. Но поскольку все те, кто приехал с Витовтом на Городельский сейм, были католиками, то они купились на заманчивую перспективу прибрать власть в Великом Княжестве к своим рукам, поскольку уния с Польшей гарантировала им занятие высших государственных должностей. Православные феодалы этого права лишались, как «схизматики и неверные». А власть — это земли, владения, богатство. Вот за что продавала Литву ее новоиспеченная политическая верхушка.

Ясно, что такой раздел аристократии по религиозному принципу должен был привести к взаимной вражде и, в конце концов, к войне. Понимал ли это Витовт? Видел ли, что поляки мечтали после его смерти присоединить Великое Княжество к Польше? Надеялся перехитрить Ягайлу и его советников?

Произошла и административная реформа. Великое Княжество Литовское по примеру Польского Королевства было разделено на воеводства: Виленское и Трокское. Там вводились должности воеводы и его наместника, каштеляна, которые могли занимать только католики. В остальных землях Великого Княжества Литовского правили великокняжеские наместники, которые управляли на основании уставных грамот, декларировавших принцип: старины не рушить и нового не вводить.

Некоторые Гедиминовичи сохранили свои удельные княжества: Олельковичи — Слуцкое, Сангушки — Кобринское, Евнутовичи — Заславское, Лугвеновичи — Мстиславское, брат Витовта Сигизмунд —

Стародубское. Но они уже не влияли, как раньше, на политическую жизнь в государстве. Витовт стал опираться на панов и шляхту. Молодая аристократия с энтузиазмом помогала ему в управлении государством.

После подписания Городельской унии Витовт и Ягайло отправились в Жемайтию, чтобы крестить ее и установить там великокняжеское правление. Несмотря на уговоры, подарки, подкуп старейшин, жемайты упорно держались язычества. Тогда Витовт силой начал насаждать христианство. Высекались священные дубровы, уничтожались капища. В огне горели идолы языческих богов. Жемайты вынуждены были подчиниться. «Мы узнали, яснейший король Ягайло и светлейший великий князь Витовт, государь наш, что наши боги слабые и сброшены вашим Богом, покидаем их, и к Богу вашему, как сильнейшему, пристаем», — подчинились жемайты новому Богу. Их крестили, как в свое время литвинов. Сгоняли толпы людей, разделяли их на мужчин и женщин, и огулом окропляли святой водой. Каждой группе давали одно на всех крестное имя. При таком крещении «христианин» оставался в душе язычником и по-прежнему поклонялся идолам, но только тайно.

В 1418 году жемайты восстанут и с ненавистью расправятся с великокняжеской администрацией, разрушат и сожгут костелы. Витовт пошлет на усмирение «лиходеев» войско во главе с жемайтским старостой Кезгайлой. Он «хватал, бил всех тех, кто это делал», как сообщал Витовт Ордену. И сам великий князь придет на усмирение восставших и жестоко покарает их, за что получит прозвище «кровопийца» и «кровавый мясник».

Папа Мартин V учредил в Жемайтии епископство с приходами в Меденках, Ковно, Крожах, Ариогале, Водукяе, Утянах и Ворнях.

Как отметил летописец «Хроники Быховца», «окрестил он всю землю Завельскую, костелов много поставил; поэтому и назвали Витовта вторым апостолом Божиим, что он из упорного язычества обратил те земли в веру христианскую». За время правления Витовта в ВКЛ было построено более 30 костелов, в том числе в Берестье, Вильно, Витебске, Волковыске, Городно, Дубинках, Ковно, Новогородке, Ошмянах, Пинске, Троках, Утене и других местах.

Со времени крещения Жемайтии начинается политическое возвышение Витовта. Он умело использует напряженное положение в Европе, чтобы достичь своих целей. В отношении Орды Витовт противопоставляет одних ханов другим, не давая никому из них возвыситься. То он оружием своего ставленника Улуг-Мухамеда борется с ханами Худайтом и Бораком, пришедшими со своими ордами в волжские и донские степи из Средней Азии, то уже против Улуг-Мухамеда поддержал крымского хана Довлей-Берды.

Поэтому в Европе Витовта воспринимали как «короля сарацинов». И дружбы этого короля ищут европейские монархи. Император Священной Римской империи Сигизмунд обещает ему королевскую корону. Чехи в 1422 году выбирают Витовта своим королем, и в Праге правит его наместник князь Сигизмунд Корибутович. Признают власть Витовта и русские князья. «Верность и послушание» Витовту выразили ря-

5а Зак. 526

занский, переяславский, пронский, новосильский, одоевский, воротынский, кашинский и тверской князья. Князья поклялись служить Витовту верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно. Летом 1427 года Витовт объехал их княжества и принял князей под свою власть. В свою очередь Витовт поклялся защищать их «от всякого», не вторгаться в их вотчину.

Вот как описывает Витовт свое путешествие в письме от 15 августа 1427 года великому магистру Ордена: «Нас встречали великие герцоги с русских земель, которые тут называются великими князьями, рязанский, переяславский, пронский, новосильский, одоевский, воротынский... и обещали нам верность и послушание. Принимали нас везде с великим почетом и дарили золото, серебро, коней, сабли... Как мы сообщали, наша дочка, великая княгиня Московская, сама недавно посетила нас и вместе со своим сыном, землями и людьми передалась под нашу корону». Таким образом, власть Витовта признала почти «вся Русская земля», как сообщает летопись.

И Витовт не преувеличивал, когда говорил об оказанном ему большом почете. Орденский шпион и одновременно придворный шут Витовта Гейне доносил великому магистру: «Знайте еще, что у великого князя были и посольства из Великого Новгорода, Москвы, Смоленска и постоянно все приезжают к нему послы: от татарского хана, от турецкого султана и от многих других христианских и нехристианских князей. Приезжают они с богатыми подарками, — трудно было бы их всех описать, расскажу о том устно, когда возвращусь». Витовт, не имея королевской короны, имел власть и почет больше, чем у иного европейского короля того времени.

Со своей стороны Витовт обязался защищать своих вассалов от врагов и честно держал клятву. Когда в 1425 году татарский князь Кундат пришел к Одоеву с ратью на князя Юрия Романовича Одоевского, то Витовт срочно выслал на помощь дружины шесть князей во главе с братьями Иваном Бабой и Путятой Друцким. Они вместе с Юрием Романовичем, как сообщает летопись, «царя Кундада прогониша, и силу его побиша». По этому поводу Витовт писал великому магистру Ордена Паулю Росдорфу: «Это событие нас очень обрадовало, что милостивый Бог даровал нам и нашим людям такое счастье, что они одержали такую блестящую победу, которой еще никогда не было, хоть и часто происходили битвы».

Русские князья искали надежную защиту от татарских нападений и находили ее, переходя под власть Великого Княжества Литовского. Московский князь Василий требовал с них дань для Золотой Орды, а Витовт, как видим, защищал от грабежей татарских ханов. Под его опекой русские князья освободились от татарского ярма.

Некогда грозный Едигей, победивший Витовта на Ворскле, теперь искал его дружбы. «Князь знаменитый! — писал он Витовту. — В трудах и подвигах честолюбия застала нас унылая старость; посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролитая нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, какими мы друг друга огорчали, развеяны ветрами; пламя войны очистило наши сердца от злобы.

Вода угасила пламя». И теперь они заключили вечный мир, а по существу разделили «сферы влияния» в восточноевропейских степях — под влиянием Витовта оказались земли от Днепра до Дона, включая Крым.

Сложные отношения оставались у Витовта с вечевыми республиками — «Господином Великим Новгородом» и Псковом. Витовт стремился подчинить их своей власти. Пока в Новгороде был наместником Семен Лугвений, Витовт и Ягайло координировали с ним новгородскую политику. Но в 1411 году Семен Лугвений покинул Новгород, ибо новгородцы не исполнили требования Ягайлы и Витовта разорвать мир с Орденом.

По-прежнему Витовт стремился подчинить Новгород и Псков. В августе 1426 года псковские пригороды Опочка и Воронеч были осаждены Витовтом, и хотя их взять не удалось, он получил от Пскова большой выкуп и заключил с ним мирный договор. А в 1428 году Витовт, узнав, что новгородцы на вече назвали его изменником и бражником, отомстил им походом на Новгородскую землю.

Новгородцы надеялись отсидеться за стеной дремучих лесов и непроходимых болот, которые не раз защищали их. Но Витовт в их дерзости увидел вызов себе. Нужно было показать, что он хоть и стар, но по-прежнему силен, деятелен и грозен. С войском и артиллерией он прошел через дебри огромного Черного леса. Впереди войска десять тысяч человек устилали дорогу срубленными деревьями, строили мосты и гати. 20 июля войско Витовта подошло к Порохову, окруженному высокой каменной стеной. Витовт решил проверить мощь большой бомбарды, названной им галкой. При первом же залпе бомбарду разорвало на части. Погибли мастер-немец и несколько человек прислуги. Ядро, пролетев через крепость, взорвалось перед полоцким наместником и убило его. Мог погибнуть и Витовт, который находился недалеко от бомбарды. Он уцелел, но испугался. Смелый в бою, он очень боялся разных непонятных ему явлений. Во время осады Воронеча ударили такие грозные перуны и заблистали ослепительные молнии, затряслась земля, что испуганный Витовт, схватившись за шатровый столб, кричал: «Боже, помилуй!». Видимо, привиделся ему конец света. Но теперь испуг не помешал ему продолжать осаду Порохова. Были напуганы и новгородцы, кланялись великому князю и просили о милосердии. Это милосердие стоило Новгороду 6000 рублей откупа и 5000 — Порохову. Витовт наказал новгородцев за свое оскорбление. «Вот вам за то, что назвали меня изменником и бражником». Дал понять, за кем сила, и он ее использует, поэтому современники прозвали Витовта из-за его воинственного характера «факелом войны».

Он знал свою силу и открыто заявлял о ней. Когда жемайтские представители жаловались Витовту, что император Сигизмунд присудил Жемайтию Ордену, то он гневно сказал: «Этого Бог не позволит, чтобы император мог раздавать мой край и моих подданных, пока я живу». Он готов был сражаться с самой Священной Римской империей. Крестоносцам, пугавшим его войной с империей, дал понять, что не боится угроз: «Я ни на кого не оглядываюсь, ибо никто не сможет меня по-

Император Сигизмунд I. XIX в.

бедить». Против империи, которая поддерживала Орден, великий князь Витовт нашел сильное оружие в лице восставших чехов. Он в 1422 году посылает им в помощь пятитысячное войско во главе с князем Сигизмундом Корибутовичем. «Желая отомстить за обиду моему врагу, королю Сигизмунду, послал в Чехию моего братанка Сигизмунда Корибутовича, чтобы мой враг Сигизмунд наконец понял, кого затронул, знал, что и у нас есть сила и отвага, и перестал в конце концов надоедать своими преступными поступками», — объяснил Витовт свое решение и принял корону чешского короля. Сигизмунд Корибутович стал его наместником в Праге. В своем бессилии перед Витовтом тевтонские рыцари запугивали Европу «сыном сапожника», обещавшим напоить своих коней из Рейна. Умел он отстоять свои интересы, ибо чувствовал свое могущество. Он хоть великий князь, но короли ему не ровня.

Для папы Мартина V Витовт — «любимый сын наш, благородный муж», но когда он стал поддерживать гуситов, то все папские призывы «спастись с этой позорной муки» пропускает мимо ушей.

Дипломатические споры из-за Жемайтии ни к чему не привели. Орден по-прежнему претендовал на Жемайтию. Витовт решил оружием доказать свои права на спорную землю и стал собирать войско. Ягайло поддержал его, и 14 июня 1422 года они объявили войну Ордену. Хоть и сейчас Витовт не был заинтересован в полном разгроме Ордена как гипотетического союзника в будущем. Поэтому Витовт действовал на удивление нерешительно, его войско взяло Плементский замок, и этим он ограничил свои действия. У поляков дела шли не лучше. Крестоносцы попрятались в замках, взять которые у Ягайлы не хватало сил. Пал только Голуб, отсюда и название этой кратковременной войны — Голубская. Но союзники разоряли беззащитные селения Пруссии, чем вынудили крестоносцев просить мир, который был заключен 27 сентября 1422 года в польско-литвинском лагере возле озера Мельно. По договору Орден отказался от Жемайтии, а Польша получила Нешавскую землю. Так малыми усилиями Витовт добился своего. Теперь восставшие чехи были не нужны ему, ссориться из-за них с императором

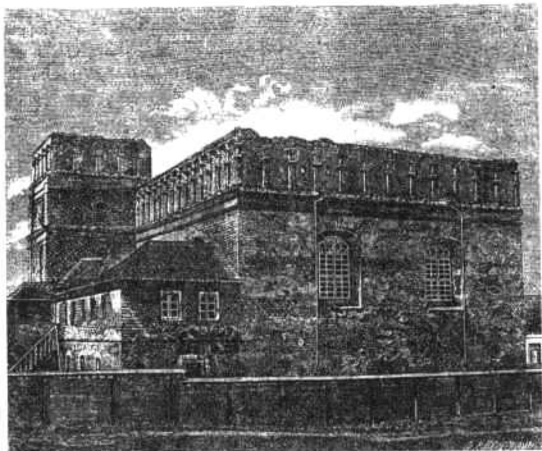
и папой не входило в его планы. Витовт отозвал из Чехии Сигизмунда Корибутовича, чем прекратил политическую игру с чехами, принеся их в жертву за мир с империей.

Значительным влиянием пользовался Витовт в Польше. На него ориентировалась так называемая народно-куриальная партия во главе с прелатом Польши Ястржембцем. После Ягайлы Витовт был вторым в королевском совете. Польские магнаты объявили Витовта опекуном королевской наследницы Ядвиги и самого Ягайлы, а когда в 1424 году у того родился сын Владислав, то и королевича.

В величии и славе увидел Витовта французский путешественник Гильбер де Лануа, который в 1422 году побывал в Великом Княжестве Литовском. «Через низкую Русь я отправился к герцогу Витольду, великому князю и королю Литовскому, которого я застал в Каменце [Каменце-Подольском] на Руси вместе с женой и свитой татарского князя и многих других князей, княгинь и рыцарей. Поэтому герцогу Витольду я передал мирные грамоты от двух королей (французского короля Карла IV и английского короля Генриха V. — *Авт.*) и передал ему дары от английского короля. Властитель оказал мне большой почет и дал мне три обеда и садил меня за свой стол вместе с женой, герцогиней и сарацинским князем Татарии, поэтому я видел и в пятницу на столе мясо и рыбу. И был там татарин с бородою, ниже за колени, укутанной в наголовник. И за торжественным обедом, данным им послам Великого Новгорода и королевства Псковского, они, целуя землю перед столом, поднесли ему меховые шапки, моржовую кость, золото, серебро — до шестидесяти разных подарков. Он принял подарки Новгорода Великого, псковские же отвергнул и даже не захотел их видеть из-за ненависти». Этот отрывок из дневника Гильберта де Лануа — яркое подтверждение слов из «Похвалы Витовту»: «Тии же велиции господари, велиции земли, велиции князи ... иныи во велицей любви живущи с ним, а инии крепко служахуть ему, славному господарю, и честь велику и дары великии, и дани многи приносяхуть ему не токмо по вся лета, но и по вся дни».

В конце своей жизни Витовт был на вершине величия. «Сий же великый князь Александр, зовемый Витовт, во великой чести и славе пребываше», — отмечал его величие летописец. Но Витовту не хватало королевской короны.

Честолюбием Витовта хотел воспользоваться император Сигизмунд I. «Вижу, — делился он своими замыслами, — что король Владислав — человек простоватый и во всем подчиняется влиянию Витовта, поэтому мне нужно привязать к себе прежде всего литовского князя, чтоб посредством его овладеть и Ягайлой». Желая поддержки Витовта, он предложил ему королевскую корону. Но против этого намерения выступили польские феодалы, мечтавшие присоединить Великое Княжество Литовское к Польше. Отрицательно относился к коронации Витовта и папа римский Мартин V, который должен был дать свое благословление. Из-за покровительства Витовта православной церкви в своем государстве папа римский в 1427 году вообще запретил его коронацию. Во время правления

К. Вейерман. Малый замок князя Люборта Гедеминовича в Луцке, где происходила встреча Витовта, Ягайло и Сигизмунда I. 1888 г.

Витовта православные церкви были построены в Слуцке, Креве, Браславе, Мозыре, Витебске, Сынковичах, Новогородке, Клецке. Великая княгиня Анна возвела в Берестье Никольскую и Крестовоздвиженскую церкви, третья жена Витовта Ульяна Гольшанская — Юрьевскую церковь в Троках. Сам Витовт построил церковь в Молечи и Походную церковь для своих воинов. В 1415 году епископы ВКЛ под давлением Витовта выбрали в Новогородке отдельного от Московской Руси митрополита Григория Цамбалака. Свой поступок Витовт объяснил епископам так: «Иные люди со стороны говорят: «Господарь не в той вере, поэтому церковь и обеднела», чтобы такого слова от людей на нас не было».

А православным подданным Витовт объявил в грамоте: «...Знайте одно: мы не вашей веры, и если б мы хотели, чтобы в наших владениях уничтожилась ваша вера и церкви ваши стояли без порядка, то мы ни о чем и не старались. Но мы, желая, чтобы ваша вера не уничтожалась и церквам вашим было устроение, постановили собором митрополита на Киевскую митрополию, чтобы русская честь вся стояла на своей земле».

За опеку православной церкви Витовта не раз упрекали крестоносцы. Это неудивительно, если вспомнить, что католичество Витовт принимал вынужденно под влиянием политических обстоятельств: первый раз в 1383 году по требованию крестоносцев под крестным именем Вигонд. Но, вернувшись в Литву, принял православие под крестным именем Юрий, а в 1386 году уже по требованию Ягайлы вновь перешел в католичество под именем Александр.

На съезде в 1429 году в Луцке, где присутствовали император Сигизмунд, польский король Ягайло, тверские и рязанские князья, молдавский господарь, посольства Дании, Византии, папы римского, Витовт заявил о своем желании короноваться. Император Сигизмунд уверял Ягайлу, что, став королем, Витовт не увеличит свою власть, ибо и «без короны он имеет большую власть и почет», но послужит чести и славе самого Ягайлы, который будет иметь среди союзников и друзей короля. Ягайло дал свое согласие, но при условии согласия и польских панов. «Признаю его достойным не только королевской, но даже и импера-

торской короны и готов уступить ему Королевство Польское и отдать корону. Но нельзя мне согласиться на такое важное дело без согласия прелатов и моих панов».

А поляки в свою очередь возмущенно выступили против отделения от Польши «таких знатных владений», как Великое Княжество Литовское, и также предложили Витовту быть польским королем. Витовт не принял такого предложения, покинул съезд, заявив: «...Я все же сделаю по-своему». Коронацию он перенес на следующий год.

После съезда в Луцке Ягайло и поляки старались помешать Витовту стать королем. Они отговаривали его от этого намерения, возводили на него клевету императору и папе. Отношения между Ягайлой и Витовтом накалились, оба готовились к войне. Не найдя средств и доводов воздействовать на Витовта, не подкупив его польской короной, поляки обратились к папе Мартину V, убеждая его, что с принятием короны Литва отделится от Польши и там победит «греческая вера». Неудивительно, что папа просил Витовта удержаться от коронации. «Чтобы не изведало потери твое доброе имя, которое везде пользуется наилучшей славой и чтобы твоя душа не была обременена таким большим грехом, чтобы избегнул осуждения на последнем суде, как творец всех тех несчастий, которые без сомнения наступили б. Для этого, дорогой сын, в таком опасном деле руководствуйся своей волей и пристань к нашему отцовскому напоминанию и совету! Мы высоко ценим тебя из-за твоих необычных, больших и исключительных заслуг, которые посвятил распространению веры христианской; отцовской милостью любим твою справедливость и тебя почитаем за очень достойного для почетного положения короля. Но хотели б, чтобы твоя личность была украшена таким почетом с миром, без бунта, обиды и нежелания со стороны твойго брата».

А брат как раз и не желал королевских почестей Витовту и жаловался на него польским сенаторам, настраивая их против его коронации.

Ягайло убедился в твердом намерении Витовта короноваться. Последнего поддерживали князья и бояре Великого Княжества Литовского и Русского, желавшие «сбросить с себя стыд и ярмо неволи, которыми хочет ограничить нас и земли наши король польский». И вновь литвины заявили, что «они испокон были свободными людьми, своим государем почитают великого князя и его имеют государем, а полякам никаким их земля не принадлежала, и они при своей независимости могут остаться и дальше и никогда ничего от нее не уступят».

В Городно отговаривать Витовта приезжал в начале сентября 1429 года епископ Збигнев Олесницкий, но не отговорил. «Знай, — горячо увещал епископ Витовта, — что корона королевская скорее принизит твое величие, чем возвысит; между князьями ты первый, а между королями будешь последний; что за честь в преклонных летах окружить голову небольшим количеством золота и дорогих камней, а целые народы окружить ужасами кровопролитных войн?». Больше доводов у Олесницкого не хватало, и он решил, как видим, усовестить Витовта. А тот не стал спорить, что-то доказывать, убеждать, понимал бесполез-

ность разговора и дипломатично ответил: «Никогда у меня и в голове не было намерения стать независимым королем; давно уже император убеждал меня принять королевский титул, но я не соглашался. Теперь же сам король Владислав потребовал этого от меня, уступая его мольбам, повинуясь его приказанию, я дал публично свое согласие, после чего постыдно было бы для меня отречься от своего слова». Так что Витовт, если бы и хотел отказаться от короны, не мог, ибо принять ее требовал сам король.

Витовт еще раз убедился в двуличности Ягайлы. В листе к императору Сигизмунду I он писал: «Правда, мой брат король польский часто делал мне гадости и обиды, в самом деле он никогда не оказывал достойных моему положению чести и почета, но я всегда терпеливо без нарекания это переносил, не желая между собой и братом и его королевством сеять зерно несогласия и недоразумения. И даже никогда не жаловался Вашей милости в тех делах малого веса. Не только мне король Ягайло нанес унижение, но и княжатам и боярам моих земель, как бы с намерением набрасывает на них ярмо неволи и делает их данниками своей короны, что они очень близко приняли себе к сердцу, как люди вольные, не бывшие данниками».

Император Сигизмунд I поддержал Витовта и прислал ему проекты коронационного акта и акта возведения Великого Княжества Литовского и Русского в королевство: «Литовские короли будут самостоятельными и неподвластными, или вассалами, ни нашими, ни Священной империи, ни чьими иными, служа щитом христианства на этой границе — помогая против языческих нападений». Сигизмунд I обещал, что королевскую корону привезут в Вильно к 8 сентября 1430 года.

На коронацию Витовта в Вильно собрались многочисленные гости: Ягайло с польской свитой, московский князь Василий Васильевич (внук Витовта), митрополит Фотий, золотоордынский хан Магомет, тверской, рязанский, одоевский, мазовецкий князья, перекопский хан, молдавский господарь, ливонский магистр, послы византийского императора. Но послы Сигизмунда, архиепископ магдебургский, венгерские магнаты Петр Юрга и Вовренец Гонревер, опатовский князь Премко не приехали и не привезли корону. Узнав о польских заставах на границе, они остановились во Франкфурте-на-Одере. Вместо этой короны поляки предложили Витовту польскую корону, которую готовы были сорвать с головы Ягайлы. Витовт отказался: «Взять себе корону польскую, которая принадлежит моему брату, — это дело оскорбительное и нестоящее. Это было б, в моем понимании, наибольшим уроном моей славы, если бы забрал корону с головы брата при его жизни и возложил на свою голову». Ему было понятно, что после его смерти корона перейдет сыну Ягайлы. Политическая комбинация просматривалась ясно: согласившись, Витовт становился номинальным королем, а точнее хранителем польской короны.

«Ягайло при жизни уступает мне свою корону, — делился он своими мыслями с великим магистром, — удивляюсь, могу ли этому верить? Не думаю, что искренне. Владислав хочет только задобрить меня».

А Витовт хотел, чтобы Великое Княжество Литовское стало королевством, и это было бы достойным венцом его жизни.

Известие о том, что корону задержали во Франкфурте и ее не привезут в Вильно, ударило Витовта прямо в сердце. Князь не утерпел и взмолился к Ягайле: «Не из-за власти ищу я короны, но весь свет знает о моих ее поисках и я не могу же отказаться теперь от этого без великого для себя позора. Поэтому сделай мне это утешение в последние мгновения моей жизни». Ягайло молчал. «В таком случае, дай мне корону на три дня, на день, на час, клянусь, что сразу же ее сложу». Ягайло попрежнему молчал. Его молчаливое вероломство было настоящей мукой для израненной души Витовта, ибо унижало его достоинство, низводило на нет все им сделанное. И только тогда, когда Витовт занемог и стало понятно, что дни его сочтены, Ягайло согласился на коронацию.

С каждым днем князь терял силы. И на смертном одре мечтал Витовт о королевской короне и со слезами просил у Ягайлы: «Слаб я, не имею надежды выздороветь, но хотел бы перед смертью мою и моей любимой жены головы увенчать королевскими коронами, которые до этого могли заслужить у короля, господина и брата моего наймилейшего и у дорогой отчизны моей. Если же меня смерть в этой болючей болезни обминет, сложу и верну корону в королевскую руку и до скону буду жить в монастырском покое и уединении». И этого крика отчаяния не услышал Ягайло. Вопрос о короне он передал на рассмотрение польскому сенату. А тот ответил Витовтовым послам: «Витовт достоин почетнейших урядов, даже самой короны, но без нарушения мира и насилия присяги, раз данной, достигнуть этого не сумеет. Советуем мы ему больше не желать ее, ибо, как и сам понимает, кроме позора, унижения и вечной неславы в будущем не может получить, а на Литву и Польшу накличет ужасные беды».

Чувствуя приближение смерти, Витовт сказал Ягайле: «Видишь, найяснейший король и дорогой брат, что приходит последний час и что через несколько дней вынужден покинуть этот свет и тебя. Поэтому Великое Княжество Литовское, над которым правление держал из твоих рук, возвращаю тебе. Ты правь им сам или через посредство какого-нибудь достойного мужа. Жену мою и прелатов, князей и панов, тут присутствующих, и иных, которых тут нет, доверяю твоему найяснейшему достоинству. Прошу тебя позаботиться о них, придерживаясь данных им мною прав и дарений. Прошу тебя очень покорно, как могу, добром, прости мне мои выступления давние против тебя и то, что теперь задевал тебя по поводу моих стараний о короне». Видимо, Витовт передумал много на смертном одре и мысленным взором окинул прожитые годы. Хотел покинуть этот свет с чистой душой, вот и покаялся перед братом, которому доставил немало огорчений. Заботила Витовта и судьба Великого Княжества Литовского. И чтобы избавить его от потрясений междоусобных войн, за великокняжескую власть передавал свое государство Ягайле, надеясь на его благоразумие. Не своему брату Сигизмунду Кейстутовичу, человеку подозрительному и лишенному широты мышления, не горячему и необузданному Свидригайле Ольгердовичу,

который мог раскачать державную ладью, бросаясь в крайности. Он покидал огромное и сильное государство и хотел, чтобы наследник сохранил величие сделанного им. Странно, но именно его неприятель-союзник был тем, кто мог достойно продолжить эту миссию. Сдержанный и осмотрительный Ягайло не ввергнет Великое Княжество в пучину войн и внутренних потрясений.

Осмысливая прожитое, Витовт понял важную для каждого христианина истину: «Раньше, веря в другие догмы, эту считал я для верования тяжелой, но теперь не столько уже верой, но и умом охватываю, что каждый человек воскреснет после смерти и за свои дела получит соответствующую плату». Может, это прозрение было для Витовта дороже королевской короны. 27 октября 1430 года он умер в родных Троках.

«Величие Литвы было им создано и с ним сгинет», — определил жизненный итог Витовта хронист Ян Длугош. Он же и дал характеристику Витовту. «Возмужав, взял он на себя всякие труды, делил время на решение публичных и личных дел так, что даже самую меньшую частичку дня не тратил зря. При решении судебных постановлений на жалобы, принесенные поданными, был таким усердным, что, если дело этого требовало, выдавал постановления и ответы за столом дома и во время путешествия, решал справедливо тем, кто просил. Этим одним заслужил у своих подданных большой почет своему имени. Против его власти ни люд, ни шляхта литовская не имели смелости противиться и отважиться. Если выпадало когда отдохнуть, то ехал на охоту или играл в кости. Но мало увлекался этими забавами, ибо считал, что глуп и недостойный тот князь, кто, увлекаясь охотой, запустил государственные дела. Связывали его очень доброжелательные отношения с купцами. Пользуясь их помощью, приобрел для своей казны множество очень ценных вещей золотых, серебряных, дорогих камней, тканей, мехов и иных сокровищ, с помощью которых оказывал потом свою широкую благородность. Хоть в еде был умеренный, как и в питье. Всю жизнь не употреблял ни вина, ни меда, но пил только чистую воду.

Среди людей нашего времени было широко принято мнение, что никого из современных правителей нельзя сравнить с Витовтом, что ни один из них не превосходит его ни щедростью, ни умелыми действиями. Он первый славой свершенных дел и прозвучавших эхом своих деяний вынес на свет и осветил прозябающую в тени бедную и несчастную свою отчизну, которая при следующих князьях не имела подобного величия.

Был он суровым к своим подданным, не прощал им никаких погрешений без наказания . От его внимания не могло уйти никакими способами укрываемое преступление. К гостям относился доброжелательно и приятно. Своих державцев и чиновников карал и лишал имущества, которым они обогатились при взимании дани, а также грабежом».

И последующим поколениям Витовт представлялся славным и великим. «Невозможно рассказать о силе и храбрости его», — писали о Витовте в XVI столетии. Жители Великого Княжества желали жить так, «как было за великого князя Витовта». При возведении на велико-

княжеский престол великий князь присягал править «по правдивому... Витовтовому обычаю».

И в народных преданиях он предстает легендарным героем, королем-богатырем, который в тяжелые времена поднимается из могилы и помогает людям.

Воспевал деяния Витовта поэт Николай Гусовский в своей знаменитой поэме «Песня о зубре»:

Годы княжения Витовта названы веком
Самым прекрасным совсем не за то, вероятно,
Что возвышала правителя бранная слава.
Нет же, скорее за то, что превыше
Богатства и счастья
Ставил он духа богатство и благовейно
С верой глубокою чтил всемогущего Бога.
Первый с народами княжества приняв крещенье,
Все заблуждения в вере былой осудивши.
Он истуканов язычества жег и построил
Храмы всевышнему господу. Благочестиво
Жаловал землями и состоянием он духовенство.

СВИДРИГАЙЛО
(1430—1432)

Всю жизнь он стремился к венцу великого князя. Фатальный рок преследовал Свидригайлу. Но он не желал смириться с ролью удельного князька, но хотел быть правителем государства.

В юности Свидригайло был горячим приверженцем Ягайлы, его верным помощником. Именно его в 1382 году Ягайло, сидевший под «сторожей» в Кревском замке, отправил в Ригу просить помощи у крестоносцев. Эта дорога позже станет для Свидригайлы привычной.

После того как Ягайло вернул себе власть в Великом Княжестве, Свидригайло, тогда еще двенадцатилетний отрок, находился при великокняжеском дворе. Понятно, что никаких государственных дел он не исполнял. Когда в 1386 году Ягайло уехал править в Польшу, Свидригайло вместе с мате-

Свидригайло. Гравюра из книги А. Гвагниньи «Хроника Европейской Сарматии».

рью Ульяной перебрался жить в Витебск. Ему так и не досталось вотчины. От этого было ему обидно, и он невзлюбил старшего брата. Да и тот, видимо, недолюбливал Свидригайлу, ничем его не привечал. Тогда Свидригайло громко заявил о себе.

В 1393 году умерла княгиня Ульяна, и Ягайло отдал Витебск своему любимчику ловчему Федору Весне. Такой несправедливости Свидригайло не стерпел и отправился в Ригу искать правды у крестоносцев. Орден помог. И вот Свидригайло с отрядом крестоносцев захватил Витебск, причем витьбичи поддержали его. Вся Витебская земля перешла на сторону Свидригайлы. По его приказу Федора Весну сбросили с замковой стены, он сломал шею и умер.

Разгневанный Ягайло прислал великому князю Витовту письмо с просьбой отомстить Свидригайле за «иже бы его жалости месть сътворил». С особенным старанием взялся Витовт за это дело — не упустил возможности расправиться с еще одним Ольгердовичем. На помощь Витовту пришел полоцкий князь Скиргайло. Витебское княжество было обречено. Первыми сдались Витовту друцкие князья. Попробовали сопротивляться оршанцы. Два дня они отбивали вражеские приступы, но потом сложили оружие. Четыре недели Витовт обстреливал из пушек витебский Нижний замок. После штурма замок пал. Свидригайло и его сподвижники спрятались в Верхнем замке и защищались, пока не закончились продукты. Тогда Свидригайло сдался. Так рассказывают белорусские летописи.

Из «Хроники» Яна Длугоша известно, что в том же 1393 году Свидригайло сбежал в Пруссию и летом 1394 года участвовал в походе крестоносцев на Вильно. По свидетельству Длугоша, Свидригайлу «сопровождало немалое число литовских и русских перебежчиков». Таким образом, Свидригайло в борьбе с Витовтом применил его же тактику. Орден охотно использовал беглеца «под видом оказания поддержки Болеславу-Свидригайле, а на самом деле с целью завладеть страной», как справедливо заметил Длугош. Но этот поход был неудачным. Приверженцев Свидригайлы в Вильно Витовт раскрыл и казнил. Потеряв надежду захватить Вильно, магистр снял осаду и вместе со Свидригайлой возвратился в Пруссию. Вероятно, князь понял, что великокняжеский престол ему не завоевать, надо было удовлетвориться малым. С помощью ливонских рыцарей он и захватил Витебск, но, как видим, не удержал его за собой. И судя по свидетельству Длугоша, эти события произошли в конце 1394 года или в начале 1395 года.

До 1396 года Свидригайло провел в «почетном плену» на Краковском дворе, пока Ягайло не освободил брата, но никакой волости ему не дал. Свидригайло решил вновь добыть себе Витебск, и на этот раз ему помогли ливонские рыцари. С крестоносцами Свидригайло пришел из Ливонии к Витебску. Видимо, любили витьбичи мятежного и неспокойного Свидригайлу, ибо открыли перед ним замковые ворота и признали своим князем. И удивительно, что его, католика, променявшего православие* на католичество, принял православный люд. Любили его,

* В православии он имел имя Лев, а в католичестве — Болеслав.

вероятно, за то, что он «имел великодушную натуру», как писал о нем Ян Длугош, и благоволил к православным.

Витовт повел войско на Витебск. И вновь витьбичи отчаянно защищали свой город. После тридцатидневной осады штурмом был взят Нижний замок. Защитники отступили в Верхний замок. Там собралось много народу, и Свидригайло решил вывести людей из замка. Пока они покидали замок, воины Витовта ворвались в открытые ворота. Витовт казнил Свидригайловых сподвижников, а самого князя отправил в кандалах в Краков. На этот раз Ягайло «утешил» брата, дав ему Новгород-Северский и Восточное Подолье. Свидригайло поклялся в верности великому князю литовскому Витовту. Как его вассал, он принимал участие в 1399 году в битве с татарским войском на реке Ворскла. В этой битве он отличился смелостью и смертельно ранил хана Золотой Орды Темир-Кутлуя. В свите Витовта он ушел от татарской погони и спас свою жизнь.

Но все же не успокоился: он мечтал быть великим князем. Тем более, что после поражения на Ворскле власть Витовта в государстве ослабла. В 1402 году во время свадьбы Ягайлы с Анной, дочерью графа Тилии Вильгельма, Свидригайло, переодевшись купцом, убежал из Кракова в Пруссию. В своих обещаниях Ордену он не скупился — отдавал ему Жемайтию и Полоцкую землю, только бы выпросить помощь. И он ее получил. 2 марта 1402 года Свидригайло заключил договор с Орденом — очередной акт предательства. Вновь по его желанию должна была проливаться кровь в Литве.

Около 40 тысяч крестоносцев во главе с великим магистром Конрадом фон Юнингеном в июле 1402 года выступили на Вильно. Свидригайло более надеялся на своих сподвижников в городе, но их заговор раскрыл Витовт и казнил заговорщиков. Печальный опыт предыдущих штурмов виленских замков не обнадеживал, и великий магистр обошел столицу, дав крестоносцам показать свое «мужество» в грабеже мирных поселений Ошмянского края. После возвращения из похода Свидригайло получил от Ордена замок Бислак, где он мог принимать своих приверженцев. Участвовал Свидригайло в походе крестоносцев и в январе 1403 года, когда они опустошили Виленкий край и увели в неволю тысячу человек. Но вновь он был разочарован и поэтому принял предложение Витовта помириться.

При посредничестве Ягайлы Витовт помирился со Свидригайлой и получил во владение свои прежние земли — Новгород-Северский, и Восточное Подолье, и еще Западное Подолье. Но и теперь Свидригайло был недоволен и нашел себе нового союзника — московского князя Василия. В 1408 году он в сопровождении свиты православных князей и бояр (в том числе и менского князя Урустая) отъехал в Москву. Василий щедро одарил Свидригайлу, дал ему Владимир, Переяславль, Юрьев Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломенского княжества. Во время нашествия Едигея в 1409 году проявил трусость. Никоновская летопись и укоряет его за это. «А гордый князь Съшвидригайло съ храброю его Литвою нигде ни мало с иноплеменникы победишася». После

того позора оставаться на Руси было невозможно. То, чего не сделал Витовт, сделал эмир Едигей — сломил силу Свидригайлы, и ему ничего не оставалось, как возвращаться в Литву на милость своего противника. «Тое же осени князь Съшвидригайло Олгердовичъ, внук Гедимановъ, егоже вси въязносяща глаголаху богатырьство и удальство и мужество велико въ победахъ, и отъ Едигеевыхъ Татар утомился зело, бегал, и своею храброю Литвою, а славный град Русский Володимерь, и Переславль, и Коломну, и иныхъ множество градовъ, и волостей, и селъ, и угодей, — и что много глаголати? — мало не половину всего княжениа Московского дрьжаль за собой, а победы на Агаряны не показал нигдеже, а едучи паки къ себе въ Литву, пограьилъ градъ Серпуховъ и опустошилъ, и отъиде во свояси со многимъ богатствомъ», — с укором и насмешкой пишет о «подвигах» Свидригайлы Никоновская летопись. Витовт заточил мятежного князя в Кременецком замке и бдительно стерег его там. Стало известно о новом договоре Свидригайлы с Орденом, заключенном 2 октября 1409 года. Вот Витовт благоразумно и дал ему посеять новую смуту в крае.

До 1418 года Свидригайло находился в неволе. Только он понадобился оппозиционным Витовту, князьям Федору Острожскому и Александру Пинскому. Они захватили Кременецкий замок и освободили Свидригайлу: Подолье поклялось Свидригайле в верности. Не имея возможности в открытую победить Свидригайлу, Витовт взял под стражу его жену, рязанскую княжну Анну, ибо боялся, что, «когда Свидригайло встретится со своей женой, то все Княжество Литовское покорится ему», — как доносил великому магистру рагнетский командор и, видимо, реально оценивал положение в стране. Неукротимость Свидригайлы прибавила ему приверженцев, особенно среди православных. Тем более у него был сильный союзник — рязанский князь. Но Свидригайло больше надеялся на иностранную помощь. Он поехал в Костанц, оттуда списался с Орденом и Сигизмундом I. Никто не захотел помогать князю-неудачнику. Свидригайло вновь помирился с Витовтом и получил от него Чернигов и Трубчевск.

До смерти великого князя Витовта в 1430 году Свидригайло тихо жил в своем уделе. То, что не удалось ему оружием, делал хитрой дипломатией. «Великой щедростью и пьянками он добыл себе симпатии богатых, особенно русинов, ибо, хотя был сам католиком, показал великое расположение к их вере», — писал о тактике Свидригайлы хронист Ян Длугош. Цель у князя была одна — объединить возле себя православных князей и бояр, и поэтому обещал им, что когда он станет великим князем, то будет содействовать их вере и по их совету будет править.

После смерти Витовта сторонники Свидригайлы заняли Вильно и Троки и объявили его великим князем. Перед их выбором не устоял Ягайло. Король, жалея брата, который был в «нищенском положении, бросаемый разными бурями», не спрося совета ни королевской, ни великокняжеской рады, признал Свидригайлу великим князем литовским.

Каким был по натуре Свидригайло, пишет Ян Длугош: «Он любил пьянствовать и забавляться, натуру имел великодушную, но изменчивую и порывистую, умом и способностями не отличался, не было в нем

рассудительности и уважения, часто поддавался бешеному гневу, настроение менялось у него под дуновение ветра, ибо в нем вечно боролись разные и противоположные чувства». Длугош был прав: поступки и действия Свидригайлы свидетельствуют о его неуравновешенном характере. На это указывал и Збигнев Олесницкий: «Этот князь не прислушивается к разуму, ибо не отличается умом, но делает то, к чему тянут его слепые чувства». С такими качествами не только править, но удержать власть в стране тяжело.

Свой крутой нрав Свидригайло показал сразу. Осадил своими людьми Вильно, окружил себя православными феодалами и чувствовал себя самодержцем, хотя еще и не коронованным. А Ягайле он грозно напомнил: «Ты меня, король, с князем Витовтом пленили, связали и девять лет держали связанного в тяжелых кандалах. Теперь пришло время, когда с Божьей воли ты попал в мои руки. Теперь я могу отдать тебе полностью то же самое и отомстить на твоей голове мои обиды». Ягайло знал неукротимый характер брата, но попробовал остудить его: «Останови гнев, дорогой брате, благодаря Божьей доброте и моему великодушию получил ты столицу, то забудь про всякие давния обиды». Свидригайло не забыл. Жил Ягайло под его строгим надзором, вроде и вольный, а вместе с тем невольник. Свидригайло задерживал королевских послов, отбирал у них грамоты. Король оказался в изоляции.

4 декабря 1430 года в Виленском соборе Св. Станислава в присутствии Ягайлы Свидригайло короновался на великого князя. Но Свидригайло мечтал о королевской короне. Своему послу к императору Сигизмунду I Свидригайло дал инструкцию ответить на вопрос, желает ли великий князь стать королем: «Когда это Вашей императорской милости нравится и когда пожелаете послать князю корону, то тот охотно ее примет и будет за это благодарен, пока живет, как сын своему отцу и как слуга своему господину, как сам лично, так и бояре и шляхта литовская». Как видим, Свидригайло продолжил политику Витовта, направленную на достижение полного суверенита Великого Княжества и превращение его в королевство.

С приходом к власти Свидригайлы феодалы-католики оказались на задворках власти. Краковский епископ Збигнев Олесницкий жаловался кардиналу Юлиану Цезарини, что Свидригайло во всем слушается «русских схизматиков» и раздает им все важнейшие уряды и замки. Встревожились и поляки. Свидригайло сразу после коронации заявил Ягайле, что разрывает унию с Польшей и не собирается клясться ему в верности и подчиняться. Он — правитель волею Божией и по наследству от предков. Поэтому Свидригайло и сказал своим приближенным: «Я не с его ласки (Ягайлы), но с Божией и по праву природного моего Великий князь; имею теперь время отомстить ему за давние обиды, но пускай будет благодарен, что я до этого почитаю и уважаю его просто, как старшего брата и короля польского».

В ответ поляки захватили Западное Подолье. Узнав о нападении поляков, Свидригайло вскипел гневом, схватил престарелого Ягайлу за бороду и чуть не вырвал ее. «Брате милы, для чего ты землю Подоль-

скую держишь, отчыну той земли Литовское: верни мне яе, а естли бы не хотел вернути яе мне, я тебя з Литвы не выпущу». Ягайло ответил: «Брате милы, я Подольское земли у тобе не отнимаю, але ест братанка наша, отчычка той земли Подольское, княгиня Зофия Жедывидовна, князя Митка Зубревицкого жена, которая з мне у опеку полецалася, яко стрыеви своему и обороны, ино ачколвек я ее держу, а вет же пожитки вси на себе берет». А потом со слезами начал стыдить Свидригайлу: «Брате милы, ты мне брат молодши, а я тобе как отец, а ты мне такую легкость и соромоту вчынил, ижесь ты мне, брату свояму старшому, як отцу свояму, смел то вчинити и к бороде моей кинулся, чого было тобе не годилося чынити надо мною, над старшым братом, а ящче над помазаником божым, таким господарем хрысцианским, славным королем, и смел у везене всадить, а так розумею, иж ты того не вчынил з радою своею, але то учынил з розуму своего». Но Свидригайло не разжалобился и приставил к Ягайле стражу. Сам папа римский Мартин V в булле к Свидригайле просил освободить польского короля. «Сочувствуя тебе с отеческой милостью, желая избавить твою душу от пут такого большого греха и стереть с твоего имени пятно такой неславы, просим твое благородство, доверься, несмотря на титулы, святому послушанию, которое должен нам проявить, как представителю Иисуса Христа, чтобы с покорным сердцем простить твоего брата принесенные ему обиды, вернуть ему прежнюю вольность, чтобы вернулся с ним, как надо, к ласке, любил его как брата и почитал как короля». Но для Свидригайлы важно было сохранить в целости свое государство. Ягайло по-прежнему находился под стражей. Король попробовал склонить на свою сторону великокняжескую раду и посоветовал «взять за господара собе брата моего старшого Жыгимонта, брата рожоного великого князя Витолта». Предложение не приняли, но Ягайло от своего намерения не отказался. Он решил действовать хитростью и обещал Свидригайле вернуть Подолье. И Свидригайло помирился с братом, одарил его дорогими подарками и отпустил в Польшу.

Как только Ягайло приехал в Польшу, то сразу же собрал в Сандомире сейм, на котором заявил, что не признает Свидригайлу великим князем, ибо Великое Княжество навсегда присоединено к Польскому королевству. Королевские послы передали Свидригайле, что Ягайло сделал это с целью привести его к трезвой рассудительности. Свидригайло ответил прямо: «Ни Луцка не соступлю, ни Подолье отобрать не дам. Объяснений ваших не требую: потому что по праву наследственному держу Великое Княжество Литовское, а не с чьей-нибудь ласки». Но поляки так и не признали его великим князем, они арестовали его уполномоченных, приехавших принять у них подольские замки.

Теперь Свидригайло был полон решимости «договориться с императором Римским и с его согласия сделать что-то ради уничтожения гордости поляков». Он, заключив союзные договора с Орденом, Ордой, Чехией, чувствовал себя вполне уверенно. Польским послам Свидригайло самоуверенно сказал: «Все, что делал и делаю, правильно и по праву поступаю». Стоило только послу Бржескому заикнуться о требовании

Ягайлы отправиться в Краков для принесения присяги верности, как Свидригайло вскипел и ударил его в ухо, и тот вылетел за двери.

Наконец Свидригайло расстался с пустыми надеждами мирным путем отстоять независимость Великого Княжества. На совете со своими сподвижниками он решил готовиться к войне с Польшей. Когда про это стало известно на краковском дворе, там начался переполох. Тут же решили послать к Свидригайле новое посольство и попытаться любым способом отговорить его от войны. Поехал в Вильно все тот же Бржеский. На этот раз ему еще больше не повезло. Свидригайло и слушать не стал посла, вновь ударил его по уху и приказал бросить в темницу.

В марте 1413 года (хотя войну поляки объявили только 4 июля) польское войско двинулось на Восточное Подолье к Брацлаву. Следом выступил на Волынь Ягайло. Как писал Ян Длугош, «хуже смерти» была эта война для Ягайлы. Как только польское войско подходило к какому-нибудь городу, король тайно посылал туда гонцов с известием об опасности. Поляки оставляли после себя сгоревшие деревни и разграбленные города. Об этом Свидригайло писал великому магистру: «...и на пути своем в селах делали нашим подданым великий вред, насилие и неслыханную жестокость». Первой жертвой этой войны стал Городло, где когда-то была подписана Городельская уния. Поляки «опустошили совсем», по словам Свидригайлы, этот городок. После взяли Збараж и Владимир. Люди убегали из деревень в леса и прятались там от врагов, много умерло от голода и болезней. Против Ягайлы выступил лично Свидригайло. Он приехал 31 июля под Луцк, где стояло польское войско, на встречу с Ягайлой, но не застал его. Несколько польских хоругвей переправились через Стырь и напали на стоянку Свидригайлы. Великий князь вынужден был бежать. В плен попали его маршалки Ян Гаштольд и Румбольд Велимонтович.

Распространился слух, что Свидригайлу убили. Узнав об этом, король Ягайло очень жалел брата и чувствовал свою вину перед ним. По словам хрониста Яна Длугоша, король Ягайло «желал бы собственной смерти, чем низложить брата с Великого Княжества». Но Свидригайло был жив и руководил действиями своих войск. На помощь ему пришли татары хана Улуг-Мухамеда.

Тогда поляки использовали испробованный способ — устранить Ягайлу, а на королевский престол посадить Свидригайлу при условии сохранения Виленско-Радомской унии. Через освобожденных из плена Гаштольда и Румбольда Свидригайло узнал о предложении поляков и раскусил их замысел. Он отказался.

Пока поляки стояли под Луцком, в Польшу ворвались прусские крестоносцы. Ягайло поспешил заключить со Свидригайлой перемирие, которое обещал превратить в вечный мир. За поляками оставались захваченные ими подольские города: Каменец, Смотрич, Скала и Червонгород. Заключенное 6 сентября 1431 года перемирие было политической ошибкой Свидригайлы. Он не использовал выступление союзного Ордена и не продолжил войну с Польшей. Не зря крестоносцы настаивали, чтобы Свидригайло не мирился с Ягайлой, объясняя ему,

что тут кроется измена. Но он не хотел верить до того времени, пока позже не убедился в этом сам: «...ибо миром при Луцке устроил он свое несчастье и от этого произошло все его зло», — считали крестоносцы.

Действовать Ягайло решил через папу римского Евгения IV и просил его снять клятву верности с подданных Свидригайлы. Збигнев Олесницкий с тревогой предупреждал папу: «Князь Свидригайло во всем советуется со схизматиками и жену взял по их укладу жизни: так знайте, литвины, которые теперь католики, хотели его склонить к согласию с нами, то русины имеют через дело и волю этого князя власть большую, чем литвины. Не допускайте этого, ибо боюсь, чтобы обряд и власть литвинов не упали. Схизматики все важнейшие замки и уряды в своих руках держат, чего не было при жизни Витовта». Польский посол Фашкер, которого Свидригайло называл «главной пружиной всех ссор и войны между ним и королем», рассказал папе о «жестокостях» крестоносцев и язычников (так были представлены литвины). Папа так разгневался на Орден, что не захотел слушать объяснений орденского представителя.

На Базельским соборе обнародовали грамоту, в которой Орден укоряли за союз с Великим Княжеством. Стремясь разорвать этот союз, поляки не желали допустить орденских дипломатов на сейм в Парчев, где должны были утвердить мир между Польшей и ВКЛ. Свидригайло настаивал на участии Ордена в заключении мира. Магистру он писал: «Не сомневайтесь в нас, ничто на свете не сможет разлучить нас с вами, мы с искренностью готовы всегда и во всем помогать вам». Без участия Ордена Свидригайло отказался заключать с Польшей мир. Осталось единственное — убрать с великокняжеского посада Свидригайлу. В Краков из Стародуба был вызван брат Витовта Сигизмунд Кейстутович, а в Литву приехал искусный интриган Лаврентий Зарембо.

В. Стаценюк. Древний Полоцк. Реконструкция. XX в.

И в самом Великом Княжестве против Свидригайлы сложился заговор среди феодалов-католиков. В центре заговора был князь Семен Гольшанский, брат жены Ягайлы — Софии. Он, по словам Свидригайлы, и «подбунтовал Сигизмунда и подучил». Против великого князя были дворный маршалок Ян Гаштольд, новогородский наместник Петр Монтигирдович, киевский князь Олелько Владимирович, родственник Витовта по материнской линии, великий маршалок Румбольд Валимонтович, даже виленский епископ Матфей. Свидригайло не подозревал об грозящей опасности и занимался государственными делами.

А Сигизмунд Кейстутович согласился быть великим князем и уступал Польше за помощь земли Подолья, Волыни и Киев. В середине августа 1432 года Сигизмунд Кейстутович в сопровождении польского отряда тайно вступил в Великое Княжество.

Великий князь Свидригайло в это время ехал по делам в Полоцк, по дороге он остановился в Ошмянах. Когда заговорщики во главе с Зарембой в ночь на 17 августа подошли к Ошмянам, предупрежденный трокским воеводой Яном Монивидом Свидригайло убежал с 14 человеками, покинув в местечке беременную жену. Он отправился в Полоцк, где его охотно поддержало б православное население.

Сигизмунд Кейстутович занял Вильно. Дворный маршалок Гаштольд сдал ему город. Во всех городских храмах была зачитана папская булла, которой папа освобождал Свидригайловых подданых от присяги ему. Сигизмунд обманул их, объявив, что Свидригайло умер.

Вильно, Троки, Ковно, Жемайтия, Менская земля признали власть Сигизмунда. Берестье и Городно он взял силой после долгой осады. «Весь народ литовский охотно согласился признать Сигизмунда из-за слабостей Свидригайловых; ибо воевода Гаштольд (стал вместо Юрия Гедговда, сохранившего верность Свидригайле. — *Авт.*) и предводители сказали новому великому князю, что Свидригайло не уважал христианство и ослаблял его, что даже жене своей позволил жить по личной ее воле», — писал великому магистру Паулю фон Росдорфу орденский шпион Войгт. То же самое доносил в Орден и другой шпион — Ребенц: «Свидригайло каким-то образом сам это заслужил, потому что по любви к жене и к русинам унижал веру римско-католическую и начал проявлять более приверженности к вере русской: обдирал литвинов, обогащал русинов».

Русины же и поддержали Свидригайлу. В Полоцке православные феодалы объявили его великим князем русским. Вся Восточная Беларусь, Волынская и Подольская земли, Киев, Чернигов, Путивль, Новгород-Северский, Трубчевск, Стародуб, Серпейск, Тула, Курск, Вязьма, Смоленск, Оскол, Пинск сохранили верность Свидригайле. Государство распалось на Великое Княжество Литовское и Великое Княжество Русское. Ягайло, зная неукротимый характер Свидригайлы, понимал, что тот не смирится со свержением и начнет войну. Тем более Орден оставался верным союзу со Свидригайлой. Ягайло хотел предложить Сигизмунду уступить Свидригайле русские земли. Остеродский командор советовал великому магистру попросить Свидригайлу не слушать Ягайлу: «Король с характерной ему хитростью легко может завлечь его,

представив то, что все случилось со Свидригайлой, — ему не нравится, и что он по-братски готов уступить ему Русские земли с тем, чтобы он спокойно владел ими и не был доведен до крайности. Когда же Свидригайло согласится, то это приведет его к гибели. Вероятно, но, как обычно, не сдержит своего слова. Пускай гросмайстер* прочитает все летописи, и он, возможно, не найдет ни в одной из них, чтобы поляки хранили когда-нибудь данное ими слово». В Литву Ягайло не поехал, понимая, что ни Сигизмунд, ни Свидригайло не согласятся с его предложением. Он был прав: Сигизмунд рассматривал Русские земли как владение ВКЛ, а Свидригайло горел желанием вернуть себе великокняжеский венец. Многие литвинские феодалы, узнав, что он жив, приглашали его в Литву взять «наследство отца».

Свидригайло начал войну против Сигизмунда Кейстутовича. Орденский шпион Ганс Балг доносил магистру: «Вся земля литовская против поляков, и простолюдины говорят, что они покорились Сигизмунду, не зная, что Свидригайло жив, многие жители, покинув жен и детей, стекаются к Свидригайле». Война длилась с 1432 по 1439 год. (Более подробно об этой войне рассказано в главе о великом князе литовском Сигизмунде Кейстутовиче.)

Свидригайло в 1439 году бежал в Молдавию, жил при дворе молдавского господаря Ильи и получил от него в держание земли в Покутии возле Тлумича. После смерти Сигизмунда в 1440 году великим князем избрали Казимира Ягайловича, и Свидригайло смирился со своей несчастливой судьбой. В 1445 году Свидригайло признал себя «верным слугой великого князя Казимира», за что получил во владение Волынь с Луцком, Гомель, Давид-Городок, а его жена Анна Рязанская — Здитов, Городок и Дворец.

До конца своей жизни Свидригайло княжил в Луцке на Волыни. В 1452 году, 10 февраля, Свидригайло умер. Свои владения он передал по завещанию Великому Княжеству Литовскому, и этот дар, видимо, был единственным добрым делом, которое сделал Свидригайло для своей родины. Следует отметить, что война Свидригайлы за независимость Великого Княжества сорвала планы поляков присоединить его к Польше. Оказалось, что честолюбие Свидригайлы спасло Великое Княжество от падения.

СИГИЗМУНД КЕЙСТУТОВИЧ
(1432—1440)

За всю историю Великого Княжества Литовского, Русского и Жемайтского не было такого одиозного правителя, как Сигизмунд Кейстутович. 24 октября 1432 года после переворота Сигизмунд, младший брат Витовта, был коронован великим князем литовским. Началось правление «жестокого и насильственного человека, убийцы собственных подданных, который много невинных людей разными мучениями лишил

* Магистр.

жизни», — так оценил его правление не менее жестокий человек великий магистр Пауль фон Росдорф.

Волей исторических перипетий Сигизмунд стал великим князем, это был слепой выбор истории. Ничем выдающимся не отличался Сигизмунд, не проявил ни политического, ни военного дарования. Жалкая тень великого Витовта. Если что и совершил он героического, то это согласие быть заложником за Витовта у крестоносцев. А так, получив после своего освобождения из неволи в 1405 году Стародубское княжество, тихо жил в нем и ни на что не претендовал. Редко его имя называлось в летописях, да и о чем было писать про него. Большого политического влияния Сигизмунд не имел.

Сигизмунд Кейстутович. Портрет с гравюры А. Тарасевича «Генеалогическое дерево князей Литовских». 1675 г.

О Сигизмунде вспомнили, когда поляки задумали убрать с великокняжеского посада Свидригайлу. Королевский совет вызвал Сигизмунда из Стародуба в Краков и предложил стать великим князем с условием ленной зависимости от польской короны и передачи Польше Подолья, Волыни и Киева. Сигизмунд без сомнений согласился.

Когда переворот произошел, в Кракове не скрывали радости: польский ставленник на великокняжеском посаде. Ягайло, который не одобрял переворот, 1 сентября признал Сигизмунда великим князем литовским, хотя себя по-прежнему титуловал верховным князем Литвы. Сигизмунд в Городно 15 октября 1432 года поклялся польскому посольству во главе со Збигневом Олесницким, что Великое Княжество подчинится Польше, и передал ей Подолье. После его смерти все Великое Княжество перейдет к Польше, только Трокское княжество останется во владении его потомков. Позже Городенский договор 3 января 1433 года утвердил Ягайло.

В начале правления Сигизмунда его сторонники находились в эйфории. Орденский посол Ганс Балг писал о настроении Сигизмундовых подданных: «Все они пылают ненавистью к Свидригайле и радуются, что великим князем стал Сигизмунд Кейстутович, который сразу вернул многим их былые владения и уделы. Этим завоевал он любовь своих подданых, которые единодушно восклицали: «Вот как милостиво поступает с нами господарь наш: этого никогда б не сделал Свидригайло; и мы готовы положить за него животы свои». И это было правдой: «Мы

все охотней согласимся пролить до последней капли нашу кровь, чем признаем вновь Свидригайлу», — заявили сторонники Сигизмунда.

Но, несмотря на такую поддержку, Сигизмунд не чувствовал себя уверенно, понимал, что он узурпатор. У Свидригайлы оставалось немало приверженцев, особенно среди православных. Не случайно, что довелось силой брать Городно и Берестье, а русские земли Великого Княжества вовсе не признали его власти и поддержали Свидригайлу.

Чтобы отвадить от Свидригайлы православных и «чтобы в будущем между обоими народами не было разницы или какой-нибудь неровности, которой можно наносить вред государству, чтобы все были утешены одинаковыми милостями, единодушно и согласно, с одинаковым старанием и постоянством, заботились о добре и расцвете государства, старательно и верно исполняли волю короля Ягайлы и брата его, великого князя Сигизмунда», король выдал привилей о сословном равенстве католических и православных феодалов. Православным феодалам гарантировались самостоятельное владение своими наследственными и пожалованными имениями, право жен и детей получать в наследство земельные владения, вступать в гербовые братства с католиками, но в политических правах православные феодалы не были уравнены с католическими. По-прежнему государственные уряды в Виленском и Трокском воеводствах доставались католикам, что, понятно, не могло удовлетворить православных феодалов. 15 октября 1432 года Сигизмунд в Городно обнародовал этот привилей. Но даже эта уступка не отвратила от Свидригайлы православных. Крутой нрав Сигизмунда, жестокая расправа над политическими противниками, измена интересам Великого Княжества раскрыли многим глаза на личность нового правителя. Он был только марионеткой в руках Ягайлы, который за него выдавал привилей, присвоив великокняжескую прерогативу. А за Ягайлой стояли поляки, мечтавшие покончить с Великим Княжеством и присоединить его земли к Польше. Для сторонников Свидригайлы Сигизмунд был изменником. Они приглашали Свидригайлу в Вильно взять «наследство отцовское».

Ягайло не приехал в Великое Княжество Литовское обнародовать привилей и не присутствовал на коронации Сигизмунда, как бы хотел остаться в стороне от назревавшей гражданской войны и показать, что не одобряет переворот. Встревоженный Сигизмунд послал в Польшу Яна Гаштольда просить помощи, хотя в Вильно и стоял польский гарнизон.

Свидригайло довольно быстро, за два месяца, собрал большое войско. Его составили полочане, смоляне, тверяне. На помощь Сигизмунду король Ягайло прислал войско. В октябре 1432 года Свидригайло двинулся в Литовскую землю. Против Сигизмунда при великокняжеском дворе возник заговор, но он был раскрыт. Трокский воевода Монивид и маршалок Румбольд со своими приверженцами поплатились жизнью, а жемайтский староста Михаил Кезгайло и вилкомирский староста Шедибор были брошены в заточение. Все они были не только верными сподвижниками Витовта, но и приходились ему родственниками. Тем не менее за власть Сигизмунд принес в жертву и своих родственников, и

память Витовта, предав его политику и дело всей жизни своего великого брата. Желая получить поддержку римской курии и Ордена, Сигизмунд провозгласил себя борцом за католичество против Свидригайлы, желавшего «схизматизировать» Литву. Забыл и о привилее Ягайлы о равных правах православных и католиков и готов был разжечь огонь религиозной войны.

Тем временем подольский наместник князь Федор Несвижский 30 ноября возле села Копестрин на реке Морахве подстерег польское войско и, когда оно переправлялось через реку, напал на него. Поляки были разбиты. Было освобождено Восточное Подолье. Эта победа вдохновила Свидригайлу. Он подошел к Вильно, но штурмовать столицу не стал, а отступил в Ошмяны. Дальнейшие события «Хроника Быховца» передает так: «И князь велики Жыгимонт приде з Вильни з литовской силой*, в семи тысячах. И бысть им бой месяца декабря осьмого дня в понедельник. И поможе Бог великому князю Жыгимонту, и побегли князи и бояре великого князя Свидригайловы». О сокрушительном поражении Свидригайлы пишет также польский хронист Матей Стрыйковский и называет число его потерь — 10 тысяч убитых и 4 тысячи пленных. Вместе с тем документы свидетельствуют об ином. Нет оснований приписывать Сигизмунду победу в Ошмянской битве, хотя в письме к великому магистру он и убеждает, что Свидригайло разбит и, только благодаря наступившей темноте, убежал. Но и Свидригайло приписывает победу себе и также убеждает магистра, что «он не потерял в битве и двадцать добрых воинов, и пусть неприятель хвалится успехами своими сколько хочет: против одного русского воина, оставшегося на поле, легло шесть воинов». Так что если Свидригайло и не победил Сигизмунда, зато не был разбит и по-прежнему находился в Литве, а Сигизмунд спрятался в Вильно. Только в конце января 1433 года, не дождавшись помощи от ливонских рыцарей, Свидригайло вернулся в Полоцк. Ливонские же рыцари в это время занимались привычным для себя опустошением Жемайтии, откуда вывели три тысячи невольников. Сигизмунд закрыл глаза на разбойническое нападение ливонских грабителей и сделал вид, что произошло оно по недоразумению. В письме великому магистру Росдорфу он заискивающе извиняется перед ним: «Это нападение было, как мы думаем, без твоего ведома, уже наши хотели мужественно ударить, мы их удержали, помня о существующем между нами союзе». Сигизмунду нужен был мир с Орденом, чтобы обеспечить себе спокойный тыл, и в жертву он приносил несчастных жемайтов. Тут он не был оригинальным, так поступил и Витовт. Своего он достиг. Ослабленный вторжением в Пруссию чешского войска, Орден 21 декабря 1433 года в Лельчице заключил мир с Польшей и ВКЛ, точнее с Сигизмундом и подвластной ему частью Великого Княжества. Ливонская ветвь Ордена осталась верной Свидригайле. Переменили свое отношение к Свидригайле и жемайты и готовы были поддержать его.

---

* Этой «литовской» силой, по Псковской летописи, были жемайты: «Кжигимонт скопил себе зимоиты».

На это время выпадает попытка Свидригайлы заключить перемирие. Сигизмунд утопил в реке его послов (такая же судьба ждала и его послов к Свидригайле). Утопил он послов и Свидригайлы к Ягайле, которых король выдал ему. Ни великий князь Сигизмунд, ни король Ягайло не хотели мириться со Свидригайлой. Братоубийственная война не прекратилась.

Но положение Сигизмунда было непрочным. Народ толпами бежал к Свидригайле. По сообщению крестоносцев, польский гарнизон в Вильно находился в страхе, сам Сигизмунд обезумел, боясь, что поляки оставят его. Сигизмунд не обезумел, а вот покой утратил. Может, и не представлял он, сколько тревог и забот принесет ему великое княжение. Он жестоко расправлялся с подозрительными людьми. Даже верные сподвижники и те боялись Сигизмунда. Держался он только благодаря оружию и деньгам поляков (задолжал им 100 тысяч коп грошей), поэтому понятно его унижение перед Ягайлой. «Брат ваш младший, великий князь Сигизмунд челом бьет», — так раболепно кланялся он в грамотах Ягайле, чего не позволял себе Витовт.

Второй поход Свидригайлы в Литовскую землю произошел в августе 1433 года. Напуганный Сигизмунд спрятался в глухих лесах. Свидригайло минул Вильно, подошел к Ковно и взял город штурмом. По его приказу был уничтожен польский гарнизон. Был взят замок Кранве, его Свидригайло передал ливонцам. Как выяснилось, жемайты не желали поддерживать его. Поэтому князь, обремененный «большим полоном», повернул назад. По дороге он взял Крево, сжег Заславль и Менск, «много волостей и сел поплениивши и зла не мало сотворывшы в Литовской земли», — писала «Хроника Быховца». Так оно и было, после себя Свидригайло оставлял пепел. Сигизмунд слезно жаловался в письме к Ягайле: «Земля наша опустошена по их [Свидригайло. — *Авт.*] причине, все подданные города у нас отобрал, а также мед, серебро, куницу и всякую дань. Не знаю, с чем придется до зимы жить». Удары русских полков Свидригайлы были куда более чувствительными и грозными, чем тевтонские, и если б не поляки, Сигизмунд не удержался бы на престоле.

Но и положение Свидригайлы также было нелегким. Орден и Польша заключили мир, и теперь поляки могли перекинуть на помощь Сигизмунду новые войска. А сам Сигизмунд боялся согласия между Свидригайлой и Ягайлой. Старый король, чувствуя вину перед братом, готов был помириться с ним. «Правда и горькая правда, что Свидригайло очень виноват, но моего родного брата не могу осудить, не перенести на сердце моем того, чтобы желать ему великих обид. Богу и его суду отдаюсь, чтобы исправил сердце нашего брата или неисправленного наказал. Что касается меня, то, пока живу, не перестану быть его братом и любить его как родного брата», — признавался Ягайло. Поэтому Сигизмунд и встревожился. На совете со своими сообщниками он даже заплакал: «Хочу, чтобы король нас сам покарал, когда его такая воля, чем нас ему выдал, если согласие с ним совершает. Если даже Бог хотел бы этого согласия со Свидригайлой, то мы этого не допустим, и за те

обиды безмерные, на себя принятые, отомстим, ибо земля наша через их опустошена». Месть ослепила Сигизмунда. На предложение короля помириться со Свидригайлой он ответил отрицательно. Сигизмунд готов был сражаться до победы. Он подтвердил 27 февраля 1434 года Городенский договор 1432 года с Польшей только ради того, чтобы заполучить польскую помощь. А 6 мая выдал общеземский привилей, желая «наши земли Литовские и Русские упорядочить и дела их привести в наилучшее состояние и исполнить это с Божьей помощью по мере наших сил», который уничтожал неравенство и разделение католических и православных феодалов.

Главной заботой Сигизмунда было покончить с междоусобной войной, а для этого нужно было реально наделить православных равными правами с католиками. «Желаем также, чтобы между народами этих земель не было никакого раздора или ненужного ущерба в будущем, чтобы не ухудшалось состояние названных земель, но чтобы они пользовались равными милостями и тем наиболее горячо и настойчиво стремились всегда к единению душ и помогали сохранению наиболее счастливого состояния этих земель, чтобы они наиболее верно служили и были послушны нам». Сигизмунд обещал феодалам не карать их по доносу или по тайному обвинению (прежде они должны быть изобличены в публичном суде), освободить их крестьян от государственных налогов, а сами феодалы смогут свободно владеть наследством. «Кроме того, соглашаемся и разрешаем, чтобы князья и бояре русские носили и пользовались гербами или знаками шляхетства так же, как и литвинские, но причисляются они к названным знакам через посредство литвинов после получения согласия от братьев по своей генеалогии из Королевства Польского». Подтверждались прежние грамоты, привилегии и милости, пожалованные церквам, князьям и боярам. Но вот равные права с католиками занимать государственные уряды вновь не дал православным. Такая половинчатая уступка не могла подкупить православных феодалов, сторонников Свидригайлы. Этот важный документ подписали виленский кастелян Остик, Гедыголд из Вишнева и некто Бергал Ходков из Давнельтова — люди из незнатных родов. Великий князь Сигизмунд больше доверял безродным, но преданным ему, чем родовитым, но ненадежным.

Несмотря на все предпринятые Сигизмундом шаги, казалось, фортуна отвернулась от него. 31 мая 1434 года умер его опекун — польский король Ягайло. Королем Польши стал сын Ягайло — Владислав, который «оказывал более приязни» своему родному дяде, чем Сигизмунду.

Да и римский папа Евгений IV склонялся на сторону Свидригайлы, обещавшего привести православную церковь в своих землях к церковной унии. Поэтому в своих буллах папа титуловал его великим князем. По-прежнему благосклонным к Свидригайле оставался император Сигизмунд I, называвший его «дорогим братом». Сигизмунд понимал, что время работает против него. Политическая ситуация в Европе складывалась в пользу Свидригайлы. Нужно было скорее победить своего противника. И на счастье Сигизмунду, тот совершил роковую ошибку. Узнав, что митрополит Герасим участвовал в заговоре против него, Сви-

дригайло жестоко расправился с владыкой, сжег его на костре в Витебске. Влияние и популярность Свидригайлы среди православных резко упали. А не была ли вся история с митрополитом провокацией Сигизмунда? Заговор раскрыли, и Герасима схватил бежавший от Сигизмунда Георгий Бутрим. Может, он был специально послан Сигизмундом для инсценирования заговора среди Свидригайловых сторонников? Если наша догадка верна, то Сигизмунд добился своего. Положение Свидригайлы усугублял и страшный голод, охвативший Полоцкую и Смоленскую земли. Да и во всем государстве после разорительных походов Свидригайлы наступила разруха. «И много лиха того лета учинилося во всей земле Литовской, и много пролития крови сталося, брат брата роженого убивал, и моры были сильные. О таковом страху люди старые не могут памятовати», — сообщает летописец. Обе воюющие стороны обессилели.

Встревоженный Сигизмунд жаждал быстрой победы над противником. Он лично повел войско под Витебск на резиденцию своего врага. Город он не взял и отступил назад. Единственной его удачей было пленение Свидригайловой жены. Княгиню Анну Сигизмунд заточил в тюрьму. Сам папа римский Евгений IV просил князя освободить несчастную женщину. «Самые языческие завоеватели, взяв города, жалели жен и отпускали их с почетом в свои дома: тем более обязаны это делать правители христианские», — писал в булле папа. Но Сигизмунд не послушал папу. Вероятно, польский ставленник был более жестоким, чем «самые языческие завоеватели».

Решающая битва между враждующими князьями произошла 1 сентября 1435 года возле Вилькомира. Войско князя Свидригайлы состояло из полков смолян, киевлян, полочан и ливонских рыцарей во главе с ливонским магистром Франком Керсдорфом. Командовал войском князь Сигизмунд Корибутович, бывший когда-то наместником Витовта в Чехии. Он вернулся в Литву с отрядом гуситов и примкнул к Свидригайле. Сигизмунд имел 12 тысяч поляков и отряды своих приверженцев, которые возглавил его сын Михаил Сигизмундович — как и отец, человек коварный и хитрый. И победы он добился вероломством. Свидригайло, посчитав, что размокшая от дождей местность не подходит для битвы, решил отвести войско ближе к Вилькомиру. Этим и воспользовались Михаил Сигизмундович и польский предводитель Яков Кобыленский: они напали на отходящее войско. Свидригайло не успел перестроить ряды и встретить врага лицом к лицу. А паника, начавшаяся среди воинов Свидригайлы, закончилась сокрушительным поражением. Только Сигизмунд Корибутович с гуситами, укрывшись за возами, поставленными в круг, продолжал биться. Сопротивление Корибутовича дало возможность Свидригайле с 30 всадниками убежать. Сам он в битве потерял и коня, и оружие, а если бы не убежал, то мог потерять и жизнь. Куда большие потери понесли ливонцы. «Было убито 12 тысяч человек знатных и благородных воинов. Никогда еще раньше не было в Ливонии такой потери, через что Ливония очень ослабла», — признается орденский хронист Рюссов. Теперь Свидригайло лишился последнего

союзника. Погибло множество его верных сподвижников: князья Данил Гольшанский (его отец держался Сигизмунда и был казнен Свидригайлой), Ярослав Мстиславский, Михаил Вяземский, Ярослав Тверской — и «других князей и бояр, и немец много побили». Вилькомирское поражение было катастрофой для всего Великого Княжества, но Сигизмунд этого не понимал. Он восславил братоубийственную резню, возведя на поле битвы храм. Само название селения, что возникло вокруг храма, — Побойск свидетельствует об отношении народа к кровавому триумфу Сигизмунда. Это было жестокое побоище.

Окрыленный Сигизмунд перешел в наступление. Михаил Сигизмундович шесть недель осаждал Витебск и не взял его. Сигизмунд послал новое войско на Полоцк, но и полочане защитили свой город. Зато под его власть перешли Орша, Смоленск, Брянск, Новгород-Северский, Стародуб, Киев. Свидригайло с помощью татар вернул Брянск, Новгород-Северский, Киев. Но судьба войны и самого Свидригайлы решалась на Полотчине. Великий князь Сигизмунд был настолько зол из-за сопротивления Полоцка и Витебска, что приказал утопить полоцких и витебских послов. В 1437 году полочане и витьбичи, «не видя себе ни от кого помощи», признали Сигизмунда своим правителем, который подтвердил их прежние привилегии и вольности. Для Свидригайлы это был тяжелый удар. Он еще владел украинскими землями, но, как точно заметил украинский историк Михаил Грушевский, они являлись аннексированной провинцией, властной державой были земли литовские и белорусские. Поэтому «Хроника Быховца» и указала: «И начал велики князь Жыгимонт княжити в великом княжению на Литовском и на Русском».

Свидригайло понял, что проиграл войну, и 4 сентября 1437 года признал себя вассалом польского короля, получив во владение половину Волыни с Луцком с условием перехода их к Польше после его смерти. Но Сигизмунд по-прежнему не желал мириться со Свидригайлой. «Знаю я хорошо Свидригайлу, старость его бешенства не смирила. Еще тот самый дух его оживет; даже жизнь его опасна для Литвы, когда вернется в нее, вновь страшно запылает война». Ради польской поддержки Сигизмунд 6 декабря 1437 года вновь подтвердил, что Великое Княжество Литовское после его смерти перейдет к Польше, но поляки не должны поддерживать Свидригайлу: за это был отдан Сигизмунду Луцк. Против примирения со Свидригайлой выступила перед королем Владиславом и великокняжеская рада во главе с виленским воеводой Довгердом, трокским — Лелюшем, князьями Ольгердовичами — Олелькой Владимировичем и Семеном Ивановичем Слуцким. От упоминания о мире с «клятвоотступником», по словам рады, «всем нам сердце замутилось, друг друга не видим есмо во слезах», поэтому они требовали не заключать мирного договора со Свидригайлой. Их понять можно: боялись мести Свидригайлы. Этот страх перед ним станет препятствием для Свидригайлы к возращению на великокняжеский посад.

В конце 1438 года волынские бояре перешли на сторону Сигизмунда. Сдался ему и Киев. Сигизмунд победил, но ценой уступок суверенитета ВКЛ Польше. Как оказалось позже, с таким положением

В. Романович. Трокский замок. Реконструкция. 1930 г.

он не согласился. Война со Свидригайлой показала, насколько мощное движение за самостоятельность Великого Княжества Литовского против Польши. С этим невольно надо было считаться.

Недолго правил после победы Сигизмунд. Он стал еще более подозрительным. Когда видел двух разговаривающих человек, приказывал арестовывать их. Одно слово, которое противоречило в их показаниях, могло стать смертельным приговором. Поэтому он приближал к себе безродных слуг, раздавал им имения феодалов «...и сильные окрутенства* чынил подданным своим».

Зависимость от Польши стала тяготить Сигизмунда, он желал быть полновластным правителем Великого Княжества Литовского. Теперь заявлял полякам: «Никогда мы не были ничьими подданными. Великое Княжество, пока живет людская память, никогда не было никому подвластно, и мы держим его не с рук поляков, а занимаем посад от Бога наследственным правом после наших предшественников. По смерти нашего брата вечной памяти Витовта оно по праву перешло к нам, как на правдивого наследника, и мы на этом посаде с Божьей помощью никого, кроме Бога, не боимся». Все же к решительному разрыву с Польшей Сигизмунд был не готов, более того 31 октября 1439 года он вновь подтвердил Городенский договор. Но, как оказалось, политика по принципу «и нашим, и вашим» была пагубной для Сигизмунда. Жестокий со слабым, он терял уверенность и смелость перед сильнейшим. Долго колебался, заключать ли союз с Тевтонским орденом и Священной империей против Польши, и так не заключил его.

Политика Сигизмунда не одобрялась его приближенными. Даже сын Михаил и тот был против антипольских настроений своего отца. В такой вот ситуации Сигизмунд решил созвать сейм. По государству поползли слухи, что на сейме великий князь хочет «всю шляхту выстинати и выкоренити». Против Сигизмунда возник заговор. Возглавили его виленский воевода Ян Довгерд и трокский воевода Петр Лелюш. Они втянули в заговор князей Ивана и Александра Чарторыйских и Олельку

* Жестокости.

Владимировича. 20 марта 1440 года Александр Чарторыйский и киевский боярин Скобейко привели к Трокам обоз с сеном. Под сеном на каждом возу спряталось по пять воинов. Стража ничего подозрительного не заметила и пропустила обоз в замок. Заговорщики разоружили стражу и овладели замком. Сигизмунд в это время молился в опочивальне за закрытыми дверями. Чарторыйский увидел во дворе прирученного медведя. Он не раз был свидетелем, как тот скребся в двери княжеских покоев и Сигизмунд пускал его к себе. Князь поскреб в двери. Обманутый Сигизмунд открыл двери и застыл от неожиданности. В часовню ворвались заговорщики и окружили великого князя. Растерянный Сигизмунд стоял перед ними и слушал, как Чарторыйский говорил о его преступлениях, что собирается он на сейме «всих князей и панов и весь рожай шляхецки выкоренити и кров их розлити, а псю кров хлопскую поднести». После прозвучал приговор: «Што еси был наготовал князем и паном и всим нам питии, тое ты тепер пий один». Тогда Скобейко схватил вилы, которыми поправляли дрова в камине, и ударил ими великого князя по голове. Сигизмунд мертвым упал на пол. Так закончил жизнь правитель, развязавший гражданскую войну в Великом Княжестве Литовском. Войну, принесшую опустошение и разруху державе. Из-за его политики пресмыкания перед Польшей Великое Княжество потеряло исторический шанс стать королевством.

И когда после Александра Чарторыйского приговорили к изгнанию, его брат Иван написал великокняжеской раде: «Не наказания заслуживает убийца Сигизмунда, но награды и почести: ибо убил тирана, жестокую тварь и всякого добра отчизне неприятеля, того, кто много имущества у католиков забрал, много панов мечом жизни лишил без никакой причины, который по науке вещунов все свои деяния делал, собак выше людей ценил, хлеб у подданных забирал, чтобы они быстрее умирали с голоду, и тот хлеб прятал в свои закрома; а что в закрома и склады не мог поместить, скармливал коням; которого подлость, кровосмешение, чужеложество, грабеж, мародерство происходили каждый день». И видно этими словами история вынесла Сигизмунду справедливый приговор.

КАЗИМИР АНДРЕЙ ЯГАЙЛОВИЧ
(1440—1492)

После смерти Сигизмунда Кейстутовича положение в Великом Княжестве Литовском вновь стало шатким и опасным, вновь появилась угроза гражданской войны. Сын Сигизмунда Михаил, который во время убийства отца находился на мессе в костеле в Троках, уцелел от расправы. Его сторонники удержали Трокский островной замок, Берестье, Лиду и Городно, отняли у виленского воеводы Довгерда Верхний замок в Вильно. Поэтому Михаил Сигизмундович по праву считал себя великим князем литовским и русским, о чем заявил в акте от 5 апреля 1440 года. Возможно, его и признали бы великим князем, если бы не Сви-

Я. Матейко. Казимир Андрей. 1891 г.

дригайло, который претендовал на великокняжеский престол и пользовался мощной поддержкой бывших своих сподвижников: за него были Волынь, где он княжил, Виленское и Трокское воеводства, Полоцкая и Витебская земли. Но была и третья группировка, не заинтересованная ни в Михаиле, ни в Свидригайле. В эту группировку входили влиятельные паны: Радзивилл Остикович, Михаил Кезгайло, Петр Монтигирдович, Ян Гаштольд, Николай Немирович, дядя Ягайловых сыновей, князь Юрий Гольшанский, виленский епископ Матфей. Они понимали, что воскняжение любого из двух претендентов не приведет к добру. И Михаил, и Свидригайло начнут мстить своим неприятелям, да и между ними самими может вспыхнуть война. На съезде в Гольшанах эта группа решила пригласить на великое княжение младшего брата польского короля Владислава III Ягайловича — Казимира Андрея. В Кежмарк, где в это время находился Владислав, готовясь принять венгерскую корону, поехала делегация от гольшанской группировки во главе с Андреем Довойно и боярином Рачкой. Запугав Владислава угрозой от Михаила Сигизмундовича и Свидригайлы, они добились своего.

Владислав отпускал брата править в Великое Княжество, но отпускал как своего наместника — без титула великого князя. Правда, тринадцатилетний Казимир не горел желанием ехать в Литву. Его прельстили дремучими пущами, где водилось множество зверья. Охотничья страсть отца ожила в сердце его сына. Теперь он уже был не против жить на родине своих родителей. Отпуская Казимира Андрея в Литву, король и королевская рада учили его, как правильно себя вести. «Чтобы перед Богом справедливость лелеял, единство между Королевством Польским и Великим Княжеством Литовским и любовь взаимную держал и разрушительных войн без разрешения Владислава не вел, а всегда помнил благодеяния от Королевства Польского, старался о его добре, увеличении и славе». А чтобы Казимир Андрей был послушным и не поддался влиянию литвинов, с ним в Литву приехала свита в две тысячи польских панов и шляхты. Они зорко стерегли королевича, оберегая его от влияния литвинов. Согласия на коронацию его великим князем поляки не давали.

Тогда литвинские вельможи на пиру напоили поляков и, пока те спали, утром 29 июня 1440 года короновали Казимира великим князем. Владислав III не признал брата великим князем. Вновь в Краковском

королевском дворце рождались интриги. Королевская рада во главе с Олесницким предлагала забрать Волынь и Берестейскую землю, а Подляшье отдать мазовецкому князю Болеславу, Троки оставить Михаилу Сигизмундовичу. И вот такое «урезанное» княжество передать Казимиру, «чтобы оно искало себе расширения в завоеваниях и в таком уменьшенном виде не выступило против Польши». К чести Владислава, он не поддался на уговоры советников.

Юный Казимир Андрей. Гравюра XIX в. с иконы XV в.

Воскняжение юного Казимира чуть не привело к распаду Великого Княжества Литовского. Вначале взбунтовалась Жемайтия. Жемайты выгнали старосту литвина Кезгайлу и выбрали на его место жемайта Довмонта. К бунту их подбил Михаил Сигизмундович. Он остался без отцовского наследства, без власти, но с надеждой вернуть утраченное, а может, даже стать великим князем. Вот и разжигал пламя междоусобной войны.

Я. Матейко. Владислав III. 1891 г.

Узнав о мятеже, Казимир хотел возглавить войско и повести его в Жемайтию. Ян Гаштольд, который стал воеводой трокским, начал отговаривать Казимира от войны с жемайтами и привел убедительные доводы: «Господаре княже Казимиру. Не годится тобе битися со своими подданными, бо если они тебе побиют, ино тебе господару нашому милостивому ссорам, а естли ты их побиеш, ино тебе неслава, своих подданных побитии войском. Але вчыни так: пошли твою милость им старосту подлуг их воли, Контовта, бо теперь в Жомойти Контовт племенник справует, а то их самих и того племенника своего намовит, абы земли своей не дали

Юрий Семенович Мстиславский. Гравюра из книги А. Лунина «Исторический альбом портретов известных лиц XVI—XVII вв.». 1870 г.

казить и против бы тебя, господара своего, не стояли. Бо коли ты, господар наш, з войском своим на них пойдеш, тогда землю их всю сказиш и их самих выплениш, а потом тоби, господару нашему, никоторого пожытку з них не будет». Казимир послушался Гаштольда и послал к жемайтам Коновта, который уговорил мятежников признать великого князя своим господарем. Юному Казимиру приходилось учиться правлению страной, а пока он только озвучивал решение своих советников, исполнял их волю.

Только успокоили Жемайтию, как новая беда: Михаил Сигизмундович открыто выступил против Казимира. Михаила признавали «своим господарем» города Городно, Лида, Берестье и Подляшье. По его просьбе мазовецкий князь Болеслав занял Дорогичин, Бельск и Мельник. И на этот раз спас положение Ян Гаштольд, возглавивший в начале 1444 года поход на Подляшье. Подляшские города добровольно открывали ворота перед Гаштольдом. После этого и Городенская и Берестейская земли покорились Казимиру. Михаил Сигизмундович не стал ждать трагической для себя развязки и сбежал в Москву, откуда перебрался в Польшу. Там его с радостью встретили: князь мог пригодиться в интригах против Казимира.

Спокойствия в государстве не наступало. На этот раз вспыхнул мятеж в Смоленске. Смоляне изгнали из города наместника Андрея Саковича, а маршалка Петрика утопили в Днепре и взяли на княжение мстиславльского князя Юрия Семеновича. К Смоленску присоединились Полоцк и Витебск. Ясно, что Юрий Семенович хотел создать самостоятельное государство. Под Смоленск выступило войско во главе с панами рады*, но даже трехнедельная осада не смирила смолян. Город выдержал осаду. Уже самому юному правителю довелось возглавлять войско. Смоленск сдался на его милость, и там вновь наместником стал Андрей Сакович. Юрий Семенович убежал в Новго-

---

* Высший орган государственной власти в ВКЛ, куда входили высшие служебные особы государства.

род. Но за него замолвил слово Ян Гаштольд, и Казимир вернул князю город Мстиславль. Казалось, наконец-то в государстве воцарился мир. В 1442 году князья Василий Новосильский и Федор Одоевский били Казимиру челом «в службу» и обязались служить «верно, без всякое хитрости» и «давати по старине» дань. Это было свидетельство возрождающегося могущества Великого Княжества.

Осложнениями в Великом Княжестве Литовском решил воспользоваться московский князь Василий Васильевич и помочь своему дяде Михаилу Сигизмундовичу. Он в 1444 году двинул усиленное казанскими татарами войско на Вязьму. Казимир в 1445 году послал из Смоленска на врага свое войско. Литвины не только отогнали московитов от Вязьмы, но взяли Можайск, Козельск, Верею и Калугу.

Путь в московские владения литвинскому войску преградила 15-тысячная рать. Обманным отступлением литвины заманили неприятеля в засаду. Неожиданный удар с двух сторон по флангам московского войска принес победу литвинам. Впрочем, по Никоновской летописи, против литвинского войска выступил сводный отряд можайцев, верейцев и боровцев в 260 человек. В бою под Суходровом произошла стычка, в которой погибло около 200 литвинов, после чего войско ВКЛ повернуло назад. Эти два взгляда на одно и то же событие еще раз показывают, как по-разному трактовались летописцами факты. Порой об истине можно только догадываться. В таких случаях важны результаты. Этот поход литвинов повлиял на положение в Московской державе. Казанские татары напали на нее и разбили войско Василия, который попал к ним в плен. Власть в Москве взял его двоюродный брат Дмитрий Шемяка, и вскоре он столкнулся в борьбе с выпущенным на волю князем Василием. Теперь в Москве было уже не до Литвы.

Так удачно закончились для Казимира первые серьезные испытания в государственном правлении. За широкими спинами рады юный Казимир чувствовал себя спокойно. Всеми делами заправлял трокский воевода Ян Гаштольд. Великий князь проводил дни в потехах. Пропадал в пущах, охотясь на зверя. И чуть не попал в засаду к князьям Воложинским, сторонникам Михаила Сигизмундовича. Казимир и сын Гаштольда убежали из лесов Меречи в Троки. Ян Гаштольд поднял стражу и погнался за заговорщиками. Князья Воложинские попали в плен и были казнены.

Видимо, судьба благоприятствовала Казимиру. Не прилагая усилий, он добивался побед стараниями других, а то и благодаря счастливому стечению обстоятельств. Вот и польским королем он стал по воле случая. А может, по воле политиков?

10 ноября 1444 года под крепостью Варна погиб в битве с турками король Владислав III. Поляки решили отдать королевскую корону Казимиру и таким образом восстановить унию Польши и Великого Княжества Литовского. Казимир отказался от польской короны. Даже просьбы матери Софии Гольшанской не подействовали на него. В конце 1445 года Казимир созвал в Вильно съезд князей и панов. Были вызваны князья Олелько и Свидригайло. Казимир подтвердил их права на вла-

дение соответственно Киевским княжеством и Волынью, чем смирил властолюбивые амбиции князей. Хоть Свидригайло и титуловал себя великим князем, но и признавал им Казимира. То, чего не удалось ни Свидригайле , ни Сигизмунду, сделал юный Казимир: объединил враждующие группировки и добился их единения в сохранении суверенитета Великого Княжества. Понятно, что заслуга в этом прежде всего была панов рады. На съезде говорили, что Великое Княжество не слабее Польши, которая разорена неурядицами бескоролевья, и поэтому не уступит полякам Волынь. Казимиру не нужна польская корона.

На Петрковский сейм приехали послы Казимира князья Василий Друцкий и Юрий Гольшанский и 28 апреля 1446 года они выступили с заявлением: «Казимир вошел в столицу Литовскую не как наместник от Королевства Польского, но как законный и прирожденный наследник Княжества Литовского, который после своих предков Великим Княжеством Литовским законным правом и всем в нем властвует… Великая его земля и волости, богатства и сила, величайшие государства и королевства не могут быть ему дороже. Великий князь не примет пожертвованной ему короны, но и не стерпит, чтобы на польском троне, на его отцовском крае сидел против его воли какой-нибудь иной государь».

Казимир дал понять, что рассматривает Польское Королевство как отцовское наследство и королевскую корону примет как наследник, а не избранный поляками король. А это значило, что он соглашался только на персональную унию между ВКЛ и Польским Королевством, чтобы не потерять Литву. Поляки вынуждены были признать наследственные права Ягеллонов на польский престол, но решили шантажировать Казимира, заставить его быть сговорчивым. 30 июня 1446 года они провозгласили королем мазовецкого князя Болеслава, но короновать его не спешили, а предупредили литвинов, что «вместо доброго для вас короля Казимира станет королем Болеслав, а за великого князя будет его зять Михаил, о первом знаете, что он жестокий, второго узнаете как мстителя за смерть отца».

Вот тогда литвины задумались и разрешили Казимиру принять польское предложение, но взяли с него клятву отменить Кревскую унию, сохранить и расширить территорию Великого Княжества, дать им права выбирать великого князя. Умерили свой жадный аппетит и поляки, понимая, что упрямство литвинов приведет к срыву даже персональной унии. На съезде в сентябре 1446 года в Берестье польские представители согласились на «братский союз» с ВКЛ, о присоединении к Польше уже не напоминали. Отношения между государствами Казимир трактовал как равноправные и союзные. Но с включением в состав ВКЛ Волыни и Западного Подолья поляки не согласились: эти земли они уже считали польскими. Уезжая в Польшу на коронацию, Казимир 2 мая 1447 года выдал общегосударственный привилей, ставший своеобразной конституцией Великого Княжества Литовского. Казимир за «верность уставичную почтивых, достойных, освеченых, выбраных, мудрых прелатов духовных и светьских княжат, рыцаров, шляхтичов,

бояр, местичов земель Великого княжества Литовского и Руского, Жмойтского» милостиво одарил новыми правами и льготами.

Подтверждались прежние привилеи и дары церкви. Декларировался иммунитет от «обмовления». Вина человека должна была быть доказана на суде, за «проступку» отвечает только «виноватец». Разрешалось выезжать «з наших земль...для лепшого исщаѐстиа набытья, а любо учинков рытерьских, до каждых земель, сторон, толко выменяючи, стороны неприательское». Владельцы имений могли свободно ими распоряжаться. Великий князь отказался от взимания военной подати — «серебщизны» без согласия шляхты. Сохранялись повинности для крестьян «будованье городов наших новых потребных, а старых поправления», строительства и ремонт мостов. Преступник теперь «пану своему, а не иному будет обязан заплатить». И главное: Казимир подтверждал целостность Великого Княжества. «А також обецюем и слюбуем, ижь панства нашего земель, великого князьства предреченого, не вменшим, але у границах, как же предкы были наши, на имя князь Александр, нареченный Витовт, дядя наш, и иные дръжали и володели, такожь и мы тыежь земли здорови, целы, держати будем, и володети и щитити, а с Божьею помочью и всими силами размножати будем». Города, имения, уряды должны даваться «родичам тых земель наших предреченных Великого князьства Литовского».

Король Казимир Андрей и его двор.
Гравюра XIX в. с миниатюры XV в.

25 июня 1447 года Казимир был коронован в Кракове на польского короля. Таким образом персональная уния была восстановлена.

Время правления Казимира в Великом Княжестве Литовском, Руском и Жемойтском было положительно оценено современниками. В «Хронике Быховца» отмечено: « Был велики князь Казимир сем год князем литовским, и панства вси, што к Великому Княжеству прыслухают, в целости одержал и в покои, и которые земли не хотели его послушни быть и к Великому Княжеству, и он тых всих прывернул, и вси панства впокоил».

Дальнейшая судьба Казимира — это судьба человека, оказавшегося между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, он польский ко-

роль и должен заботиться о Польше, а с другой — правитель Великого Княжества Литовского, где совсем иные интересы, противоположные польским. Нужно было иметь политическое чутье, находить компромиссные решения. Нужно было владеть собой, не горячиться, не делать глупостей. Нельзя было ожидать от слабовольного Казимира, что он будет твердо держать власть. Все больше он попадал под влияние поляков. Летописцы описывают его несчастным, пережившим немало огорчений и неприятностей, правителем.

Польские сенаторы сразу потребовали от Казимира присоединения к Польше Волыни. И он, не разжигая страсти поляков, обещал им Волынь, но не спешил исполнять свое обещание. А когда ему напомнили о присоединении Волыни, ответил, что для этого нужно согласие литвинов и он не может «во вред Великого Княжества подтвердить права Королевства Польского». Возмущенная шляхта пригрозила королю: «Отказываемся от всякого послушания, пока права и свободы Королевства Польского письменно не подтвердишь». Казимир уехал в Литву, где прожил с осени 1447 по май 1448 года, охотясь по пущам. И только его мать София Гольшанская уговорила Казимира вернуться в Польшу. На Люблинском сейме поляки начали требовать от Казимира присоединения уже всего Великого Княжества к Польше. Но встретили упорное сопротивление литвинских послов, которые настаивали вычеркнуть из акта Городельской унии артикул «О вечном соединении Литвы с Польшею». «Пускай два государства соединятся в особе одного правителя, и то, если не будут нарушены наши интересы», — заявили литвины. Поляки, наоборот, предлагали войти Литве в состав Польского Королевства на тех же условиях, что и другие польские земли, и тогда кончатся бесплодные споры между поляками и литвинами. Но послы заявили, что они не согласны на такие условия, ибо это позор — отмена титула великого князя литовского, русского и жемайтского. В свою очередь литвины требовали возвращения ВКЛ Владимира, Олесно, Ратно и Западного Подолья. Поняв, что ничего не добьются, поляки обещаниями успокоили литвинских послов. А когда те уехали из Люблина, взялись за Казимира. На этот раз они постарались не выпустить Казимира и повезли его в Краков. Чуть вырвался он в Литву. Не нравились молодому королю наглые домогания поляков. Поэтому на съезде в Новогородке Казимир с послами от земель ВКЛ постановил ни в коем случае не идти на унию с Польшей. Съезд прервала весть, что Михаил Сигизмундович поднял мятеж. Он нашел себе союзника — хана Большой Орды Сеид-Ахмета.

Во главе татарских загонов Михаил Сигизмундович захватил Киев, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль, Брянск, Радогощ. Но до гражданской войны не дошло. Михаил Сигизмундович испугался посланного на него войска и сбежал в Москву.

Отношение Казимира к своему троюродному брату, которому он отказал в отцовском наследстве — Троках, вызвало у многих неприятие. Епископ Збигнев Олесницкий, который поддерживал Михаила, укорял Казимира за невыполнение договора Ягайлы с Сигизмундом Кейстуто-

вичем и требовал возвращения Михаилу его прав. «Вынуждает нас к этому не только Божие и прирожденные права, но и отца твоего присяга, которой он вместе с нами на глазах моих, поклялся твердо исполнять условия договора, заключенного с Сигизмундом». Казимиру надоело, что его как ребенка учат и поучают, наставляют, что и как он должен делать. Он стал проявлять непослушание, даже твердость. Вот и ответил епископу резко: «Не надеялся никогда их твоих уст услышать подобные слова. Не вынудишь меня, чтобы я сделал то, о чем напоминаешь. Упадет еще не одна голова, пока князь Михаил будет возвращать свое отчины». Но и польские вельможи проявили твердость и решительно напомнили Казимиру: «На то королем избран, чтобы не только права королевства стерег, но во всем старался их расширить». И стали требовать включения в состав Польши Западного Подолья и Волыни. Казимир предложил рассмотреть спорные с Литвой вопросы на следующем сейме, а чтобы задобрить поляков, признался, что «содействовал Польше, а не Литовскому Княжеству, но мне нужно быть осторожным, чтобы Литва не вышла из послушания».

Боязнь нового выступления Михаила Сигизмундовича вынудила Казимира пойти на уступки Москве. По договору с московским князем Василием Васильевичем, заключенному 31 августа 1449 года, Казимир отказался от претензий на Новгород и Псков, признавая московского митрополита Иона главой православной церкви в Великом Княжестве Литовском. Московский князь в свою очередь отказался от титула «великий князь всея Руси», признавал вассальную зависимость Тверского княжества от Великого Княжества Литовского и обещал «не вступатися» во владения Казимира: «ни в Смоленск, ни в Любутеск, ни в Мценск, ни во вси…украиные места». Обещал не поддерживать Михаила Сигизмундовича, а Казимир — Дмитрия Шемяку. Договор развязал Василию руки, он со временем установит власть над Северной Русью, что в конце концов приведет к трагическим последствиям для Великого Княжества Литовского. А пока судьба вновь благоприятствовала Казимиру.

Конфликт с Михаилом Сигизмундовичем неожиданно разрешился в 1452 году, когда этот мятежный князь умер в Москве. Подозревали, что его отравил какой-то игумен, дав ему причастие с ядом. Казимир искренне оплакал брата и раскаялся, что так коварно обошелся с ним. Видно, политические пристрастия не уничтожили в нем человеческих чувств.

Напряженные отношения с Москвой вынуждали Казимира находиться в Литве, да и постоянные требования поляков порядком надоели ему. Поэтому зимой 1450 года он посетил Витебск, Смоленск и Полоцк. Вероятно, тогда Казимир и подтвердил прежние привилеи Полоцкой, Витебской и Смоленской землям. «Новины» Казимир не вводил. В уставной грамоте Полоцку Казимир указывал, «чтобы бояре, мещане, дворяне городские и все посольство жили в согласии и дела бы наши городские делали все вместе согласно, по старине». Он восстановил и Киевское княжество и назначил туда князем Олельку Слуцкого. Делал это с целью лишить своего противника Михаила Сигизмундовича поддержки православных.

Я. Матейко. Свадьба Казимира Андрея с Елизаветой Габсбург. XIX в.

А поляки все настойчивее требовали Волыни. Особенно они разозлились на Казимира в 1452 году, когда умер Свидригайло и литвины заняли Луцк. Короля обвинили в потакании Литве, что «доходы королевства переводил на пользу литвинов», а вот права Польши не защи-

щает. Збигнев Олесницкий вновь укорял Казимира, что он «не слишком заботился о добре и процветании королевства», не подтвердил права, а земли, принадлежащие Польше, забрал; не защищал ее от врагов и разбойников, не заботился о бедняках, а поэтому посоветовал изменить свои обычаи и поступки. А тут еще послы мазовецкого князя Владислава требовали Тыкоцин и Гонядзь, которые король передал ВКЛ. Казимир защитил литвинов: «Справедливо их забрали, как свое». Чем еще больше разозлил поляков, и они начали выговаривать Казимиру за содействие литвинам, обвинять их в неповиновении ему. Король, опустив голову, молча выслушивал укоры, а после на коленях поклялся, что исполнит польские требования. Но на сейме в Серадзе, который начался в августе 1452 года, литвинские послы потребовали, чтобы «Литву оставили в ненарушенных границах, особенно земли Подолья и Луцка». Литвины хотели «жить с поляками в братском союзе и равенстве, а не служить им в подданстве». И хотя те убеждали литвинских послов, что считают литвинов братьями и приятелями, но посольство, услышав про унию, уехало в Литву. Поляки вновь набросились на Казимира. Его прямо обвиняли в измене королевству. Казимир на тайном совете объяснил, что «не мог прозьбы чинити для небезпечности головы своей». Как только в Великом Княжестве узнают о подтверждении унии и передаче Волыни, то литвины откажутся подчиняться ему и открыто или тайно лишат его жизни.

Казимир не зря опасался за свою жизнь. Окружение Яна Гаштольда ставило вопрос об замене Казимира на великом княжении и возведении на него Радзивилла Остиковича. Встревоженный Казимир весной 1453 года приехал на Виленский сейм уладить конфликт. Страсти на сейме между литвинами и поляками из окружения Казимира вылились в потасовку. Кто-то даже ударил великого князя саблей по голове и ранил его.

Казалось, беды посыпались на Казимира со всех сторон. Обвиняли его и поляки, и литвины, никому он не смог угодить. Даже мать «налегала грозьбою», чтобы «пилно справовал» Польшу, а «литвяков от своего обецования преч отдалил». Уже поговаривали об избрании нового короля. И Казимир сдался, поклялся присоединить к Польше не только Волынь, но и все Великое Княжество Литовское. Но просил дать год для исполнения своего обещания. Он предлагал без шума осадить волынские замки польскими гарнизонами, чтобы вывезти в Краков подати с Волыни. С королем согласились, но взяли письменное подтверждение исполнения клятвы.

В Литве решение Казимира расценили как измену Великому Княжеству. Ян Гаштольд и его приверженцы отреклись от гербов, полученных от польских феодалов на Городельском сейме в 1413 году. Правительство Великого Княжества начало готовиться к войне с Польшей. К хану Золотой Орды Сеид-Ахмету отправился с дарами Радзивилл Остикович, чтобы уговорить его напасть на польские земли. Но посол попал в руки к крымскому хану Хаджи-Гирею. Не желая доводить дело до кровавой развязки, Казимир успокоил поляков, подтвердив 30 июня 1453 года

Е. Сынкевский. Битва под Хойницами. 1877 г.

привилеи Польскому Королевству, а чтобы и литвины остались довольными, в акте не упомянул о зависимости Великого Княжества Литовского. Казалось, этот компромисс примирит антагонистов, тем более, что полякам стало вскоре не до претензий к Литве.

Польша начала войну с Орденом. В первой же крупной битве 18 сентября 1454 года под Хойницами поляки были разбиты. Сам Казимир, потеряв охрану из литвинов, чуть спасся от погони, скрывшись в болоте. На дороге Казимир встретил подканцлера коронного Яна Рутвенского, который во время битвы мылся в бане. Он обрадованно сказал: «Хвала пану Богу, иж твои милости здорового видим». От обиды король со злостью ответил: «Пане Рутвянски, вы в лазни водой мылися, а мои верные слуги из Литвы в руках неприятельских кровию обмываются». С таким войском и с такими сановниками Казимир навряд ли мог достигнуть победы, но надо было воевать.

Поражение поляков ободрило литвинов. Они решительно потребовали вернуть Западное Подолье, иначе придется отвоевывать его с оружием. Казимир должен жить в Вильно. Если он откажется исполнить эти требования, то великокняжеский посад займет Семен Олелькович (муж дочери Гаштольда). Король должен помнить, что, слушая поляков, погиб его брат Владислав. Да и он сам был в опасности, от которой его спас Бог. Поэтому пускай возвращается в Литву, где его ждет спокойная и счастливая жизнь. Но не было в Великом Княжестве человека, способного возглавить вооруженную борьбу с Казимиром.

Поляки не настаивали на своих претензиях к Великому Княжеству. Они вынуждены были примириться с компромиссным решением Казимира разделить спорные земли. Великому Княжеству достались Луцкая и Брацлавская земли и Восточное Подолье, а Западное Подолье, волынские города Олесно, Лопатин, Ратно отошли к Польше. Но в Литве это

решение вызвало недовольство. В 1454 году на заседании панов рады приверженцы Яна Гаштольда заявили: «Были мы счастливыми, пока не были соединенными с поляками, которые взяли себе королей из княжат нашего племени. Лучше, чтобы глаза их замутились, уши их закрылись, как ладонь их соединила нас с поляками. Когда сыновья Ягайлы забылись о родном гнезде и к полякам слепо привязались, когда от нас отреклись и покинули, то и мы их покидаем и отрекаемся. Нужен нам господарь, который пребывал бы среди нас и сам правил своей особой. Поскольку не для себя жаждем посада, для всеобщего добра, особого хотим для себя князя. Поэтому Семен Олелькович достоин этого посада, его выкрикнем своим паном, он вновь осчастливит нас, пускай возглавит наш народ. А Ягайловичи и поляки пусть увидят, что потеряли Литву, где вместо верных подданных или равных им сограждан уже чужой и неприязный народ увидят». Против этого намерения выступил трокский воевода Ян Монивид. Он напомнил о том добром, что сделали Ягайловичи для края, а теперь нужно нарушить им присягу, отобрать их отчину и пойти вслед за легкомысленным советом или за чьим-то желанием. Да, тешит Казимира польская корона, но более всего посвятил он себя литвинам. «И вольный ли мы от вины, которую целиком возлагаем на своего государя, когда он доверил нам власть? Не так поступаем как нужно». И его доводы нашли понимание в сердцах панов. Казимир остался великим князем.

Олелько Владимирович. Гравюра 1888 г. с портрета XVIII в.

Весной 1455 года Казимир приехал в Вильно и отговорил литвинов от задуманного ими намерения. Король «успокаивал» обещаниями, что не отступится от клятвы и не допустит унии с Польшей. Но недовольство Казимиром по-прежнему жило среди его неприятелей, и они требовали возвращения Западного Подолья. Недовольны королем были и поляки. «Знаю я хорошо, что вы не хотите иметь меня королем и думаете, как бы мне изменить», — сказал он Олесницкому и его вельможному окружению. Но поляки только пугали Казимира детронизацией, а сами понимали, что, лишив его королевской короны, потеряют Литву и акты уний с ней останутся только историческими документами. Казимир был гарантом присоединения Литвы к Польше. Это понимал и Казимир, поэтому даже заклинания шляхты об «умножении королев-

Х. Пиллати. Казимир Андрей. 1888 г.

ства» и просьбы матери королевы, чтобы корону «пилно справовал», не действовали на него.

С «литвяками» Казимиру было не просто. В 1456 году он приехал в Вильно и прожил там зиму. Перед сеймом Казимир дарением владений и милостью ублажал одних и обещанием вернуть Княжеству Западное Подолье склонял на свою сторону других. Отсутствие единства среди литвинских вельмож содействовало Казимиру. На сейме он резко укорял их за «неспокой», а они не осмелились выступить против своего господаря и свалили вину на Гаштольда и его сподвижников. Ян Длугош с сожалением пишет, что король действовал «не укороми или угрозами, но ласковыми словами, щедростью и милостью». А это оказалось более действенным оружием, чем сила и угрозы.

Забота о Литве ставилась поляками в вину Казимиру. На Петрковском сейме в 1459 году его обвинили, что он «коней, серебро и всякие клейноты» передает литвинам, «которые ничем ни тебе, ни отцу твоему не послужили». Досталось королю и за Луцк. Король заметил, что не он отобрал у Польши этот город, а литвины. Но ему справедливо указали: «Не кто иной, как он был великим князем литовским и от его воли и слова зависело возращение Луцкой земли и других волостей». Весь сейм просил Казимира, «чтобы поляков одинаково, как литвинов миловал и ко всем просителям справедливо относился». Король, как обычно, вновь обещал стараться удержать королевство от падения. Но неудачи в войне с Орденом только увеличили недовольство поляков Казимиром.

Оставались недовольны Казимиром и в Литве. Литвины угрожали оружием забрать Западное Подолье и склоняли крымского хана Хаджи-Гирея к походу на Каменец. Казимир созвал в 1461 году в Вильно сейм, желая успокоить литвинов. Но они подступили к нему с требованиями: «чтобы или лично сидел в Литве, или Семена Олельковича, князя киевского, поставил на Литве великим князем».

Казимир, как всегда, отделался обещаниями: мол, не перестанет использовать действенные средства для решения внутренних дел, а что касается своего наместника в Литве, то просил перенести этот вопрос «большой важности» до лучшего времени. Так и не дождавшись от Казимира исполнения его обещаний, литвины послали делегатов на Петрковский сейм, который проходил в мае 1463 года. От Казимира

требовали отречься от польской короны, вернуть Княжеству Западное Подолье. Если же он откажется сделать это, то великим князем изберут Семена Олельковича. Казимир вновь поехал в Вильно ублажать панство и шляхту. Он обласкал богатыми подарками панов-католиков и разбил этим единый фронт литвинских феодалов, оставив православных без союзников. Давление на Казимира ослабло, но не прекратилось. В 1478 году в Берестье литвины вновь просили Казимира отдать великокняжеский посад одному из своих сыновей — Казимиру или Яну Альбрехту. Сам Альбрехт со слезами умолял отца дать согласие. Казимир отказался: «Пока живу, никакой мерой правления Литвой никому не доверу». Власть, которая принесла ему столько горьких переживаний и бед, он никому не уступал.

К этому времени он уже упрочнил свою власть. Казимир разочаровался в польском шляхетском ополчении (заявил, что с таким никудышным рыцарством никогда больше воевать не будет), пополнил казну с налогов на церковь и с аренды королевских владений. За эти деньги король подкупил орденских наемников, и они сдали прусскую столицу Мариенбург. В 1466 году война закончилась. К Польше отходили Гданьское Поморье, часть Пруссии с Мариенбургом. Орден признавал себя польским вассалом и перенес свою столицу в Кенигсберг (Кролевец). Еще раньше, в 1456 году, он выкупил Освенцимское княжество и подчинил своей власти князей Зиторского княжества.

После победы в борьбе с Орденом Казимир почувствовал свою силу. Например, против папского желания и решения капитула он поставил на Краковское епископство своего человека. «Я готов потерять королевство, чем иметь епископа не по своему желанию», — заявил Казимир. Благодаря вражде между папой Николаем V и императором Фридрихом III, Казимир обещанием поддержать папу добился у него права назначать священников на должности и подчинил своей власти церковных иерархов. Позиции приверженцев Олесницкого ослабли. Казимир так и не назначил его главой польского костела. Он уже не тот неопытный в политике юноша, не тот безвольный правитель, которым помыкали то одни, то другие. Он возмужал, набрался ума и рассудительности. Появилось у него упрямство, которое можно посчитать за твердость характера.

Хотя Казимир часто повторял, что он очень терпеливый, но теперь все чаще стал использовать силу своей власти. «Sic volo, sic lobelo» (так хочу, так говорю) — эти слова стали любимой фразой Казимира. Когда возникла угроза его правам на Чешское королевство, Казимир решительно заявил, что расправится с теми, кто будет претендовать на чешскую корону. На укоры папы римского за его связи с гуситами резко ответил: «Подданным не делаю обид, а если иной веры, тогда ему нет ничего до этого, самому Богу дам ответ». Не испугало его и отлучение от церкви в 1457 году из-за войны с Тевтонским орденом. С отцовским упрямством он воевал с тевтонцами, не обращая внимания на неудачи и трудности. Казимир в этой ситуации проявил силу духа мужественного

человека. И теперь уже не слышны были голоса с требованием смены Казимира на королевским престоле.

Свидетельством политической зрелости Казимира можно считать изданный в 1468 году свод законов для Великого Княжества Литовского — «Судебника Казимира». Он был своеобразным компромиссом великого князя с панами рады. Казимир передавал раде судебно-административную власть в государстве на время своего отсутствия. Дипломатией в его отсутствие также должна была заниматься рада. Паны рады командовали и военными силами, даже раздавали имения и земли.

«Судебник» регламентировал меру наказания преступника — в подавляющих случаях (за тяжелые преступления) он карался «шибинецей». «А над злодеем милости не надобе», — говорилось в «Судебнике». От уголовной ответственности освобождались родные преступника, если они не знали и не участвовали в преступлении или не пользовались краденым, освобождались также дети до семи лет. Наказание преступников Казимир оставлял за собой.

Хоть «Судебник» был уступкой панам рады, но тем не менее они оставались недовольными Казимиром. Долгое пребывание Казимира в Польше не могло отразиться и на внешней политике Великого Княжества Литовского. Если раньше политика ВКЛ была наступательной и агрессивной, то теперь осторожной и выжидательной. Это касалось в первую очередь отношений с Московским княжеством. Казимир тут не проявил активности, хоть внутренние неурядицы и междоусобная война Василия Васильевича с князьями Юрием Дмитриевичем, а потом с Дмитрием Шемякой давали возможность ВКЛ укрепить свое влияние на Руси. Своим бездействием в «русском» вопросе Казимир позволил московскому князю Ивану III в 1471 году овладеть Новгородом. Казимир отказался начинать войну за Новгород (хотя между ним и Новгородом существовал договор «держати тебе, честны король, Великий Новгород в воли мужей волных, по нашей старине»), предупредив панов рады, «что когда с Москвой захотят помериться силами, то скорей будут побежденными, чем победителями». Возрастающую мощь Москвы он хорошо видел и не желал обременять себя конфликтом. Тем более с Московией он поддерживал мир, а ее правитель, двоюродный племянник Казимира Иван III, почтительно называл его «очень высокий, благородный, славный, великий». Казимира более занимали его династические проблемы. После смерти бездетного короля Венгрии и Чехии Владислава Казимир как муж его сестры Елизаветы предъявил свои права на эти королевства. Но королем Венгрии был выбран Матвей Корвин Гунияди, а королем Чехии — Юрий Подебрад. Папа Павел II просил Казимира «взять оружием Чешское королевство для хвалы Божией и возвышения религии католической, а после по причине законного права, за что умножит себе божественную заслугу перед Богом и имя свое прославит на века». Казимир не отважился начать новую войну и отказался от чешской короны. В 1471 году Юрий Подебрад умер, и чехи выбрали своим королем сына Казимира Владислава и 21 августа короновали его. Но за венгерскую корону довелось Казимиру сражаться.

Ф. Цинк. Ян Длугош учит детей Казимира Андрея. XIX в.

Противники Корвина приглашали на королевство Казимирового сына Казимира. Посланное Казимиром войско во главе с его сыном было разбито в 1471 году Корвиным. И вот ради борьбы за венгерскую корону Казимир пожертвовал делами Великого Княжества. Но предвидел, что это вызовет недовольство литвинов и они вновь захотят объявить своим правителем Семена Олельковича. Поэтому Казимир после его смерти в 1470 году ликвидировал Киевское Княжество, чтобы оно не было опорой Олельковичей. Сам по себе это очень показательный поступок. Казимир теперь — не жертва обстоятельств, а предвидит их, рассчитывает свои ходы и сам влияет на события.

Вместо Олельковича король Казимир послал в Киев своего наместника Мартина Гаштольда. Православные киевляне готовы были лучше погибнуть или избрать себе иного правителя, чем подчиниться католику. Просили они Казимира дать им наместника православного или одного из своих сыновей. Казимир — уже не тот слабовольный правитель — настоял на своем. Отметил это и Ян Длугош: «Но наконец киевляне, боясь силы короля, смирились». Князь Михаил Олелькович, который был посадником в Новгороде, узнав о смерти брата, выехал в Литву, но опоздал: Киев уже находился в руках Гаштольда. Оставалось князю довольствоваться Слуцким княжеством. Еще один недовольный Казимиром появился в Литве. А их и так хватало.

7а Зак. 526

Воспользовавшись отсутствием Олельковича в Новгороде, московский князь Иван III захватил Новгород и заставил новгородцев отказаться от приглашения в город посадников из Литвы и «неотступно» повиноваться ему. Падение Новгорода было одновременно и ударом по Великому Княжеству Литовскому. Москва распространила свою власть на Северо-Западную Русь. Иван III почувствовал свою силу и теперь заявлял, «что его отчина и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные городы ... з божьей волею, из старины, от наших прародителей наша отчина». Тем самым он дал знать, что будет бороться за обладание всех былых владений Рюриковичей, а поэтому принимает титул «великого князя Всея Руси».

До поры до времени противники Казимира в Литве смирились с его правлением. Но в 1480 году против него возник заговор православных князей. Возглавили его князья Михаил Олелькович, Иван Гольшанский и Федор Бельский. Заговорщики хотели возвести на великокняжеский посад Михаила Олельковича. Но Софийская летопись иначе объясняет цель заговора: «Восхотеша вотчины — Ольшанский да Оленкович, да князь Федор Бельский по Березыню реку отсести на великого князя Литовской земли, един же их обговорил». Надо согласиться с российским историком Михаилом Кромом, что события, связанные с заговором, «явно увиденные из Москвы». Оторвать от Литвы такую громадную территорию (не менее 500—600 км) заговорщикам было не по силам, тем более, что эту территорию они не контролировали. Думается, что в этом вопросе был осведомлен сын Трокского воеводы Мартина Гаштольда — Альбрехт. От отца, который участвовал в суде над заговорщиками, он знал их цели. В письме к королеве Боне Альбрехт писал, что два предка князя слуцкого были обезглавлены, ибо они составили заговор с целью убийства великого князя, «желая, чтобы по уговору только один занял Великое Княжество».

Для исполнения своего замысла князья собирались воспользоваться свадьбой Александра Чарторыйского с дочерью Федора Бельского в Кобрине. На свадьбу был приглашен и Казимир, где его и хотели убить. Правдоподобно, что Олелькович искал поддержки Ивана III, ибо есть известия о его тайных связях с московским князем.

Заговор Олельковича совпал с событиями, повлиявшими на развитие истории в Восточной Европе. В Новгороде при поддержке Великого Княжества готовилось восстание против власти Ивана III. Казимир заключил союз с ханом Большой Орды Ахматом. Ахмат выступил в поход и остановился возле Воротынска, ожидая выступления Казимира. Но тот так и не пришел с войском. В это время Казимир раскрыл заговор.

По одним данным, заговорщиков выдал киевский наместник Иван Ходкевич, по другим — брат Федора Бельского Семен, а по третьим — Казимиров слуга Ян Штендель. Он осматривал Кобринский замок и нашел тайный склад с оружием. Когда Казимир приехал в Кобрин, то Штендель сообщил ему о подозрительной находке. Казимир, почуяв опасность, не пришел на свадебный пир, сославшись на недомогание. Сразу же было произведено следствие. Слуги Бельского под пытками вы-

дали своего господина. Князь спасся бегством из замка и отправился в Москву. Олельковича и Гольшанского схватили и заточили в тюрьму. В то же время на Подолье напали крымские татары. Опасаясь выступления против себя православных феодалов, Казимир не пошел ни на Подолье, ни на помощь Ахмату.

Потомство Казимира Андрея. 1506 г.

Ахмат, не дождавшись Казимира, заключил мир с Иваном III, удовлетворившись данью, и ушел с Руси. А Иван нашел союзника и против Ахмата и Казимира — крымского хана Менгли-Гирея и теперь слал ему письма с предложением напасть на Великое Княжество Литовское. Суд вынес заговорщикам смертельный приговор, и 30 августа 1481 года их казнили. Напуганные такой суровой расправой, православные князья Иван и Дмитрий Воротынские, Иван Перемышльский, Андрей и Василий Бельские, Иван Глинский сбежали в Москву. Это обострило и без того напряженные отношения между Великим Княжеством Литовским и Московией.

Казимир в 1480—1483 годах постоянно живет в Литве. В конце 1481 года он отправляет в Москву посольство с требованием передачи Великому Княжеству Новгорода и Великих Лук. Естественно, Иван III ответил отказом. Попытался Казимир договориться с Менгли-Гиреем, но тот не разорвал союза с Москвой. По наущению Ивана III хан 1 сентября 1482 года захватил Киев, разграбил его, а жителей вместе с киевским наместником Иваном Ходкевичем отправил в неволю. Хоть и было собранно 40-тысячное войско, но Казимир не решился на поход в Крым. Он приниженно клянчил у Менгли-Гирея мира, простя ему и разграбление Киева. «Было тому городу гореть, и тым людем погибнуть коли на них Божий гнев пришел. А за Божье ласки у нас есть городов и волостей и людей досыть». Поражает своим цинизмом подобный ответ правителя.

Собранные под скипетром Ягеллонов чешское и польское королевства, а также Великое Княжество Литовское и Русское, Молдавское княжество (в 1485 году, 15 сентября, молдавский господарь Стефан признал себя вассалом Казимира) пугали соседей своей объединенной мощью. Императорский канцлер Каспар Схлиск определил объединение Чехии и Польши под властью Ягеллонов как великое несчастье для немецких земель, «от которого пусть господь Бог убережет». Ясно, что соседи не дремали и активно искали средства против могущества Ягеллонов.

Против Польши, Чехии и Великого Княжества Литовского сложилась коалиция: Германия, Венгрия, Турция, Крымское ханство, Московия. Сдержало коалицию от активных действий выпадение из его рядов Венгрии. В 1490 году венгры выбрали своим королем Казимирова сына Владислава. Теперь Казимир чувствовал свою силу и мог говорить московским послам: «Монарх ваш любит требовать, но сам не хочет удовлетворить моих требований: это меня заставляет брать с него пример». Иван III опасался недовольства Казимира и не начинал с ним войны. А без Московии остальные члены коалиции не решались открыто бороться с Казимиром. Московский правитель выбрал тактику мелкой пограничной войны, оказывая силовое давление на «украинных» князей и разоряя их владения. Спасаясь от разорения, князья Воротынские и Белевские вместе со своими вотчинами перешли на сторону Москвы. По существу, Казимир пустил на самотек отношения с Москвой, руководствуясь принципом: будет что будет. Пагубное для Литвы решение.

Х. Пиллати. Казимир Андрей. Внизу изображена сцена смерти Казимира Андрея в Городно. 1888 г.

Земной путь Казимира Андрея закончился 7 июня 1492 года. По дороге из Вильно в Польшу он заболел: «немач чырвона» свалила его с ног, и великий князь остановился в Городно. На вопрос врачу: «Есть ли какая надежда выздороветь?», Казимир услышал неутешительный ответ: «Уже не выживешь». Казимир обреченно смирился с приговором: «Нужно тогда

умирать». Перед смертью он просил панов рады взять его сына Александра на великое княжение, а польских панов — выбрать королем другого сына — Яна Альбрехта. «И панове рада, видячы господора своего так покорне просячы, и к тому памятаючы, иж он княство Литовское добре радил и справовал и на то прызволили по жывоте его взятии на Великое княство Литовское сына его королевича Александра», — сообщает «Хроника Быховца».

Какую же память оставил о себе Казимир? Его не считали выдающимся правителем. Польский хронист Матвей Меховский писал о Казимире как о простом и обыкновенном человеке: «Любил король охоту с соколом на птиц, и очень нравились ему гончие. Был человеком всегда сдержанным, пил только воду и никогда не пробовал вина, медовухи, пива и лекарства, а запаха их не выносил. Очень нравилась ему баня. Казимир проводил жизнь деятельно и поэтому не задерживался на одном месте. Хорошо переносил жару и морозы. Был правдив». Вот и все. Ничем выдающимся не выделялся Казимир, а поэтому понятно, что ничего значительного он не сделал. Хотя для подданных, по утверждению летописца Супральской летописи, он был «справедливый и добрый» правитель.

АЛЕКСАНДР КАЗИМИРОВИЧ
(1492—1506)

Александр Казимирович мог сделать многое, дай ему судьба шанс для этого или отмерь ему долгие годы жизни. Кажется, счастье и удача отвернулись от Александра Казимировича и он был рожден, чтобы стать жертвой роковых обстоятельств и жестоких испытаний судьбы. При жизни его жалели: «Боже, мы желаем спасения королю Александру. Забери его и дай нам лучшего правителя». Жалость, унижающая его благородство и человеческое достоинство. Жалость, которая для него была хуже смерти. Хотя Александра не назовешь слабым или безвольным, просто, попав в центр бурных событий, он не смог сделать то, где требовались сверхусилия.

Я. Матейко. Александр Казимирович. 1891 г.

Вначале все для него складывалось благополучно. После смерти в 1492 году Казимира паны рады просили Александра остаться в Великом Княжестве Литовском, «для некоторых пригод и нагабаней неприятельских на отчину нашу». Александра выбрали на Виленском сейме великим князем литовским, и 30 июня 1492 года (по другим данным, 15 июня) его короновали на великое княжение. Виленский епископ Войцех Табор благословил его правление и высказал пожелание: «Достойное это княжение за всякие государства: только тут обеими руками нами правь; в одной держи меч, а в другой — милосердие. Просим, чтобы не итальянским, коварным, не чешским или немецким обычаем, но правдивым литовским и Витовта правом нас радил и судил. Иначе будешь причиной собственной и нашей гибели». Как покажут дальнейшие события, предупреждение епископа было ненапрасным. Великий князь обещал править «... по правдивым литовским и Витовта обычаю», 6 августа он подтвердил привилеи и вольности Великого Княжества Литовского. Великий князь обязался выполнить пожелания панов рады, а также их судебные решения, дал согласие не заключать договоров с иностранными государствами без одобрения своей рады, даже посылать туда посольства. Государственные уряды и земли великий князь должен был раздавать с согласия панов рады и только гражданам Великого Княжества Литовского, лишать уряда мог только по постановлению суда панов рады. Были расширены и шляхетские права. Великий князь обязался не «возвышать людей простого стану» над шляхтой. Государственные подати отделялись от великокняжеских, и они направлялись на потребности государства, но распоряжаться ими великий князь мог с согласия панов рады. Так Александр с самого начала правления попал в зависимость от своей рады и уже до самой смерти не мог освободиться от ее воли. А паны добились расширения своей власти и разрыва персональной унии с Польшей.

В момент избрания великим князем Александру был 31 год (он родился 5 августа 1461 года). Родители — Казимир Ягайло и Елизавета Габсбург — хотели дать детям хорошее образование. Воспитывали королевичей историк и священник Ян Длугош и известный в Европе гуманист Филипп Калимах. Никакой роскоши, никаких поблажек учителя не позволяли. Королевичей приучали к лишениям и нелегким испытаниям. Учили их латинскому языку, истории, философии, литературе и другим наукам. Александр так и не полюбил философию и литературу. Не отличался он даром оратора, более молчал, чем говорил. Ему доставляли удовольствия красивые вещи, книги, любил породистых лошадей, ценил музыку. Придворный певец Чурилка тешил его народными песнями. С людьми вел себя Александр просто, без высокомерия, но вот с вельможным панством часто не церемонился. Когда ему надоел трокский воевода своими советами, то гневно ответил: «Мне не нужны опекуны, я уже взрослый». В конце концов, нарушая привилей, лишил его должности, а его заступников прогнал прочь. Значит, мог он проявить и характер. Королева Елизавета так охарактеризовала сына: «...такой же товарищеский и щедрый Александр. На охоте или в дороге он не

обминет ни одного крестьянина, чтобы не остановиться и не переговорить словечком; не гадко ему было напиться с чарки убогой и осушить ее до дна». Польский хронист Мартин Бельский писал о нем: «Был Александр среднего роста, лица продолговатого, волос рыжих, костистый, плеч широких и силу имел в себе, но мысли не было, поэтому был молчаливым. Более всего увлекался людьми рыцарскими и музыкой. Добротой всех других братьев превосходил, что имел за достоинство. Когда кому что дарил, то более за расточительного, чем за искреннего считали». За доброту и называли Александра «Милостивый».

В наследство от отца Александр получил успокоенное долгими мирными годами Великое Княжество, которое вяло реагировало на политические события и изменения в соседних державах. Казалось, что Литва живет минувшим — воспоминаниями о своем былом величии времен Витовта. Но теперь наступило иное время, и к его испытаниям Великое Княжество Литовское оказалось неготовым.

После смерти Казимира Иван III более не таился и открыто выступал против Великого Княжества Литовского. Он слал в Литву православным князьям «прелестные листы». Прельстившись ими, в Москву уехали князья Семен Воротынский, Василий и Андрей Белевские, Михаил Мезецкий. Они передали Ивану III свои вотчины — Серпейск и Мезецк. В этом в немалой степени был виноват и сам великий князь, который после смерти отца не заключил договоров с «украинными» князьями, не защитил их от нападений Москвы. Неслучайно князь Семен Воротынский в отказной грамоте писал: «Твоя милость, господине, меня не жаловал, города не дал и в докончанья не принял, а за отчину мою не стоял». Оказавшись между двумя государствами, как между молотом и наковальней, «украинные» князья вынуждены были принять сторону сильнейшего, ибо, по словам «Хроники Быховца», великому князю Александру «внове на господарстве вседшы и на тот час вальчити было его [Ивана III. — *Авт.*] с ним трудно». Зимой 1493 года московская рать захватила Вязьму. Вяземский князь Михаил был заточен в темницу и там «умре в железах». Его брат князь Андрей «бил челом» Ивану III и получил во владение Вязьму с условием служить Москве. Конечно, великий князь Александр не признал отъезд «украинных» князей в Москву, ибо «тыи князи з стародавна наши слуги суть» и, по его определению, были изменниками, убежавшими, «как то лихие люди».

Посланное Александром войско вернуло Серпейск, Мезецк и Вязьму, но московские полки вновь отвоевали их. Между двумя государствами началась необъявленная война. Иван III подбивал крымского хана на выступление: «... садись на конь и иди на Литовскую землю не мотчая!», и летом 1493 года крымские татары совершили набег на Киевскую землю и Волынь. Иван III уже предвкушал победу и в грамотах называл себя «государь всея Руси».

Перед московской угрозою Александр искал «радни и помощи» у своего брата — польского короля Яна Альбрехта. Тот ответил, что Польша будет помогать Великому Княжеству против всякого неприятеля, как об этом договорились в предыдущих «записях», но для этого нужно

Я. Матейко. Ян Альбрехт. 1891 г.

восстановить их. Польша вновь предлагала невыгодную для Литвы унию. На такие жертвы Александр не согласился, и ему оставалось пойти на уступки Ивану III. 5 февраля 1494 года в Москве был заключен «вечный мир». Иван III возвратил ВКЛ Любутск, Мценск, Серпейск, Мезецк, Мосальск, Брянск, Дмитров, Опаков, а Вяземское княжество и владения новосильских князей (Воротынских, Одоевских, Белевских) отходили к Москве. На переговорах литвинские послы просили Ивана III выдать свою дочь Елену за великого князя литовского. Московский государь поставил условие, чтобы его дочь оставалась православной и ее не заставляли принять католичество. Послы убедили Ивана III: «Той неволи не быть» и получили его согласие. Он сам был заинтересован в браке Александра с Еленой, чтобы закрепить за собой захваченные у Литвы земли и с помощью дочери вмешиваться в дела Великого Княжества Литовского. Александр же надеялся остановить агрессию Московии* против своего государства и получить от Ивана III в качестве приданого утраченные земли. Но он просчитался.

Венчание Александра и Елены произошло 15 февраля 1495 года в Виленском кафедральном соборе. Венчали молодых епископ Табор и православный священник. Уже с самого венчания разная вера встала между мужем и женой.

Люди искренне верили, что этот брак принесет мир с Москвой. Елену Ивановну на улицах встречали радостными приветствиями: «Хвала Господу за такой великий дар, что дал нам дочку московского монарха иметь своей панной! Пускай живет многия лета великий князь Александр, над нами пануючий». Но брак с Еленой не принес Александру счастья. Католическое окружение все время укоряло великого князя за брак с православной. Даже папа римский Александр VI в своей булле требовал развестись с «схизматкой». А каково было Елене, на которую наседали католики и заставляли принять католичество, когда поляки отказывались признать ее своей королевой, когда ее обвиняли в войне с Московией! Не оправдал этот брак и политических надежд Александра. Иван III обвинял зятя в том, что «все не потому становится, как

* Так в Европе и Литве называли Великое Княжество Московское, а его население — московитами.

Александр нам обещал». Мол, не венчался с Еленой в православной церкви, ее слуг отослал в Москву, а главное, в грамотах не называл его «государем всея Руси». Тем самым Иван III заранее готовил почву для обвинения Александра в неисполнении мирного договора, что могло служить поводом к войне.

Н. Дмитриев-Оренбургский. Великий князь Александр Казимирович встречает в Вильно свою невесту Елену Ивановну. XIX в.

В свою очередь Александр отвечал тестю: «Нашу великую княгиню держим в почете и после, даст Бог, хотим ее в почете держать». Александр писал правду. Как мог, так и ублажал жену. Наделил ее вотчинами, городами и старостовм Могилевским. Для развлечения Елены пригласил во дворец музыкантов и певцов. Елена стала верной сподвижницей Александра, душой переживая за его неудачи и беды. Агрессивную политику отца в отношении Литвы не одобряла, о чем свидетельствует письмо Александра Ивану III в октябре 1496 года: «Помыслили мы с твоей дочкой, а с нашей Великой княгиней, что ты брат и тесть наш, хочешь знать, для чего мы с тобой доброй жизни не держим, как должно быть между нами, надеемся, что ты сам хорошо знаешь, что ты забрал многие города и волости, которые издавна служили нашей державе. Ты, обходя нас, входишь в приязни с Турецким, Перекопским, Валошским, ты приказываешь, чтобы мы с Перекопским и Валошским были в дружбе и приязни, но после того, как ты с ними пересылаешься, от них больш вреда сделалось и делается: но с Божией помощью, мы можем тебе и твоим детям быть лучшими приятелями, чем они. Да еще с тех времен или с твоего ведома, или не с твоего, делается много вреда. Ты, брат наш, города и волости, которые забрал у нас, верни, а вред прикажи оплатить, а когда у нас с тобой любовь по докончанию, то неприятели не будут на нас мыслить, а приятели будут радоваться». Как видно, Александр знал, кто наводит врагов на Великое Княжество Литовское — его тесть великий князь московский Иван Васильевич. Действительно, он поддерживал врагов Великого Княжества и сам стоял против своего «недруга» Александра.

Политические интересы для него были выше, чем родственные связи и счастье дочери. Это не удивляет, если учесть азиатские методы

правления Ивана III — вероломство и жестокость. В требовании Александра вернуть завоеванные им земли он чувствовал робкую просьбу, убеждаясь в слабости и нерешительности зятя.

Отношения между двумя государствами обострились в 1497 году, когда Александр поддержал своего брата Яна Альбрехта в походе на Молдавию, правитель которой Стефан был союзником Ивана III. Поэтому московский князь предупреждал Александра: «У нас со Стефаном правда и договор есть и его нам покинуть нельзя: если хочешь мириться с нами, то мирись и с ним и нам всем правду и договор сотвори». Иван III настойчиво требовал, чтобы литвины не участвовали в польско-молдавской войне. Зря увещевал Александр тестя: «Мы надеемся, что брат наш, великий князь, больше желает добра нам, зятю своему, чем Стефану-воеводе».

После того как Молдавия приняла протекторат Турции, турецкая угроза Польше и Великому Княжеству Литовскому стала реальностью. Это видели паны рады и напоминали Александру, «ибо как понимаем, пока Килиа и Белгород в руках поганцев, не может быть покоя у границ обоих панств». Так оно и было. Вассал Турции крымский хан Менгли-Гирей слал в южные земли ВКЛ свои загоны. Были разорены Брацлав, Киев, Ровенская земля. А в 1497 году крымские татары дошли уже до Мозыря. Александр знал, кто наводит татар, но ничего против Московии не мог предпринять. Вот и поход на Молдавию закончился неудачей. Молдавское войско разгромило в Буковине поляков. Только приход войска Александра спас их от полного уничтожения. О размерах катастрофы свидетельствует поговорка: «За короля Альбрехта вымерла шляхта». А Иван III решил, что Александр не соблюдает с ним договор.

Иван III. Гравюра из книги
А. Теве «Космография». 1584 г.

Любви между Александром и Иваном III так и не было. Раз за разом Иван Васильевич повторял литвинским послам и через свои посольства в Вильно, что Александр не «правит по докончанию». То же самое говорил он в августе 1499 года послу Станиславу Глебовичу: «Если Александр и так ничего не выполнит по докончанию, еще будет нашу дочку заставлять к Римскому закону, то он этим мира с нами не хочет».

Александр же взамен признания нового титула тестя желал внести в перемирную грамоту договор о принадлежности Великому Княжеству Литовскому Киева. Согласие Ивана III означало б его отказ от завоевания украинских земель. Московский властитель на такое условие не согласился. Оба правителя понимали, что их споры решит оружие, оба готовились к войне. С горечью Александр жаловался своему брату, венгерскому и чешскому королю Владиславу, что московский князь давно хочет «полакомиться» его землями.

По-прежнему Александр искал помощи у Польши. Полякам тоже нужен был союз с литвинами против турецкой угрозы, поэтому они перестали настаивать на своих условиях и приняли «равное злученье». На Краковском сейме 6 мая 1499 года были составлены «ревесалы» (грамоты), в которых поляки соглашались на условия литвинов и на «равное злученье». Два государства договорились не оставлять друг друга в нелегкий час и помогать советами и делом против врага. Магнаты и шляхта Великого Княжества обещали не выбирать великого князя, а поляки — короля без взаимного ведома и согласия. 14 июля акт унии подтвердили на Виленском сейме и литвины.

Но в акте унии таилась опасность для Литвы, ибо в нем было записано, что Королевство Польское и Великое Княжество Литовское в будущем должны иметь общее правительство и единого государя, которого избирают на совместном съезде двух народов с титулом короля польского и великого князя литовского. Все литвинские сановники присягнут на верность королю польскому. Предусматривалось, что «все будет общим для ободвух народов». Литвины не увидели опасности, не поняли, что подписывают приговор своей стране.

Укреплял свое положение и московский государь. Он по-прежнему натравливал на Великое Княжество Литовское крымского хана. Менгли-Гирей стал требовать от Александра дань за украинские земли и передачу ему Киева, Канева, Черкасс и Путивля. Александр возмущался: «Царь Менгли-Гирей у нас хочет того, чего предки его цари и отец его у наших предков, великих князей литовских, и отца нашего, короля его милости, никогда не хотели и не вспоминали». Но то были другие времена и другие обстоятельства. А сейчас былая мощь Великого Княжества осталась в хрониках и летописях. И Александр безуспешно старался вернуть утраченное величие. Как никогда, он был щедрым на милости к православным, особенно к «украинным» князьям. Крупнейшие православные города Киев, Городно, Бельск, Луцк, Берестье, Полоцк, Менск получили магдебургское право, «абы люди наши, там мешкаючыи, через врад добрый и справедливый были размножены».

Православная вера, хотя и не была государственной в Великом Княжестве Литовском, не подвергалась гонениям. Православные пользовались теми же правами, что и католики, за исключением давнего запрета занимать высшие державные посты в Вильно и Троках. Александр разрешил строить и ремонтировать православные храмы, что в свое время запретил его отец. Освободил православных священников от светского

Вильно в XVI в. Гравюра XIX в.

суда и гарантировал невмешательство в церковные дела. Могли ли похвалиться православные такими вольностями в государстве Ивана III?

Одновременно Александр делает попытки ввести в государстве церковную унию. Но они оказались неудачными. Православные упорно держались «схизмы», а их преследование могло привести только к новому обострению с Иваном III. Вот что писал в 1500 году краковский каноник Ян Сокрани: «Из всех народов, носящих имя христиан, но отделенных от Римской церкви, нет ни одного, который был так непоколебим в защите своего схизматического заблуждения, как народ русский. По упорству в своей схизме русины не верят никакой предлагаемой им истине, не принимают никакого убеждения и всегда противоречат: убегают от ученых католиков, ненавидят их учение, отвращаются от их наставлений. Признают только самих себя истинными последователями апостолов и первобытной церкви… Русские люди до того ненавидят веру латинян, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить во всем мире. Едва только великий князь Литовский начал в своих владениях обращать русинов к единству Римской церкви, как князья и воеводы их с яростью поспешили предаться великому князю [московскому], защитнику их схизмы». Так и было. Иван III получал из Великого Княжества Литовского тревожные известия о том, что смоленский епископ Иосиф Солтан и великокняжеский писарь Иван Сапега ополчились на православную веру, а великий князь Александр «неволил государыню нашу, великую княгиню Олену, в латинскую проклятую веру. Да и все наше православное христианство хотят отсхитити». Это

вроде бы подтвердил убежавший в Москву князь Семен Бельский, который говорил, что Александр «посылал... владыку смоленского да своего бискупа виленского к князьям русским и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и говорил им от тебя, чтобы они приступили к римскому закону».

Папа римский писал Александру, что православные не однажды соглашались на унию, но она так и не была заключена. Зато требовал перехода Елены Ивановны в католичество, а если не согласится — разорвать с ней брак. Папа только давал указания, но ничем не помог. Александр надеялся, что церковная десятина поступит в государственную казну на войну со «схизматиками» из Московии. Просчитался.

Намерение Александра принять церковную унию и стало поводом для начала войны Ивана III с Великим Княжеством Литовским. Он вновь слал православным князьям прелестные листы и «обещал им многие городы и волости свои», как свидетельствует «Хроника Быховца». В Москву бежали князья приграничных с Московией земель: Мосальские, Хотетовские, Трубецкие. Послам Александра Иван III говорил, что именно тот нарушает договор, принуждает православных взять «римскую веру» и из-за этих принуждений он принял убежавших князей в свое государство. Но послы показали Ивану III его грамоту к Менгли-Гирею, перехваченную литвинами. Московский государь обещал быть с крымским ханом против «Литовского князя». Александр уже не знал, что сказать своему злобному тестю, только с горечью укорял его: «Брат и тесть! Вспомни душу и веру». Тайное стало явным. Зачем было притворяться и оправдываться? В ответ Иван III решил начать войну и послал в Вильно разметную грамоту: «Великий князь Александр по докончанию не правит: великую княгиню Елену, князей и панов русских к Римскому закону принуждает, посему Великий князь Иван Васильевич снимает с себя крестное целование и за христианство хочет стать, сколько Бог ему поможет».

Еще Ивановы послы не доехали до Вильно, а московские войска 3 мая 1500 года перешли границу Великого Княжества Литовского. Сдался Брянск. Князья Семен Можайский и Василий Шемячич перешли на сторону Москвы вместе со своими вотчинами: Черниговом, Стародубом, Гомелем, Новгород-Северским, Рыльском. Чувствительная потеря для Великого Княжества Литовского. А 14 июля у реки Ведрош был разбит передовой отряд войска литвинов во главе с гетманом Константином Острожским. В плен попало много знатных панов: сам гетман, дворный маршалок Григорий Остик, князья Друцкие и другие.

Великий князь Александр узнал о поражении, когда стоял с войском возле Борисова, и очень «запечалился». Поражение гнетуще подействовало на его воинов. Предводитель наемников бросил свой шлем под ноги великому князю и увел своих людей. После этого Александр не стал искать победу на поле битвы. Теперь он больше надеялся на дипломатию. Он послал 30 000 злотых хану Большой Орды Ших-Ахмету, чтобы тот напал на Московское княжество. «И с какой стороны мог бы ты идти на его землю, а с которой мы; и Божей помощью, тогда дело

свое доведешь, по воле своей, как сам того хочешь, а холопа своего сказнишь», — писал хану Александр. Чтобы собрать деньги Ших-Ахмету, Александру пришлось отдавать под залог свои великокняжеские владения.

А что же паны? А они не желали раскошеливаться. В это время и начал Александр враждовать со своей радой, в которую входили богатейшие магнаты государства. Он приблизил к себе деятельного и гордого князя Михаила Глинского. Этот человек сыграет исключительную роль в правлении Александра после Сигизмунда. Современники отзывались о нем как о выдающемся человеке. «Он отличался крепким телосложением и изворотливым умом, умел подать надежный совет, был равно способен и на серьезное дело и на шутку и положительно был, как говорится, человек на всякий час!» — писал о нем императорский дипломат Сигизмунд Герберштейн. Даже враги признавали его достоинства. «Упомянутый князь Михаил Глинский — человек столь же смелый духом, сколь проницательный умом, крепкий телом и готовый ко всякой опасности», — отмечал секретарь Сигизмунда Юст Деций.

Такой человек был нужен Александру, и он назначил его маршалком дворным. Одновременно Александр предлагает мир Менгли-Гирею, обещает платить дань по три гроша с человека от Киевской, Волынской и Подольской земель и подстрекает хана против Ивана III. «А кто пред тем твоим предком холопом тебе писался, тот ныне тебя уже братом называет… Каждый холоп, когда верх возьмет над своим хозяином, не может никогда ему добра мыслить, поэтому все злое хочет ему сделать, чтобы вновь к своему хозяину не попал в то холопство». Но Менгли-Гирей не разорвал союза с Иваном III. Осенью крымские татары совершили набег на южные земли Великого Княжества Литовского и Польши, дошли даже до Берестья.

Лучшего добился Александр в переговорах с Ливонским орденом. 3 марта 1501 года в Вильно он подписал союзный договор с ливонским магистром Вальтером фон Плеттенбергом, магистратом Риги и ливонскими прелатами. Позаботился Александр и об укреплении Смоленска, Полоцка и Витебска, увеличил там гарнизоны и лично посетил эти города, подняв горожанам дух. В послании к смолянам он выразил надежду, что «дай Бог, замок наш Смоленск будет в целости захован».

У Александра появилась реальная возможность изменить ход войны в свою пользу. Московское войско не смогло взять Смоленск и вынуждено было отступить. Смоляне своим мужеством оправдали надежды Александра, что он и отметил: «...але вжо и часу счастного панованья нашого противу неприятелям нашим они досыть чинили и нам верне служили, яко господару своему отчинному и дедичному». Надо было воспользоваться неудачей московитов под Смоленском и перейти в наступление.

Но в это время Александра отвлекли события в Польше. Смерть 7 июня 1501 года короля Яна Альбрехта открывала Александру дорогу к королевскому трону. В августе на Городенском сейме паны рады дали согласие Александру выставить свою кандидатуру на выборах польско-

го короля. Теперь все помыслы великого князя были о королевской короне. Он с отрядом конницы в 1400 всадников обосновался в Берестье и пристально следил за событиями в Польше. Желая заручиться влиятельной поддержкой, Александр написал своему брату Фредерику, примасу Польши, и просил его помощи в борьбе за польскую корону. Фредерик ответил: «Читал твое письмо матери. Мы оба уверены, что ты будешь добиваться польской короны честными средствами, а не силой и оружием, как об этом ходят слухи». В ответном письме Александр оправдывался и просил брата стать посредником между ним и матерью: «Пускай пожелает Ваша светлость успокоить ее Высочество, убеждая ее от нашего имени, что мы, согласно нашему обычаю, желаем поступать по воле ее Высочества вместе с женой нашей, которая подчиняется ее королевскому Высочеству и желает, как последняя раба, служить ее Высочеству и все, что ни прикажет ее Высочество, все исполнит она с полной радостью и покорностью».

Кардинал Фредерик Ягеллон.
Гравюра XVI в.

Слал листы Александр и польским панам, просил их помощи, обещал слушаться их советов и быть им благодарным за избрание королем. Пообещал он и соединить Великое Княжество Литовское с Польшей, а это подействовало на поляков более чем убедительно. Если раньше они всерьез не воспринимали кандидатуру Александра, рассматривали кандидатуры его братьев — чешского и венгерского короля Владислава и глоговского князя Сигизмунда, то теперь единогласно готовы были избрать его королем. Тем более по Польше поползли слухи, что Александр собрал большое войско и готов силой захватить власть.

Александр с нетерпением ждал в Берестье известий из Польши. Польские послы привезли ему радостное известие об избрании королем, но потребовали от него подписать привилей, по которому законодательная власть в Польше переходила к сенатской раде, где король за-

нимал место председателя. Привилей ограничивал его власть, сенаторы получили право низложить короля, если он не исполнит их решений. Но Александр мало думал о последствиях: нужно было как можно быстрее короноваться. Спешка не позволила Александру созвать сейм ВКЛ для обсуждения новой унии с Польшей. 23 октября в Мельнике без согласия сейма Великого Княжества он заключил унию на польских условиях. Оба государства будут иметь одного правителя, избираемого на общем сейме, единую валюту, но уряды и суды Короны* и ВКЛ остаются отдельными. Акт унии подписали 27 магнатов, сопровождавших Александра. Но их не уполномочили на общегосударственном (вальном) сейме представлять Великое Княжество Литовское.

12 декабря 1501 года Александр был коронован. Как он ни настаивал, но польские паны не согласились на коронацию Елены. Мало того, епископский капитул укорял его за женитьбу на православной и говорил, что он плохой христианин и позорит Бога. Александр был разгневан и написал капитулу: «В деле брака мы действовали только с согласия папы и при участии кардинала Фредерика. Как бы там ни было, капитулу не подобает в это вмешиваться, это искушение и плохой пример для младших».

В отсутствие Александра паны рады не предпринимали активных действий в войне с Московией. И был упущен выгодный момент, когда против нее выступили Ливонский орден и Большая орда. Московское войско разбило ливонцев 24 ноября 1502 года возле Юрьева (Дерпта). Не дождался помощи литвинов и хан Ших-Ахмет, приведший свою орду в Северскую землю. Хан взял Рыльск и Новгород-Северский и напрасно ждал помощи Александра. Но тот был занят делами Польского Королевства и не выполнил своих союзных обязательств. А войско, посланное на помощь Ших-Ахмету, было разбито 4 ноября 1502 года возле Мстиславля московским войском. Хан Ших-Ахмет отвел свою орду в волжские степи, где она стала легкой добычей крымских татар. В выжженных степях Большая орда была обречена на голодную смерть. Часть орды ушла в Крым, а хан Ших-Ахмет убежал на Волгу, но после вернулся в Литву. Он обвинил Александра в вероломстве: мол, тот вызвал его из далеких краев, но помощи не оказал и вынудил погибать от голода. Но хана Ших-Ахмета самого обвинили в случившихся бедах: стоял возле Киева и вместо того, чтобы воевать с Крымским ханством, грабил мирные земли. Александр приказал отослать Ших-Ахмета в замок Троки. А перед крымским ханом Менгли-Гиреем он кривил душой, когда уверял его в своей непричастности к войне Большой орды с Крымским ханством и обещал «постоянно посылать поминки». Но Менгли-Гирею нужна была война, которая приносила ему больше добычи и богатства, чем «поминки» от великого князя. И новые татарские загоны пустились в набег на украинские и польские земли.

Великий князь Александр возвратился из Польши без желаемой помощи. Польская шляхта отказалась от военных налогов и не откликну-

---

* Неофициальное название Польского Королевства.

Александр Казимирович на престоле. Гравюра XIX в. с миниатюры XVI в.

лась на королевский призыв о сборе «посполитого рушения». Только героизм защитников Смоленска, которые с середины июня по ноябрь 1502 года держали осаду московского войска, спас Литву от вражеского нашествия. Но крымские татары разграбили предместья Слуцка, Клецка, Новогородка и увели в неволю тысячи людей. Совершили татары набег и на Польшу. Напуганные поляки потребовали от Александра скорейшего примирения с Иваном III и даже просили Елену быть посредником в переговорах. Она отправила отцу письмо с упреками: «Лучше мне под твоими ногами в твоей земле умереть, чем такую славу о тебе слышать, все одно только и говорят: для того он отдал дочку свою в Литву, чтобы там удобней землю и людей высматривать… смилуйся, возьми по-старому любовь и дружбу со своим зятем и братом своим». Нет, Иван III не желал брать «по-старому любовь и дружбу» с Александром. Вместо мира 23 марта 1503 года было заключено перемирие на 6 лет. К Московии отходили «на перемирные года» все земли, которыми владели князья-беглецы. Под властью Ивана III оказались верхний бассейн Десны и бассейн Угры, восточная часть Смоленщины, Брянщина, Гомельщина, а это давало Москве военно-политические преимущества для наступления на Киев и Смоленск. Подобных территориальных потерь Великое Княжество Литовское еще не несло. Слабым утешением было возвращение ВКЛ шести городков: Ельни, Руды, Ветлицы, Щучы, Усвят и Озерища.

В поражении обвиняли Александра. Он гневно ответил: «Тем, кто не советовал созывать посполитое рушение в нужное время, пусть Бог отплатит за тот злой совет». И делал вид, что готов сражаться, как явствует из его слов московским послам: «Какие наши земли он (Иван III) взял себе, и он бы те наши земли отдал». Но никаких реальных действий для этого Александр не предпринял, а вернулся в Польшу.

Александр Казимирович. Миниатюра из книги Э. Телка «Понтификат». 1515 г.

Два года занимался он польскими делами. Они были запущены. Брат Фредерик, которого Александр оставил вместо себя председательствовать в сенате, был человеком «ума небольшого», пьянствовал и развлекался. В общем, как писал современник, «каждый поступал не по закону, а свое самовольство чинил и искал всякой наживы».

Александр начал наводить в Польше порядок. Жестоко расправился с разбойничьими шайками, на-

воднившими Королевство, несколько панов поплатились жизнью за злодейства и насилие. В 1504 году на сейме в Петракове Александр определил обязанности королевских чиновников, добился принятия закона, запрещающего занимать одновременно две должности, что ослабляло их власть в государстве. Но эти победы Александр добыл ценой уступки шляхте. Теперь без согласия сейма король не мог вносить поправки в права и привилеи шляхты, что делало короля зависимым от нее. Поддержанная им Посольская изба, в которую входили представители шляхты, противостояла сенату. Король отнял у сената судебную и исполнительную власть. В сфере деятельности сената остались установление чрезвычайных податей и законотворческая деятельность. Провел он и финансовую реформу, создав систему податей. Но за все нужно было платить. Александр вновь согласился не принимать решений без совета сенаторов и послов земель.

Между тем литвины звали Александра в Великое Княжество. Паны рады были обеспокоены возвышением дворного маршалка Михаила Глинского. Он наговаривал Александру на раду: «Пока в Литве будут жить эти паны, до тех пор в Княжестве не утихнут ссоры». На Берестейском сейме в 1505 году Александр даже не выслушал оправдания панов рады и прогнал их прочь, а личного врага Глинского, трокского воеводу Яна Заберезинского, лишил уряда.

Не исключено, что Глинский настраивал Александра против панов рады не из-за оскорбленных чувств, а по соглашению с главой династии — венгерским и чешским королем Владиславом Ягеллоном. Под давлением поляков Александр согласился утвердить Мельницкую унию, а это вело и к политической смерти ВКЛ и к утрате Ягайловичами своих наследственных прав на Литву. Владислав объявил, что свои права на Литву передает Сигизмунду. Но влиятельная партия Заберезинского, в которую входили виленский епископ Войцех Табор, жемайтский староста Станислав Кезгайло, полоцкий наместник Станислав Глебович, великий гетман Станислав Кишка и другие паны, подписавшие Мельницкую унию, могла склонить сейм к принятию унии. Вот Глинский и распалил гнев на них у Александра. Сейм не состоялся, и унию так и не ратифицировали. Можно сказать, что Александр и Глинский спасли Великое Княжество Литовское от «втеления» его Польским Королевством.

Под влиянием Глинского великий князь был готов к решительным действиям. За панов рады вступился виленский епископ Войцех Табор. Он на Радомском сейме обвинил Александра в желании нарушить права панов. «Милостивы королю! Невинне на нас гнев твой господарски был, за прычыной некоторых людей, бо мы против тебе, господара нашого, не стояли, але ж мы боронили прав привилеяв наших, што быхмо пры них зостали, а так, милостивы господару, я яко пастыр тутошнего панства и ваш, повиненом того стеречь, и тебе, господара нашого, од того отводити, абы ты, господар наш, права нашы и листы свои нам одержал, а если бы хотел хто их ломати. Боже, мсти каждому таковому». Слушая эти слова, Александр весь кипел от гнева. Ему угрожали Божьей карой.

Х. Пиллати. Александр Казимирович. 1888 г.

После сейма Александра разбил паралич. Поправлялся он медленно. Тяжело пережил смерть матери в 1505 году. Больной, он отправился в Вильно организовывать защиту Великого Княжества Литовского от набегов крымских татар. Вероятно, понял он, что власть принесла ему только разочарование, а теперь и забирала последние силы. Поэтому 24 июля 1506 года в Лиде Александр написал завещание. «Единственным дедичем и наследником своим и своей отчизны в Королевстве и в Великом Княжестве Литовском» он назвал своего брата Сигизмунда.

В Лиде Александр собрал «посполитое рушение» — семь тысяч человек. Войско возглавил Михаил Глинский и повел его на татар. Александра отвезли в Вильно. По дороге ему стало хуже: он уже не мог разговаривать.

Глинский 5 августа возле Клецка разбил 30-тысячное войско крымских татар и освободил из неволи 40 тысяч пленников. Это было самое славное событие за время правления Александра. Неизвестно, собра-

В. Стащенюк. Клецк. Рисунок XXI в. с гравюры XVI в.

В. Ляхор. Клецкая битва. 2006 г.

лось бы шляхетское ополчение, если бы Александр не приехал в Литву и не организовал защиту края «от безбожных татар». Но он, пересилив болезнь, сделал все возможное для победы, а лавры победителя достались князю Михаилу Глинскому.

Известие о победе было последним утешением умирающего короля. «Тогда за этот вот найсчастливейший успех мы благодарность Богу, спасителю нашему вознесли», — писал он в послании своим подданным. Слабеющей рукой Александр пожал руки приближенным. Прав был хронист Мартин Кромер, писавший, что победу под Клецком надо приписывать не князю Михаилу Глинскому, «а только помощи самого Бога и счастью короля, который, борясь со смертью, победил врага, но став победителем, был побежден смертью». Ночь с 19 на 20 августа Александр не пережил. «В самом деле, вовремя умер, пока не раздал все как в Польше, так и в Литве», — злорадствовали после его смерти.

Не все удалось, не все приносило свои желаемые плоды, но укорять Александра в бездеятельности, в неспособности править державой не стоит. Тяжело избежать неудач. И великий Витовт познал их, но за долгое правление смог добиться и побед. А вот Александру жизнь не отпустила многих лет, время его побед так и не пришло. Поэтому и современники его, да и последующие поколения, только обвиняли Александра. Обвиняли в неудачных войнах. Хронист Матвей Меховский с долей злорадства писал: «В войнах он был лишен счастья, никогда не выигрывал. В его правление происходили великие нападения, разрушения, захваты людей, животных и имущества. Враги всегда, когда хотели,

Х. Пиллати. Александр Казимирович. 1888 г. Внизу изображена сцена транспортировки великого князя из Лиды в Вильно

свободно приходили и уходили без никаких потерь». Да, войны с Московской державой сложились для ВКЛ неудачно. Но разве не бездеятельная политика отца (великого князя Казимира) дала возможность укрепиться Москве, а его привилеи панам и шляхте ослабили власть великого князя? Александру же приходилось пожинать плоды правления отца. Что-то изменить, даже при желании, у него не было достаточно власти и сил, да и времени не хватило. И разве так свободно приходили и уходили враги? Стремительные набеги крымских татар приносили большие опустошения, но они были губительными и для врагов. В 1497 году князь Константин Острожский разбил отряд Махмет-Гирея. Две победы над татарскими загонами одержал слуцкий князь Семен Олелькович. И конечно, большая заслуга Александра в победе под Клецком. Именно он, уже смертельно больной, собрал войско ВКЛ и отправил на врага. Не заслуживает Александр таких обвинений, подобных тем, которые высказал Матвей Меховский.

Не стоит забывать о радении Александра в государственном строительстве. Он выдавал привилеи, наделял города магдебургским правом. Тем самым способствовал их развитию, а значит, и укреплению государства. А Вильно «с дня на день каждый раз лучше в разных искусствах умножал», как отмечали современники. Он сделал столицу краше, воздвиг вокруг нее стену, достроил знаменитый костел Св. Анны.

Судьба была к нему несправедливой, несправедливыми к нему были и современники, но он был справедливым, и его справедливость

Х. Пиллати. Смерть Александра Казимировича. 1876 г.

воспринималась подданными за великую милость, поэтому и назвали его Милостивым. Он не стал великим правителем, но остался справедливым и добрым человеком, принявшим вызов судьбы и истории. Побежденный, но не сдавшийся им.

СИГИЗМУНД КАЗИМИРОВИЧ (1506—1529)

Долго жила в Великом Княжестве Литовском «солодкая память» о великом князе Сигизмунде Казимировиче. Ностальгия по старым и добрым временам Сигизмунда печалью и жалостью наполняла сердца литвинской шляхты. В ее представлении Сигизмунд Казимирович был последним «прыроджоным» господарем из плеяды «князей наших, которие королевали», по выражению слонимского маршалка Ивана Мелешко. Добродушный и простой в жизни, Сигизмунд был последним правителем Великого Княжества Литовского, который придерживался патриархальных традиций своих предков. Сигизмунд «немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростію велми не любил, а Литву и Русь нашу любительно миловал», писал о нем Иван Мелешко.

Сигизмунд родился 1 января 1467 года и был младшим в семье Казимира Ягайловича. В отличие от старших братьев — Владислава, Яна Альбрехта и Александра — ему не досталась корона монарха. Старший

Я. Матейко. Сигизмунд Казимирович. 1891 г.

брат Владислав (венгерский и чешский король) в 1499 году выделил ему небольшое Глоговское княжество в Силезии, в 1501 году Сигизмунд получил от брата Опавское княжество, а в 1504 году город Лужицы в Чехии. В государственных делах Сигизмунд не принимал участие. Жил в свое удовольствие с любовницей Катаржиной Тельничанкой, родившей ему сына Яна и дочерей Регину и Катаржину. Как и отец, Сигизмунд увлекался охотой, но прославился своей необыкновенной силой — разламывал подковы, рвал канаты. С такими способностями нелегко править государством. Все же природный ум и житейская рассудительность воспитали у Сигизмунда мудрость правителя.

Казалось, что судьба обрекла младшего из Ягеллонов зависеть от милости старшего брата Владислава. Он, как глава династии Ягеллонов, попросил у Александра восстановить Киевское княжество и отдать его Сигизмунду в самостоятельное правление. Если бы Александр послушался брата и разделил Великое Княжество на две части, то не повторилась ли бы история Свидригайлы Ольгердовича и Сигизмунда Кейстутовича? Поэтому паны рады не допустили раздела державы. Сигизмунду оставалось смириться с судьбой и терпеливо ждать ее милости. Видимо, поэтому он и не женился, ибо монарху жену дает Бог.

Смерть брата Александра в 1506 году позволила Сигизмунду стать великим князем. Литвины «за вольным обраньем тех же всех станов и обывателей Великого Князьства» выбрали Сигизмунда своим правителем. На коронации 20 октября 1506 года паны рады, литвинские магнаты и шляхта торжественно присягнули ему. «Обираем собе и берем господаром на вечные часы господаря своего прырожонного яго мосць королевича Жыгимунта на великие князьства и маем яго мосци верне и справедливо служити, мы сами и дети наши, а мимо яго мосци королевича Жигимунта иного господаря не маем сябе искати, а ни обрати…».

В свою очередь Сигизмунд подтвердил привилеи Великому Княжеству и уставные грамоты Киевской и Полоцкой землям и торжественно поклялся: «мы старины не рушаем, а новины не уводим, хочем все потому мети, как было за великого князя Витовта и за Жигимунта». Вслед и

поляки 8 декабря 1506 года на Петрковском сейме выбрали Сигизмунда королем Польши, а 24 января 1507 года короновали его.

Сразу встал вопрос об унии Польши с Литвой. Поляки требовали свое, а литвины — свое. Сигизмунд, как и его отец, решил не обострять отношения между своими подданными и предложил сохранить союзные отношения между обоими государствами и ставил вопрос об унии для обсуждения в союзе. Поляки, скрепя сердце, вынуждены были показывать братскую любовь к литвинам и согласиться на союз.

Пришлось решать еще одну важную проблему — наполнение казны обоих государств. Вновь, как и его предшественник, Сигизмунд влез в долги под залог королевских и великокняжеских владений. Он рассчитался с наемным войском, добился на сейме 1507 года от литвинской шляхты военного налога «сребщины». Литвины понимали неизбежность войны с Московией, тем более, что новый московский князь Василий III Иванович претендовал на престол ВКЛ и был зол на литвинов за избрание ими своим правителем Сигизмунда. Московские войска начали опустошать «украинные» земли Литвы, подступали к Кричеву и Мстиславлю.

Но Сигизмунд совершил роковую ошибку, которая свидетельствовала о его незрелом политическом мышлении. Под натиском панов рады он лишил князя Михаила Глинского уряда дворного маршалка. Хотел ли Сигизмунд тем самым сохранить в государстве спокойствие или опасался, что князь Глинский захватит власть, но вот удалил славного полководца со своего двора.

Король был в нелегком положении. На князя Глинского сыпались обвинения: то он хотел Княжество под себя «подсести», то «у великое нежитье ввел» Александра с московским князем, то его самого «чарами сослал с сего света», то «великой княгине Елене много прикрости починил». Вот и поддался Сигизмунд наговорам. «Хотели есмо судом справедливого доводу, за таковую великую проступку его сказнити и стяти», но все же решил лишить его должности. Роковое решение! Глинский не стерпел обиды.

На Виленском сейме 16 июля 1507 года Глинский просил Сигизмунда: «Каб з паном Яном Заберезинским, иж бы ему справедливость сталася». Но король не прислушался к словам опального князя. И ему осталось только в сердцах сказать: «Покушуся, кролю, о такую речь, которая тобе и мине напотом будет жалосная». Видимо, Сигизмунд посчитал, что Глинский просто пугает его. Тому же оставалось самому подумать о себе.

Польский канцлер Ян Лаский предупредил опального князя: «Пане Михаил, никогда ты не будешь в безопасности среди этих панов, которые тебя ненавидят и покушаются на твою жизнь. Подумай о своей безопасности». Глинский ответил: «Ни перед кем не виноват, но все же вынужден уже сейчас подумать о своей безопасности», и начал действовать.

В Турове князь стал собирать своих приверженцев. И когда в 1508 году он начал «сеять искры мятежа», то Сигизмунд понял свою

ошибку. Но было поздно. Мятеж уже вовсю полыхал в Литве. Князь Глинский напал на двор Яна Заберезинского в Городно и убил своего врага. Встревоженный Сигизмунд прислал к мятежному князю посла и через него высказал желание «всякую управу учинити в их делах с литовскими паны». Король и великий князь хотели образумить своего подданного. «Семь раз посылал по поводу этого приватного человека, но усомнился в его непоколебимой преданности Речи Посполитой»*, — признавался Сигизмунд. Но и князь Глинский не поверил в искренность Сигизмунда. Он договорился с великим князем московским Василием Ивановичем. Московский князь пообещал князьям Глинским «жаловать и стоять за их вотчины». Собрав около 3 тысяч воинов, князь Михаил Глинский в 1508 году поднял мятеж. В марте он овладел Мозырем, который ему сдал мозырский староста Андрей Дрозд, его родственник. На Украине восстал брат Михаила — брестский староста Василий Глинский. Он открыто говорил, что цель мятежа — «Великое Княжество из рук Литвы отобрать и вернуть Руси, как перед этим было испокон, и восстановить киевскую державу». Мятеж мог перерасти в восстание православного населения, которое охотно поддержал бы московский князь Василий Иванович.

Сигизмунд арестовал князей и панов, заподозренных в сговоре с мятежными князьями. В темницу попали новогородский воевода Альбрехт Гаштольд, дворный маршалок Александр Ходкевич, дворный конюшный и ловчий Мартин Хребтович, князья Федор Лукомский и Василий Полубенский. Возможно, этот шаг короля предупредил более тяжелые последствия мятежа. Альбрехт Гаштольд позже признавался: «Если б я тогда содействовал Глинскому, чего он сильно просил, то легко овладел бы, по своему желанию, целой Литвой, которая была в большой смуте».

Опасения короля и великого князя Сигизмунда оправдались. Московский князь Василий начал войну с Великим Княжеством. В марте 1508 года из Москвы на Смоленск выступило 60-тысячное войско. Еще одно московское войско из Великих Лук двинулось на Полоцк. Активизировался и князь Глинский: он захватил Глуск, осадил Менск. Отряды мятежников и московский полк Андрея Трубецкого «огонь пускали и шкоды чинили» под Слуцком, Слонимом, Клецком, Новогородком и даже недалеко от Вильно. Сигизмунд срочно выехал из Польши в Великое Княжество, ведя с собой 5 тысяч польских наемников. Он лично возглавил собранное в Новогородке войско Великого Княжества. Как только Глинский узнал о приближении Сигизмунда, то снял осаду Менска и отступил за реку Березину. Мятежники заставили друцкого князя Андрея сдать им Друцк. Вот-вот должна была пасть Орша, осажденная московскими полками и отрядами Глинского. К Орше и двинулся Сигизмунд. 22 июля он дал бой врагу. Под обстрелом врага литвины перешли через брод Днепр. Одновременно несколько конных хоругвей переправились выше по реке и налетели на московский стан. Неожи-

---

* Речь Посполитая — так часто называли свое государство литвины.

Ю. Креш. Сигизмунд Казимирович ведет в бой войско через Днепр. 1885 г.

данное нападение вызвало среди московитов панику, и они начали отступать. Сигизмунд лично повел в бой резервные хоругви, переправившись через Днепр. Основные силы московитов стояли в бездействии. Глинский обещал воеводам «певное и велми сладное звитязство», но они не стали рисковать и отступили. А Сигизмунд повел войско к Смоленску и освободил город от осады.

На этом война закончилась. 8 октября 1508 года в Москве был подписан очередной «вечный мир». Обе стороны согласились на компромисс. Василий не требовал захваченных Глинским городов — Турова, Мозыря, Глуска, Друцка. Взамен Сигизмунд признавал переход к Московии захваченных у Литвы земель. Но обе стороны понимали, что мир — только передышка перед новой войной.

Остался недовольным итогами войны и Михаил Глинский. Он лишился своих владений в Литве и склонял Василия к новой войне, обещая ему победу. Князь, пользуясь своими связями, наладил отношения с Орденом и Саксонией. Возмущенный Сигизмунд укорял Василия Ивановича: «...брат наш, сам посмотри, гораздо ль ся то деет? Ты з нами в любви, и в докончаньи, и в крестном целованьи, а тот здрадца наш, слуга твой, будучи в твоей земли, нашу легкость шлет к братьи нашой королям хрестиянским, пишучи неправдивыи слова. А про то, абы еси того злого человека за таковый збыток сказнил, абы вперед того не починал». Василий не ответил и не покарал Глинского, «ибо знал, что в Литве нет равного Глинскому», и надеялся завоевать все Великое Кня-

Василий III. Гравюра из книги А. Теве «Космография». 1584 г.

жество Литовское, «пользуясь советом, содействием и искусством Михаила», как отметил Герберштейн.

Упрекал Сигизмунд и саксонского герцога Георга: «Вместо помощи против грозных врагов, которую мы заслуживаем, обороняя всеобщий спокой нашей кровью, всеми нашими средствами, вы, забыв на страх Божий и человеческий стыд, не боитесь готовить нам врагов и приводить их на нас и владения наши». Сигизмунд говорил правду: Великое Княжество Литовское своей кровью и своими силами сдерживало татарские набеги на Европу. Крымский хан посылал свои загоны на Украину и обещал помочь «своему сыну» Михаилу Глинскому. В 1510 году отдельные загоны крымских татар доходили до Вильно. Хан Менгли-Гирей оправдывался тем, что он послал своих сыновей «воевать Валахию»*, но те попали под уговоры злых людей и пошли на Литву, обещал вернуть весь полон и награбленное. «Как можно верить татарам, которые помогают Москве?» — удивлялся Сигизмунд. «Ты, брат, не имеешь уже стыда и побойся Бога, именем которого присяги так величественно и часто нам даешь и присяги эти во имя величия Божиего данные, без никакой причины нарушаешь», — увещевал Сигизмунд крымского хана. Но это было бесполезно, что и понимал сам Сигизмунд. Он не тешил себя надеждой смирить Менгли-Гирея. Разумней было держать наготове войско, которое лето и осень 1511 года простояло в Петриковичах в ожидании очередного татарского набега. Татары, узнав об этом, дальше Киева не пошли. Но от возмездия не спаслись. Возле урочища Рутна их нагнали слуцкая дружина князя Юрия Семеновича и отряд новогородского шляхтича Андрея Немировича. Восемь тысяч татар погибли. Но и это поражение не остудило хищный порыв грабителей. В начале 1512 года сорок тысяч татар во главе с самим ханом Менгли-Гиреем напали на Подолье и Волынь. В это время Сигизмунд собирался в Кракове венчаться со своей невестой Барбарой, дочерью семиградского воеводы Стефана Запольи. Король послал гонца к великому гетману литовскому князю Константину Острожскому: «Имея надежду на Бога, с помощью старания и успеха, отомсти врагу за беду».

---

* Старое название Молдовы.

Константин Острожский наскоро собрал три тысячи воинов и пошел на хана Менгли-Гирея. Татары стояли на реке Горынь возле Вишневца и чувствовали себя в безопасности. По дороге к Острожскому присоединился трехтысячный отряд с Подолья под командой польского гетмана Николая Ланцкеронского. 28 апреля войско литвинов и поляков наголову разбило войско Менгли-Гирея, положив на поле брани двадцать четыре тысячи его воинов. Хан Менгли-Гирей первым убежал с поля сечи.

Крупное поражение вынудило хана прислать к Сигизмунду послов (и как заложника своего внука Джелальдина) и просить мира. «Если король, брат мой, желает от меня, брата своего, помощи для возвращения земель своих, клянусь Богу на веру, что дам помощь, которую захочет», — обещал Менгли-Гирей. Впрочем, у хана был свой интерес — вновь поссорить Сигизмунда и Василия Ивановича и безнаказанно грабить их земли.

И когда мир между Великим Княжеством Литовским и Крымским ханством был подписан, крымские татары начали разорять московские земли. Василий III заявил, что набеги были по «королеву же наводу». Он послал Сигизмунду разметную грамоту — «взявши себе Господа в помощь, иду на тебя». Терпение великого князя московского кончилось, когда он узнал об аресте своей сестры Елены — вдовы великого князя Александра. Она хотела выехать из Вильно в Браслав, но виленский воевода Николай Радзивилл заподозрил ее в желании бежать в Москву и не отпустил ее. Елену под стражей вывезли в имение Стеклышки. Там при загадочных обстоятельствах 20 января 1513 года великая княгиня умерла. Таким образом, у великого князя московского было достаточно поводов разорвать мир. Сил для войны он собрал достаточно. Как доносили императору ливонские послы, Московия никогда не имела такого многочисленного войска, как теперь. Довольный Василий хвалился: «Пока конь мой будет ходить и меч сечь, не дам покою Литве». Целью новой войны был Смоленск, а после взятия его — поход на Вильно и Киев, т.е. завоевание всего Великого Княжества Литовского.

В начале декабря 1512 года московские войска подступили к Смоленску. Несколько московских полков пошло в глубь Великого Княжества Литовского — под Оршу, Друцк, Борисов, Кричев и Браслав. Однако осада Смоленска была безуспешной. Шесть недель простояло московское войско перед городом, но, как только Василий узнал о собранном Сигизмундом 30-тысячном войске, сразу снял осаду. Московиты потеряли под стенами города четыре тысячи воинов, а за всю кампанию — одиннадцать тысяч, но от завоевательных планов Василий III не отказался. Военный потенциал Московии позволял быстро восстанавливать потери.

В середине июня 1513 года 80-тысячное московское войско вновь осадило Смоленск. Город обстреливали из пушек, даже посылали туда подожженных голубей. «Добрые люди в крепости рыцарски оборонялись, терпели большую нужду от врагов, а также голод, потом съели всех лошадей, решившись все-таки скорее съесть друг друга, чем сдаться. Они жили в надежде, что их спасут... Они закрылись в крепости... в ней было более 10 000 мужчин и женщин. Эти благочестивые достойны венца», — сообщало об осаде Смоленска немецкое издание

«Новое известие». Одновременно в осаду были взяты Полоцк (24 тысячи московских воинов), Орша (14 тысяч) и Витебск (8 тысяч). Сигизмунд не был подготовлен к войне. «Московский враг опустошает и разоряет наши владения. Литвины же, охваченные страхом, располагают для защиты лишь своими силами, так как приглашать на помощь иноземцев уже поздно», — жаловался Сигизмунд своим советникам. Но мужество защитников осажденных городов сковало московские силы и дало возможность Сигизмунду собрать войско. Тем временем «приспе осени дни студеныа, а корму конского скудно бе». Именно это, по мнению автора «Повести о Смоленском взятии», и стало причиной снятия осады. Штурмы Смоленска приносили московскому войску огромные потери — 20 тысяч убитых, да еще 8 тысяч полегло в боях за Полоцк, Оршу и Витебск. Еще месяц-два таких безуспешных осад, и у московского князя Василия не осталось бы войска.

Тем временем Сигизмунд с войском в Чернигове ждал подхода крымских татар. Но Василий заблаговременно отступил. Он боялся встретиться с Сигизмундом в открытом бою.

Бои под Смоленском впечатляли современников. Свидетель их удивленно писал: «Кто и когда слышал о такой осаде, которая так долго и сильно продолжалась?».

Император Священной Римской империи Максимилиан I загорелся идеей с помощью Московии сокрушить Королевство Польское и Великое Княжество Литовское. В Москву приехал императорский посол Георг фон Шнитценпайнер. Между Священной Римской империей и Великим Княжеством Московским был подписан договор о совместной борьбе против Польши и Литвы. Признавались права Василия Ивановича на Киев, на украинские и белорусские земли, а за императором — на бывшие Орденские земли, перешедшие Польше. В грамоте Василий Иванович именовался «царем всея Руси», что впоследствии даст повод его сыну Ивану Грозному принять этот титул. К этому союзу присоединились Ливонский орден, Саксонское и Бранденбургское герцогства.

Возобновилась война вновь с осады Смоленска. 29 июля 1514 года с утра начался обстрел города из 300 орудий. Это был ад, «...яко от пушечного и пищалного стуку и людского кричяния и вопля, такоже и от градских людей супротивного бою пушек и пищалей земля колебатися и друг друга не видети, не слышати, и весь град в пламени и курении дыма мнешеся воздыматися, и страх велик нападе на гражданы», — писал автор Иоасифовской летописи. После шквального огня пушек город загорелся. Смоляне пали духом, «видели, что биться нечем, а передаться — боялись короля».

Не зря князь Михаил Глинский склонял смолян к сдаче города и внушал, что «мы не отступим в течение года и не пропустим к вам никакой помощи». Князь обещал, что «великий князь московский будет платить вам лучше, чем польский король». Смоляне дрогнули и взмолились, чтобы Василий «меч свой отпустил и приказал остановить бой». Василий унял свой гнев и пообещал смолянам «их держати о всем по тому, как их держал князь великий Витофт и иные государеве, и Алек-

сандр король и Сигизмунд». Как видим, смолян подкупило обещание сохранить прежние, данные им великими князьями литовскими права и вольности. Великий князь московский Василий пошел на эту уступку, чтобы взять Смоленск и привлечь на свою сторону другие белорусские города. И Смоленск 30 июля сдался.

А. Дюрер. Максимилиан I. 1518 г.

Василий милостиво обошелся с гарнизоном. Желающих сохранить верность великому князю литовскому отпустил, дав на дорогу по рублю, а тех, кто перешел на его службу, тоже одарил деньгами. В данном случае он использовал хитрость, желая задобрить защитников других городов в надежде на дальнейший поход. И совсем немилостиво отнесся он к смоленскому воеводе Юрию Сологубу, которого казнил за отказ служить ему.

Утрата Смоленска расстроила Сигизмунда. Горечь и растерянность звучат в его письме к брату Владиславу. Он жалуется на «подлую» измену наемников и смоленской знати, осуждает императора Максимилиана, настроившего папу против него и навевшего московитов на Великое Княжество. Сигизмунд просит брата убедить Максимилиана оставить «злость» против него. Казалось, что Литва и Польша находятся на грани разгрома. Польский представитель в Риме Павел Плоха доносил Сигизмунду, что «люди высокого положения переживали, что с Польшей уже покончено». Сигизмунд потерял было надежду спасти ситуацию.

И в это трудное время совсем неожиданно к нему в Менск приезжает гонец от князя Михаила Глинского. Князь просил прощения былой вины, потому что он «к Литве от московского вернулся». Глинский, не получив от Василия Смоленска, решил вернуться на родину. Он и советовал Сигизмунду двинуться к Орше, обещая помощь в боях с московитами. И этот шанс нужно было использовать. Сигизмунд воспрянул духом и отправил под Оршу 30-тысячное войско, а сам остался в Борисове под охраной четырех тысяч воинов.

8 сентября 1514 года возле Орши произошла решающая битва. Стремительный марш к Орше, бои с московскими заставами отняли пять тысяч человек. На начало сражения гетман Константин Острожский имел в своих рядах 25 тысяч боеспособных воинов против 80-тысячного московского войска*. Чтобы победить такую рать, литвины долж-

* Понятно, что войско Василия III в Оршанской битве было меньшим, чем цифры, приведенные в источниках.

Владислав Ягеллон. Гравюра XIX в.

ны были победить в себе страх против грозного неприятеля — и они победили его.

Сигизмунд Герберштейн так описал эту битву: «Наконец, построив передовые отряды, московиты затрубили наступление и первыми двинулись на литвинов, несколько оробев, стали твердо и отбили их. Но вскоре к московитам были посланы подкрепления, которые в свою очередь обратили литвинов в бегство. Таким образом, несколько раз то та, то другая сторона, получая подкрепление, поражала друг друга. Наконец сражение разгорелось с величайшей силой. Литвины, умышленно отступив к тому месту, где у них были спрятаны пушки, направили их против наседавших московитов и поразили задние их ряды, выстроенные в резерве, но слишком скученные, привели их в замешательство и рассеяли. Такой неожиданный боевой прием поверг московитов в ужас, ибо они считали, что в опасности находится только первый ряд, бьющийся с врагом. Придя в смятение и полагая, что первые ряды уже разбиты, они обратились в бегство. Литвины, развернувшись и двинув все свои силы, преследовали их, гнали и убивали. Только ночь и леса положили конец этому избиению».

Никогда московское войско не терпело такого сокрушительного поражения: 30 тысяч убитых, в плен попали предводители Иван Челядин и Михаил Булгаков, а также 6 воевод, 37 князей, 1500 боярских детей и около 8 тысяч воинов.

Окрыленный победой, князь Острожский повел войско к Смоленску, где против московских властей возник заговор во главе со смоленским епископом Варсонофием. Но заговор был раскрыт, и участники его казнены. Острожский не стал осаждать город, ибо не имел осадных орудий, а пошел в Поднепровье и освободил Дубровно, Мстиславль и Кричев.

Известие о поражении московского войска под Оршей быстро облетело Европу. В апостольском Риме были отслужены благодарственные молебны. Все союзники Московии не поддержали ее в войне. Новый крымский хан Махмет-Гирей совершил набег на московские земли. Император Максимилиан искренне признался Сигизмунду в сговоре с Василием. Наконец он понял ту опасность, которая угрожала Европе.

«Цельность Литвы необходима для пользы всей Европы: величие Московии опасно», — заявил он.

До примирения с Москвой дело так и не дошло — война продолжалась, но без крупных военных действий и сражений. Главные действия развернулись на дипломатическом фронте. Летом 1515 года в Вене встретились император Максимилиан I, король и великий князь Сигизмунд и его брат, венгерский и чешский король Владислав. Чтобы в дальнейшем не допустить союза Священной Римской империи и Московии, Сигизмунд уступил Габсбургам свое право на Чехию и Моравию. Он не страдал тщеславием великого государя. Не в расширении границ своего государства видел Сигизмунд величие, а в процветании его. Позже, когда в 1526 году погибнет в битве с турками его племянник, венгерский и чешский король Людовик, он откажется от предложенной чехами чешской короны. «Достаточно нам нашего королевства и панств, над которыми нас провидение желало поставить. Только б их в таких тяжелых и всякий раз возрастающих опасностях в целости и в добром состоянии мог сохранить», — ответил Сигизмунд чешским послам.

Встреча императора Максимилиана I с Сигизмундом и Владиславом Казимировичами. Гравюра XVI в.

Союз со Священной Римской империей нужен был Сигизмунду. Он справедливо отметил в письме к кардиналу-протектору: «В то время, как мы два брата [чешский и венгерский король Владислав. — *Авт.*] воюем за веру с неверными и схизматиками, иные бьются в междоусобных войнах в лоне христианства». И вот вместо благодарности эти христианские государи плели интриги против Сигизмунда. Хотел он или нет, но эму приходилось уступать императору. Тем самым жертвовал династическими интересами ради своей Отчизны. Сигизмунд согласился на брак с внучкой императора, Боной Сфорца, дочерью миланского герцога Иоанна Галезы Сфорца Д'аратона. В свою очередь император Максимилиан отказывался поддерживать Тевтонский орден и предложил быть посредником в заключении мира с Московией, заверяя, что с Сигизмундом он готов «пойти и в рай, и в ад».

Важные дипломатические победы одержал и великий московский князь Василий, заключив союзы с Орденом, Данией и Крымским ханством. Хан Махмет-Гирей писал Василию: «Не думай ни о чем ином, возьми для меня Киев, я помогу тебе завоевать Вильно и всю Литву». К Василию вновь вернулась уверенность в своих силах. Теперь он осо-

бенно не переживал из-за поражения под Оршей. Императорскому посреднику барону Сигизмунду Герберштейну, приехавшему в 1516 году в Москву, Василий сказал, что не вернет Смоленск Великому Княжеству Литовскому. Даже переход крымского хана на сторону Великого Княжества и поход литвинского войска в сентябре 1517 года на Псковщину, в результате которого были взяты Воронеч, Велье, Красный Городок, не пошатнули твердости Василия. Он стал уже требовать всю свою «отчину» — Киев, Полоцк и Витебск. Где тут было говорить о мире, когда и о перемирии послы Сигизмунда не договорились с Василием.

Собрав новые силы, великий князь московский развернул очередное наступление на Великое Княжество Литовское. В 1518 году московские полки совершили глубокий рейд по землям Литвы, сожгли и разорили окрестности Могилева, Слуцка, Менска, Новогородка и Вильно. Главный удар пришелся по Полоцку. Но воевода Василий Шуйский потерпел под городом поражение после ночной вылазки полочан.

Летом 1519 года московские войска разоряли предместья Могилева, Менска, Борисова, Молодечно, Крево. Губительным оказалось разногласие между панами рады. Виленский воевода Николай Радзивилл из-за ссоры с Альбрехтом Гаштольдом задержал «господарские» листы для сбора войска, а когда разослал их — уже было поздно. Беззащитное Великое Княжество Литовское полыхало в огне. Некому было защитить его. Король и великий князь Сигизмунд находился в Польше, гетман великий Константин Острожский на Волыни охранял южные границы от татар, а гетман Юрий Радзивилл воевал в Жемайтии против прусских рыцарей. Московского князя вновь поддержали крымские татары, напавшие на Белзскую и Люблинскую земли. 2 августа 1519 года в битве под Сокалем 6-тысячное войско литвинов и поляков было разбито 40-тысячным войском крымских татар.

Победы сменялись поражениями. Казалось, что война так и не кончится. Обе сражающиеся стороны обессилели. В 1520—1521 годах на войне ничего значительного не происходило. Наконец, 14 сентября 1522 года Василий III подписал с послами Сигизмунда пятилетнее перемирие. Смоленск оставался за Московией, но Сигизмунд с этим не соглашался. Как признавался канцлер Криштоф Шидловецкий императорскому послу, Сигизмунд никогда не согласится на мир с Москвой, если его условием станет уступка Смоленска, «хоть бы война будет идти вечно». Утрата Смоленска задела честь Сигизмунда. Даже шут Станьчик потешался над ним: «Больше, король, тебя дразнить, а не меня, что забран Смоленск, а ты про это молчишь». Поставленной цели возвращения захваченных Москвой литвинских земель Сигизмунд не достиг, и можно считать, что войну Великое Княжество Литовское проиграло. Но и Московия не выиграла, не завоевала Великого Княжества Литовского, а только отняла Смоленск.

В глазах подданных Сигизмунд был победителем. Поэт Ян Вислицкий посвятил ему поэму «Прусская война» с предисловием: «Сигизмунду, непобедимому королю Сарматской Европы», искренне благодарил его: «Спасибо тебе за опекунство, хвала твоему мужественному сердцу» и воспевал его военные победы:

Сигизмунде, украшение своей земли,
Ты счастливый славы Марсовой обладатель,
Тремя триумфами украшенный
Сияешь над всеми краями света.
Превзошел ты славой властителей,
Которых вспоминает поэт-вещун:
Они в столетиях вечных
Светлой красой триумфов сияют,
Но сникнут сиитионы перед тобой.

Прославлял Сигизмунда в поэме «Песня о зубре» и Николай Гусовский:

Клонит перо мое в сторону, чтобы тебе, Сигизмунде,
Отец короны и уделов Литовского Княжества,
Славу воспеть и восхвалить твои успехи в деле,
Дома великой, за межами края — не меньшей.

А самому Сигизмунду была милей слава законодателя, мецената, мудрого правителя, чем слава полководца и победителя. Главной целью своего правления он считал «добропорядочный стан» Короны Польской и Великого Княжества Литовского. В Литве давно назрела необходимость в упорядочении законов, ибо «юстиция руководилась исключительно обычаем и рассуждениями каждой отдельной головы и совестью, как казалось, каждому судье, более справедливо и слишком ненадежно», — писал Сигизмунд в 1522 году в своей грамоте. Поэтому на сейме в том же году он обещал дать «всем жителям и обывателям (ВКЛ. — *Авт.*), каким бы благородством и знатностью они не отличались, одно писаное право и один закон».

Тогда началась работа над составлением общегосударственного свода законов — Статута Великого Княжества Литовского. Статут должен был установить «одинаковую справедливость» для граждан государства. Основой законов, помещенных в Статуте, стали «звычаёвые» права белорусских и литовских земель, а также писаное право из прежних земских привилеев.

В 9-м разделе Статута декларировалось: «Теж хочем и уставляем вечными часы быти хованы, иж вси подданные наши так убоги, яко и богатые которого бы колвек ряду або стану были розно а одностайно тым писаным правом мають сужаны быти». Равноправие перед законом не только декларировалось, но и юридически закреплялось. Сам Сигизмунд выступал гарантом соблюдения законов.

«Господар шлюбует никого не карати на заочное поведанье, хотя бы ся тыкало ображеня Маестату* его милости. А хто бы теж не справедливе на кого вел, сам тым мает коран быти». Были установлены меры наказания за преступления, подтверждены права и привилеи феодалов для «размноженью великого князства Литовского». Сигизмунд обещал «панства его милости великого князства литовского и панов рады ни в чом не понижити». Важным для государственности ВКЛ был пункт, в ко-

* Маестат — высокородность, величие.

тором Сигизмунд говорил, что «шлюбует размножати великое князство Литовское и што не добре разобрано ку панству привернути», т.е. сохранять территориальную целость ВКЛ и вернуть его утраченные земли. Уряды, достоинства, земли в государстве должны были даваться только «прирожоным и тубылцом». Издавать новые законы и привилеи великий князь (господар) мог только «з ведомостью и порадою и призволенем рад наших великого княжества Литовского ради оправовати будем».

Работа над Статутом шла под руководством канцлера Николая Радзивилла из Гонёндзи, а после его смерти — канцлера Альбрехта Гаштольда. Есть данные, что в подготовке Статута принимал участие

Пророк Господень Самуил помазывает на царство Давида. Гравюра из «Первой книги царств», изданной Ф. Скориной в 1518 г. На гравюре справа изображен Сигизмунд Казимирович с короной Чешского Королества — символом его опеки под чешским королевичем Людовиком. Перед Сигизмундом стоит с поднятым мечом император Максимилиан I. За ним — Бона Сфорца. Среди персонажей гравюры изображены турецкий султан Мухамед II и папа Юлий II, благословляющий королевича Людовика в образе Давида

и белорусский первопечатник Франциск Скорина. По мнению исследователя Иосифа Юхо, многие правовые идеи Скорины использованы в Статуте. Необходимо отметить и то, что этот выдающийся памятник правовой мысли Европы написан на старобелорусском языке. Это содействовало закреплению его как государственного в Великом Княжестве Литовском.

Х. Пиллати. Сигизмунд Казимирович. 1888 г. Внизу изображена сцена показа художниками Сигизмунду своих работ

В действие Статут был введен привилеем Сигизмунда от 29 сентября 1529 года. Статут стал лучшим в Европе систематизированным сборником законов. Сигизмунд мог гордиться по праву законодательной деятельностью. И прославился он как «пан и хранитель чести, достоинства, доброты и счастья всех своих подданных и свободы народного права». В знак уважения королю-законодателю в его гробнице был поставлен бюст библейского царя-законодателя Соломона, который под рукой скульптора приобрел сходство с чертами лица Сигизмунда. Это своего рода символическое указание на духовное родство между двумя правителями. Сигизмунд воспринимался наследником мудрости Соломона.

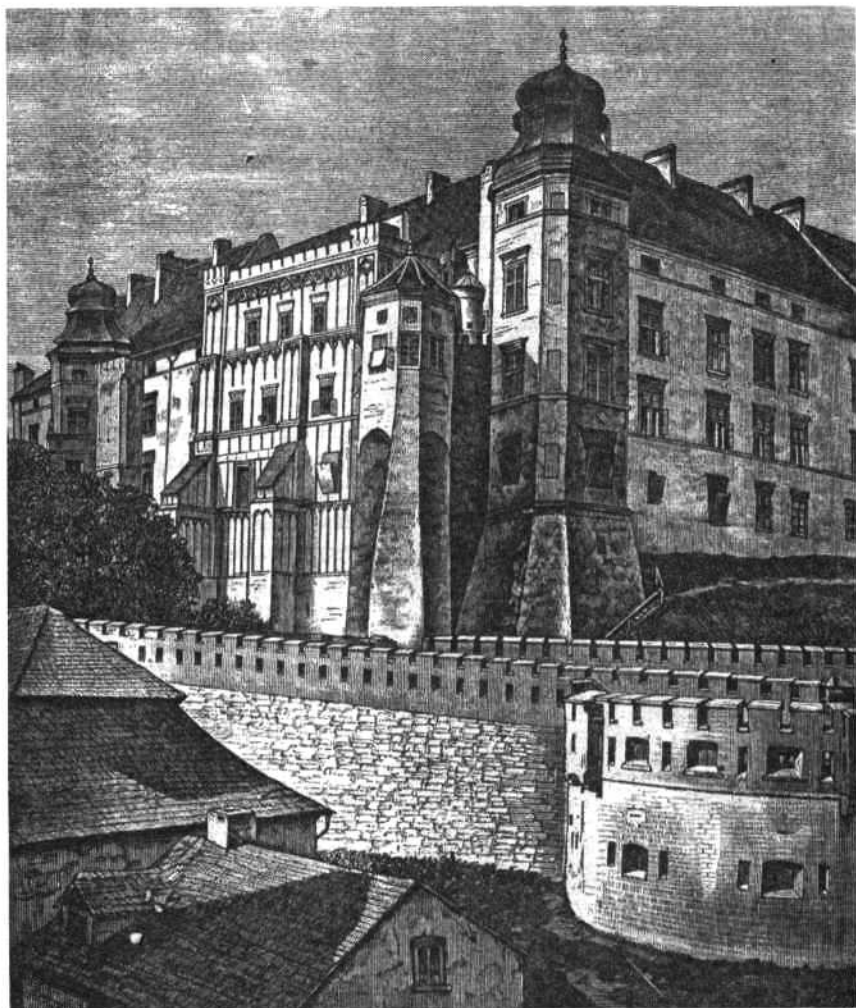
Воспитанный известным итальянским гуманистом Филиппом Буонарроти (Каллимахом), Сигизмунд любил ренессансную культуру, приглашал в Краков итальянских художников, скульпторов, мастеров. Вслед за Александром, который начал перестройку Вавельского замка после уничтожающего пожара в 1499 году, Сигизмунд завершил ее. Замок превратился в огромный дворец-крепость. Для украшения парадных залов дворца Сигизмунд приобрел в Антверпене 108 гобеленов, украшали залы полихромная стенопись и живописные картины. В архитектуре и искусстве Сигизмунд хотел показать величие династии Ягеллонов, которой принадлежало почти пол-Европы. И великолепный Вавель достойно представлял Ягеллонов перед послами европейских монархов и знатными гостями из других стран. Покровительствовал Сигизмунд и ученым людям, профессорам Краковского университета дал дворянские права. Знал он и белорусского первопечатника и просветителя Франциска Скорину. Когда Скорину в 1532 году преследова-

ли кредиторы, Сигизмунд издал указ об аресте его, но, разобравшись в чем дело, дал ему привилей. «Считая достойными доверия добродетельность, — говорилось в нем, — необыкновенную ученость в искусстве медицины, знание и умение выдающегося Франциска Скорины из Полоцка, доктора искусств и медицины, желаю ради этого одарить его особенной нашей лаской». Сигизмунд взял Скорину под защиту и опеку, запретив его задерживать или арестовывать и судить «под страхом тяжелого покарания по нашему осуждению».

Гуманизм отразился и на принципах правления Сигизмунда, которые он изложил в письме к племяннику, венгерскому и чешскому королю Людовику, желая наставить его «на дорогу добродетельной жизни». Королевскую власть Сигизмунд рассматривал как святую миссию, доверенную самим Богом, поэтому правитель должен руководствоваться Божьими заветами. «Тем более, когда власть и целое бытие наше в руке Бога, и что значит королевство перед его обликом — есть только ненужный прах. Просим Вашу Королевскую Милость, чтобы во всех делах своих Бога перед глазами всегда имел, ему служил, и не только в костеле, но и в покое своем ему молился, мессу и святое письмо слушал. В святые дни на охоту не ездил, а когда имеешь важное дело для решения, то совсем откажись от той охоты». Сигизмунд советует племяннику вести себя в жизни достойно его высокого положения. «Не будь неприступным с людьми, уважаемыми за доброту и знаки науки. В наградах смотри, что должен дать, одинаково остерегайся и расточительности, и скупости. Всегда избегай В.К.М.* компании нахлебников, людей, которые легко бросаются во все стороны, ничему В.К.М. хорошему не научишься от них, а следуя за их советами, не осчастливишь своих подданных». Что еще должен был делать правитель для счастья своих подданных? Быть мудрым в своих решениях, если этого дано, то слушать мудрых советников. «Когда В.К.М. на совете находишься, говори то, что нужно говорить, не в спешке, но тщательно все дела обдумай и делай... Не слишком доверяй своему уму, советуйся с сообразительными и знающими». По-отцовски Сигизмунд советовал племяннику соблюдать во всем умеренность: «Остерегайся пьянства и вседозволенности, ибо они позорят королевское величие». Вот и все. Этих принципов придерживался и сам Сигизмунд.

Людовик был для него как сын. Когда в 1522 году королева Бона захотела, чтобы Сигизмунд отнял у Людовика Глоговское княжество и отдал их сыну Сигизмунду Августу, он отказался. «Подумай, Ваша Королевская Милость, хорошо ли получается и какую нам славу снискаем у народов, если б мы от молодого племянника, доверенного нашей опеке, нарушая всеобщие права, вместо предоставления ему помощи и приложения стараний для возврата утраченного, желали б еще что-то с того малого, что ему осталось, для маленького сына, который этого не требует», — ответил жене Сигизмунд. И он был прав, усмиряя алчность королевы Боны. Какая слава от вероломства и грабежа своего племянника? Только бесславие.

* Ваша Королевская Милость.

С. Антошевич. Дворец в Вавельском замке. 1880 г.

А племянник Людовик, к огорчению Сигизмунда, не прислушался к его предостережениям и советам, жил и правил государством беспутно. Можно понять горечь Сигизмунда, когда он жаловался на своего племянника канцлеру Криштофу Шидловецкому: «До этой поры заботились мы о деле нашего племянника Людовика и посылали в его интересах много дорогих посольств, однако он мало уважает нашу заботу и внимание о нем, потому что пренебрегает советами преданных ему людей, а слушается чужих, и врагов наших принимает ласково с великими почестями, чего они не стоят». Не мог понять Сигизмунд, зачем Людовик по его совету не заключил мира или перемирия с грозной

Максимилиан I. Владислав, Людовик Ягеллоны и Сигизмунд Казимирович. На гравюре изображена сцена помолвки Анны Ягеллонки и Фердинанда Габсбурга. XVI в.

Турцией, ибо «христианские правители» разделены между собой и на них нет никакой надежды. Но именно эти правители, и прежде всего император Карл V, подталкивали молодого короля Людовика к войне с Турцией, прославляя его как защитника христианства. А тот и был рад стараться и ввязался в войну с Турцией, в которой и погиб.

Политика часто нарушала принципы Сигизмунда. Так, из-за излишней осторожности или нежелания воевать с Турцией он не поддержал Людовика в борьбе с турками. Когда Людовик узнал, что турецкий султан Сулейман замышляет поход на Венгрию, то послал к Сигизмунду своего гофмейстера Трепку с просьбой приехать к границам Венгрии и встретиться с ним для обсуждения плана действия. А когда Сигизмунд наотрез отказался, то Трепка со слезами произнес: «Король, ты никогда больше не увидишь своего племянника, и ни одно его посольство не явится к тебе более». Так и вышло. Король Сигизмунд под предлогом религиозных дел отъехал в Пруссию, к Гданьску, а его племянник погиб в битве с турками 26 августа 1526 года под Могачевом. Посланный Сигизмундом польский отряд во главе с великим гетманом Яном Тарновским опоздал. Гетман решил, что выполнил свою задачу и вернулся в Польшу. Стоит ли винить в этом Сигизмунда? Видимо, прав был епископ Войцех Крыцкий, когда заметил: «Король не сделает ничего сам по себе, однако сделает все, что захотят уважаемые сенаторы, для этого нужно придать ему импульс». Видимо, «уважаемые сенаторы» не были заинтересованы в войне с Турцией и не «придали импульс» Сигизмунду поддержать Венгрию.

Со смертью Людовика династия Ягеллонов лишилась чешской и венгерской короны. Сигизмунд не боролся за них. Самому ему было не по силам править еще Чехией и Венгрией, а малолетний сын Сигизмунд Август был просто не готов править двумя королевствами. По венскому договору Чехия и Венгрия перешли Габсбургам.

Своим урядникам Сигизмунд наказывал чинить справедливость и руководить «водле нынешних прав нашых от нас всему панству новоданных». Так, когда в 1536 году восстали жемайты, он не послал войско, а оказал им свою милость, простил «бунт и збурене», наказал жадных тиунов и облегчил феодальные повинности. Вместо разорения Сигизмунд «з ласкою и с полегчанем своим господарским новую, а лепшую справу в той земли Жомойтской вделал». Простил он и участников мятежа Глинского, хотя с печалью жалел князя: «Я переживаю, что такой муж стал недостойным себя и своих предков». Для того чтобы мещане «украинных» городов были довольны его политикой, Сигизмунд давал им свободы и наказывал наместникам: «а к людям украинным треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чом обтяжженья чинити». Такая мудрая политика приносила свои плоды. Города на границе с Московией мужественно защищались от московских ратей, отстаивая свою свободу. Никого не карал Сигизмунд без вины, а заслуженных людей уважал и достойно награждал. И совсем не льстивыми восхвалениями являются искренние признания современников. «Это муж, в котором можно видеть сосредоточие одних высоких качеств». Придворный поэт Андрей Оржевский без стеснения говорил: «Имею такого правителя, что болей за него славного не найти на свете».

Время правления Сигизмунда отмечено и веротерпимостью. Он отказался от политики ограничения прав православной церкви. При нем в ВКЛ было построено около 90 православных храмов. Наделяя города магдебургским правом, Сигизмунд указывал, что дает его «обудву законам» и городская рада должна была состоять равно из католиков и православных. В 1522 году, нарушив прежние привилеи, он отдал уряд трокского воеводы православному Константину Острожскому. Хотя и возмущались феодалы-католики, да только Сигизмунд не отменил своего решения. Человека он оценивал по его заслугам.

С. Самостржельник.
Святой Станислав благословляет Сигизмунда Казимировича и его вельмож.
Гравюра XIX в. с миниатюры XVI в.

Не преследовал он протестантов, которые чувствовали себя в Польше и Литве вольготно. Когда католические епископы посоветовали Сигизмунду ввести в Польше и Литве инквизицию, он возмущенно ответил: «Позвольте мне быть королем козлов и баранов».

Из дел, которыми мог гордиться Сигизмунд, следует отметить присоединение Пруссии к Польше. Своеобразным «импульсом» для этого была просьба жителей Торуня заставить Орден признать королевскую власть. В конце 1519 года Сигизмунд начал войну с Пруссией. Военных триумфов поляки не добились, только заняли часть Помезании. Сигизмунд рассматривал войну с Пруссией как продолжение войны с Московией, с одним из ее союзников. Когда папа римский Леон X укорял его, что воюет с противником, не равным ему по силам, он справедливо заметил: «Разве Великий магистр, укрепленный силами московскими, татарскими и немецкими, неровня ему?» Да, так оно и было — московские и татарские полчища опустошали Литву. Но даже это не спасло Орден от поражения. 5 апреля 1521 года в Торуне было подписано перемирие на четыре года. За это время Орден не укрепился и продолжать войну не мог. Последний магистр Тевтонского ордена Альбрехт Гогенцоллерн, 9 апреля 1525 года заключил с Сигизмундом договор, по которому ликвидировался Тевтонский орден, а Пруссия становилась герцогством. Альбрехт принес клятву вассальной верности польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду. Так бесславно закончилась история Тевтонского ордена. Не все были довольны заключенным договором. Многие желали включения Пруссии, как одной из земель, в Польское Королевство. Молодой ксендз Станислав Гозиус, будущий гонитель протестантов, укорял Сигизмунда: «Разве не назовешь монарха сумасшедшим, который мог легко победить врага, но взглянул на него ласково». А Сигизмунд не хотел отнимать у своего племянника* его владения.

В 1526 году Сигизмунд после смерти последнего мазовецкого князя присоединил к Польше Мазовию. Но для польской шляхты эти его заслуги мало значили. Она добивалась от короля новых привилеев и вольностей. В феврале 1537 года на очередном сейме представители шляхты потребовали «роздания урядов». Король отказался. Вновь Сигизмунда обвинили: «Король нарушает права и конституцию государства, не дает награды, отменяет привилегии, нарушает уставы и вольности, не держит присяги». Что мог сделать значительное без сильной власти Сигизмунд в государстве, где под «золотой вольностью» понимали право нарушать законы и права? Где любили напоминать, что Речь Посполитая не по королевской воле жить должна, а по писаным правам и он обязан находиться под властью права, которое выполняли важные сенаторы. А для этого королю нужно «давать импульс», т.е. обвинять, наседать на него, требуя от него новых уступок для себя.

Сигизмунду оставалось нарекать: «Связанный правами и порочными уставами... ничего сделать не можем к пользе и достоинству нашего

* Альбрехт был сыном сестры Сигизмунда Софии, жены бранденбургского маркграфа Фредерика.

государства». Даже если и не был бы он связан этими правами и уставами, то навряд ли мог что-то сделать. Просто из-за бедности государственной казны. Когда Андрей Косцелеский в 1509 году принял уряд польского подскарбия, то в кассе насчитали только 61 злотый. Что можно было сделать с такими финансами? Да ничего. Не лучше положение финансов было и в Литве. В 1532 году перед войной с Московией в казне ВКЛ великий князь Сигизмунд не обнаружил «ни гроша». Казну по своему усмотрению растащили паны рады. Спокойный Сигизмунд, сдерживая гнев, приказал подканцлеру без его согласия не выдавать из казны денег, и всегда иметь в ней запас.

Не мог похвалиться Сигизмунд и личными доходами с королевских и великокняжеских имений. Многие из них давно были подарены, проданы или заложены его предшественниками и им самим, а денег выкупить их не хватало. «Какой убогий король, имеет едва 300 тыс. дукатов разного дохода», — писал о Сигизмунде в 1532 году венецианский посол. А на самом деле годовой доход был еще меньше — 60 тысяч.

Сигизмунд словно попал в заколдованный круг. Он и хотел что-то свершить для своих держав, для которых «не жалел фортуны, здоровья, жизни своей, наконец, если смертью своей принести мог ей пользу» (так писал король в послании сеймикам), но не мог. Наиболее умные люди видели и понимали истинное положение Отчизны. Краковский каноник Станислав Гурский откровенно делился своими горькими мыслями с другом: «Вымерли мудрые сенаторы; стерно Речи Посполитой схватили или глупцы, или те, кто только заботится о личном интересе. Что же иное представляет наша Речь Посполитая, если не измену самой себе, бесчестные обманы, беспечность, продажу, если так дела пойдут дальше, то не сможем устоять и внезапно упадем. Провидение наше клонит нас к гибели». Но этот голос был заглушен голосами недовольной шляхты. «Речь Посполитая не по воли королевской, но по правам писаным должна управляться». Напоминали, что король находится под властью закона. Может, вопреки провидению, своим авторитетом Сигизмунд, как Атлант, удерживал Польшу и Литву от падения. Удивительно!

Весной 1537 года в Польше происходили тайные сговоры и собрания магнатов и шляхты. Все окончилось открытым выступлением против короля за возвращение значения прав. Посол шляхты Петр Зборовский призывал сенат к бунту. «С падением значения сената мы находимся в смутном положении. Надо стараться, чтобы наши вольности, привилеями нам гарантированные и обеспеченные, не отняты были силой, отобраны и отменены. Вас, сенаторов, призываем, чтобы защищали политику, достойную ваших отцов и ваших сенаторских урядов, и вместе с ними — честь и вольность вашей и нашей Речи Посполитой». И добился своего.

Шляхта выступила против короля — отказалась идти в поход на Молдавию и требовала исполнения своих требований. У Сигизмунда хватило выдержки не поддаться воле шляхты. Марионеткой он быть не хотел. Твердость духа и мудрость, за которые хвалили Сигизмунда, победили воинственный запал шляхты. Она покричала, повозмущалась, перебила в Львовских предместьях всех кур (отсюда название «Куриная

война») и разъехалась по домам. Пришлось Сигизмунду носить лавры победителя «Куриной войны». «Кто зная мудрость Его Королевской Милости, не поймет безмерного его огорчения. Видя себя всеми покинутым, вынужден был не только поклониться, но и стерпеть свою горечь», — сочувственно писал о страданиях Сигизмунда пан Ксяский. Горечь Сигизмунда можно понять, если учесть, что он впустую потратил на этот поход 40 тысяч флоринов из своей казны.

Сложными были отношения и с сенаторами. Сигизмунд высказывал им свои претензии, что они больше думают о частных делах, чем о государственных. «Нам всегда казалось губительным, что сенаторы наши собираются между собой и видят только свои приватные дела», не оставались в долгу и сенаторы. «Ваша Милость не император, только король, и то не сам, но с панами-радными, которые наравне с Вашей Королевской Милостью, как члена той головы, присягали охранять и защищать коронные права, которые должен Ваша Королевская Милость исполнять», — заявляли они.

Главными «грехами» Сигизмунда были нарушения права элекции*, сосредоточение в руках королевской семьи земских владений, наделение урядами неоседлых людей, ограничение власти сенаторов. Решительная королева Бона готова была силой расправиться с оппозицией. Она предвидела, к чему приведет «золотая вольность шляхты» — к падению государства. Но покончить с «вольностью» не хватало сил. Довелось Сигизмунду признаться в нарушении прав и дать присягу, что ни он, ни его потомки не будут нарушать конституции. А 25 февраля 1538 года он признал, что королевская корона есть собственность народа и нельзя ею распоряжаться, как это произошло в 1529 году, когда литвины выбрали великим князем его сына Сигизмунда Августа. Распоряжаться короной будет только народ. А народ не имел права голоса в выборе короля, но любил своего правителя. «Я на постели каждого из моих подданных спокойно заснул бы», — говорил Сигизмунд. А это было доверие к народу, а народа к нему.

Уважали и любили Сигизмунда в Великом Княжестве Литовском, ибо он «не литуючи працы своее, а наперед здоровья своего... мыслечы о отчызне своей Великом князстве... во-в покою и в обороне заховать и зоставить». В Великом Княжестве «господарили» паны рады, во главе которых стоял подручный королевы Боны — виленский воевода и канцлер Альбрехт Гаштольд. Он по поручению Боны склонил литвинских магнатов выбрать великим князем Сигизмунда Августа. А поскольку молодой Сигизмунд Август был только номинальным правителем, а «верховный князь Литвы» Сигизмунд Казимирович не находился постоянно в Великом Княжестве, то заправлял тут Гаштольд. «Все тут дела в руках Гаштольда», — доносил в 1528 году из Вильно королевский секретарь Ян Замбоцкий польскому подканцлеру Петру Томицкому. Против всевластия Гаштольда объединились католики Радзивиллы и православный Константин Острожский. Гаштольд стал натравливать

* Элекция — избрание на какую-либо должность.

на своих противников королеву Бону. Особенно чернил в ее глазах славного гетмана Константина Острожского, унизительно называя его «русским князьком», «подлым», задумавшим тайную измену. Остерегаясь открытой вражды двух могучих магнатов (наверное, помня пример Михаила Глинского), Сигизмунд попробовал примирить их, чтобы «...не сегали ни словом, а ни рукою, а ничым иным, и был бы собе во всем вовпокои...», и назначил обоим «заруку» в 30 000 коп грошей. Но эта мера не остановила Гаштольда. Престарелый князь Острожский вынужден был оправдываться от наговоров. А вот Радзивиллы не терпели обиды, они напали в 1530 году на Тыкоцин, принадлежавший Гаштольдам, и сожгли его.

Сигизмунд I. Гравюра XVI в.

Сигизмунд видел, что дела в Великом Княжестве Литовском выходят из-под его контроля. Для этого он решил ослабить магнатов. В 1530 году Сигизмунд с помощью бельской шляхты отнял у Николая Радзивилла имение Кнышин и передал жемайтскому епископу, а тот — Сигизмунду Августу. У Гаштольдов король Сигизмунд отобрал Нарев. Обеспокоенные магнаты начали сближаться, а в 1537 году они породнились через брак Гаштольдова сына Станислава, новогородского воеводы, и дочери Юрия Радзивилла — Барбары. В Великом Княжестве образовался опасный для Сигизмунда триумвират Альбрехта Гаштольда (виленского воеводы, канцлера), Юрия Радзивилла (великого гетмана, виленского каштеляна, дворного маршалка) и Яна Радзивилла (жемайтского старосты). По существу они втроем стали заправлять делами в ВКЛ. «Все захватили в свои руки эти трое, а с ними и их преданные сподвижники. Чинят они более жестокую за иные тиранию. Крик и вопли летят в небеса — справедливость погибла», — писал в 1533 году плоцкий епископ Ян Хояньский. И после смерти Гаштольда его долго вспоминали как «жестокого грабителя». Вот так правили в Великом Княжестве Литовском вельможные паны рады, вот ради чего они добивались себе привилеев и вольностей.

Сигизмунд не смог сломить магнатскую оппозицию. Он хотел лишить панов рады судебной власти и ввести шляхетские земские суды, созывать местные сеймики, на которых шляхта сама решала бы свои дела. Против выступил Альбрехт Гаштольд и при поддержке своих приверженцев сорвал важную реформу. Однако то, что не смог сделать ко-

роль и великий князь, сделала смерть, прибрав к 1541 году с этого света одного за другим Гаштольда и обоих Радзивиллов. Их место заняла новая поросль политической элиты, но не такая именитая. Так, виленский воеводой и канцлером стал бывший полоцкий воевода Ян Глебович; жемайтским старостой — Матей Янович. Сторонник Радзивиллов князь Станислав Довойно отправился воеводой в Полоцк, а молодые Радзивиллы остались без урядов. В Новогородке воеводой был назначен Григорий Остикович. Гетмановскую булаву никто не получил. Такой рокировкой Сигизмунд ослабил власть панов рады в Великом Княжестве.

Своим присутствием в Великом Княжестве Сигизмунд вносил покой и уверенность в жизнь подданных, давал им надежду на возрождение былой мощи слабеющей державы. И представлялось, что Великое Княжество оправилось от неудачных войн с Московией, воспрянуло духом и теперь литвинам по силам взять реванш. Наступило и удобное время, выпал и выгодный шанс для этого.

В 1533 году умер московский князь Василий III, и литвины просили Сигизмунда стараться «отыскать отобранные изменой и нападением подлого врага земли, умершего князя Москвы, города и земли литовские». На сейме в Вильно 15 февраля 1534 года было решено начать войну с Московией. 14 марта Сигизмунд разослал по всему Великому Княжеству призыв к князьям и шляхте, чтобы «ку службе нашой на войну ехали». Местом сбора был выбран Менск. Но пока гетман Юрий Радзивилл ждал полного сбора войска, некоторые шляхтичи начали проявлять «силное непослушенство», а то и убегать из военного лагеря. Многие магнаты отсиживались дома, глядя на них «пряталась» и шляхта.

Сигизмунд Герберштейн.
Гравюра XVI в.

Магнаты и шляхта забыли о своем долге оборонять Отчизну. Герберштейн писал: «Дела этого народа (литвинов. — *Авт.*) постоянно процветали до времен Витовта. Если им откуда-нибудь грозит война и они должны защищать свое достояние против врага, то они являются на призыв с великой пышностью, более для бахвальства, чем на войну, а по окончании сборов тут же рассеиваются. Те же, кто останутся, отсылают домой лучших лошадей и платье, с кото-

рыми они записывались, следуют за начальником с немногими, как бы по принуждению. А магнаты, обязанные посылать за свой счет на войну определенное количество воинов, откупаются у начальника деньгами и остаются дома, и это совершенно не считается бесчестьем, так что предводители и начальники войска велят всенародно объявить в сеймах и в лагере, что если кто пожелает откупиться деньгами, то может освободиться и вернуться домой. Между ними наблюдается такое во всем своеволие, что они, кажется, не столько пользуются неумеренной свободой, сколько злоупотребляют ею. Они распоряжаются заложенным им имуществом государей, так что те, приезжая в Литву, не могут жить там на собственные доходы, если не пользуются местной поддержкой».Герберштейн верно заметил: «Все ложится на плечи бедняков и слуг». Как можно было победить с такими вояками? Только чудом.

Сигизмунд вынужден был поторапливать магнатов и шляхту выступить на оборону края. Наконец-то войско было собрано, но шляхта особенно не рвалась в бой. Поэтому войско остановилось лагерем под Могилевом. Под Смоленск был отправлен один корпус во главе с князем Александром Вишневецким, а второй корпус во главе с киевским воеводой Андреем Немировичем пошел на Северскую землю. Ничего значительного они не добились. Немирович захватил и сжег городок Радогощ, но отступил от Чернигова, а Вишневецкий опустошил окрестности Смоленска. Этим гетман и ограничился. Вероятно, подобной военной демонстрацией литвины надеялись сделать противника более сговорчивым и заставить его вернуть захваченные земли. Но Москва не испугалась, а собрала 150-тысячное войско. Юный князь Иван Васильевич по просьбе своей матери Елены Глинской и митрополита послал эту рать на Великое Княжество Литовское. Противостоять такому огромному войску литвины не могли, да и не ждали врага, ибо Юрий Радзивилл распустил на зиму шляхетское ополчение. Поэтому московское войско, не встречая сопротивления, быстро дошло до Молодечно, а отдельные конные отряды появились в окрестностях Вильно. Враг безнаказанно опустошал литвинские земли. Такого поворота событий в Литве явно не ждали. Вновь пришлось кланяться татарам.

Сигизмунд богатыми дарами склонил на свою сторону крымского хана Ислам-Гирея. Был заключен союз и с его братом — казанским ханом Шафа-Гиреем. Так возникла коалиция против Москвы. На нее Сигизмунд возлагал большие надежды. Но он понимал, что татары не станут ввязываться в затяжную войну, ограничатся набегами. Поэтому надо было прежде всего рассчитывать и надеяться на свои силы. А силу посполитого рушения Сигизмунд уже видел — оно было небоеспособным. «Без помощи наемного войска обыватели того панства не оборонят свою землю», — считал он. Небогатая казна не позволяла нанять большое войско. Только тысяча конных и пятьсот пеших пришли во главе с великим гетманом коронным Яном Тарновским. Этого было недостаточно, но ничего не поделаешь. Казна была пустой, а личный доход с великокняжеских владений Сигизмунд тоже потратил, «всий пензи нашы на потребы земскии обернены».

Ю. Коссак. Воины-литвины. 1864 г.

Летом 1535 года в Речице собралось 40-тысячное (по московским данным) войско Великого Княжества, которое возглавил Юрий Радзивилл. В Москве не знали, куда двинется войско литвинов, но предполагали, что на Смоленск. Поэтому московское войско во главе с князьями Василием Шуйским и Даниилом Пронским стояло возле Мстиславля. Еще одно московское войско князей Бориса Горбатого и Василия Воронцова находилось около Опочки.

Московские войска первыми выступили в поход. Шуйский и Пронский сожгли Кричев. На этом их успехи закончились. Выстоял Мстиславль, о чем писал Сигизмунд: «Замок наш Мстиславский моцне облегли и з дел* его добывають немалый час з великим штурмом. И за тым добыванием жадного звытяжства не одержали». Отметил он и то, что московиты «посад изгонили и на посаде многих людей поимали в полон, и иных секли, посад сожгли, а град отстоялся». Подобное происходило возле Орши, Дубровно, Родомля. Героическая оборона «украинных» замков остановила движение московского войска в глубь ВКЛ. А когда московские воеводы узнали о набеге крымских татар на Рязанщину, то повернули войско назад и повели его к Оке.

В июле и войско Великого Княжества Литовского двинулось в поход, но не на Смоленск, а на Гомель. 16 июля после двух дней осады Гомель сдался. Вскоре после осады литвины 20 августа взяли и Стародуб. Отряд Андрея Немировича взял Почеп и Радогощ. На этом успех литвинов закончился. В дальнейшем их ждали неудачи. В феврале 1536 года трагически закончилась осада Себежа отрядом Андрея Немировича в 1200 воинов. Защитники замка сделали вылазку и откинули литвинов к озеру. Под их ногами проломился лед, и много воинов утонуло. Сам Немирович бесславно убежал. Одержав победу над Себежем, московские отряды сожгли посады Любеча и Витебска.

Война затягивалась и не предвещала для ВКЛ победного окончания. Положения не изменили нападения крымских татар на Серпухов, а казанских татар — на Нижний Новгород. Было ясно, что у ВКЛ не хватает сил продолжить войну. Юрий Радзивилл от имени панов рады написал

---

* Пушек.

князю Ивану Оболенскому и предложил «не проливать христианской крови». Начались переговоры. Споры и взаимные обвинения все же не помешали заключить пятилетнее перемирие, которое было подписано 18 февраля 1537 года. За Великим Княжеством Литовским остались Кричев и Гомель, а Стародуб, Себеж и Велиж возвращались Московии.

Итоги войны оказались ничтожными. А вот убытков война принесла немало — разорение и опустошение края, «оскуднение скарба» и главное — разочарование в своих силах и возможностях.

Надо было делать надлежащие выводы. Паны рады, которые охотно требовали себе привилеев и свобод, видимо, забыли горькие уроки войн с Московией. Поэтому понятна тревога великого князя о готовности страны к отражению неприятеля. В 1538 году, за три года до окончания перемирия с Московией, он обращался к панам рады с предупреждением: «Вам, Раде нашей, известно, что первую войну начали мы скоро без приготовлений, и хотя земские поборы давались, но так как заранее казна не была снабжена деньгами, то к чему наконец привела эта война? Когда денег не стало, мы принуждены были мириться.

Какую ж пользу мы от этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истечении перемирия неприятель наш московский, видя наше нерадение, к войне неготовность, замки пограничные в запустении, может послать свое войско в наше государство и причинить ему вред». Сигизмунд велел панам рады установить военную подать для уплаты жалованья наемным войскам. Паны рады уже не горели желанием воевать с Московией. Перемирие было продолжено 25 марта 1542 года еще на семь лет, а после еще перезаключалось. В итоге с 1537 года мир между Великим Княжеством Литовским и Московией держался около 25 лет. В чем была заслуга и Сигизмунда.

Литвины были благодарны Сигизмунду и за то, что он сохранил суверенитет Великого Княжества Литовского, не присоединил его к Польскому Королевству. Они выступали за равноправную унию, но поляки хотели «единения». В войне с Московией Польша не оказала литвинам «помощи», о которой они просили. Поэтому Сигизмунд справедливо укорял самих поляков: «Кто будет удивляться Литве, что не верит в унию, если с польской стороны не видят никакой помощи». Но он не исполнил просьбы литвинов сделать Великое Княжество королевством, чтобы оно не было «привлащоно к коруне Польской; бо коруна в коруну втелена быть не може». В августе 1526 года литвинская делегация — виленский епископ Ян (внебрачный сын Сигизмунда от Катаржины Тельничанки) и городенский староста Юрий Радзивилл — просила в Кракове короля, чтобы поляки вернули посланную Витовту императором Сигизмундом I королевскую корону. И если поляки не отдадут короны, то литвины готовы отправить посольство в Рим к папе и будут просить у него корону для Сигизмунда Августа. Великое Княжество готово было покрыть все расходы на посольство. У Сигизмунда были свои планы относительно Великого Княжества Литовского. Он хотел сохранить Великое Княжество как свое наследственное владение, которое собирался передать Сигизмунду Августу. А поскольку в Польше короля выбира-

ли, то гарантией избрания и был великокняжеский статус Сигизмунда Августа. Начиная с Ягайло, поляки, чтобы сохранить унию с ВКЛ неизменно выбирали своим королем великого князя литовского. А если Великое Княжество становилось королевством, то Сигизмунд Август мог потерять шанс на королевскую корону в Польше.

В 1529 году, когда подрос сын, Сигизмунд дал согласие литвинам избрать его великим князем. 18 декабря 1529 года в Виленском кафедральном соборе виленский епископ Ян венчал Сигизмунда Августа на Великое княжество. Но власть оставалась в руках Сигизмунда — «верховного князя Литвы», как он себя титуловал, а Сигизмунд Август оставался только номинальным великим князем литовским и жил при отцовском дворе.

Поляки упрекали короля в самовольстве, но вынуждены были смириться со свершившейся коронацией Сигизмунда Августа. Чтобы не потерять Литву, поляки решили выбрать Сигизмунда Августа польским королем. На Петрковском сейме сенаторы и послы шляхты просили короля, чтобы «с повода неопределенности дел людских позволили вынести его [Сигизмунда Августа] на трон польский». И он, естественно, позволил. Сигизмунда Августа выбрали польским королем, и 20 февраля 1530 года его короновали. Случай беспрецедентный — два короля в одной стране. Но власть по-прежнему принадлежала Сигизмунду Казимировичу.

На склоне лет Сигизмунд, понимая что для правления двумя государствами у него не хватает сил, передал в 1544 году своему сыну власть в Великом Княжестве Литовском. Да и в Польше он фактически не правил. Пользуясь старческой немощью Сигизмунда, его жена Бона стала самовластной хозяйкой в государстве. Сигизмунд не мог с нею сладить. «Говорить со старым королем, — писал итальянец Марсупини, — то же самое, что говорить ни с кем. Король, его милость, не имеет личной воли. Все держит в руках королева Бона. Она одна целым государством правит, все указы выдает, и так уже осточертела всем первым панам и шляхте, что ее едва терпят до конца жизни старого короля, и терпят из-за послушания, верней из-за страха. Молодой король ничего не говорит, ничего не хочет слушать и не хочет вмешиваться в никакие дела, так боится королеву Бону, мать свою. Вероятно, что находится он под чарами матери, ибо каждый день ходит к ней». Один только любимец короля шут Станьчик открыто высказывал свою ненависть к Боне, называя ее «гадиной итальянской». А может это был глас самого Сигизмунда?

Семейная жизнь короля не сложилась. Двадцатилетней умерла 2 октября 1515 года его первая жена Барбара Запольи. О себе она оставила добрую память из-за «большой набожности, преданности и послушании вере, доброты и человечности ко всем людям, щедрости к убогим». В браке с Барбарой у Сигизмунда родились две дочери: Ядвига, которая вышла замуж за маркграфа бранденбургского Иохима II, и Анна, умершая в детстве.

Король Сигизмунд хотел наследника и в пятьдесят один год женился на 24-летней Боне Сфорца, дочери миланского герцога. Выглядела

она словно ангел. Вот как описывает ее посол Сигизмунда, который ездил к ней в Бари: «Волосы имеет красивые яснольняные, когда (вещь удивительная) брови и ресницы совершенно черные; глаза более ангельские, чем человеческие; лоб небольшой и ясный; нос простой без горбинки и скривления; лицо румяное; как бы врожденная стыдливость украшает его; уста словно яркокрасный коралл, зубы ровные и удивительно белые; шея обыкновенная и округлая; щеки снежной белизны; плечи плавные; ручки — красивейших увидеть нельзя. А все вместе взятое, как и вся фигура или каждый член отдельно, создает очень красивую и очень привлекательную гармонию. В каждом движении выдающееся очарование, а более всего в речи; сознание и разговор не такие, какие характерны ее полу, но истинно изумительные. Слышали ее говорящей по-латински, не заучено и без подготовки и свидетельствую Богом, что в каждой фразе блистала цветастой изысканностью стиля. Давно знаю итальянский край, но до этого времени не нашли панны, что так красиво танцует». И как в нее не влюбиться? Сигизмунд влюбился и называл ее «найяснейшей панной», наделял ее владениями. Даже слал с охоты из белорусских пущ лесные трофеи, привез ей ручную белку. Да и Бона вначале хотела угодить мужу. Она заботилась о его малолетней дочери Анне от первой жены Барбары Запольи.

Бона Сфорца. Гравюра XVI в.

И вот наконец 1 августа 1520 года королева Бона родила сына. О его рождении Сигизмунд узнал в Торуни и послал жене поздравления: «Двойную и безмерную радость пережили от письма В.К.М. узнав, что роды счасливо прошли и с ласки Пана Бога имеем мы наймилейшего сына, вечный залог нашей взаимной любви. За такую счастливую и радостную весть очень сильно благодарю В.К.М. и усиленно просим ее, чтобы о здоровье своем как лучше заботилась. Найлюбимейшему сыну нашему дайте при крещении имя Сигизмунд, которое теперь вдвоем носить будем». Но Бона наперекор называла сына Августом, так и начал он носить двойное имя — Сигизмунд Август. А самого Сигизмунда с этого времени называли Старым.

Радость короля оказалась преждевременной. Рос маленький Сигизмунд Август под присмотром королевы Боны, в окружении девушек, слабовольным и разнеженным. Польская шляхта с тревогой смотрела

на воспитание их будущего короля. Какой из него мог быть правитель и рыцарь? В походе на Молдавию в 1537 году молодой королевич стал жаловаться на слабое здоровье и проситься домой. И Бона уже не отпускала сына из дворца, он все больше попадал под ее влияние, ненавидя при этом мать.

В семейной жизни Сигизмунда произошло и трагическое событие — смерть второго сына — Альбрехта. 23 сентября 1527 года король Сигизмунд в лесу травил собаками привезенного из белорусских пущ медведя. Рассвирепевший зверь бросился на охотников, опрокинул вместе с их конями придворного Ожеровского и шута Станьчика, чуть не задушил пана Тарло, которого чудом спасли слуги. Тогда медведь бросился в сторону, где находилась Бона. Испуганная королева повернула коня и погнала его прочь. Но конь споткнулся, и Бона упала на землю. В тот же день Бона родила мертвого ребенка, которого назвали Альбрехтом. Но, вероятно, король особенно не переживал, ибо посмеялся над Станьчиком, мол, тот вел себя не как рыцарь, а как шут, когда убегал от медведя. Станьчик метко ответил, что больше тот шут, кто, имея в клетке медведя, выпускает его себе во вред. И он оказался пророчески прав: бездумная страсть Ягеллонов к охоте привела к прекращению династии. Сигизмунд Август не оставил наследника, а младший Альбрехт, если б родился живым, может быть стал бы продолжателем династии Ягеллонов, но увы... Порой, подобные случаи фатально влияют на историю.

Сигизмунд Казимирович.
Гравюра 1846 г.

Больше сыновей у Сигизмунда не было. Бона родила ему дочерей: Изабеллу, ставшую женой венгерского короля Яна Запольи; Софию, вышедшую замуж за герцога браушнвейского; Анну, которая впоследствии стала женой польского короля и великого князя литовского Стефана Батория; Екатерину, жену шведского короля Юхана Вазы, от которого пойдет польская ветвь этой династии — правителей Речи Посполитой.

За ангельской внешностью Боны, как оказалось, прятался демонический характер. Она закатывала мужу сцены, кричала, плакала, падала на пол

в истерике и добивалась своего — новых пожалований от мужа-короля и великого князя. «Найяснейшую пани, жену нашу наймилейшую» Сигизмунд любил, а поэтому терпел все ее выходки. Жадная и коварная, Бона, подобно пауку, высасывала из Сигизмунда силы все новыми требованиями. Король ругался, называл ее глупой, но уступал ей, поддаваясь ее власти над собой. «Королева до такой степени повелевала королем, что без ее воли ничего не делается», — горько признавал эту правду в 1527 году канцлер Криштоф Шидловецкий. Подчинив себе Сигизмунда, королева Бона распоряжалась назначениями на должности, раздачей земских владений. Любыми средствами она увеличивала свое состояние. Свою жажду к богатству королева объясняла просто: «Искренняя любовь, которой окружаем королевское величество и нашего сына, вынуждает нас к накоплению богатства». Ежегодный доход ее был не меньше королевского: 54 тысячи злотых с Короны Польской, 34 тысячи с Великого Княжества Литовского и 20 тысяч дукатов с наследственного Барии. Как видим, Бона была богатейшим человеком в Польше и Литве. Следует отметить, что часть своего богатства она тратила и на пользу государства. Так, на ее средства были возведены замки в Каменце Подольском, Кременце, Цеханове. Эти замки охраняли южные границы Польши от татарских набегов.

Временами поступки Боны шли на пользу Великому Княжеству Литовскому. Как ни удивительно, но она выступала против унии Польши и ВКЛ. Хотя за этим стояла личная выгода: Бона не хотела со своих больших владений в Великом Княжестве (Оболецкий, Озерищенский, Клецкий, Кобринский, Шерешовский, Пинский, Рогачевский поветы и Городенское староство), выпрошенных либо вытребованных у короля, платить подати в польскую казну и выставлять солдат.

Б. Абрамович. Последние дни жизни Сигизмунда Казимировича. 1882 г.

Нерадостной была старость Сигизмунда, она отняла у него волю и власть. Огорчал его и сын. Много печали принес ему Сигизмунд Август женитьбой на Барбаре Радзивилл, против чего выступала Бона, польские магнатерия и шляхта. «Это боль, эта печаль привела Е.К.М. (Его Королевскую Милость) в немощь, с которой жизнь свою закончил и Пану Богу отдал душу», — писала Бона своей дочери, венгерской королеве Изабелле.

Умер Сигизмунд 1 апреля 1548 года. Как написала Бона

Изабелле «Век и болезнь победили силы тела... Переносил Королевская Милость и болезнь, и смерть с тем мужественным сознанием, с тем терпением, с которыми все этой жизни огорчения привык переносить».

Хронист Мартин Бельский дал Сигизмунду такую характеристику: «Этот государь был красив и владел такой большой силой, что рвал веревки, ломал подковы; давал мало советов, но с предусмотрительностью. Был немного гневен, но умел таить гнев в себе. Был трезвый, умеренный. Ходил в молодости в чепце или в венце розовом и с удовольствием ходил без шапки, носил длинные волосы, бороду постригал. Не был охотником к войне, за что его уважали многие короли. На неприятеля не поднимался, даже за большую обиду, и за это ему Бог давал счастье».

После смерти Сигизмунда целый год в Польше был траур. Люди носили черную одежду, и даже «стыдно было появляться из дома в ином уборе». В этом проявилась искренняя дань памяти своему правителю.

Заслужил он благодарную память и у литвинов. «Великославному господарю королю Жигимонту Казимировичу буди честь и слава на векы», — восславил его летописец, — поскольку был Сигизмунд «пан вельми добрый, справедливый и милосердный ку подданным своим».

СИГИЗМУНД АВГУСТ
(1529—1572)

Я. Матейко. Сигизмунд Август. XIX в.

Сигизмунд Август был последним правителем суверенного Великого Княжества Литовского и первым правителем Речи Посполитой — федеративной державы Польского Королевства и Великого Княжества Литовского. Он был последним из королевской династии Ягеллонов.

В один голос современники характеризуют Сигизмунда Августа как безвольного и слабого человека, не способного править государством. Язвительный Иван Мелешко вообще с презрением отозвался о Сигизмунде Августе: «Того нечего и в люди личити, бо Подляше и Волынь наш вытратив, ляхом менечися». Добрых слов у литвинов он не заслужил. Да и поляки не жаловали короля. Никому он не угодил.

Его рождения с нетерпением ждали в Польше и Литве. Отсутствие наследника у Сигизмунда Казимировича тревожило его подданных и вызвало неуверенность в завтрашнем дне. Что ждет Польшу и Литву, если угаснет династия Ягеллонов? Чувствовали и понимали, что покой и мир будут нарушены. Поэтому рождение 1 августа 1520 года королевича вызвало в Польше и Великом Княжестве Литовском всеобщую радость, «которой веселей не было».

Король и великий князь Сигизмунд в своем манифесте к сенату Польши и панам рады Великого Княжества писал: «Рождение сына принесло не только нам личную безмерную радость, но также обещает великую пользу и счастье всему панству на будущее, о чем даю вам знать».

Как оказалось, радость была преждевременной. Вскоре поляки забили тревогу: опасались, что наследник королевской короны вырастет не правителем, а «бабником». На характер Сигизмунда Августа влияла его мать, королева Бона Сфорца. Хитрая и властолюбивая, Бона мечтала вырастить сына послушным себе, чтобы через него править Польшей. Мальчик рос распущенным и капризным. К учебе сердце не лежало, зато любил забавы и игры в окружении девчат. Развращающее влияние на королевича оказал его воспитатель Джованни Амато Сицилийский, образованный, но аморальный человек. Он и познакомил юного королевича с соблазнами жизни и эротическими утехами, которые тот полюбил. Сигизмунд с печалью глядел, как сын «зря тратит время среди своры девчат и невест».

Он позаботился и об избрании сына великим князем литовским. На тайном совете 4 декабря 1522 года в Вильно гетман Острожский упал к ногам Сигизмунда, умоляя его отказаться от вынесения кандидатуры Сигизмунда Августа на великое княжение. Великий князь, который представлял это дело как желание самих панов рады, сказал: «Очень удивляюсь смене желаний, ибо, пока не имели наследника, желали его, молясь, чтобы Бог его вам послал. И вот Найвысший в своей безмерной ласке захотел нас этим одарить, а вы, кажется, не желаете счастья для нас и нашего сына, чтобы мы видели его возвышение. Как это досадно, можете понять». Совсем не враждебность к Сигизмунду двигала гетманом. Он боялся, что опекуном молодого правителя станет его враг Альбрехт Гаштольд. Видимо, Сигизмунд учел это обстоятельство и не стал настаивать на избрании сына великим князем, а только взял клятву у панов рады, что после его смерти они выберут на великокняжеский посад Сигизмунда Августа. Но паны рады взяли клятву и у Сигизмунда, что их достоинство и целостность Великого Княжества ни в чем не должны понести «ущербу и понижения».

Только в 1529 году, когда Сигизмунд Август подрос, а Константин Острожский из-за старости отошел от государственных дел, Сигизмунд дал согласие литвинам провозгласить его сына великим князем. 18 декабря 1529 года в Виленском кафедральном соборе епископ Ян венчал Сигизмунда Августа на великое княжество. Но вся власть оставалась в руках Сигизмунда: «Верховного князя Литвы».

В Польше это поступок Сигизмунда восприняли не однозначно. «Не знали или более тешеться, или удивляться». Сигизмунд нарушил и привелеи и договоры об унии с Литвой. Литвины вновь без согласия и участия поляков выбрали себе государя. Короля упрекали в самовластии, но вынуждены были смириться со свершившимися элекцией и коронацией Сигизмунда Августа и, чтобы не потерять Литву, решили выбрать его польским королем. На Петрковском сейме сенаторы и послы шляхты 18 декабря просили Сигизмунда, «чтобы с повода неопределенности дел людских позволили вынести его (Сигизмунда Августа) также на трон польский», — как писал король Боне. Он, естественно, позволил. Сигизмунда Августа выбрали польским королем и 20 февраля 1530 года короновали. Пока Сигизмунд Август веселился с девчатами на краковском дворе, он не стремился к правлению Великим Княжеством Литовским. Отец решал за него все дела. Но когда Сигизмунд Август 15 мая 1543 года женился на дочери австрийского эрцгерцога Фердинанда Елизавете, роль властителя без государства ему уже была не по душе. «Стыдно мне, — признавался он, — перед самим собой и людьми. Я король и князь, но без королевства и власти княжеской, и не имею места, где мог бы жить с королевой-женой». Он хотел вырваться из-под гнетущей опеки матери — королевы Боны, подчинявшей его волю. «Молодой король достойный и, кажется, обладает хорошими способностями, но боится до того свою мать, что ничего не делает, ничего не говорит без нее», — писал свидетель этой странной «зависимости» сына от матери. Он боялся ее, опасался принимать от матери подарки, подозревая, что они отравлены. Бона как могла отрывала сына от его жены, преследовала ее разными наговорами, не допуская ее влияния на него. Жизнь Сигизмунда Августа превратилась в кошмар. И тогда двадцатипятилетний Сигизмунд Август впервые в своей жизни проявил волю и наперекор протестам Боны и польских вельмож в августе 1544 года выехал в Литву. Ехал с одним желанием — заручиться поддержкой литвинов, чтобы они просили его отца передать ему в правление Великое Княжество. Он обратился к влиятельным в государстве Радзивиллам, к Николаю Радзивиллу Черному и его двоюродному брату Николаю Радзивиллу Рудому. Молодой великий князь оказался под опекой Радзивиллов. А тем более он, «не могучи здеръжати прырожоное хтивости своеи ку белым головам»*, мечтал познакомиться с красавицей Барбарой Радзивилл, вдовой новогородского воеводы Станислава Гаштольда.

С Барбарой Сигизмунд Август встретился в Героненах, куда он приехал по делам великокняжеской казны. Несколько недель гостил он у Барбары в Героненском замке: вроде бы прятался от эпидемии, а на самом деле и он, очарованный ее «повабами и нежностями», влюбился и, как писал секретарь папского нунция Гритиани, «с жаром ее возжелал».

---

* Так называли красивых женщин.

Осенью на сейме в Берестье литвины просили короля Сигизмунда Старого передать власть в Великом Княжестве своему сыну Сигизмунду. Против был враг Радзивиллов — виленский воевода Ян Глебович. Но ему напомнили: «Пока жил Гаштольд, твой предшественник, называли его грабителем, жестоким и несносным человеком, но теперь жаловать его нам нужно и рады б воскресить его к жизни, когда ты наших свобод отстаивать не умеешь и угнетать нас позволяешь». Магнаты и шляхта, подученные Радзивиллами, желали видеть великим князем Сигизмунда Августа. И король передал 6 октября 1544 года часть власти в Великом Княжестве сыну. Сигизмунд Август получил судебную власть, права распоряжаться светскими и духовными должностями. К нему переходили все великокняжеские владения. Король Сигизмунд по-прежнему распоряжался великокняжеской казной, из которой на содержание великого князя выделялось 18 тысяч коп грошей в год. А чтобы Сигизмунд Август не выдавал общегосударственных привилеев и постановлений, король приказал спрятать печать канцлера и подканцлера ВКЛ «в скрыню и опечатать ее». Акты и грамоты Сигизмунд Август должен был заверять своей личной печатью.

За свое согласие король Сигизмунд взял с литвинов обязательство помочь Польше в случае войны с Турцией и выставить 4 тысячи всадников.

Компромисс был найден, и обе стороны остались довольными. Сигизмунд Август особенно не переживал, что он, несмотря на громкий титул, по существу был наместником своего отца в Великом Княжестве Литовском. Лишних забот на себя он не хотел брать. Он не спешил в решении государственных дел. «Каждое дело, которое не спеша с добрым размышлением идет — результативное, а быстрое, бывает вредным», — считал Сигизмунд Август. Поэтому он любил откладывать дела «на завтра», а то и «на иное время». Его так и прозвали — «Король Завтра». Многие проблемы откладывались, и решение их становилось все труднее и труднее.

Первое, что сделал новый великий князь — это обновил состав панов рады. «Много есть кандидатов на первые дигниторские кресла, — писал свидетель, — но одновременно нет достоиных». Приходилось выбирать не достойных, а преданных и послушных. В политической элите Великого Княжества вопреки давним привилеям появились православные Александр Ходкевич и Иван Сапега, Семен Пронский и, что пугало панов-католиков—протестанты Радзивиллы. Гегемонии католиков в политической жизни ВКЛ наступал конец. Это тревожило поляков. Краковский каноник Станислав Гурский писал в 1544 году, предупреждая польских сановников: «Очень опасное положение нашего молодого короля в Великом Княжестве, тем более, когда там мало имеет при себе поляков. В самом деле, с великой болью пишу эти слова, но, к сожалению, большая опасность грозит ему, ибо Сапеги или русины гибель готовят». Зря волновались поляки — Сигизмунду Августу никто не угрожал.

К. Альхимович. Свадьба Сигизмунда Августа и Елизаветы Габсбург. 1886 г.

Великий князь не ломал обычного уклада жизни, не вводил «новизны». Все шло своим чередом, спокойно и без тревог. Кроме того, не надо было ехать в Краков на поклон королю Сигизмунду Старому. В Великом Княжестве Сигизмундом Августом были довольны. С ним не возникало осложнений и проблем. Тот же Станислав Гурский уже превозносил его: «Мыслит быстро, имеет чувство справедливости, а так же в решениях своих руководствуется единственным и исключительным резоном. Выражается всегда умно, а где нужно, очень уважительно и почтительно. Причем во всех делах обращается к Богу. Во истину будем иметь с Божьей помощью в нем деятельного и мудрого монарха». Это было 1544 году, но пройдет время, и каноник поймет свое заблуждение относительно молодого короля. Внешний облик обманчив, о человеке говорят его дела. А достоинства монарха определяются состоянием его государства.

«Воспитанник невест» вовсе не был приучен к той роли, которая выпала ему. Государственные дела отнимали время, а хотелось веселья и удовольствий, поэтому он часто останавливал своих сановников: «Не нужно мне диспутов… я так хочу», — и на этом заканчивались обсуждения государственных дел. Куда более внимания и времени уделял великий князь устройству своего двора. Собирал картины и книги (его библиотека составляла более 4000 томов). Для выезда на «люди» он имел 167 коней и 27 карет. Только на кухонные расходы тратилось ежегодно 30 тысяч злотых — сумма, которую все Великое Княжество отправляло Крымскому ханству как «ордынщину» — плату за украинские

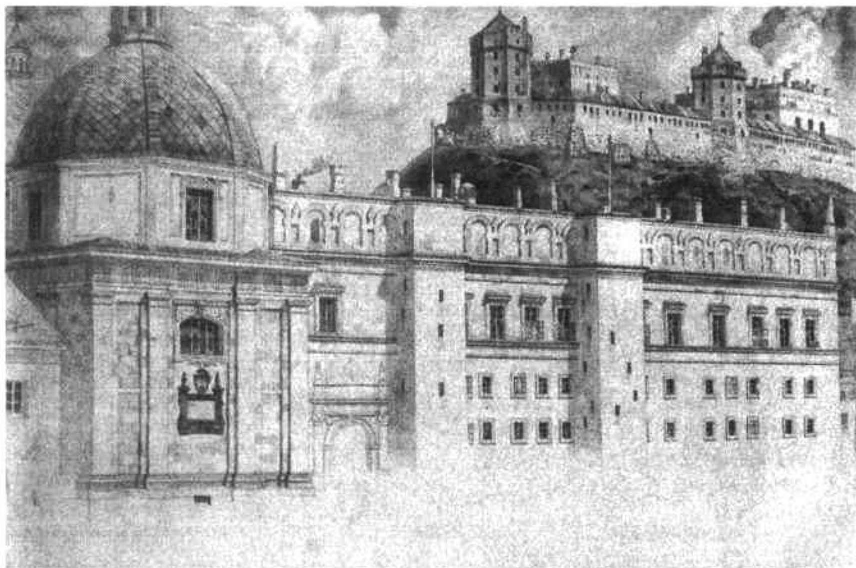
земли. А глядя на веселье великокняжеского двора, и магнаты вели пышную и разгульную жизнь. Все эти вакханалии на фоне голода, который свирепствовал в Литве в течение 4 лет, были подобны пиру во время чумы. Но сытый голодного не понимает. Правитель не хотел видеть страдания своих подданных.

Власть была для Сигизмунда Августа антуражем великокняжеского титула, дорогие и красивее вещи — атрибутами его величия. От предков передалась Сигизмунду Августу страсть к охоте, где он пропадал месяцами. Так, в 1546 году он потратил на охоту 223 дня. Где уже тут думать о державе!

Комендант Бари, приехавший в Вильно, писал: «Не удивляюсь, как молодой король заботится о своих подданных на Литве. Ничем он там серьезным не занимается. Полностью отдался потехам, танцам, маскарадам». Теперь Станислав Гурский с горечью отметил: «Наш молодой король, воспитанный невестами и женщинами, не любит быть в походах. Не идет искать великую военную славу. Наученный и околдованный матерью, убегает от жены, дает командовать собой матери». А вот еще одно свидетельство о бесполезной трате времени Сигизмундом Августом: «Окружила его целая свора неженатых сверстников: смех и разговоры только о девчатах, а после танцы, беседы, музыка, флирты, охота и на это уходит зря его наилучшие годы». Мирная передышка и внутренний покой в государстве обманывали Сигизмунда Августа призрачной верой, что ясное небо над Великим Княжеством будет всегда. Груз государственных забот лег на панов рады и, прежде всего, на Яна Глебовича. Он, без сомнения, был некоронованным правителем Великого Княжества и решал важнейшие дела: в 1544—1548 годах провел люстрацию границы с Короной, сделал ревизию волынских и киевских замков. Очень важным было точное определение границы Великого Княжества с Польшей, ибо здесь происходили частые стычки. Литвины жаловались на «на кривды несносные, которые мают... от панов поляков и мазовшан».

От Сигизмунда Августа требовалось только выполнять желания магнатов. На сейме в 1547 году он подтвердил прежние привилеи Сигизмунда 1506 и 1529 годов, а также привилеи Жемайтии (эта земля пользовалась значительной автономией, и Сигизмунд Август дал обязательство «не раздавать уряды в Жемайтии литвинам, русинам и полякам»).

Просили литвины Сигизмунда Августа кроме польского «держать и двор литовский». Но Сигизмунд Август отказал в просьбе, сославшись на отсутствие средств, мол, великокняжеские имения заложены панам. Странно, если вспомнить, что он получал из казны значительную сумму на личные расходы. Деньги тратились на украшения, картины, книги, уборы, лошадей... Много средств спускалось на балах и все это расточительство ради того, чтобы очаровать красавицу Барбару Радзивилл. Краковский каноник Гурский, который по существу стал соглядатаем при Сигизмунде Августе, доносил королеве Боне, что тот забыл «свою редкой добродетели жену и целиком отдался воеводше Трокской».

Великокняжеский дворец в Вильно. Реконструкция Ю. Комаровского. XX в.

Сигизмунд Август был поглощен красавицей Барбарой Радзивилл, которая затмила красотой и обаянием его фаворитку, очаровательную итальянку Диану Кардони. Смерть жены 15 июня 1545 года освободила его от уз Гименея. Даже говорили, что ее отравили по наговору Барбары Радзивилл. Наверное, в душе Сигизмунд Август радовался ее смерти. Он не любил Елизавету и последние годы держался с ней холодно, указывая, чтобы «она знала свое место».

Не долго носил Сигизмунд Август траур по умершей жене — балы, маскарады вновь веселили его. Это положение было на руку Боне, прибравшей власть к своим рукам. Она окружала сына красавицами со своего двора, «чтобы не проснулась у него жажда власти, а его энергия тратилась в сладостях и искушениях красивых и молодых любовниц». Очень точно подметили современники ее истинную цель в отношениях к сыну — не допустить его к государственному кормилу. Часто на балы во дворец великого князя приезжала Барбара. Монарх, чтобы понравиться возлюбленной, даже одел боевые доспехи и участвовал в рыцарском турнире 22 февраля 1547 года. В поединке со своим придворным Лингезом он, естественно, победил. Любовь вдохновила его на подвиги и героизм, пусть даже на турнирном поле.

По ночам Сигизмунд Август тайно приходил к любимой домой. Однажды его подстерегли братья Радзивиллы — Николай Черный и Николай Рудый, и он дал слово не встречаться с Барбарой. Любовь была сильней, но не мог жениться монарх на своей подданной. «Надеюсь, что Господь Бог, которого каждый день прошу, не допустит меня до такого падения, ибо могу зло использовать против своего разума», — при-

знавался Сигизмунд Август. Он мучился и не выдержал. Вновь тайно навестил Барбару и встретился там с ее братьями. Видимо, понял он тогда, что должен решиться на отчаянный шаг, ибо потеряет навсегда любимую, и согласился жениться на Барбаре. В ту же ночь капелан Радзивиллов тайно обвенчал влюбленных.

Слухи о браке Сигизмунда Августа с Барбарой Радзивилл поползли по Литве и Польше. Старый король с печалью сказал: «Когда ему не понравилась та, которую мы ему советовали, то пускай берет кого хочет». Казалось, Сигизмунд смирился с выбором сына, но не смирилась Бона, она и повлияла на решение мужа. Сигизмунд обратился к панам рады с просьбой уговорить сына отказаться «от неблагородной женитьбы, которая и нам и его милости великое унижение, а государством нашим немалое унижение принесло». Паны рады со слезами просили Сигизмунда Августа, «абы того не чынил и неровни собе, подданное своее, за мальжонку не брал». Но великий князь их «слухати не хотел». Он послал в Польшу Николая Радзивилла Черного задобрить своих родителей и магнатов со шляхтой. Но не так-то просто это было сделать. Против Барбары выступили многие магнаты, которые называли ее развратницей, колдуньей и т.д. Радзивилл Черный писал Николаю Рудому, что о Барбаре говорят: «она злая, хуже, чем старая [Бона], при этом и глупая, тогда не сможет так мешать, как Бона». Имя Барбары вызывало в Польше ненависть. Паны и шляхта считали себя оскорбленными. Стали появляться памфлеты, в которых грозили Радзивиллам «декретом английским» казнить смертью за измену сословию. «Очень все неблагодарные, но не удивляюсь этому, если короля, пана своего, не умеют чтить и почитать», — писал князь Радзивилл Черный брату. Он точно подметил отношение польских магнатов и шляхты к своему королю, и оно не изменится уже до конца его правления. У него отняли право на любовь, он должен был, как преступник, хранить в тайне свой брак. Даже родителям не мог он представить свою жену. При встрече с отцом на Петрковском сейме в начале 1548 года Сигизмунд Август не признался в своей женитьбе. Но брак Сигизмунда Августа не был уже ни для кого тайной. А он побоялся признаться на сейме в своей женитьбе.

Новость о смерти отца 1 апреля 1548 года не только опечалила великого князя, но придала надежды. Сигизмунд Август 17 апреля официально представил Барбару панам рады: «Барбара есть моя жена, через обряд христианский и в присутствии ее кровных мне в брак отдана. Знайте, что никакая сила на свете этой законной связи, сделанной между христианами, не может разорвать… Когда я по воле Бога с первого дома на Литве и от знаменитого отца рожденную взял за жену, то отдайте ей честь как королеве и государыне».

Паны рады нарекали на своего правителя, взявшего себе подданную и унизившего честь государства, но вынуждены были смириться с его выбором. Но в Польше против «неславного королевского брака» дружно выступили магнаты и шляхта. «Мы, поляки, имеем, к сожалению, короля не только изнеженного в начале своей жизни, но также безрассудного в делах и слове, скорее шута, чем короля», — заявили они. Сигизмунда Августа ждала трудная и упорная борьба за право любить.

Не осталась в стороне и королева Бона. «Этот брак будет началом падения государства его королевской милости», — предрекала она. Сразу же после смерти короля Сигизмунда Бона написала своей дочери Изабелле: «Умножай наши старания против несчастливого и недостойного брака нашего сына на Литве, которого он наперекор всем здоровым советам упорно держится, через который заслужит себе не только у всех монархов позорное имя, но даже у собственных подданных будет в презрении».

Ее старания понятны, ибо за Барбарой стоял самый могучий в Литве род Радзивиллов, а они власти никому не уступят и Сигизмунда Августа под себя подомнут. Бона почувствовала смертельную угрозу своему властному положению.

Казалось, что против Сигизмунда Августа ополчился весь свет. Но он был твердым, оппозиции не удалось заставить его отречься от Барбары. Проявилась присущая Ягеллонам черта — упрямство. Это подметили и современники: «Что король раз постановил, исполнит, хотя бы целый свет должен был низвергнуть». Жаль, что эта черта характера у Сигизмунда Августа проявлялась редко, да и то только в личных и амурных делах. На сейме он ответил шляхте: «Отпустить мне ее (жену) нельзя, перед Господом Богом взял я брак с ней, нельзя мне желать, чтобы отпустил ее, или что иное делать против закона христианского… Когда брак свой и присягу нарушу, то таким образом и вольности ваши нарушу». Остался король непреклонным и тогда, когда депутаты сейма упали перед ним на колени и просили отказаться от Барбары.

Сигизмунд ответил пламенной речью: «Не знаете ли, что в Польше даже самих королей с равных сословий выбирали, но каждый из них был за короля признан. Тем более когда говорим о королевской жене, ибо не жена мужа, а муж жену возвышает и делает ее высокородной. По желанию Бога каждый выбирает себе жену, которая ему нравится, и мы, будучи королем, хотим такую же свободу употребить в выборе жены… Жену нашу оставить? Это не достойно нам сделать, ибо мы перед Богом с ней обвенчались! Не желайте мне, чтобы я отпустил ее или что иное сделал против закона христианского…иной жены, если эту отпущу, иметь не буду… Не только отпустить ее и о ином говорить, но и думать не хочу, только кого мне Бог дал, ему и буду рад, чтобы не только на душу мою и жены моей, но и на королевство кару Божью не принес».

Натиск оппозиции не ослабевал, и Сигизмунд Август готов был отказаться от польской короны и, пусть «в последней рубашке», но остаться со своей женой. Страсти еще более разгорелись, когда Барбара прибыла в Краков. Бона демонстративно уехала в Варшаву и там плела интриги против сына и его жены. Сигизмунд Август забыл о королевских обязанностях и днями пропадал в покоях Барбары. Слухи о том, что король из-за жены не занимается делами королевства, будоражили панов и шляхту. Но короля прежде всего волновала судьба любимой.

Воистину он был похож на героя рыцарского романа Кретьена де Труа «Эрик и Эниде», рыцаря Эрика, чрезмерно влюбленного в свою жену и забросившего турниры и бои, не замечая, как низко пала его ре-

путация. Но Эрик все же сподобился стряхнуть с себя любовное наваждение и доказал доблестью свое рыцарское достоинство. А вот Сигизмунд Август так и не избавился от чар красавицы.

Ф. Гренье. Барбара Радзивилл.
Гравюра 1860 г. с портрета XVI в.

По совету Николая Черного Сигизмунд Август отказался поддерживать своего племянника Яна Запольи*, боровшегося с Габсбургами за венгерскую корону. Взамен Габсбурги обязались помочь ему расправиться с оппозицией. По тайному договору эрцгерцог австрийский Фердинанд прислал 5 тысяч испанских солдат, которых король поставил в своих имениях. Теперь и у Сигизмунда Августа появилась сила против оппозиции. И она дрогнула, ее вожди стали переходить на сторону короля. На очередном сейме еще звучали голоса против брака Сигизмунда Августа и Барбары, но они уже ничего не значили. Вопрос о ее коронации был решен. Теперь былая оппозиция радостно кричала: «Пусть будет убит тот, кто не хочет иметь ее за королеву!» И наконец 9 декабря 1550 года Барбара была коронована.

Барбара не радовалась королевской короне. Тяжелая болезнь отнимала силы и красоту. Доктора предсказывали близкую смерть. Сигизмунд не отходил от ложа, на котором угасала любимая женщина. Он готов был на все, чтобы спасти Барбару, даже пригласил знахарок лечить ее. Здоровье Барбары улучшилось, но болезнь не отступала. Наконец Сигизмунд Август положился на волю Бога, «чтобы тот сам лечил, в недостатке людского спасения».

8 мая 1551 года молодая королева Барбара умерла. Сигизмунд Август плакал от горя. И по словам Николая Черного, король «кровавым потом» обливался по любимой.

В смерти Барбары подозревали королеву Бону. Говорили, что молодую королеву отравил секретарь Боны— Людвик Монти. Сигизмунд Август так и не простил матери неприязни к своей жене. И Бона в 1556 году, прихватив из казны драгоценности, уехала на родину в Италию, где вскоре была отравлена.

Похоронили Барбару в Вильно, хотя поляки и Радзивиллы хотели положить королеву в королевской гробнице на Вавеле. «Тут при ее жиз-

* Сын сестры Сигизмунда Августа Изабеллы, жены венгерского короля Яна Запольи.

Сигизмунд Август. 1554 г.

не хотели быть благородными, пусть и после смерти никто ее тут не видит», — решил Сигизмунд Август. Всю дорогу до Вильно он ехал на коне за повозкой с гробом Барбары и плакал. Король до конца жизни носил траурную черную одежду. И он завещал похоронить себя возле могилы Барбары, чтобы и после смерти быть рядом с любимой.

Легенды рассказывают, что король пригласил к себе известного мага Твардовского. По его просьбе маг показал в зеркале тень Барбары. Увидев привидение любимой, король с криком: «Басенька моя!» — бросился к нему. Произошел взрыв, и в дыму привидение исчезло. История любви Сигизмунда Августа и Барбары Радзивилл послужила сюжетом многих литературных и художественных произведений. И в них Сигизмунд Август показан романтическим влюбленным и несчастным мужем, вызывающим сострадание. Прославила Сигизмунда Августа не его государственная деятельность, а несчастная любовь.

Личное горе угнетающе подействовало на Сигизмунда Августа. Он безвольно принимает решения по совету Николая Черного, которому дал уряд виленского воеводы и земского маршалка. Папский легат Алоиз Липпомани писал о Радзивилле: «…этот пан является всем у короля: советчиком, канцлером, маршалком, фамильярным приятелем, с которым король ест, танцует, забавляется». Современники объясняли такую зависимость правителя от своего сановника колдовством. Так считал австрийский посол Ян Лан: «Формулами колдовскими и дьявольским влиянием овладел он (Радзивилл.— *Авт.*) полностью королем, и то, что советует, наговаривает, что скажет и что пожелает, то король делает, не обращая внимания ни на чей совет, в делах религиозных или делах государства, или иных важных делах». Но не в колдовстве крылась сила Радзивилла, а в слабости самого Сигизмунда Августа. Современники отмечали, что Сигизмунд Август «кажется слабым, а поэтому не любит трудов и забот. В разговорах осторожный, скрытный, ссылается на недомогание, в ответах своих сдержанный, такие использует двойственные высказывания, что кажется, что его слова можно понять иначе и, как правило, никогда не обнадеживать там, где говорит о публичных делах, и вместе с тем никогда ничего не обещает с уверенностью». От такого правителя нельзя было

ждать выдающихся свершений, а от него подданных — активной деятельности. Одни предались разгульной жизни, другие впали в «ересь» — увлеклись модным протестантизмом, третьи вовсе забыли о своих государственных обязанностях.

Папский нунций Алоиз Липпомани обвинил польскую шляхту в падении морали и боевого духа: «Отец его был королем необыкновенных достоинств, немалой охоты к рыцарским делам. Но сын, любящий спокойствие, ни разу не вышел еще в поле, что ослабило боевой дух шляхты, которая раньше непрерывно занималась в воеводствах рыцарским ремеслом, всегда готовая собраться под руководством короля числом в сто тысяч польской конницы. Теперь отвыкла от оружия, залегла дома и вместо обороны страны и соединенных с ней краев, отдается чтению еретических книг».

Х. Пиллати. Сигизмунд Август. 1888 г. Внизу изображена сцена смерти Барбары Радзивилл.

Даже вопрос о новой женитьбе короля решал Николай Радзивилл Черный. Неудивительно, что он заботился не о сердечных чувствах короля, а о политических выгодах Великого Княжества Литовского и сосватал ему вторую дочку австрийского эрцгерцога Фердинанда Екатерину. Этим браком князь Радзивилл Черный сорвал планы московского царя Ивана Грозного получить от императора Карла V королевскую корону. 31 июля 1553 года в Кракове Сигизмунд Август третий раз венчался. Но и этот брак не принес ему счастья и душевного покоя. Сестру первой своей жены — Екатерину, болевшую эпилепсией, он не любил. Сигизмунд Август думал развестись с нею и сообщил императору, «что чувствует к Екатерине непривычное отвращение, считает связь с сестрой после сестры за кровосмешание». Папа римский ратовал за сохранение брака. Тем более, что в 1554 году королева сообщила о своей беременности. Но минуло время, и стало ясно, что она просто обманывала всех, имитируя беременность. С этого момента король отдалился от жены. Горячая кровь толкала его в разгулы и разврат. Понятно, что за это набожные

В. Герсон. Твардовский вызывает тень Барбары Радзивилл. 1887 г.

поляки не любили и не уважали Сигизмунда Августа. А за что было его уважать? «Поляки не слушаются его, не почитают, злословят о нем публично, о чем он мало волнуется. Владения коронные розданы или заложены, не приносят ему никакого дохода, так что на содержание свое обязан брать в долг», — писал Липпомани. А между тем деньги на украшения, убранство своих дворцов, картины, шпалеры, дорогие безделушки, ювелирные изделия находились. В королевской конюшне стояли две тысячи коней. Но свое богатство Сигизмунд Август, как знаменитый Крез, прятал от чужих глаз в своих сокровищницах: «предивной работы» оружие, дорогую одежду (хотя сам одевался просто и скромно), меха, рубин императора Карла V (стоимостью 80 тысяч золотых скудов), драгоценные камни, медали, золотые и серебряные украшения и вещи, шапку с рубинами (стоимостью 300 тысяч золотых скудов) и много всякого добра. В 1560 году видом королевских богатств был поражен епископ Комерини: «Я видел много драгоценностей, но столько собранных в одном месте не ожидал найти, с которыми венецианские и папские, которые также видел, не могут идти в сравнение… Этому никто не поверил бы, кто этого не видел». А для защиты Отечества у короля денег не находилось. Так, для покупки брюссельских гобеленов он потратил 100 тысяч талеров. А через несколько лет ровно столько попросил у гданьских и немецких банкиров для ведения войны с Московией.

Поразительны бездумность и безразличие Сигизмунда Августа к нуждам государства. И это в то время, когда политическая ситуация в Восточной Европе становилась все более напряженной.

В 1557 году чуть не началась война Великого Княжества Литовского с Ливонией из-за желания Сигизмунда Августа сделать своего родственника Кристофа* Мекленбургского наместником рижского архиепископа. Против выступил ливонский магистр Генрих фон Гален, который

* Сын сестры Сигизмунда Августа Изабеллы, жены венгерского короля Яна Запольи.

склонил ливонские сословия выбрать коодьютором* рижского архиепископа, своего ставленника, который, став рижским епископом, ликвидирует Орден и сделает Ливонию светским государством вассальным Великому Княжеству Литовскому. Решить конфликт мирным путем не удалось. Новый магистр Вильгельм фон Фюрстенберг под угрозой вторжения войска литвинов, возглавляемого самим Сигизмундом Августом, запросил мира и лично прибыл в Позвол, где находился с войском Сигизмунд Август, и 14 сентября 1557 года заключил союз с Великим Княжеством. Этот союз встревожил Ивана Грозного, и он в 1558 году начал войну с Ливонией. По договору Великое Княжество должно было защищать Ливонию. Но Иван Грозный не хотел слушать о мире и прямо заявил: «Вифлянты испокон веков наши данщики», да еще напомнил, что его «отчина» Смоленск, Киев, Полоцк, Витебск, Волынь и Подолье. Московские войска брали один за одним ливонские города. Новый ливонский магистр Готкард Кетлер просил королевского заступничества. Сигизмунд Август сослался на то, что без совета польских сословий и без «правых причин» не может помочь Ливонии. Тогда Кетлер обратился к Сигизмунду Августу как к великому князю литовскому, обещая за помощь часть Ливонии. По совету Николая Черного Сигизмунд Август согласился. 31 августа 1559 года в Вильно Кетлер подписал с ним договор. Магистр передал Орден под опеку великого князя, т.е. ВКЛ. К договору 15 сентября присоединился и архиепископ рижский. В начале 1560 года войско Великого Княжества Литовского вошло в Ливонию. Одновременно на Ливонию напала Швеция и захватила Ревель. Теперь Великому Княжеству Литовскому нужно было воевать против двух врагов — Московии и Швеции.

Николай Радзивилл Черный. Гравюра 1842 г. с портрета XVI в.

Как тогда требовал договор, Сигизмунд Август заступился за несчастную Ливонию. В январе 1560 года посол Мартин Володкович передал царю Ивану Грозному требование великого князя прекратить воевать с Ливонией: «Иначе я должен буду оружием защищать мою

* Коодьютор — духовная особа, назначенная в помощь епископу в случае, если он не может из-за состояния здоровья исполнять свои обязанности.

Сигизмунд Август принимает присягу от магистра Ливонского ордена Вильгельма фон Фюрстенберга. Гравюра XIX в.

собственность: ибо магистр торжественно назвал себя присяжником Великого Княжества Литовского. Мнимые права Москвы на Ливонию суть новый вымысел: ни отец, ни дед твой, ни ты сам доныне не объявлял их». Понятно, что Иван Грозный не согласился и ответил в духе московских правителей: «Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона* по утвержденным грамотам наших прародителей…». Царь не лгал. Если он считал своей «отчиной» Полоцк, то и претендовал на наследство Полоцкого княжества. А полочане помнили (об этом напомнили паны рады ливонскому магистру Плетенбергу), что «границы державы их расширились по Двине аж до самого моря, что ваш город Рига построен на их земле». И чтобы иметь права на Ливонию, царю надо было захватить Полоцк и тем самым оправдать ее захват.

Сигизмунд Август в июне 1561 года послал Николая Радзивилла в Ригу для заключения нового договора. Радзивилл нарушил свои полномочия и предложил магистру и архиепископу присоединить Ливонию к Великому Княжеству Литовскому, превратив ее в герцогство. Рыцари единодушно решили распустить Орден и выбрали герцогом Кетлера. Согласились на присоединение к Великому Княжеству представители ливонского дворянства, горожане Вольмара и Вендена. Был заключен договор о переходе под власть Сигизмунда Августа Риги. На сейме в Вильно литвинские станы согласились с желанием «земли Лифлянское з иншими паньствы нашими за ровно статися», т.е. присоединиться к ВКЛ. 28 ноября 1561 года ливонские послы и Сигизмунд Август поклялись исполнить договор. Он брал на себя ответственные обязательства, требующие мужества и силы воли. «Сигизмунд обязан вступиться за христиан, утесняемых варварами; он изгонит московитов и перенесет войну в собственную их землю: ибо лучше питаться кровью неприятеля, нежели питать его своею», — говорилось в договоре. Мужества у него хватило принять обязательства, а вот силы воли исполнить их у Сигизмунда Августа не было. Но он бросил вызов судьбе.

«Вступление наше в Инфлянты имеет цель не только добро наших панств, но и целых Инфлянт», — так объяснил он свои действия. 5 мар-

* Ордена меченосцев.

та 1562 года был распущен Ливонский орден. Кетлер стал правителем вассального Великого Княжества Литовского, Курляндского и Земгальского герцогства со столицей Митава. Вся остальная Ливония, кроме захваченной шведами Эстляндии, приняла власть Великого Княжества Литовского. Парадоксально, что самое славное событие в правлении Сигизмунда Августа произошло помимо его воли и желания.

Можно понять гнев Ивана Грозного, когда он узнал о присоединении Ливонии к Великому Княжеству Литовскому. Он решил нанести удар по Полоцку, «на который главным образом и опиралось величие Литвы», как считали современники. В апреле 1562 года московские войска разорили предместья Витебска, Дубровно, Орши, Копыля и Шклова. Сигизмунд Август объявил сбор посполитого рушения. Но шляхта не хотела воевать и требовала заключения унии с Польшей «ради избрания одного государя и одной защиты, чтобы вместе сеймововали и одни права имели». Свидетель писал об этих событиях: «Терпеливый, до этого спокойно снося бремя войны, литовский люд шляхетский охватило какое-то безумство. Образовали военный союз и пожелали от короля объединения с Польшей и освобождения их из рук виленского воеводы (Николая Радзивилла Черного. — *Авт.*), грозя, что в противном случае иначе поступят». Это был бунт шляхты против власти магнатов. Шляхта Великого Княжества хотела равных прав с магнатами, как в Польше, и дать их могла уния с Короной.

Литвинская шляхта была только «братьей молодшей» панов, пыль у их ног. Вот как отзывался о ней Альбрехт Гаштольд, сравнивая польские и литвинские сеймы: «…Сеймы наши проходят совсем иначе: что решит господар и паны рады, то шляхта обязательно принимает к исполнению: мы же приглашаем шляхту на наши сеймы как бы для чести, для того, чтобы все знали, что мы решаем». С такой ролью литвинская шляхта уже не хотела мириться, она хотела иметь свой голос в государстве, как польские шляхтичи.

Из лагеря под Витебском шляхта двинулась к Вильно и стала перед городскими стенами. Через своих послов шляхтичи начали переговоры с Сигизмундом Августом. Шляхту поддержали и мещане, заявившие, что когда паны рады сорвут унию, то они вместе с шляхтичами выступят против них.

Сигизмунд Август не мог проигнорировать требования шляхты, ибо она отказывалась платить военную подать. Он включил вопрос об унии на очередной сейм. Перед Великим Княжеством Литовским стояла дилемма: или быть завоеванным Московией, или стать польской провинцией. Переговоры с Москвой не приносили положительных результатов. Бояре упрекали литвинских послов за то, что литвины вторглись в царскую «отчину» — Ливонию, и заявляли, что и «Литовская земля — вся отчина государя нашего».

Угроза московского нашествия пугала Сигизмунда Августа. Он ясно видел слабость Великого Княжества Литовского. Денег для найма большого войска не было: он давно раздал в залог многие свои владе-

Сигизмунд Август и его свита. 1552 г.

ния и теперь «ходил в долгах». Надежд на «посполитое рушение» не питал. Шляхта больше думала о «золотой вольности», чем о защите государства. Беспокоило короля и отношение православных к войне. Московские князья всегда в войнах с Великим Княжеством Литовским выставляли себя защитниками православия. Несправедливость постановлений Городельской унии о неравенстве политических прав католической и православной аристократии была очевидной. И на просьбу «панов рады наших духовных и светских, княжат, панят, врядников всех земель того паньства нашого отчизного Великого Княжества Литовского» великий князь Сигизмунд Август выдал 7 июня 1563 года в Вильно привилей, которым наделил православных феодалов равными политическими правами с католическими. «Так теж на достоинства и преложеньства всякие, и до рады нашое, и на уряды дворные и земские, не только подданные костелу Римскому от того часу обираны и прекладаны быти мають, але одинако и заровно вси рыцарского стану з народу шляхетского люди веры хрестиянское, яко Литва, так и Русь, кождый водле заслуг годности своее, от нас, господаря, на местца зацные и преложеньства з ласки нашое браны быти мають», — говорилось в привилее. Необходимость в этом акте назрела давно, но предшественники Сигизмунда Августа не решались уравнять политические права православных с католиками и тем самым сохраняли между ними губительное для государства противостояние.

Сам Сигизмунд Август не был религиозным фанатиком. В пост ел скоромное и потешался над ксендзами, его набожность была скорее по-

казной. В то же время он интересовался Реформацией и не препятствовал распространению ее идей в Польше и Литве. Однажды под влиянием Николая Радзивилла Черного даже решил посетить кальвинский храм. По дороге короля остановил доминиканец Киприан, который схватил коня за удила и воскликнул: «Предки вашей милости ездили на молитву другой дорогой, вон той», — и показал на костел. Хоть Сигизмунд Август был правителем католической страны, но не преследовал ни протестантов, ни православных. Его веротерпимость являлась исключительной среди монархов Европы. И он сожалел о религиозных распрях и желал согласия между церквами. Поэтому мог в 1569 году на Люблинском сейме честно сказать: «Да не подумают, чтобы я решился принуждать к вере кого-либо жестокостью или строгими мерами отягощать чью-либо совесть, не такое мое желание, ибо не мое дело созидать веры — это совершается действием Святого Духа». Тем самым подтвердил свое прежнее утверждение: «Я не король вашей совести».

Тем временем русский царь Иван Грозный собрал огромное войско — 280 тысяч воинов и еще 80 тысяч обозных человек (явно фантастические цифры). Огненный наряд состоял из 200 пушек, четыре из них были настолько огромными, что каждую из них тянула тысяча человек. Такой рати не только Полоцк, но и вся Литва не могли противостоять. 15 февраля 1563 года после полумесячной осады и ежедневного артиллерийского обстрела, спасаясь от пожаров, полочане сдались на милость. Милость была хуже немилости: «И воеводу Полоцкого Довойну взяли и з женою его с панею, владыку Арсения, и князей и бояр з жонами и з детьми всех на голову вывел полоном, простых людей всех побил и в полон побрал на корен з жонами и з детьми выпленил», — сообщает летопись о «милости» нового великого князя полоцкого, как начал себя величать Иван Грозный.

Воины Московского царства. Гравюра из книги А. Висковатого «Рисунки одежды и вооружения российских войск». 1830-е гг.

Получив известие о захвате Полоцка, Сигизмунд Август заплакал. Он даже не стал продолжать Петрковский сейм, где должны были обсудить вопрос об унии, и с «гвалтовною поребою» выехал в Литву. На сейме в Вильно решили созвать посполитое рушение и

приняли условия унии с Польшей. Они были такими: единый для Короны и Великого Княжества правитель, выбираемый совместно поляками и литвинами; на общих сеймах решаются дела, которые касаются двух государств, а внутренние вопросы рассматриваются на своих сеймах; все структуры власти сохраняются. Но поляки от такого взгляда на унию отказались — Литва должна была признать себя владением Польши. То, что происходило на Варшавском сейме в начале 1564 года, описал неизвестный шляхтич-литвин: «ижъ панове ляхове дивными розными претекстами хотели, же бы Литву у кабалу записали и в вечную неволю к собе нас взяли». Все старания поляков навязать свои условия встречали дружный протест делегации Великого Княжества во главе с князем Николаем Радзивиллом Черным. А когда он получил сообщение о победе войска литвинов над московской ратью 26 января 1564 года в битве под Уллой, то вовсе отклонил польский проект унии. Тогда поляки насели на слабовольного Сигизмунда Августа, требуя от него высказать свою точку зрения на унию. Он видел унию как объединение Польши и Литвы в одно государство под властью общего правителя и ради этого был готов отказаться от прав на Великое Княжество Литовское в пользу Польского Королевства. Князь Радзивилл Черный протестовал и заявлял, что «тяжело верно служить» господарю, забывшему свою присягу. Сигизмунд Август не внял советам первого своего советника. Теперь он слушал поляков: «Не было ни капли крови польской в государе нашем, только литовская с итальянской смешались, но польское образование притупило его душу, и это Литва на себе почувствует и будет чувствовать, если Бог не смилуется», — так объяснял зависимость от поляков Сигизмунда Августа сын Радзивилла Черного князь Николай Крыштоф Сиротка. И дело не только в польском образовании, а прежде всего в слабости и безволии самого Сигизмунда Августа. Королевское окружение составляли проходимцы, которые потакали его развратным наклонностям. Да он и сам понимал, что является всего лишь коронованной марионеткой. Ничего от него не зависело, ничего он не мог решить. «Да я король, но руки у меня связаны» — горькое признание своего бессилия.

Варшавский сейм закончился ничем — уния не была заключена. Но поляки пошли на подлог, выдали фальшивый рецесс (проект предварительного соглашения), в котором написали, что произошло объединение «двух народов — польского и литовского — в один народ, одно тело, и по этому телу устанавливается одна голова и один правитель и также одна общая рада». Николай Радзивилл протестовал против подлога и не поставил печати Великого Княжества под рецессом. Как он сказал, уж лучше смерть или переход под власть иного монарха, чем такая уния.

Даже такая уступка полякам, как отказ от наследственных прав на Великое Княжество Литовское в пользу Польши и подписание фальшивого рецесса об унии, не смогла заглушить недовольные Сигизмундом Августом голоса. От имени шляхты посол Николай Сеницкий обвинял Сигизмунда Августа в том, что тот мало занимается делами королев-

ства, отчего в Польше расцвели беззаконие, мародерство и совершается разное своевольство. Уже и сенаторы свои споры решают силой и подают этим пример младшим. От неприятелей нет никакой защиты… «Ваша королевская милость нами прославляется, но нас не почитаешь». Единственное, чем мог Сигизмунд Август заслужить хороших слов, то это привести Великое Княжество Литовское к унии, отдать ее Польше. В унии с Литвой поляки видели спасение Польши: «Если утратим Литву (такое большое государство), то придем в значительный упадок».

Паны и шляхта Великого Княжества Литовского нашли выход из сложившегося положения. На сейме в Бельске они одобрили проект нового Статута*, где ликвидировались статьи о наследственных правах великого князя на Великое Княжество, «в котором они, яко люде вольные, обираючи извечных стародавна из своих продков собе панов и господарей великих князей литовских». Сигизмунд Август вынужден был согласиться с этим артикулом, и 1 июня 1564 года выдал привилей: «Утверждаем всим обывателем великого князьства Литовского тот статут новый не только сим нашим привильем, але течж словом нашим господаръским за нас и за вси потомки наши, короли и великие князи Литовские, обывателем здешним шлюбуем, обецуем и прирекаем под тоюж пресегою… боронити и стеречы будем, абы во всем и во всех артыкулах цело тот статут был захован». Он обещал сохранить целостность Великого Княжества, не уменьшать его границ, «складати сеймы вальные». Но его слова и клятвы оказались обманом.

В Великом Княжестве начались конституционные преобразования. Вместо панов рады был создан избираемый шляхтой сенат, а сейм стал законодательным органом. Воеводства были разделены на поветы, в которых вводились поветовые сеймики и выборные суды. Произошла своеобразная шляхетская революция. Магнаты под требованиями «братьи своей молодшой» отказались от судебной власти и признали с ней «одно ровное право». Но политическую власть магнаты не хотели делить со шляхтой, а уния с Короной Польской, где сенаторские должности были выборными, подрывала их гегемонию на власть. Естественно, магнаты выступали против унии, хотя они и потеряли своего лидера — князя Николая Радзивилла Черного. Этот знаменитый государственный муж, к радости шляхты, умер в 1565 году. Но зря шляхта радовалась, поскольку Великое Княжество Литовское лишилось главного защитника своих «свобод». Сигизмунд Август избавился от влияния знатного вельможи и теперь чувствовал себя более уверенно. У него проснулось упрямство Ягеллонов, которые могли соглашаться, подчиняться требованиям магнатов и шляхты, но все равно оставались при своих интересах. «Не надо мне диспутировать … Я так хочу. Если будете добро делать, тогда добро будете иметь», — говорил он теперь.

---

* Работа над ним началась в 1551 году. Как отмечалось в привилее, Статут готовили «особы певные, рады наши, маршалкове, врадники земские, хоружие и иные особы ряду и народу шляхетского, доктори прав чужоземских».

Для поляков выдался шанс привести Великое Княжество Литовское к унии с Польшей. Момент наступил как никогда благоприятный. Московская угроза вынуждала литвинов искать помощи у Польши, хотя они не хотели «невольной унии». Положение литвинов образно показал один анонимный автор в памфлете «Разговор Поляка с Литвином»: «Иван Грозный сидит на нашем горле и душит, а поляки тянут за ноги к себе. И при унии вы не только раздавите нас, но даже разорвете на части». Как он был прав!

Обе стороны — Королевство Польское и Великое Княжество Литовское договорились о совместном сейме, на котором будет заключена уния. Особый интерес к унии проявила папская курия, которая мечтала заполучить под свою духовную власть православных верующих Великого Княжества Литовского. В Польшу приехал папский легат Портикус. За унию настойчиво выступили и польские епископы.

Казалось, литвинам юридически обеспечили независимость Великого Княжества Литовского, ибо в 1566 году новый Статут был введен в действие. В том же году ливонцы на ландаге (сейме) постановили: «В будущем не отделяться от Великого Княжества». И 26 декабря на Городенском сейме была заключена уния между Великим Княжеством Литовским и Ливонией. К Литве были присоединены земли по правому берегу Западной Двины, названные Задвиньем. Но неудачи в войне с Московией осложнили положение Великого Княжества. Во многом виноват в этом был Сигизмунд Август, не проявлявший решительности и мужества. В 1567 году было собрано 60-тысячное войско для освобождения Полоцка, но Сигизмунд Август не повел его в поход, а распустил. Не на поле битвы он чувствовал себя мужчиной, а во дворце, флиртуя с любовницами. «Король думает не о том, как воевать с неверными, а только о танцах и маскарадах», — отмечал московский беглец князь Андрей Курбский. Бывший воевода русского царя сразу увидел эту поразительную разницу между агрессивным и деятельным Иваном Грозным и безвольным и ленивым правителем Польши и Литвы. А Сигизмунд Август простодушно, как ребенок, оправдывался: «Эти соколы [так он называл любовниц. — *Авт.]* не позволяют ни за что взяться, даже если хотел бы». Сигизмунд Август чах на глазах, как физически, так и морально.

Вот так описывал Сигизмунда Августа папский нунций Ругерри, которого он увидел в 1568 году: «Сигизмунд среднего роста, очень щуплый и худой, черноволосый, бороду имеет редкую, лицо смуглое (как почти у всех Ягеллонов). Он кажется не очень сильным, но очень деликатной конституции, поэтому не может выдержать великих трудов и испытаний жизни. Часто страдает подагрой. В жизни придерживается все время однообразного порядка в каждой поре года, но совершенно разного от повсеместно принятого иными людьми. Так в зиму встает в пять часов утра, ест обед в ночи, ужинает днем, идет спать после двух часов после захода солнца. Летом встает в семь, ест обед в одиннадцать, ужинает в двенадцать, идет в ложе в начале третьего. Ест очень мало, пьет очень часто, так, что только сядет к столу, уже начинает пить, но употребляет маленькие келихи. Пьет в основном крепкое венгерское вино

без воды. Не пьет никогда пиво, как иные поляки. Ест все время один, находясь на охоте, на пирах и других веселых сборищах. Раньше очень любил ездить конно и охотиться, но теперь возраст и подагра лишили его этого наслаждения… Общение его очень милое и обаятельное, характер далекий от суровости, но постоянный и независимый от своих желаний и решений… Говорит не только по-польски, но и на латыни, по-итальянски и по-немецки. Каждым из этих языков владеет свободно. Но в разговоре не красноречив, потому что скрытный, осторожный и недоверчивый. В переговорах проявляет необыкновенные способности, потому, что в своих ответах выражается так двусмысленно, что каждый раз может придать и противоположное значение и легко его поменять, что имеет целью не отнимать никогда надежды у тех, с кем общается. Если бы король был частным человеком, имел бы больше возможности в размышлении или удовольствиях жизни, в которых мысль отдыхает, а не работает».

Читаешь эти слова и думаешь, что Сигизмунд Август был человеком, любившим пожить в свое удовольствие, но волею судьбы оказался монархом. Не было у него амбициозных планов, не мнил он себя великим и чувствовал себя счастливым среди своих книг и картин и в объятиях любовниц. Образованность и любовь к искусству считал достоинством монарха, его главной силой. В письме к английской королеве Елизавете он писал о невежестве Ивана Грозного: «До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств». Но образованный Сигизмунд Август был лишен целеустремленности и энергии действия, присущих Ивану Грозному, предпочитая плыть по течению жизни, отдав себя, как ветру, в угоду судьбе. Политика приносила ему огорчения, а государственные дела были в тягость. Не любил создавать себе проблем, терпел огорчения, не спешил с решениями, боясь принимать ответственность за их неудачи. Такое впечатление, что он терпеливо принимал предназначенное ему Богом. «Твердость терпением ломал», — говорили о Сигизмунде Августе. И может быть, в душе он был против унии, но понимал, что ее избежать невозможно, и подчинился неизбежному. В иной жизни он был бы благородным и щедрым покровителем искусства или светской звездой, но на свое несчастье был рожден монархом и должен был делать противное его душе — править.

Поляки наседали на Сигизмунда Августа, требуя привести Великое Княжество Литовское к унии. Поэтому он обещал литвинам, что уния будет заключена со «згоды братское» и поклялся сохранить все права Великого Княжества и его целостность, только б добиться их согласия.

В январе 1569 года литвины направили на сейм в Люблин делегацию с наказом: «Абы не от старых списов, але з милости братеское знову унею становили». Каким было разочарование поляков, когда жемайтский староста Ян Ходкевич от имени делегации ВКЛ сообщил: «Мы желаем, чтобы при заключении унии были сохранены наши права и статуты». Поляки требовали заключить унию на основе старых актов и фальшивого Варшавского рецесса. Но литвины не признавали права Ягайло на присоединение Великого Княжества к Короне, потому что он

М. Цюнд, Г. Аделгауер. Фрагмент гравюры «Вид Городно». 1568 г.
На гравюре изображена сцена встречи подканцлером
Остафием Воловичем русского посольства боярина Федора Колычева

был избранным правителем и не мог самостоятельно решать судьбу государства. Не признавали они и Варшавский рецесс. С литвинами было не договориться, и поляки ухватились за последнюю надежду — за короля Сигизмунда Августа. Пусть он любыми способами, своей властью вынудит литвинов к унии. Сигизмунд Август послушно согласился: «Я рад сделать все, что ваша милость сенаторы, а также рыцарство будете мне советовать». Они добились своего: «Его милость исполнит нашу просьбу» — обрадовались поляки. Сигизмунд Август дал им полную волю: «Не покидайте из внимания ни одного средства, которым можно было бы довести до конца унию». И поляки уже не стеснялись, не пустили делегацию Великого Княжества Литовского к королю. Стало ясно, что на Великое Княжество накидывают путы неволи. Ночью 1 марта делегация ВКЛ покинула Люблин. Королю представили этот отъезд как большое бесчестье: литвины выставили его на смех перед всем светом. Сигизмунд Август, забыв, что сам выдал литвинам привилей на свободный отъезд с сейма, заявил об оскорблении его королевской власти и Короны Польской. «Что мне посоветует рада и коронное рыцарство, так и сделаю… ничего не пожалею, не сделаю никаких уступок», — по-

обещал Сигизмунд Август. Обрадованный тем, что король «продал им свою совесть и свою душу», поляки горячо начали обсуждать судьбу Литвы. Ненависть к литвинам, которых объявили самыми страшными врагами, отняла у многих разум. Предлагалось привести Великое Княжество Литовское к унии оружием, забрать у него Волынь и Подляшье, присоединить к Польше Ливонию, отменить литвинские сеймы и уряды, дать Великому Княжеству вместо герба «Погоня» польский, а Литву назвать Новой Польшей. Словом, от Великого Княжества не должно было остаться даже и названия. Поляки не изменили своей позиции; разговоры о «братской любви» к литвинам оказались лицемерием. Посол Сеницкий, рупор шляхты, кричал, что для Великого Княжества «не письма, не мандаты, а корды* нужны».

На открытую войну с Великим Княжеством король и великий князь Сигизмунд Август не решился, но 12 марта он выдал универсал о переходе к Польскому королевству Волыни, Подляшья и Брацлавского Подолья. Узнав о передаче этих земель, литвины хотели начать войну с Польшей, но благоразумие удержало их от опрометчивого шага. В Люблин срочно выехала делегация Великого Княжества во главе с Яном Ходкевичем. Литвины протестовали против присвоения Польшей ее земель. Они не отказывались от унии, но требовали, чтобы «две Речи Посполитые соединились братством и чтобы одна не осуждалась на гибель ради другой». Естественно, поляки и слушать про это не хотели и даже не пустили делегатов ВКЛ к королю. «Все сенаторы считают литвинские просьбы незаконными и ненужными», — говорили они. А польская шляхта уже не церемонилась: «Пусть литвины присягают, что приняли все наши постановления». Сигизмунд Август полностью поддерживал поляков. Советовали они отобрать у Великого Княжества еще и Киев. Король согласился, что опасно оставлять Великому Княжеству Киев и необходимо «для удержания литвинов под властью окружить их своими укреплениями и землями». Киевская земля была «подарена» Польской Короне. В королевском универсале от 5 июня присвоение Киева объяснялось тем, что эти русские земли издавна принадлежали Польше. Шляхта начала уже говорить, что Польше издавна принадлежали Троки и Вильно. Литвины протестовали, а поляки представили королю их протест как унижение его королевского достоинства, польского сената и шляхты. Сигизмунду Августу даже пришлось гасить страсти поляков: «Когда по правде, то литвины не могут не гневаться: беда их нелегкая — у них оторвали крылья, но вы, ваша милость, требуете своего». Посольская Изба вообще просила не обсуждать условий и предложений литвинов.

В конце концов и Сигизмунд Август не выдержал очередной наглости польской шляхты и прикрикнул на их послов. Они после обсуждения согласились на сохранение Великого Княжества и отдельных от Короны урядов, но отказывались оставить государственную печать, ибо она будет означать, «что у нас два государства, две Речи Посполитые».

Не могло быть согласия и единения между народами при такой «братской любви». И падение Великого Княжества и Польского Коро-

---

* Кинжалы.

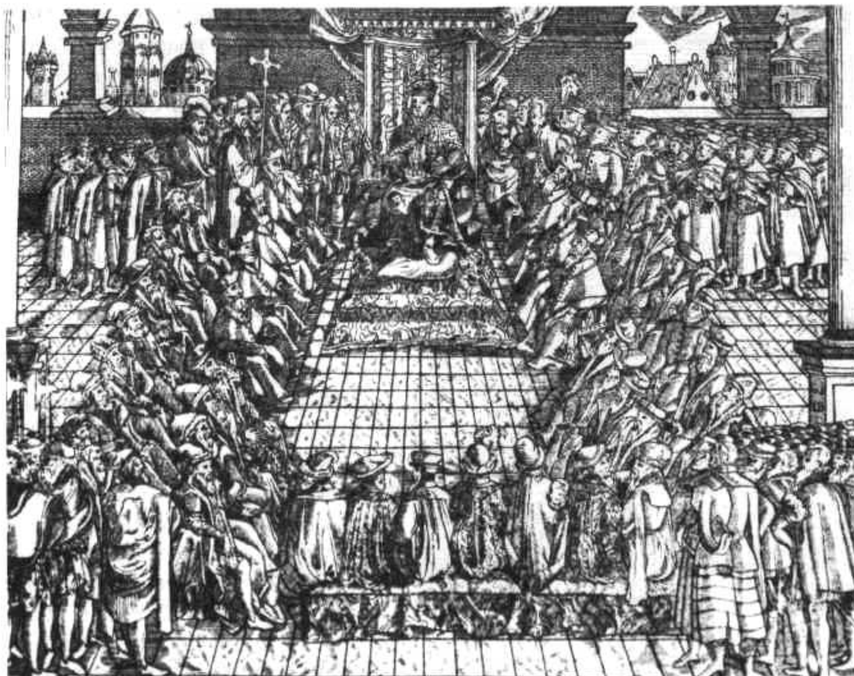
левства — их общей Речи Посполитой — началось именно в Люблине. Только тогда еще никто этого не мог предвидеть. Никто? А может, это предвидел сам Сигизмунд Август? На сейме он сказал пророческие слова: «Когда не желаете согласиться на две печати, то увидите, что будет еще хуже. Я этого уже не увижу. Зло это выяснится при другом короле, но говорю, что желаете вы худшего на долгую память». Но и он сам был творцом этого зла, настояв, чтобы делегаты Великого Княжества приняли польские условия. И они исполнили волю своего правителя, ставшего могильщиком своего и их государства.

И вот 27 июня 1569 года наступил день заключения унии. Ян Ходкевич, выступавший от имени делегации Великого Княжества, горько признался: «Мы уступаем, но мы уступаем не какому-нибудь декрету, а воле Вашей Королевской Милости, как исполнителя законов и общего государя, которому мы все присягали». Сигизмунд Август ссылался на Божию волю: «Я уверен, что Бог дал мне в этом деле такое понимание, которое я тут исполняю, и я обязан исполнять и, получив такое понимание, я веду вас до угодного Богу. На это была Божия воля, и он сам вот это делал и учинил это дело, ибо, когда не было его воли, тогда бы мы не пришли к унии». То воля Божия, а вот воля господарская: «Исполните желание чинов коронных, несмотря ни на что», — указал король литвинам. Уния была заключена. По воле своего государя литвины «на все согласились».

В акте унии было записано: «Корона Польская и Великое Княжество Литовское есть одно нераздельное и неотдельное тело, а также не отдельная, а одна Речь Посполитая, которая из двух государств и народов в один народ слилась и соединилась. А поэтому обоим народам будет на вечные времена одна голова, один государь и один король». А значит, одно правительство, один сенат, один сейм, одна печать, одни деньги. Литвины отстояли только титул великого князя литовского, хотя отменялись отдельное избрание и церемония возведения великого князя на престол, сохранялись отдельные от Польши уряды, войско и суд. В Великом Княжестве продолжал действовать свой Статут, а значит — свои законы.

1 июля акт Люблинской унии был обнародован. Этот день стал днем рождения нового государства — Речи Посполитой — федеративного союза Королевства Польского и Великого княжества Литовского (теперь после отхода русских [украинских] земель оно уже не называлось Русским). И грозным предупреждением прозвучали слова первого правителя Речи Посполитой Сигизмунда Августа: «Старайтесь о том, чтобы в государствах не слышалось, как раньше, плача и стонов, ибо когда в них не будет справедливости, они не только долго не продержатся, но Бог свергнет их». История, как выяснилось позже, подтвердила пророческие слова Сигизмунда Августа. А иначе и не могло быть, ибо «неустойчиво все, что творится насилием», — как напомнил он на открытии сейма. А уния и творилась насилием.

Враждебность и ненависть к «ляхам» овладели литвинами: «Не дай Бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову». Литвины упорно требовали возвращения присвоенных Польшей земель. Но Сигизмунд

Я. Гербурт. Люблинский сейм. 1570 г.

Август не мог отменить свои привилеи о присоединении к Польскому Королевству Волыни, Подляшья и Киева. Он, как обычно, уклонился от решения проблемы. «Хоть могли это доказать, что такой смелости не допустили б, руководить собой, но вершинство и положение наше от Господа Бога по справедливости святой не допускает нам за насилие насилием отвечать», — говорил король. Все же он понимал несправедливость Люблинской унии для Великого Княжества Литовского и хотел присоединить к нему Мазовию. Но Сигизмунд Август в последние годы своей жизни полностью попал под власть придворных, которые, пользуясь королевской слабостью, водили его «рукой по документам». Король плакал: «Я не знаю что вы даете мне подписывать! Я подпишу — и сколько заботы будет с этого! До чего вы меня довели». Ясно, что Мазовию поляки не позволили бы передать Великому Княжеству Литовскому, даже при огромном желании Сигизмунда Августа. Да и он был более занят решением своих сердечных дел.

В это время Сигизмунд Август увлекался новой любовницей — Барбарой Гижанкой, дочерью варшавского городского советника Яна Гижа. Ради нее он удалил со двора двух прежних любовниц — Зузану Орловскую и Анну Зяйчковскую (от последней он имел внебрачную дочь). Возможно, проявилась его болезненная, не прошедшая с годами любовь к Барбаре Радзивилл, ибо Гижанка красотой напоминала ему любимую.

Т. Третер. Совет Сигизмунда Августа с польскими сенаторами на Люблинском сейме. 1588 г.

Королевский дворянин Николай Мнишек в конце 1570 года выкрал Гижанку из монастыря и доставил ее ко двору. Впрочем, король не делал тайны из нового увлечения, благо королева Екатерина покинула его и жила в Линзе, и он мог свободно предаться своим утехам. Вскоре Гижанка 8 сентября 1571 года родила дочь, которую назвали Барбарой. Обрадованный Сигизмунд Август подарил любовнице 20 000 злотых и даже воспрял духом в надежде, что со временем родиться и наследник. Казалось, что эта надежда может сбыться, когда 28 февраля 1572 года умерла королева Екатерина и Сигизмунд Август освободился от семейных уз. Ходили слухи о желании короля жениться на Гижанке. Хоть на любовные слабости его и закрывали глаза, но все же раздавались голоса осуждения. Посол от шляхты риторично вопрошал на сейме: «Кто из вас, сенаторы, действительно выступил против этого тирана? Кто из вас словом или хоть бы жестом одним отважился осудить его омерзительные поступки? Нет, никто не отважился открыть уст. Вам и нам всем одел он удила». Но ни воли, ни сил бороться за свою любовь у стареющего короля не было. Да и он сам понимал, что ему не позволят жениться на Гижанке. Нунцию Коммендоне он говорил: «Мой, ксендже, удивляюсь, что таким басням веришь. Я видя, что не могу распорядиться, сношу терпеливо мое огорчение». Но от своей любовницы не отвернулся, миловал ее и ублажал. Дал во владение два местечка и завещал еще 13 тысяч дукатов. После его смерти Гижанка вышла замуж за князя Михаила Воронецкого, который удочерил внебрачную дочь короля. Барбара стала женой писаря королевской казны Якуба Завадского. Умерла она бездетной 5 июня 1615 года, а с ней и закончился род Ягеллонов.

Чувствуя, что силы покидают его, Сигизмунд Август задумался о будущем созданного им государства. Отсутствие наследника могло привести к упадку Речи Посполитой . Так литвины уже в 1570 году отправили посольство к Ивану Грозному с известием: «Ради государств наших Короны Польской и Великого Княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если Господь Бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады… желают избрать себе государя из славянского рода по воле, а не в неволю, и склоняются

к тебе, великому Государю, и к твоему потомству». Это было бы личной трагедией Сигизмунда Августа, если бы преемником стал его враг Иван Грозный. За два месяца до своей смерти Сигизмунд Август встретился с Коммендоне и обсудил с ним кандидатуры своих преемников: Максимилиана Габсбурга, Иохана Вазы, женатого на его сестре Екатерине, брест-легницкого князя Фредерика и французского принца Генриха Валуа. Кандидатура Ивана Грозного даже не рассматривалась.

Предвидя страшные события после своей смерти Сигизмунд Август завещал выбрать правителем Речи Посполитой Генриха Валуа, в своем завещании призывал народы Речи Посполитой жить в братской любви и согласии между собой: «После спасения души нашей всего пламеннее желаем и просим у Бога одного: да сохранится Речь Посполитая такою же, как приняли мы ее от наших предков, т.е. в целости, покое, доброй славе. А ничто не может соблюсти ее в целости, кроме согласия, взаимной любви, братства, единодушия». Политическое завещание Сигизмунда Августа не было выполнено, а то, что он мог сделать при жизни, не сделал. «Король Завтра» умирал, видимо, понимая, что откладывая дела на завтра, так и растратил прожитые годы. Он мог признать, если что и совершил, то это не завершил. Судьба, казалось, посмеялась над ним. Наделила его монаршей властью и сделала невольником своих же подданных. «Долго ли я буду в этой неволе?» — как-то спрашивал он у сейма. Оказывается, всю жизнь, и только смерть принесла ему избавление от этой неволи. Она вошла в его дворец в Кнышин, где он прятался от эпидемии. Король предчувствовал ее близость, и свои последние силы потратил на то, чтобы спрятать драгоценности и хоть что-то оставить своим сестрам.

Оставил им Сигизмунд Август и свою уникальную коллекцию гобеленов, и то в пожизненное владение. «...Тогда все наследие их высочеств, отписанное Короне Польши и Великому Княжеству Литовскому, как единой Речи Посполитой, только ко всенародному владению и никому другому отдаем и описываем», — завещал Сигизмунд Август. Вот и все, что смог оставить своему государству его правитель. Но сестры увезли его наследие в страны своих мужей-королей в Швецию и Венгрию. В Польше осталась малая толика богатств Сигизмунда Августа. Много похитили из дворца королевские придворные, тот же поверенный короля в его амурных делах Николай Мнишек, который сказочно разбогател на них. Хоронить короля не было за что, пришлось сенату брать взаймы деньги на похороны.

7 июля 1572 года смерть забрала последнего Ягеллона. Не словами благодарности проводили подданные своего правителя, а облегченным вздохом окончился плен вавилонский.

То, чего не хотели признать при жизни польского короля и великого князя литовского Сигизмунда Августа, признали после его смерти, назвав его «отцом Отчизны», за которым «Корона эта, находясь в долгом покое, действительно расцвела». И этого хватило, чтобы Речь Посполитая просуществовала еще два столетия.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры. Мінск, 2003.

2. Беларускія летапісы і хронікі. Мінск, 1997.

3. Бычкова, М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. / М.Е. Бычкова. М., 1996.

4. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. М., 1988.

5. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2006.

6. Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Ян Длугош. М.-Л., 1962.

7. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. Минск, 2011.

8. Думин, С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) / С.В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991.

9. Ермаловіч, М.І. Па слядах аднаго міфа / М.І. Ермаловіч. Мінск, 1989.

10. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагрудскі перыяд / М.І. Ермаловіч. Мінск, 1990.

11. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М.І. Ермаловіч. Мінск, 1994.

12. Ермаловіч, М.І. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.І. Ермаловіч. Мінск, 2000.

13. Зимин, А.А. Россия на пороге нового времени / А.А. Зимин. М., 1972.

14. Зинкевичюс, З. Восточная Литва в прошлом и настоящем / З.Зинкевичюс. Вильнюс, 1996.

15. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. М., 2003.

16. Краўцэвіч, А.К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага / А.К. Краўцэвіч. Мінск, 1998.

17. Кром, М.М. Россия и Великое княжество Литовское: два пути в истории / М.М. Кром. СПб., 2000.

18. Кром, М.М. Меж Русью и Литвой / М.М. Кром. М., 1995.

19. Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. Минск, 1990.

20. Міндоў. Кароль Літовіі ў дакументах і сьведчаньнях. Мінск, 2005.

21. Нарысы гісторыі Польскай дзяржавы і народа. Варшава, 2006.

22. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.

23. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV—XVII вв. / В.И. Пичета. М., 1961.

24. Послания Гедемина. Вильнюс, 1966.

25. Полное собрание русских летописей. М., 1962—1980.

26. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. Кн. 2. М., 1988.

27. Тарас, А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV—XVII веках / А.Е. Тарас. Москва—Минск, 2006.

28. Урбан, П. Старажытныя ліцьвіны / П. Урбан. Мінск, 2001.

29. Чаропка, В. Уладары Вялікага княства / В. Чаропка. Мінск, 2002.

30. Чаропка, В. Імя ў летапісе / В. Чаропка. Мінск, 2003.

31. Чаропка, В. Паходжанне і радавод вялікіх князей Літоўскіх / В. Чаропка. // Беларускі гістарычны часопіс. 2001 № 5—6. 2002 № 1.

32. Широкорад, А.Б. Русь и Литва: Гедиминовичи против Рюриковичей / А.Б. Широкорад. М., 2004.

33. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо. Мінск, 1991.

34. Dlugocz, J. Roczniki czyli kroniki Slawnego Krolewstwa Polskiego / J. Dlugocz. Warszawa, 1981—1985.

35. Duczmal M. Jagiełłonowie / M. Duczmal. Kraków, 1996.

36. Kuchowicz, Z. Barbara Radziwiłłówna / Z. Kuchowicz. Lodz, 1976.

37. Kuczyński, S. Król Jagiełło / S. Kuczynski. Warszawa, 1987.

38. Ochmanski, I. Historia Litwy / I. Ochmanski. Wrocław—Warszawa— Krarów, 1990.

39. Poczet królów i książat polskich. Warszawa, 1980.

40. Wdowiszewski, Z. Genealogia Jagiełłonow / Z. Wdowiszewski. Warszawa, 1968.

41. Wojciechowski, Z. Zygmunt Stary (1506—1548) / Z. Wojciechowski. Warszawa, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Чаропко Витовт (Черепко Виктор Кузьмич)

**ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО**

Редактор *С.И. Михайлова*
Художественный редактор *В.Г. Павловец*
Дизайн обложки *А.Г. Звонарева*
Технический редактор *Ж.М. Боровская*
Корректоры *Л.К. Семенова, Т.Б. Давидовская, Ю.Н. Уланова*

Подписано в печать 27.02.2012. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 1800 экз. Зак. 526.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь».
ЛИ № 02330/0494065 от 03.02.2009.
Проспект Победителей, 11, 220004, Минск.

Филиал № 1 открытого акционерного общества «Красная звезда».
ЛП № 02330/0494160 от 03.04.2009.
Улица Советская, 80, 225409, Барановичи.

ISBN 978-985-01-0959-0

Издательство «БЕЛАРУСЬ»